

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

ФИЛОСОФСКИЙ И
ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

5

Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Митин М. — Природа пролетарского государства и пути его укрепления . . .	1
Широков И. — Марксизм в изображении социал-фашистов	27
Вышинский П. — Подготовка новой войны за ширмой социал-фашистского па- цифизма	40
Деборин А. — Германский фашизм и СССР	66
Перрен Ф. — Структурные элементы атомного ядра	84
Тимирязев А. — Волна идеализма в современной физике на Западе и у нас . .	94
Максимов А. — О механицизме и марксизме в естествознании	120
От редакции	178
Ческис Л. — Джозеф Пристли, английский материалист XVIII в.	174
Пиков В. — У истоков эмпиризма (Философия Мишеля Монтэна)	195
Золотарев А. — Буржуазная этнография и вопрос о первобытном коммунизме .	208

БИБЛИОГРАФИЯ

Волков Н., Илбинский И. — Первый опыт („Архив истории науки и техники“, выпуск I)	285
--	-----

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

Отклики читателей	240
-----------------------------	-----

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

ФИЛОСОФСКИЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

1933 г.

СЕНТЯБРЬ — ОКТЯБРЬ

№ 5

СОДЕРЖАНИЕ:

Митин М. — Природа пролетарского государства и пути его укрепления (1). Широков И. — Марксизм в изображении социал-фашистов (27). П. Вышинский. — Подготовка новой войны за ширмой социал-фашистского пацифизма (40). Деборин А. — Германский фашизм и СССР (66). Ф. Перрен. — Структурные элементы атомного ядра (84). Тимирязев А. — Волна идеализма в современной физике на Западе и у нас (94). Максимов А. — О механицизме и марксизме в естествознании (124). От редакции (173). Ческие А. — Джозеф Пристли, английский материалист XVIII века (174). Пиков В. — У истоков эмпиризма (философия Мишеля Монтэна) (195). Золотарев А. — Буржуазная этнография и вопрос о первобытном коммунизме (208). БИБЛИОГРАФИЯ. Возков Н., Ильинский И. — Первый опыт («Архив истории науки и техники», вып. 1) (235). Сообщения и заметки. Отклики читателей (240).

Природа пролетарского государства и пути его укрепления

М. Б. Митин

I

Шестнадцатую годовщину Октябрьской революции пролетариат и трудящиеся нашей страны встречают огромными, поистине мирового исторического масштаба успехами в деле построения бесклассового социалистического общества. В 1918 г., через несколько месяцев после Октября, анализируя экономику страны, Ленин указывал, что у нас имеется 5 общественно-экономических укладов: а) патриархальный — в значительной степени натуральное хозяйство, б) мелкое товарное производство, в) частнохозяйственный капитализм, г) государственный капитализм и д) социализм. Далее Ленин указывал, что в нашей мелкокрестьянской стране преобладает мелкобуржуазная стихия. Этот анализ нашей экономики Ленин повторил и в 1921 г. в своей брошюре «О продовольственном налоге».

К шестнадцатой годовщине Октябрьской революции лицо нашей страны коренным образом изменилось: капиталистические элементы пущены пролетарской диктатурой ко дну, кулачество как класс в основном ликвидировано, мелкотоварный сектор нашего хозяйства в своей основной массе перестроен, мы стали первой в мире страной крупного сельскохозяйственного производства, в деревне победил колхозный строй. Мы находимся в периоде социализма и ставим перед собой конкретную задачу — к концу второй пятилетки полностью ликвидировать капиталистические элементы и классы вообще, построить бесклассовое социалистическое общество. На гигантском исто-

рическом опыте получила проверку марксистская теория и главное в марксизме—теория диктатуры пролетариата.

Гениальное учение основоположников марксизма Маркса и Энгельса о диктатуре пролетариата, продолженное и развитое Лениным и Сталиным, получив претворение в жизнь, обнаружило всю свою мощь. Пролетариат как господствующий класс, показал, какие силы уничтожения старого и построения нового таятся в нем. Пролетарская революция, как локомотив истории, необычайно ускорила весь ход исторического развития.

В своей статье «К истории вопроса о диктатуре» (кстати сказать, совершенно недостаточно использованной работниками теоретического фронта в деле изучения разработки и пропаганды ленинизма) Ленин писал:

«Вопрос о диктатуре пролетариата есть коренной вопрос современного рабочего движения во всех без исключения капиталистических странах. Для полного выяснения этого вопроса необходимо знать его историю. В масштабе международном история учения о революционной диктатуре вообще и о диктатуре пролетариата в частности совпадает с историей революционного социализма и специально с историей марксизма. Затем—и это, разумеется, самое важное—история всех революций угнетенного и эксплуатируемого класса против эксплуататоров является самым главным материалом и источником наших знаний по вопросу о диктатуре. Кто не понял необходимости диктатуры любого революционного класса для его победы, тот ничего не понял в истории революции или ничего не хочет знать в этой области»¹).

Отсюда понятно, какое огромное значение имеют вопросы правильного понимания существа, характера и природы диктатуры пролетариата, вопросы правильного понимания задач и путей ее дальнейшего укрепления. Совершенно ясно, что это вопросы огромной политической и принципиальной важности. Надо сказать, что ими занимаются в буквальном смысле слова миллионы людей в нашей стране, с одной стороны, практически участвуя в строительстве пролетарского государства, в строительстве социализма и вместе с тем изучая теоретически марксизм-ленинизм, изучая главное в нем—учение о диктатуре пролетариата. Всякие неясности, неточности в понимании этого вопроса, всякие ошибки какого бы то ни было порядка сейчас же используются всеми теми, кто против укрепления диктатуры пролетариата, кто стремится ослабить ее мощь и силу.

Главное в марксизме-ленинизме—это учение о диктатуре пролетариата. Огромнейшая историческая заслуга т. Сталина состоит в том, что он в борьбе с троцкистско-зиновьевской оппозицией, в борьбе с правым оппортунизмом, со всякого рода социал-фашистскими и меньшевистскими теориями, разрешая практические и теоретические задачи, встающие в ходе социалистического строительства, развивая учение Ленина, особенно заострял вопрос о диктатуре пролетариата как о главном в учении марксизма-ленинизма.

Тов. Сталин, развивая ленинизм, подчеркивал, что крестьянский и национально-колониальный вопрос есть только часть, только производное по

¹) Ленин, Собр. соч., т. XXV, стр. 431.

отношению к основному вопросу — к учению о диктатуре пролетариата; что крестьянский и национально-колониальные вопросы — это вопросы о союзниках пролетариата, о том, как пролетариат, руководя трудящимися массами крестьянства и национально-революционным движением в колониях, разрешает задачи, которые стоят перед ним в деле борьбы за пролетарскую диктатуру. Уделяя особое внимание развитию марксистско-ленинского учения о диктатуре пролетариата, т. Сталин указывает на значение, решающую роль коммунистической партии. Выясняя основы ленинизма, международное значение ленинского учения в целом, ленинского учения о партии в частности, т. Сталин особо подчеркивает, что в новую историческую эпоху, которая началась с конца XIX—начала XX века, когда перед пролетариатом встала задача прямой и непосредственной борьбы за диктатуру пролетариата, нельзя думать о завоевании ее, нельзя ставить проблему уничтожения капитализма, свержения капиталистического господства без создания партии нового типа в отличие от зараженных оппортунизмом партий II интернационала. Без этого нельзя было серьезно ставить проблему создания диктатуры пролетариата.

Основные идеи Маркса и Энгельса о диктатуре пролетариата развил в новую историческую эпоху Ленин. Главное, что внес здесь Ленин, как показал т. Сталин, заключается в том, что он открыл советскую власть как государственную форму диктатуры пролетариата. Это открытие происходило у Ленина на основе глубочайшего анализа и изучения как опыта Парижской коммуны, так и опыта нашей революции, революции 1905 и 1917 гг. Далее, как указывает т. Сталин, Ленин раскрыл скобки в этой формуле диктатуры пролетариата, поставив вопрос о союзниках пролетариата в его борьбе за свержение капитализма, за построение бесклассового коммунистического общества.

«Диктатура пролетариата,— говорил Ленин,— есть особая форма классового союза между пролетариатом, авангардом трудящихся, и многочисленными непролетарскими слоями трудящихся (мелкая буржуазия, мелкие хозяйчики, крестьянство, интеллигенция и т. д.) или большинством их, союза против капитала, союза в целях полного свержения капитала, полного подавления сопротивления буржуазии и попыток реставрации с ее стороны, союза в целях окончательного создания и упрочения социализма. Это — особого вида союз, складывающийся в особой обстановке, именно в обстановке бешеной гражданской войны, это союз твердых сторонников социализма с колеблющимися его союзниками, иногда с «нейтральными» (тогда из соглашения о борьбе союз становится соглашением о нейтралитете), союз между неодинаковыми экономически, политически, социально, духовно классами»¹⁾.

Ленин указывал, что диктатура пролетариата — это власть, опирающаяся непосредственно на насилие трудящихся масс, возглавляемых пролетариатом, над эксплуататорами. Диктатура пролетариата — это революционная власть, завоеванная и поддерживаемая насилием пролетариата над бур-

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. XXIV, стр. 311.

жуазией. Вот именно эта сторона ленинского учения, начиная с 1918 — 1920 гг. вплоть до настоящего времени, особенно подвергалась критике со стороны социал-демократии, социал-фашизма.

Известно, что Каутский, выступая против учения о диктатуре пролетариата, считал это случайно оброненным словечком у Маркса. Не останавливаясь подробно на изложении каутскианской точки зрения, разберём вкратце методологию социал-фашистского извращения марксизма по вопросу о государстве. Ленин указывал, что Каутский здесь, как и вообще во всех вопросах, является великим мастером эклектики. Марксову диалектику в вопросе о диктатуре и демократии Каутский заменил эклектикой и софистикой. Демократия и диктатура — это, по Каутскому, понятия «чистые», т. е. лишённые классового содержания и друг другу абсолютно противоречащие. Там, где есть демократия, там нет и не может быть ничего, связанного с диктатурой. На основании этой точки зрения он и развивал теорию «чистой» демократии. Ленин до конца разоблачил эту либеральную, буржуазную теорию чистой демократии. Ленин указывал, что фактически жизнь даёт действительно, реально существующее жизненное «противоречие», состоящее в том, что диктатура необязательно означает в то же время уничтожение демократии для того класса, который осуществляет эту диктатуру. Диктатура пролетариата означает одновременно и пролетарскую демократию, означает новый, высший тип демократии, в то время как буржуазная демократия означает вместе с тем диктатуру буржуазии, диктатуру олигархической верхушки, диктатуру финансового капитала. Ленин указывал, что буржуазная демократия представляла собой прогресс по сравнению со средневековьем, по сравнению с феодализмом и что действительная диалектика исторического процесса состоит в том, что средневековье и феодализм сменяются буржуазной демократией, буржуазная демократия через пролетарскую революцию, при помощи пролетарской революции, сменяется пролетарской демократией, и дальнейшее движение идет от пролетарской демократии к никакой. Вот эта подлинно диалектическая постановка вопроса о демократии и диктатуре пролетариата, данная Лениным еще в «Государстве и революции», в «Удержат ли большевики государственную власть» и в особенности в работе «Пролетарская революция и ренегат Каутский», как и в целом ряде других его работ, показывает глубокое применение им классовой точки зрения, классовой позиции ко всем этим проблемам. Эта точка зрения должна быть одним из важнейших исходных пунктов для разрешения всяких проблем, связанных с выяснением природы пролетарского государства.

Насилие в отношении к эксплуататорам есть одна из сторон диктатуры пролетариата. Возьмем в связи с этим три основных стороны диктатуры пролетариата, о которых неоднократно писал т. Сталин в своих работах. Диктатура пролетариата есть, указывал т. Сталин, во-первых, неограниченное законом насилие по отношению к капиталистам и помещикам, подавление их как внутри страны, так и отпор интервенции извне. Во-вторых, руководство пролетариата в отношении крестьянства. В-третьих, строительство социализма в отношении всего общества. Ни одна из сторон диктатуры пролетариата

не может быть исключена без ущерба для ясности понятия диктатуры пролетариата. Только все эти стороны, вместе взятые, указывал т. Сталин, развивая ленинизм, дают нам ясное представление о существе и характере пролетарского государства, полное и законченное определение диктатуры пролетариата.

Как известно, отрыв или разрыв между экономикой и политикой—один из важнейших грехов, характерных для теоретиков социал-фашизма, характерных для всякого уклониста и оппортуниста, отходящего от генеральной линии партии. В положениях т. Сталина о трех сторонах диктатуры пролетариата с глубочайшей ясностью выражено учение Ленина о единстве экономики и политики в эпоху диктатуры пролетариата, то значение, которое имеет политическое руководство со стороны пролетарского государства трудящимися массами крестьянства, то значение, которое имеет для развития пролетарской диктатуры партия как орудие диктатуры пролетариата, как ее основная, руководящая, направляющая сила. В этом учении о трех сторонах пролетарской диктатуры выражена программа, которая стоит перед диктатурой пролетариата, по использованию власти пролетарского государства для окончательного и полного подавления эксплуататоров, для расширения борьбы за оборону страны, за укрепление связи пролетариата страны пролетарской диктатуры с пролетариатом других стран в целях уничтожения капитализма в этих странах.

Что означает руководство пролетариата по отношению к крестьянству? Это есть, как неоднократно писали в своих работах Ленин и Сталин, развивая этот вопрос, использование всей мощи, всей силы пролетарской диктатуры для окончательного отрыва трудящихся, эксплуатируемых масс от буржуазии, для упрочения союза с ними, для вовлечения этих широчайших трудящихся масс в дело социалистического строительства, для перевода их на социалистический путь развития и вместе с тем использование власти диктатуры пролетариата для осуществления в этом союзе руководства со стороны пролетариата. Действительно, нельзя оторвать ни одной части из этих определений, ибо тот, кто берет только одну сторону, тот конечно отступает от существа марксистско-ленинского учения о диктатуре пролетариата. Только все эти стороны, вместе взятые, дают полную картину сущности процесса развития экономики и политики в переходный период, дают понимание той роли и значения, которое играет политическая надстройка в лице пролетарского государства, дают представление о тех задачах, которые стоят перед диктатурой пролетариата в деле уничтожения классов, дают представление о природе пролетарской диктатуры.

Ленин и Сталин всегда с особой силой подчеркивают тот факт, что диктатура пролетариата является высшим типом демократии, высшей формой демократии, именно пролетарской демократии. Говоря о нашем государственном аппарате, об аппарате пролетарской диктатуры, т. Сталин писал о том, что «мы должны стараться «удешевить» наш государственный аппарат, делая его родным и близким миллионным массам трудящихся, изгоняя из него все пережитки бюрократизма, сливая его с массами, подготавливая этим самым переход от общества с диктатурой пролетариата в общество безгосудар-

ственное, в общество коммунистическое». Господство большинства трудящихся, руководимых пролетариатом, над меньшинством эксплуататоров, вовлечение в систему пролетарской диктатуры широчайших масс пролетариата и трудящихся создает этот «удесятеренный» аппарат. В управление государством в нашей стране втянуты действительно миллионные массы. Вот почему пролетарская демократия, по выражению Ленина, в миллион раз демократичнее всякой демократии буржуазной. Пролетарская демократия—это государство нового типа, переходное от государства к негосударству. Пролетарское государство означает слом, разбитие старой государственной машины.

II

Только исходя из правильного понимания ленинского учения о диктатуре пролетариата, о перспективе ее развития, можно правильно понять и вопрос об отмирании государства на базе создания экономической основы этого отмирания. Между тем в этом вопросе мы часто встречаемся с совершенно неправильными, извращающими ленинизм положениями, граничащими с прямым оппортунизмом и ведущими к ослаблению мощи пролетарской диктатуры.

В целом ряде статей, в отдельных брошюрах, а также в педагогической работе мы встречались и встречаемся с неверной постановкой вопроса об отмирании государства. Из положения Ленина о том, что наше государство является государством отмирающим, делался прямой и непосредственный вывод, что наше государство отмирает с самого дня своего возникновения и что при этом существует такая «диалектика» развития: укрепление пролетарского государства есть вместе с тем его отмирание. Этот процесс отмирания якобы начался с октября 1917 г., продолжается по настоящий день и будет развиваться особенно в течение второй пятилетки. В качестве иллюстрации такой постановки вопроса можно привести некоторые места из брошюры т. Бермана «Диктатура пролетариата во 2-й пятилетке», ошибки которой признаны и раскритикованы автором в № 4 журнала «Советское государство» за 1933 г. в статье «Пути укрепления диктатуры пролетариата», а также в статье т. Дзениса. В этой брошюре, как и в ряде его статей, развернута эта ошибочная точка зрения, эта «диалектика». Вот что он писал в своей брошюре: «Что же утверждает ленинская теория отмирания пролетарского государства? Во-первых, она утверждает то, что отмирание государства—это процесс длительный, что он начался с первого дня пролетарской революции, с первого дня захвата власти пролетариатом и организации своего собственного государства и поднимается на высшую фазу коммунистического общества тогда, когда наступит полное и окончательное отмирание государства» (разрядка моя.— М. М.).

Затем т. Берман приводит известное место из выступления т. Сталина на XVI съезде партии. Это место необходимо здесь привести, особенно в связи с тем выводом, который из него делает т. Берман.

На XVI съезде партии т. Сталин, касаясь пролетарского государства и задач укрепления мощи пролетарской диктатуры, говорил: «Мы за

отмирание государства и мы вместе с тем стоим за усиление диктатуры пролетариата, представляющей самую мощную и самую могучую власть из всех существующих до сих пор государственных властей. Высшее развитие государственной власти в целях подготовки условий для отмирания государственной власти. Вот марксистская формула. Это «противоречиво»? Да, «противоречиво», но противоречие это жизненно и оно целиком отражает марксову диалектику».

Приведя эту цитату из т. Сталина, Берман далее сам продолжает: «Именно эту марксову диалектику надо видеть в этом процессе, который, с одной стороны, является процессом отмирания государства, а с другой стороны, является процессом мощного укрепления пролетарской диктатуры».

Тут у т. Бермана явная подмена, а тем самым и извращение постановки вопроса, которая имеется у т. Сталина, ибо у т. Сталина речь идет о подготовке условий для отмирания, а у т. Бермана речь идет о непосредственном отмирании государственной власти. Эта установка в брошюре Бермана не является случайным положением, обмолвкой. Он настолько увлечен непосредственным и реальным процессом отмирания, что от него отпавляется, от него танцует к проблеме укрепления. Дальше в этой же брошюре он пишет: «Значит, во второй пятилетке отмирание государства продолжится, но только в смысле вовлечения все большего числа трудящихся в укрепление новых, социалистических форм труда, но не в смысле ослабления функции государства, ослабления его функции господства и принуждения».

Тов. Берман и здесь и в ряде других мест этой брошюры указывает, что он конечно считает, что тот, кто ставит вопрос об ослаблении мощи пролетарской диктатуры, тот является врагом ее, тот является оппортунистом и т. д. и т. д. Тов. Берман субъективно ведет борьбу против этой точки зрения. Однако благодаря тому, что у него не все концы с концами увязаны, благодаря тому, что у него нет ясности в вопросе о том, как ставится Лениным и т. Сталиным, как ставится нашей партией проблема понимания природы пролетарского государства как отмирающего государства, объективно получается, что его постановка вопроса об отмирании государства или государственной власти в настоящий период есть точка зрения, ведущая к оппортунистической установке на ослабление пролетарской диктатуры.

То же самое мы находим не только в этой брошюре т. Бермана, но и в ряде других его работ. Я сошлюсь на его статью, которая была напечатана в журнале «Советское государство и революционное право» еще в 1931 году. В этой статье он писал (речь идет об одном делегате): «Этот делегат однако не мог понять, как это мы укрепляем пролетарское государство и в то же время идем к его отмиранию... Он не мог понять простой диалектики, что укрепление диктатуры пролетариата есть вместе с тем и отмирание пролетарского государства, что на путях укрепления и усиления диктатуры пролетариата и происходит отмирание государственной власти» (разрядка моя.—М. М.). Опять та же «диалектика», в силу кото-

рой выходит, что наша государственная власть отмирает с октября 1917 г. и это «отмирание есть укрепление» или «укрепление есть отмирание».

Такая же точка зрения развивалась т. Берманом по этому вопросу и в 1930 г. Таким образом мы видим, что эту точку зрения он развивает на протяжении длительного времени. Надо сказать, что эта точка зрения, особенно в брошюре «Диктатура пролетариата во второй пятилетке», вышедшей 100-тысячным тиражом, создает большую путаницу в головах читателей. Сведения, которые у нас имеются относительно педагогической работы, относительно проработки этого вопроса во всякого рода группах и семинарах и т. д., говорят о том, что в вопросе о понимании природы пролетарского государства как отмирающего государства, о понимании путей укрепления пролетарского государства и подготовки условий для отмирания преподносилась чрезвычайно большая путаница, толкавшая слушателей на совершенно антимарксистские, антиленинские, антипартийные позиции. По этому вопросу мы имели целый ряд споров и в московском ИФИ, и в Ленинградском институте советского строительства и права, и в целом ряде других кафедр и учебных заведений.

В чем ошибка т. Бермана? Ошибка т. Бермана состоит, во-первых, в том, что он отождествляет процесс подготовки условий, процесс создания предпосылок для отмирания с процессом отмирания государства после решения основной задачи пролетарской диктатуры, задачи полного уничтожения классов¹⁾. Ошибка т. Бермана состоит, как это видно из брошюры и его выступлений, в том, что он пытался употреблять слово «отмирание» в двойном смысле: отмирание в смысле ненужности государства, в смысле отпадения функций, в смысле засыпания пролетарского государства и отмирание в смысле вовлечения масс в управление государством, в смысле развертывания пролетарской, советской демократии. Наконец, мы имеем у него формальную диалектику, или лжедиалектику, которая переходит в эклектику, как это он признал на заседании президиума Комакадемии, где обсуждался этот вопрос. Она заключается в том, что берутся формально противоречивые друг другу определения «отмирание» и «укрепление», и кажется, что если

¹⁾ В № 4 журнала «Советское государство», как выше было сказано, помещена статья т. Я. Бермана «Пути укрепления диктатуры пролетариата». Тов. Берман критикует свои ошибки по вопросу об отмирании государства, допущенные им как в статьях в журнале «Советское государство», так и в своей брошюре «Диктатура пролетариата во второй пятилетке». Тов. Берман, критикуя свои ошибки, не связал однако концы с концами. Так например на стр. 32 он пишет: «Ленинская теория отмирания государства совершенно четко устанавливает начало отмирания функций государственной власти только после уничтожения классов, исключая какую бы то ни было возможность говорить об отмирании этих функций еще в период диктатуры пролетариата, еще при существовании классов и продолжающейся классовой борьбы. Этот процесс отмирания государства начинается после уничтожения классов и проходит через всю первую фазу коммунистического общества, поскольку и тогда необходима будет борьба против отдельных эксцессов, хотя как класс некого уже будет подавлять, и закончится только на высшей фазе полного развернутого коммунистического общества» (разрядка моя.—М. М.).

На стр. 34 т. Берман критикует вместе с тем передовую журнала «П. З. М.» № 1—2 за 1932 г. за следующую формулировку: «Процесс отмирания государства в различных его функциях начинается в период низшей фазы коммунизма».

эти два противоречащие друг другу определения «сложить», то получится «единство противоположностей». Ошибка здесь состояла в том, что при постановке проблемы отмирания государства недостаточное внимание уделялось тому вопросу, без которого вообще невозможно ставить проблему отмирания государства. Это вопрос об уничтожении классов, который является важнейшей, основной, решающей задачей диктатуры пролетариата.

При постановке проблемы отмирания государства совершенно недостаточно подчеркивалась проблема уничтожения классов. Иногда эти проблемы отрывались одна от другой. Между тем по этому вопросу имеются, как я уже говорил, совершенно ясные установки у Владимира Ильича, в работах и выступлениях т. Сталина, т. Кагановича, т. Молотова.

Проанализируем теперь высказывания классиков марксизма по вопросу об отмирании государства.

Остановимся на анализе одного места из подготовительных работ Ленина к «Государству и революции». Эти подготовительные работы представляют собой лабораторию мысли Владимира Ильича. Они показывают нам, как Ленин подходил к формулированию важнейших положений коренных проблем марксистского учения о государстве и диктатуре пролетариата. В частности посмотрим, как Ленин ставил вопрос о природе нашего государства, об отмирании государства и т. д. Ленин пишет:

«Но дальше Маркс говорит о «будущей государственности коммунистического общества»!! Итак, даже в «коммунистическом обществе» будет государственность!! Нет ли тут противоречия?

Нет: I — в капиталистическом обществе государство в собственном смысле.

государство нужно
буржуазии

II — переход (диктатура пролетариата) государство переходного типа (не государство в собственном смысле).

государство нужно
пролетариату

III — коммунистическое общество: отмирание государства.

государство не нужно,
оно отмирает.

Полная последовательность и ясность!!

Иначе:

I — демократия лишь в виде исключения, никогда не полная...

I — демократия только для богатых и для маленькой прослойки пролетариата. [Бедным не до нее!]

II — демократия почти полная, ограниченная только подавлением сопротивления буржуазии

II — демократия для бедных, для 9/10 населения, подавление силой сопротивления богатых

III — демократия действительно полная, входящая в привычку и потому отмирающая... Полная

III — демократия полная, входящая в привычку и потому отмирающая, уступающая место

демократия равняется никакой демократии. Это не парадокс, а истина!»

принципу: «каждый по способностям, каждому по потребностям»¹⁾.

Эти замечательные рассуждения Ленина вносят полную ясность в вопрос о понимании отмирания государства. Ленин связывает отмирание государства с установлением коммунистического общества. Говоря о пролетарской диктатуре в переходный период, выясняя специфическую природу нашего государства и его коренное отличие от буржуазного, эксплуататорского государства, Ленин вместе с тем подчеркивает, что пролетарское государство нужно пролетариату.

Когда Ленин говорит об отмирании государства, он часто ссылается и повторяет энгельсовское положение «отмирание, т. е. засыпание» или, как он говорит: «Очень красочное выражение дано у Энгельса». Отмирание государства Ленин понимает в одном определенном смысле, в смысле ненужности государства. Он говорит: «выражение «государство отмирает» выбрано очень удачно, ибо оно указывает и на постепенность процесса и на стихийность его. Только привычка может оказать и несомненно окажет такое действие, ибо мы кругом себя наблюдаем миллионы раз, как легко привыкают люди к соблюдению необходимых для них правил общежития, если нет эксплуатации, если нет ничего такого, что возмущает, вызывает протест и восстание, создает необходимость подавления»²⁾. Ленин говорит об отмирании в смысле ненужности государства, в смысле засыпания государства, государственной власти и государственных функций. В этой связи особенно ясна та постановка вопроса, которая красной нитью проходит по всем его работам в период диктатуры пролетариата и которая говорит именно о процессе подготовки условий для будущего отмирания. На VII съезде партии Ленин критиковал ошибку Бухарина в этом вопросе. Бухарин внес при обсуждении вопроса о программе партии поправку насчет коммунистического общества и отмирания государства. Ленин отвечал: «Об этом сейчас говорить рано. Когда еще государство начнет отмирать? Мы до тех пор успеем больше чем два съезда собрать, чтобы сказать: смотрите, как наше государство отмирает. А до тех пор слишком рано. Заранее провозглашать отмирание государства будет нарушением исторической перспективы»³⁾. Мы видим таким образом, что тот, кто смешивает, отождествляет подготовку предпосылок для отмирания государства с реальным процессом засыпания, с ликвидацией государства, тот конечно нарушает историческую перспективу. Тот, кто исходит из указанной выше лжедиалектики, кто утверждает, что государство отмирает с 1917 г., тот создает неправильное понимание исторического перехода к

¹⁾ Лен. сб. XIV, стр. 265—267.

²⁾ Ленин, Собр. соч., т. XXI, стр. 431 (разрядка моя.—М. М.).

³⁾ Ленин, Собр. соч., т. XXII, стр. 365 (разрядка моя.—М. М.).

бесклассовому обществу, о котором говорят Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин, тот скатывается на оппортунистические позиции ослабления пролетарской диктатуры.

Но тут сейчас же возникает вопрос: а ведь у Ленина мы имеем ряд мест, где он характеризует наше государство как отмирающее государство. У Ленина мы действительно имеем ряд мест в «Государстве и революции» и других работах, где он говорит, что нам нужно такое государство, чтобы оно с самого начала было государством отмирающим, и т. д. Нет ли тут противоречия? Противоречия тут нет, если вдуматься глубоко в смысл ленинских высказываний и той исторической обстановки, когда он их писал и говорил, если учитывать, против кого они были направлены, кого Ленин бил, какую точку зрения он разоблачал, иначе говоря, если исходить из ленинской концепции в целом, если подходить к Ленину не догматически.

Характеризуя природу, сущность пролетарского государства, Ленин говорит, что это уже не государство в собственном смысле слова. Он говорит о «не совсем государственном характере пролетарской диктатуры». Он говорит, что наше государство — это переходная форма от государства к негосударству, и т. д. А в других местах Ленин подчеркивает, что наше государство тоже государство. Если подходить внешне, догматически, получается как будто некоторое противоречие. Но по существу здесь никакого противоречия нет. Ибо Ленин борется в этом вопросе на два фронта: с одной стороны, против анархистов, против полуанархических ошибок Бухарина по вопросу о взрыве государства, тогда он подчеркивает, что наше государство тоже государство; с другой стороны, он борется против реформизма, против социал-демократии, против тех, кто не понимает природы пролетарского государства как нового типа государства, принципиально отличного от эксплуататорского государства феодалов и буржуазии. При этом Ленин подчеркивает, что только пролетарское государство отмирает, а буржуазное государство необходимо разбить, сломать, что пролетарское государство есть переходное к негосударству.

Когда Ленин характеризует наше государство как отмирающее, то он имеет в виду, как это видно из всех его работ, что наше государство отмирающее в том смысле, что оно не уничтожается, как должно быть разбито, сломано пролетарской революцией буржуазное государство. Наше государство — отмирающее по своему типу, по своей классовой природе. Когда Ленин говорит об отмирающем государстве, о «полугосударстве», он имеет в виду господство большинства ранее эксплуатируемых над меньшинством эксплуататоров. Он имеет в виду почти полную демократию, он имеет в виду то государство, в котором происходит накопление условий, подготовка предпосылок для будущего отмирания государства.

Тот, кто действительно хочет разобраться в этом вопросе, кто действительно подходит к ленинским работам так, как нас учит партия, как нас учит т. Сталин, тот получит в этом вопросе действительно полную ясность.

Положения, которые я приводил из работ т. Сталина, из работ Ленина, красной нитью проходят по всем их трудам. Тов. Сталин например еще

в 1924 г. в работе «Об основах ленинизма», касаясь этого вопроса, указывал, что «советская форма государства, привлекающая массовые организации трудящихся и эксплуатируемых к постоянному и безусловному участию в государственном управлении, способна подготовить то отмирание государственности, которое является одним из основных элементов будущего безгосударственного коммунистического общества». Эта же установка развивается им дальше вплоть до последних его выступлений на январском пленуме ЦК.

Таким образом мы видим, что в работах классиков марксизма проблема отмирания государства как реального процесса ставится всегда в перспективе, связывается с необходимостью создать экономическую базу этого отмирания. Пролетарское государство начнет отмирать тогда, когда оно сделается ненужным, когда полностью будут уничтожены классы и классовые пережитки в экономике и сознании людей, когда подавлять будет некого, когда мы вступим в коммунистическое общество. Действительная диалектика нашего развития состоит в том, что, развивая строительство социализма, создавая экономическую базу коммунистического общества, проводя «высшее развитие государственной власти», мы готовим все необходимые элементы условия и предпосылки для будущего отмирания государства. Каждый наш шаг в сторону укрепления мощи пролетарской диктатуры, в деле вовлечения широчайших масс в управление государством накапливает элементы будущего бесклассового коммунистического безгосударственного общества. Никакого разрыва, никакой принципиальной грани между периодом пролетарской диктатуры и коммунистическим обществом нет. Вот все это и объясняет нам, что значит ленинская характеристика пролетарского государства как государства отмирающего.

Важнейшим пунктом для понимания природы пролетарского государства является вопрос о реальном содержании пролетарской демократии. Надо бороться против всякой попытки подходить к анализу и рассмотрению природы пролетарской демократии без достаточно ясного понимания реального содержания диктатуры пролетариата, ибо всякие такие попытки ведут в болото оппортунизма. Нельзя свести всей характеристики существа пролетарской диктатуры к характеристике ее только как господства большинства над меньшинством, хотя этот момент является важнейшим и существеннейшим для понимания природы пролетарского государства. Ленин писал: «Пролетариату нужно уничтожение классов—вот реальное содержание пролетарской демократии, пролетарской свободы (свободы от капитализма, от товарообмена), пролетарского равенства (не равенства классов—на эту пошлость сбиваются Каутские, и Вандервельды, и Макдональды,—а равенства трудящихся, которые свергают капитал и капитализм)...

Кто не понял этого содержания диктатуры пролетариата (или что то же, советской власти или демократии пролетарской), тот все приемлет это слово»¹⁾.

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. XXIV, стр. 399.

Уничтожение классов в процессе обостренной классовой борьбы — вот коренная задача пролетарской диктатуры. Может ли происходить реальный процесс «отмирания государственной власти» пролетарской диктатуры до полного уничтожения классов, до того, как решена коренная задача советского государства? Стоит только так поставить вопрос, чтобы увидеть всю оппортунистичность рассмотренной выше болтовни об отмирании государства. Развертывание советской демократии, вовлечение все больших и больших масс в управление государством происходит на базе нашего реального продвижения вперед в деле окончательной ликвидации капиталистических элементов и строительства социалистической экономики, как и наоборот, сами эти процессы в свою очередь содействуют скорейшему продвижению вперед к коммунизму.

Рассматривая вопрос об ошибочных теориях отмирания государства, нельзя пройти мимо ошибок «левацкого» порядка по вопросу о развитии колхозного движения в связи с проблемой развития пролетарского государства. В брошюре т. Корнеева «Вторая пятилетка и уничтожение классов» неправильно представляется процесс развития в настоящий период колхозов. Критикуя на словах «левацкую», осужденную партией теорию «совхозизации» колхозов, т. Корнеев сам впадает в ошибочную позицию, проводя вредную установку на огосударствление колхозов, на «превращение колхозов в общегосударственные предприятия». Он ставит следующий вопрос на стр. 28 своей брошюры: «Спрашивается, когда и как будет возможен переход в распределение от получения дохода в колхозах к зарплате, вернее, к получению общественно-трудового пайка от рабочего государства». Сама эта постановка вопроса, тем более совершенно двусмысленные формулировки о времени этого «перехода», свидетельствует о недооценке артельной формы колхозного движения и основной задачи настоящего периода — организационно-хозяйственного укрепления колхозов, воспитания трудовой дисциплины, организации правильного распределения по трудодням и т. д. и т. п.

«Огосударствление» колхозов не только не укрепляло бы пролетарскую диктатуру, а наоборот, создало бы серьезные затруднения в разрешении важнейшего принципа пролетарской диктатуры — сохранения союза пролетариата с трудящимся крестьянством — и тем самым вело бы к ослаблению мощи советского государства. Вот почему должен быть дан самый решительный отпор таким «точкам зрения».

III

Рассматривая вопрос об отмирании государства, мы должны остановиться на левацкой, оппортунистической «теории» отмирания сельсоветов в районах сплошной коллективизации, которая появилась года три тому назад. Эта оппортунистическая теория отмирания советов была подвергнута жесточайшей критике со стороны руководителей нашей партии и осуждена партийными решениями.

Некий Ряхов в статье «Сельсоветы в районах сплошной коллективизации» прямо ставил вопрос о том, что в связи с развертыванием сплошной

коллективизации функции сельсоветов, собственно говоря, засыпают, отмирают и сельсоветы могут быть ликвидированы. Он прямо ставил вопрос: «Возникает вопрос, что делать в таком случае сельсоветам?.. Не является ли колхоз-село началом отмирания отдельных звеньев государственности в нашем Советском союзе, строящем социализм?» «Я считаю, что колхоз-село является началом отмирания государственности, особенно там, где мы имеем сплошную коллективизацию, и что задача заключается в том, чтобы сельсоветы ликвидировать». Другой товарищ писал: «Сохранение сельсоветов с наличием полной коллективизации населения, с полным обобществлением всех процессов будет лишь показателем отмирания надстройки над базисом».

В практике колхозного строительства имелись некоторые факты оппортунистической ликвидации сельсоветов. Например в Уральской области в одном районе при сплошной коллективизации упразднили 21 сельсовет, а остальные 25 еще предполагали ликвидироваться. Был целый ряд выступлений о том, что колхоз должен взять на себя также и функции государственного управления.

Эта постановка вопроса, которая имела место у ряда «левых загибщиков», встретила очень дружественный отклик прежде всего со стороны меньшевиков, со стороны «Социалистического вестника». В 1930 г. в «Социалистическом вестнике» была помещена специальная передовая, которая как раз поддерживала целиком и полностью эти установки. Лозунг об отмирании сельсоветов и вообще об ослаблении пролетарской диктатуры очень понравился меньшевикам. Они писали следующее: «К чести коммунизма надо сказать, что в его среде нашлись еще честно мыслящие люди, которые, приняв всерьез официальную аргументацию, поспешили сделать из нее и соответствующие выводы о слиянии советов с колхозами... (Новаковский в сборнике «На путях коллективизации», Доценко в «Рабочей Москве», Ряхов в «Известиях» и др.). Логика несомненно на их стороне».

Эта постановка вопроса со стороны «Социалистического вестника» прекрасно вскрывает все классовое нутро этой теории, ее враждебность по отношению к пролетарскому государству.

На специальном совещании, которое происходило в Москве по вопросу о задаче сельсоветов в связи с коллективизацией, с широким разворачиванием процессов перехода трудящегося крестьянства на сторону социализма, т. Каганович выступил с критикой этой, с позволения сказать, «точки зрения». Тов. Каганович отмечал: «Конечно наше государство в конце концов должно будет отмереть, но было бы абсолютно неправильно, это противоречило бы ленинскому учению о государстве, если бы мы стали утверждать, что отмирание государства в виде упразднения органов государственной власти, например ликвидации сельсоветов, передача их функций колхозам и т. д., может произойти до полного уничтожения классов или в самом процессе их уничтожения, до полной социалистической переделки трудящегося крестьянства — бедняков и середняков — и до полного уничтожения противоположностей между рабочим классом и крестьянством. Это было бы как раз, —

говорил т. Каганович, — анархическим представлением об отмирании государства, а не ленинско-большевистским»¹⁾.

Дальше т. Каганович разбирал вопрос о том, в чем же различие между «точкой зрения марксизма-ленинизма и точкой зрения анархистов по вопросу о государстве». Он говорил, что мы, марксисты, ставим перед собой проблему отмирания государства, признаем эту цель осуществимой лишь после уничтожения классов в социалистической революции в результате установления социализма, ведущего, как выражался дальше т. Каганович, к отмиранию государства. Анархисты же хотят реального уничтожения государства с сегодня на завтра, не понимая условий осуществимости такого уничтожения.

Далее т. Каганович вскрыл классовую сущность этого «современного» ликвидаторства и указал, что здесь мы имеем полуанархические, «левацкие» установки, которые целиком и полностью смыкаются с правооппортунистическими, меньшевистскими установками по вопросу о природе пролетарского государства и по вопросу о тех задачах, которые стоят перед сельсоветами в связи с проведением сплошной коллективизации.

В полном соответствии с линией партии, в полном соответствии с тем, что дает ленинское учение по вопросу о государстве, т. Каганович на конкретных примерах разоблачил это ликвидаторство, дал большевистский отпор оппортунистической полуанархической болтовне об отмирании государства до ликвидации классов.

Можно было бы привести огромный материал, который показывает, как партия на протяжении всех своих этапов развития ведет борьбу с социал-демократами, с социал-фашизмом, с анархизмом и реформизмом за марксистское учение о государстве. Большевизм в этом вопросе проводит решительную борьбу на два фронта — борьбу против бухаринской правооппортунистической теории о гражданском мире, против правооппортунистической теории о диктатуре пролетариата как оболочке для известного сотрудничества классов, а также против всяких «левацких», анархистских или полуанархистских теорий. По Бухарину, диктатура пролетариата представляет собой некоторое дополнительное условие равновесия классов; диктатура пролетариата, по теории Бухарина, представляет собой плавный, без классовой борьбы, процесс «трансформации», эволюционный процесс развития новой общественно-экономической формации.

В работах Бухарина, в которых в свое время была дана развернутая платформа правого уклона, был выдвинут «лозунг» о государстве-коммуне. В связи с рассматриваемым здесь вопросом об отмирании государства надо на этом «лозунге» т. Бухарина здесь остановиться. Так, в «Политическом завещании Ленина» т. Бухарин писал: «От государства-коммуны мы еще, к сожалению, очень и очень далеки». В «Заметках экономиста» он писал: «Мы слишком все перецентрализовали. Мы должны спросить себя, не должны ли мы сделать несколько шагов в сторону ленинского государства-коммуны». Эта «левацкая», полуанархическая точка зрения по во-

¹⁾ Сборник «Сельсовет и коллективизация», стр. 46.

просу о советском государстве сочеталась органически у Бухарина со всей его правооппортунистической платформой.

По Бухарину получалось, что мы должны еще шагнуть вперед к государству-коммуне, что советское государство следовательно не есть государство типа коммуны. По Бухарину получалось, что «ленинское государство-коммуна» это якобы какой-то новый тип государства. Это приводило его к противопоставлению советского государства, диктатуры пролетариата и государства-коммуны.

Между тем Ленин, когда писал о государстве-коммуне, имел в виду следующее: он до Октября требовал такого государства, прообраз которого дала Парижская коммуна; он считал, что установлением пролетарской диктатуры мы создали такой тип государства, оставив вместе с тем далеко позади себя Парижскую коммуну, в смысле проведения социалистических мероприятий, мероприятий по борьбе за полное уничтожение классов. Так, в «Апрельских тезисах» Ленина в пункте «Партийные задачи» сказано: «...2) Об отношении к государству и наше требование — «государства-коммуны» (а после сноски: «т. е. такого государства, прообраз которого дала Парижская коммуна») ¹⁾.

Требование Бухарина «сделать несколько шагов в сторону государства-коммуны» было связано со всей его концепцией о классовой борьбе в переходный период, с отрицанием неизбежности обострения классовой борьбы с переходом к реконструктивному периоду. Говоря о государстве-коммуне, т. Бухарин предлагал по существу такое разворачивание демократии, которое означало ослабление железного централизма пролетарской диктатуры. Предлагая пустить в ход «сложнейшую комбинацию личной, массовой, общественной, государственной инициативы», он предлагал разжать рамки пролетарской диктатуры и предоставить возможность нэпманским и кулацким элементам развернуть свою инициативу. Теоретически этот лозунг Бухарина упирался в его полуанархическую теорию о взрыве государства, развернутую и защищавшуюся им во время империалистической войны. Отрицая задачи, которые стоят перед пролетариатом в деле создания своего централизованного и мощного государства для проведения полного уничтожения классов, неправильно понимая проблему отмирания государства, отождествляя ее с широким разворачиванием демократии и переходом к децентрализованным коммунам, Бухарин пришел к своему сугубо оппортунистическому лозунгу о государстве-коммуне.

Партия справедливо разоблачила этот тезис Бухарина как шаг к мелкобуржуазному, а затем к буржуазному демократическому государству. Наше пролетарское государство, созданное Октябрьской революцией, есть государство типа Парижской коммуны, есть государство-коммуна. Для перехода к бесклассовому обществу никакого нового типа государства не требуется. Каждый наш шаг вперед в деле строительства социализма, в деле создания экономической базы для будущего отмирания государства, в деле разверты-

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. XX, стр. 89.

вания пролетарской демократии означает строительство государства типа коммуны.

Централизованный мощный аппарат диктатуры пролетариата сочетается с огромной самодеятельностью и широчайшей инициативой трудящихся масс, с ростом общественных организаций, которые облегают советы, которые участвуют в управлении государством. Все это идет по линии укрепления пролетарского государства, по линии усиления его мощи, а не ослабления, размагничивания, разжатия железных рамок пролетарской диктатуры.

В № 6 за 1933 г. журнала «Сорена» опубликована статья т. Бухарина «Учение Маркса и его историческое значение», IV—теория пролетарской диктатуры и научный коммунизм». В этой статье т. Бухарин ставит своей задачей дать изложение «общей теории государства», развитой Марксом и Энгельсом. Эта статья т. Бухарина требует специальной, большой критической работы, ибо по вопросу о государстве и диктатуре пролетариата у т. Бухарина нагромождено здесь огромное количество ошибок. Манера т. Бухарина абстрактно-социологического рассмотрения общественных проблем («общество—вообще», «государство—вообще»), за что Ленин в свое время так крепко критиковал его, оказалась в данной статье полностью.

Приведем здесь одно место для характеристики точки зрения т. Бухарина. Он пишет: «Здесь (т. е. при диктатуре пролетариата), следовательно, есть отношение господства; но и это отношение есть исчезающая величина, поскольку в ходе классовой борьбы исчезают на определенной ступени развития сами классы: вовлекая в свою непосредственную организацию все х, государство перестает быть самим собою и, всасывая в себя общество, само без остатка растворяется в нем; классовое господство над людьми превращается в бесклассовое господство над вещами. Этот процесс перехода к «управлению вещами» обуславливается тем, что диктатура пролетариата включает совершенно специфическое соотношение между экономикой и политикой и тенденцию к ликвидации классов»¹⁾. Это место вызывает целый ряд возражений, оно свидетельствует, что и до настоящего времени правильное марксистско-ленинское понимание государства у т. Бухарина «еще не созрело».

Во-первых, в ходе классовой борьбы классы не исчезают, а пролетарская диктатура ликвидирует, уничтожает капиталистические элементы. О том, что формулировка «исчезает» не случайно вырвалось у т. Бухарина, свидетельствует дальнейшее положение о том, что пролетарская диктатура «втягивает, всасывает «все х» «в свою непосредственную организацию». Тут уж Бухарин прямо реставрирует свою теорию вставания кулака и наемана в социализм. Пролетарская диктатура «всасывает» (если позволено тут будет воспользоваться термином т. Бухарина) в свою непосредственную организацию по-разному разные классовые слои: середняков и бедняков она на добровольных началах «всасывает» в колхозы, направляет на социалистический путь развития. Кулачество она ликвидирует, как класс. Увлечшись своим «втягиванием» всех, Бухарин «позабыл» об этих элементарных

¹⁾ «Сорена» № 6 1933 г., стр. 15.

²⁾ Под знаменем марксизма.

вещах. Необходимо наконец отметить неправильную теорию Бухарина о соотношении экономики и политики в переходный период. Он все время утверждает о специфичности этого соотношения, что конечно верно. Однако в чем же состоит эта специфичность по т. Бухарину? В том, отвечает Бухарин, что «государство сливается с хозяйством», что политика погружается в экономику. При такой постановке вопроса извращается действительное соотношение экономики и политики в переходный период, отрицается руководящая, преобразующая роль всей системы пролетарской диктатуры, не понимается то «первенство политики над экономикой», о котором писал Ленин. Вместо глубоко диалектической постановки вопроса, которую давал Ленин по вопросу о соотношении экономики и политики в переходный период, т. Бухарин преподносит нам давно уже разоблаченную механистическую теорию о сливании государства с хозяйством. На примерах успехов первой пятилетки, успехов в деле ликвидации кулачества как класса, социалистической перестройки сельского хозяйства можно видеть, какова роль нашего государства, роль политики в отношении экономики. Речь идет здесь не о простом сливании или растворении политики в экономике, речь идет о мощном преобразующем обратном влиянии политики на экономику, речь идет здесь о государстве пролетарской диктатуры как об орудии уничтожения классов, об орудии перестройки общественных отношений, об орудии создания социалистического общества.

Партия на всех этапах своего развития ведет решительную борьбу против правооппортунистического понимания природы пролетарского государства, против непонимания тех форм классовой борьбы, которую мы имеем в эпоху диктатуры пролетариата, против непонимания и отрицания обострения классовой борьбы, которое мы имеем. Диктатура пролетариата представляет собой самую острую форму классовой борьбы. Этого не понимают ни правые, ни «левые» оппортунисты, скатываясь к анархизму, смыкаясь по существу с правыми оппортунистами. Ослабление диктатуры пролетариата — вот к чему приходят как правые, так и «левые» оппортунисты. А об этом мечтают «Социалистический вестник», меньшевики и т. д.

IV

Очень часто можно встретить статьи и книжки, посвященные проблемам советского государства, пролетарской демократии, советского права, в которых эти вопросы рассматриваются в отвлечении от других общественных процессов, от советской экономической системы хозяйства. Худшим видом формально-юридического подхода к этим вопросам, извращением ленинского метода и марксистско-ленинской точки зрения является рассмотрение, скажем, путей развития аппарата пролетарской диктатуры вне связи с вопросом о завершении и дальнейшем развитии фундамента социалистической экономики, без связи этих процессов с развитием нашего народного хозяйства. Еще в ноябре 1929 г. в своем докладе на сессии Ин-та советского строительства и права т. Каганович указывал: «Вот почему, изучая практику нашего государственного строительства, обобщая богатейший фак-

тический материал и опыт, мы должны теснейшим образом увязать теорию с практикой, чтобы не впасть в оппортунизм. Если к тем экономистам, которые отрывают политику от экономики и экономик от политики, если к ним применим лозунг «лицом к политике, к государству, к классовой борьбе», то государstвооведам и юристам мы должны дать лозунг «лицом к экономике, к классовой борьбе»¹⁾.

Эти указания т. Кагановича не только не потеряли своей актуальности, а наоборот, обсуждение вопросов теории советского хозяйства и вопросов Развития пролетарского государства за последнее время показали, насколько актуальны и жизненны эти указания и по сей день в теоретической работе на различных участках идеологического фронта.

В самом деле, достаточно ли претворен лозунг «лицом к экономике» в работах по вопросам пролетарской диктатуры? Достаточно ли претворено в жизнь указание т. Кагановича при рассмотрении вопросов о перспективах развития пролетарской демократии, об отмирании государства? Ведь несомненно, что одной из теоретических основ ошибок в вопросе об отмирании, о которых мы выше писали, лежит игнорирование таких моментов, как анализ экономической основы отмирания государства, анализ проблем, связанных с характеристикой первой фазы коммунизма. С другой стороны, работы наших экономистов-теоретиков по вопросам теории советского хозяйства и закономерностей переходного периода свидетельствуют об отрыве от проблем диктатуры пролетариата. Статья т. Стецкого в «Правде», посвященная этим вопросам, своевременно заострила внимание работников экономического фронта на необходимости отправляться при изучении закономерностей переходного периода от основного рычага и орудия перестройки экономических отношений, от диктатуры пролетариата.

Ставя вопрос о природе пролетарского государства, Ленин и Сталин в своих работах все время рассматривают этот вопрос в свете единства экономики и политики, которое мы имеем в условиях диктатуры пролетариата. Ставя вопрос о характерных чертах советской власти как формы диктатуры пролетариата, т. Сталин выясняет одновременно с этим своеобразие экономической системы хозяйства, отмечает ту связь, которая существует между своеобразием экономической системы хозяйства и теми характерными чертами, которые присущи диктатуре пролетариата. Выясняя своеобразие советской экономики и политики, т. Сталин в своих выступлениях указывает, что мы имеем такое государство, когда власть капиталистов свергнута и заменена властью рабочего класса, когда орудия средства производства, земля, фабрики, заводы переданы в собственность рабочего класса и трудящихся масс крестьянства, когда развитие производства подчинено не принципу конкуренции, а принципу планового руководства, когда распределение народного дохода происходит в интересах систематического повышения материального положения и материального уровня трудящихся и на основе непрерывного роста их потребностей. Од-

¹⁾ Журнал «Советское государство» № 1, 1930 г. Ст. «Двенадцать лет строительства советского государства», стр. 11.

ним словом, когда рабочий класс является хозяином своей страны, работает не на капиталистов, а на себя. В этой связи, на базе этого экономического своеобразия советской системы хозяйства т. Сталин выясняет также сущность пролетарского государства, пролетарской демократии, существо и характерные черты советской власти.

Говоря о единстве экономики и политики, мы не должны упускать того действительного своеобразия, которое мы имеем в их соотношении в эпоху пролетарской диктатуры. Роль пролетарской диктатуры как политической формы переходного периода, как орудия уничтожения классов, построения бесклассового социалистического общества исключительно важна. Именно это обстоятельство ставит с особой остротой вопрос о правильном подходе с точки зрения марксизма-ленинизма ко всем явлениям эпохи переходного периода. Вспомним в этой связи то, что Владимир Ильич говорил о политике и экономике в дискуссии о профсоюзах. И Троцкий и Бухарин упрекали Ленина в том, что у него якобы слишком «политический» подход к вопросам хозяйства и профсоюзам. Бухарин даже в своих тезисах написал, что в отличие от ленинской «односторонности» он соединяет и хозяйственный и политический подход. Ленин отвечал на это следующим образом: «Политика есть концентрированное выражение экономики,—повторил я в своей речи, ибо раньше уже слышал этот ни с чем несообразный, в устах марксиста совсем недопустимый упрек за мой «политический» подход. Политика не может не иметь первенства над экономикой. Рассуждать иначе — значит забывать азбуку марксизма»¹⁾.

Это место из речи Ленина подчас совершенно неправильно истолковывается. Люди, не могущие вникнуть в глубочайшую ленинскую диалектику, совершенно превратно это дело понимают. Снимает ли ленинский тезис о «первенстве» политики над экономикой общий марксистский тезис о том, что в общественном развитии экономика является базисом, а политика надстройкой? Говорит ли этот тезис Ленина о том, что требуется пересмотр одного из важнейших общих положений исторического материализма? Только догматики от марксизма, только меньшевистски мыслящие люди могли бы так ставить вопрос. Речь идет о подлинно диалектическом, конкретном понимании этого вопроса. А подлинно конкретная постановка вопроса говорит о том, что «без правильного политического подхода к делу данный класс не удержит своего господства, а следовательно, не сможет решить и своей производственной задачи»²⁾.

Эта ленинская постановка вопроса, как небо от земли, отлична от бухаринской теории слияния политики и экономики в переходный период. Именно руководствуясь подлинно ленинским пониманием экономики и политики, наша партия под руководством т. Сталина проводит крупнейшего масштаба мероприятия по социалистической переделке сельского хозяйства. Укажем для примера на гениальную идею создания политотделов МТС и совхозов. Партия в своих решениях о политотделах указывала, что в обста-

¹⁾ Ленин, т. XXVI, стр. 126.

²⁾ Там же.

новке обостренной классовой борьбы, кулацкого саботажа, вредительства всякий экономический или даже чисто технический вопрос приобретает глубоко политическое значение. Партия дала указания работникам политотделов, чтобы они ко всем вопросам техники и экономики сельского хозяйства подходили политически, ибо «без правильного политического подхода к делу» рабочий класс не сможет разрешить и своей производственной задачи. Опыт и практика работы политотделов показывают, насколько своевременны были эти партийные решения, насколько правильный политический подход содействует быстрейшему поднятию экономики, разоблачению всех саботажнических и вредительских махинаций разбитого кулачества.

V

Ленин в своих еще дооктябрьских работах, например в работе «Удержат ли большевики государственную власть?», затем в «Государстве и революции» и т. Сталин в своих работах очень много занимаются вопросом о том, что собой представляет советская власть как форма диктатуры пролетариата. Они указывают, что в самой структуре, в самом механизме аппарата диктатуры пролетариата, в самом механизме советской власти мы имеем наиболее массовую и наиболее демократическую государственную организацию в условиях существования классов. В самой структуре, в самом механизме государственной власти мы имеем здесь интернациональную по своему типу организацию, ибо она построена на базе правильного разрешения национального вопроса. Самая структура Советов, сама система диктатуры пролетариата облегчает разрешение тех трех сторон пролетарской диктатуры, о которых говорилось выше. Самая структура госаппарата облегчает руководство со стороны пролетариата города трудящимися массами деревни. Мы имеем объединение исполнительной и законодательной власти. Советская власть представляет собой такой государственный аппарат, который может сразу и окончательно разрушить старый, буржуазный чиновничий аппарат, причем по существу в самой системе пролетарской диктатуры заложены возможности, условия для окончательного изжития всяких элементов бюрократизма, для упрощения аппарата и т. д. В этой связи стоит вопрос относительно задач и путей дальнейшего укрепления пролетарской демократии, дальнейшего укрепления пролетарской диктатуры.

XVII партийная конференция и январский пленум ЦК вынесли решения, которые имеют несомненно программное значение. Январский пленум ЦК, характеризуя проделываемый нами в настоящее время этап развития социализма, указывает, что в настоящее время позиции единоличного хозяйства в основных и решающих районах Советского союза преодолены. Колхозы стали почти повсеместно господствующей формой строительства социализма в деревне, колхозный строй в деревне обеспечен, и это обстоятельство конечно означает тем самым изменение целого ряда форм и методов нашей работы в городе и особенно в деревне. Однако, ставя так вопрос, анализируя обстановку, наша партия указывает, что было бы грубейшей ошибкой, было бы антиленинской постановкой считать, исходя из победы колхозного строя, обеспеченной в деревне, что у нас нет и не будет элементов

обострения классовой борьбы. Наоборот, партия решительно говорит в полном соответствии с процессами, которые происходят в нашей стране, что классовая борьба в деревне именно в связи с тем, что победа колхозного строя обеспечена, будет неизбежно еще обостряться, ибо классовый враг чувствует, что наступили его последние дни, и потому он с необычайной остротой будет бороться и борется против диктатуры пролетариата. Поэтому, чтобы выполнить решения XVII партконференции, чтобы окончательно добить классового врага и построить полностью социализм в нашей стране, требуется мощная пролетарская диктатура, укрепление всех органов пролетарской диктатуры. Для этого требуется развертывание наступления социализма по всему фронту, развертывание социалистического строительства как в городе, так и в деревне.

Именно в этой связи чрезвычайное значение имеют те решения, которые сравнительно недавно приняла партия, приняла советская власть по вопросу об охране общественной собственности как об основе нашего строя и о развертывании революционной законности на данном этапе.

На январском пленуме т. Сталин в своем выступлении указал, какая разница имеется между задачами развертывания революционной законности на прошлых этапах нашего развития в первый период нэпа и задачами развертывания революционной законности на данном этапе. Основная задача развертывания революционной законности на данном этапе — это охрана общественной собственности, основы нашего строя. Перед нами стоит задача, и это будет одним из важнейших моментов укрепления всех органов пролетарской диктатуры, повернуть все наши советские организации как в городе, так и в деревне лицом к производству.

На базе успехов социалистического строительства мы имеем подлинный, огромный, массовый рост пролетарской демократии, рост различных форм развития советской демократии и вовлечение масс в управление государством, о котором говорит программа партии, о котором говорят работы Ленина и т. Сталина. Возьмем различные и разнообразные формы вовлечения в массовое управление государством, какие мы имеем в настоящее время: депутатские группы советов и секций советов, непосредственную связь центральных учреждений и наркоматов с массами, шефство над государственным аппаратом, социалистическое совместительство, социалистическое соревнование и ударничество и т. д. Передача функций Комиссариата социального обеспечения и Комиссариата труда профсоюзам представляет одно из важнейших мероприятий партии и правительства по привлечению масс к управлению государством. По данным, которые имеются в настоящее время, общее количество членов сельсоветов в 1933 г. достигает 1.300.000, членов городских советов более 150.000. Всего мы имеем членов городских и сельских советов по всему Союзу около 1.500.000 чел. Актив Наркомфина по всему Союзу насчитывает около 2 млн. человек, причем, как отмечают работники Наркомфина, 500.000 — это действительно выдающиеся общественно-финансовые работники, которые проводят свою работу, совмещая ее с работой на производстве. Не удивительно, что такие кампании, как

вопрос о займе и др., проходят блестяще (как была проведена последняя кампания), ибо это дело становится делом самих масс, ибо в него втянуты в буквальном смысле слова миллионы. По данным Наркомюста, около органов Наркомюста имеется миллионный актив рабочих и колхозников, причем они выполняют чрезвычайно ответственную и серьезную работу, помогающую государственному аппарату выполнить те задания, которые перед ним ставит классовая борьба, ставит партия на данном этапе. При органах Наркомюста мы имеем группы содействия прокуратуре, задача которых состоит в том, чтобы контролем снизу помочь органам пролетарской диктатуры проводить мероприятия советской власти. Можно привести десятки, сотни примеров, которые показывают, как уничтожаются элементы бюрократизма в аппаратах государственной власти, как работа пролетарского государства, его мощь усиливаются благодаря этой волне снизу, благодаря массовому контролю, массовому содействию, массовой помощи, которую они получают со стороны трудящихся.

Имеется чрезвычайно интересный материал относительно депутатских групп как городских, так и сельских советов, показывающий, какую роль имеет развертывание этих форм советской демократии.

На основе широкой активности колхозников в работе сельсоветов мы имеем большие успехи в работе самих колхозов по укреплению экономической базы советов, по укреплению основ пролетарского государства, по охране общественной собственности и т. д. Эти примеры показывают, какие огромные силы актива мы имеем, какие миллионные массы привлечены к управлению государством, какие еще могут быть вовлечены в аппарат управления. Несомненно, что дальнейшая задача — укрепление всех органов пролетарской диктатуры на базе развертывания наступления социализма по всему фронту, это дальнейшее развертывание пролетарской демократии, направление всей этой активности лицом к производству на заводах и фабриках в городе, лицом к колхозному производству, к организации сельскохозяйственного труда, к укреплению колхозных организаций, к превращению их в действительно большевистские колхозы и т. д.

Широкое вовлечение масс в управление государством на данном этапе означает всемерное усиление, а не ослабление государственных функций, укрепление пролетарского партийного руководства в системе диктатуры пролетариата.

В свете задач укрепления пролетарской диктатуры партией за последний период времени принято особенно много решений, выясняющих, уточняющих организационную структуру промышленности, функции государственного аппарата и создающих основу для улучшения работы всех органов советской власти. Я имею в виду постановления ЦК партии о Донбассе и транспорте. Это действительно образцы исключительно конкретного руководства, которые показывают, по какой линии сейчас партия ведет дело укрепления всех органов пролетарской диктатуры, всей системы ее, всех рычагов: упрощение государственного аппарата, бьющее основательно по элементам бюрократизма, передвижение в массовом масштабе таких ра-

ботников, которые могут принести непосредственную пользу на производстве, на шахты, линии, на паровозы, на те посты, которые требуют своего укрепления и развертывания своей работы.

Наконец в качестве важнейшего элемента, укрепляющего пролетарское государство, являющегося необходимым условием всей работы по развертыванию советской демократии, надо отметить задачу дальнейшего укрепления нашей партии, этой основной, руководящей, направляющей силы пролетарской диктатуры. В этом отношении чистка, которая проводится партией, играет и сыграет огромную роль в смысле очищения партии от оппортунистов, от людей, которые мечтают о мирном и плавном развитии, которые отходят от генеральной линии партии в смысле очищения партии от двурушников, в смысле еще большей консолидации партийных сил на решение тех гигантских задач, которые намечены XVII партийной конференцией и последним, январским пленумом ЦК.

VI

За последний период социал-фашистская печать, также фашизм усиленно занимаются вопросами государства. С одной стороны, они выясняют, развивают, уточняют свою точку зрения, а с другой стороны, борются против марксистско-ленинского учения о государстве, против марксистско-ленинского учения о диктатуре пролетариата. Мы приведем здесь некоторые материалы, характеризующие эти писания социал-фашистов и фашистов по вопросу о государстве: они дают нам представление о том, как куют в настоящее время свое оружие против марксизма его классовые враги и над какими проблемами нам надо работать для того, чтобы вести борьбу против этих враждебных классовых теорий и как их разоблачать.

Выходящий в Германии философский журнал «Логос» помещает обычно статьи абстрактно-философского характера о спекулятивной философии, об историко-философских проблемах, проблеме субъекта и объекта и т. д., т. е. все то, чем обычно занимается и что без конца жует современная буржуазная философия. За последнее время этот журнал переключился на вопросы государства. Майский номер за 1933 г. целиком почти посвящен вопросу о государстве, прославляя Гитлера и фашистское государство.

Этот поворот к вопросам государства очень ясно вскрывает перед нами партийность философии: современные представители буржуазной философии занимаются «актуальными» для буржуазии проблемами, защищая диктатуру фашизма.

Среди фашистских «теоретиков» существуют по вопросу о государстве различные теории — о корпоративном государстве, об авторитарном государстве и т. д. Один из современных неогегельянцев, Биндер, написал большую статью в этом журнале «Авторитарное государство». На этой проблеме «авторитарного государства» он ставит перед собой задачу осветить такие сугубо метафизические вопросы, как вопрос о спекуляции, о тождестве сознания и предмета, субъекта и объекта.

Биндер считает, что события в Германии, практика правительства Брюнинга и Папена выявили всю необходимость покончить с режимом, как он

говорит, «господства парламентского большинства» и «заменить государство народного суверенитета государством авторитета». Он считает, что правительство «национальной концентрации» с этим делом не справилось и что его осуществило лишь правительство Гитлера. Он присоединяется к лозунгу одного из основателей прусской консервативной партии, Юлиуса Шталь, — «авторитет, а не большинство голосов». Но он считает, что Шталь имел недостаточное представление о том, что означает авторитет в государстве. И вот на протяжении многих страниц он пытается показать, что именно фашистское гитлеровское государство есть осуществление этой идеи авторитарного государства, а осуществление этой идеи авторитарного государства есть не что иное, как осуществление государственного понятия авторитета и вообще учения Гегеля о государстве. Таким образом он связывает философию Гегеля с современным фашистским режимом. Под флагом выяснения тождества субъекта и объекта, предмета и мысли и т. д. Биндер занимается всяческим прославлением фашистского государства.

Посмотрим теперь, что пишут другие «теоретики» фашизма по вопросу о государстве. Федер, один из составителей национал-социалистской программы, заменивший сейчас Гутенберга, ставит вопрос о том, что разрешить все внутривнутриполитические и внешнеполитические отношения возможно только при помощи диктатуры. «Единственный возможный путь, — пишет он, — к этой внутренней политической чистке лежит, по нашему мнению, только через диктатуру, со всей решительностью вырезающей и выжигающей очаги тни-ли и болезни на нашем народном теле». Затем дальше идет размышление о том, каким должен быть вождь такой фашистской диктатуры. «Требования, которые мы ставим такому вождю, — говорит он, — чрезвычайно высоки. Страстная любовь к своему народу, негибкая воля, прямо-таки сомнамбулическая (это воля, которая проявляется лунатиками, когда они производят свои движения. — Автор) при всех своих решениях должны отличать и характеризовать вождя».

Насчет существа этой «теории», ее «научности» и «значимости», я думаю, распространяться здесь не приходится. Никакие вожди неспособны спасти буржуазию. Но под разговорами о сомнамбулической воле «вождей» фашизма скрываются более «сильно действующие» средства, как кровавый фашистский террор против пролетариата.

Писания германских фашистов по вопросам государства, по вопросам диктатуры и т. д. аналогичны писаниям итальянских фашистов. Вообще сейчас теоретики-философы как Италии, так и Германии занимаются вопросом о необходимости установления более тесного идейного, как они пишут, контакта между «культурой» Германии и «культурой» Италии, они подводят идеологическую базу под те попытки установления политического союза, который усердно стряпают Гитлер, Розенберг, Геринг и другие «вожди».

Характерно, что вопросы своей политики фашистские теоретики освещают или пытаются освещать с точки зрения философских категорий. В этом отношении любопытно одно место из работы итальянского фашиста Амброзио о государстве. Вопрос о государстве он ставит в связи с вопросом о «единстве противоположностей». Он пишет: «В России отринут тезис

«капитал» и утвержден антитезис «труд». Во всех государствах, за исключением России и Италии, оба термина существуют в открытой борьбе и в настоящей войне. Россия упразднила тезис, Италия пошла дальше и достигла антитезиса, завершив таким образом логический и исторический процессы».

Вот какие «теоретические обоснования» пытаются подвести эти «теоретики» фашизма по вопросу о государстве, по вопросу о фашистском государстве, как «синтезе труда и капитала».

Приведем еще выдержку из статьи Муссолини о фашизме в итальянской энциклопедии (из тома, который вышел в 1932 г.) по вопросу о государстве для того, чтобы иметь представление о фашистской «теории» государства. Муссолини в этой статье пишет следующее: «С 1929 года и по сей день мировое экономическое и политическое развитие еще более подкрепило наши теоретические установки. Гигантски растет государство. Кто может разрешить драматические противоречия капитализма? Это, — говорит он, — государство. Буржуазия не может разрешить этого иначе, как в государстве и внутри государства. Кто говорит о фашизме, тот говорит о государстве. Надо различать государство, единственное и оригинальное творчество фашистского национального государства, сильную организацию» и т. д. И далее разводится целая страница по вопросу о том, что каждое государство и каждый народ, который хочет проявить свою жизненную энергию, должен обязательно быть империалистическим. Империализм, в его понимании этого слова, обязательно связан с сущностью фашизма, с сущностью фашистского государства.

Приведенный нами небольшой материал показывает, как работают над этим вопросом фашисты как итальянские, так и германские. Этот материал говорит о том, что в настоящее время официальные представители философского лагеря в Германии переключились на проблему государства. Свидетельством этого является журнал «Логос». Он показывает, как фашизм в своей борьбе против марксизма, против рабочего класса пытается создать некоторую видимость теоретической ориентации.

Марксизм в изображении социал-фашистов

(М. Адлер и А. Реннер)

И. Широков

За истекшее пятидесятилетие со дня смерти К. Маркса марксизм подвергался многочисленным нападкам и извращениям. Он извращался не только буржуазными критиками Маркса и откровенными ревизионистами, но и так называемыми «ортодоксальными» теоретиками II интернационала. Последние никогда не рассматривали учения Маркса как целостное пролетарское мировоззрение и руководство к революционному действию. Марксизм изображали обычно как простое сочетание некоторых отдельных сторон и положений теоретических систем предшественников Маркса или сводили его к материалистическому пониманию истории и политической экономии. Даже Плеханов не понял марксизма как особого пролетарского мировоззрения и руководства к революционному действию. Главное в марксизме — учение о диктатуре пролетариата — идеологи II интернационала, как правило, игнорировали. Ни Каутский, ни Плеханов и вообще никто из них никогда не уделял должного внимания освещению и разработке этого коренного содержания марксизма. Каутский например, написавший немало книг и статей по вопросам марксизма, только в одной своей работе («Путь к власти»), всего лишь один раз и то случайно обронил словечко о диктатуре пролетариата, увиливав от рассмотрения существа вопроса. Извращенная трактовка марксизма у теоретиков II интернационала покоилась на открытом или скрытом оппортунизме, которым каждый из них в той или иной степени был заражен в самом начале своей политической деятельности. По мере роста противоречий капитализма и обострения классовой борьбы росло и развивалось как оппортунистическое извращение основ марксизма идеологами II интернационала. В начале империалистической войны теоретики II интернационала порвали с марксизмом окончательно и бесповоротно как в теории, так и на практике. В теории они подменили марксизм эклектикой и софистикой, а на практике отстаивали политику гражданского мира, вступив в союз с империалистической буржуазией.

В послевоенный период фальсификация марксизма теоретиками II интернационала была поднята на новую ступень. Марксизм в руках социал-фашистов превратился в теоретическое оправдание буржуазной контрреволюции. Социал-фашисты на протяжении многих лет по всем линиям своей предательской работы неуклонно пролагали путь фашистской диктатуре, активно содействовали приходу к власти Гитлера. Социал-демократические министры и полицейские чиновники, служа верой и правдой умирающему капитализму, отдавали приказы и распоряжения о расстреле рабочих демонстраций, подавлении революционных восстаний пролетариата, убийстве лучших представителей коммунистических организаций и т. д. и т. п. Идеологи

социал-фашизма работали, не покладая рук, над приспособлением марксизма к оправданию контрреволюционной практики социал-демократических душителей революционного пролетариата. С приходом к власти Гитлера теоретики социал-фашизма приспособляют свой «марксизм» к оправданию фашистского средневековья. Оправдание фашистской диктатуры и политики разгрома революционного движения пролетариата и его авангарда — коммунистической партии — вот что представляет собой ныне «марксизм» социал-фашистов.

На страницах социал-фашистской печати довольно много уделяется внимания вопросу о том, что такое марксизм и в каком отношении он находится с практикой пролетариата. На эту тему мы находим пространные рассуждения в работах Каутского, М. Адлера, Реннера и других виднейших идеологов социал-фашизма.

В 1930 г. М. Адлер выпустил «Учебник материалистического понимания истории». В этом популярном учебнике, рассчитанном на широкий круг читателей из рабочей среды, автор пытается доказать, что марксизм — это «только наука», но отнюдь не мировоззрение пролетариата. «Марксизм — наука, и не хочет быть ничем иным, в особенности — ничем больше, но также и ничем меньше» — говорит М. Адлер. «Марксизм, основной частью которого является материалистическое понимание истории, нельзя рассматривать как мировоззрение». То же самое Адлер пишет о марксизме и в своей последней статье, посвященной пятидесятилетию со дня смерти К. Маркса. В этой статье он также утверждает, что «марксизм как строго теоретическая система так же мало является мировоззрением, как и естествознание» («Вопросы мировоззрения в марксизме». «Дер Кампф» № 3 за 1933 г.). М. Адлер самым бесцеремонным образом игнорирует неоднократные указания Маркса и Энгельса на то, что ими было обосновано и развито новое научное мировоззрение.

В предисловии к «Анти-Дюрингу» например Энгельс писал: «Излагаемое в настоящей книге мировоззрение (разрядка наша. — И. Ш.) в главной своей части было обосновано и развито Марксом и только в незначительной степени мною». Цитируя эти слова Энгельса при определении роли последнего в обосновании и развитии марксизма, М. Адлер оставляет без единого замечания указание Энгельса на то, что обоснованное и развитое Марксом и им самим (Энгельсом) новое учение представляет собой последовательное материалистическое мировоззрение. Он ограничивается лишь высказыванием своего несогласия с Энгельсом в том, что роль последнего в обосновании и развитии марксизма будто бы была незначительной.

На вопрос, почему марксизм не мировоззрение, а только наука, Адлер отвечает: «Наука изучает только отрезок целого, только часть мира. Она желает узнать об этом частичном отрезке нечто определенное, а именно — причинно-следственную связь явлений по общим законам. Она отказывается от всякого обсуждения или оценки этих явлений и уже совершенно полностью от познания их внутренней сущности» (М. Адлер, «Учебник» стр. 31). Мировоззрение же, по Адлеру, напротив, каждую часть мира рассматривает под углом ее связи с целым и стремится познать самую сущность вещей. «Мировоззрение, — пишет Адлер, — которое всегда, даже там, где оно занимается только частью целого, все же желает включить эту часть в целое по ее содержанию и ценности и этим путем ее понять. Для каждого мировоззрения характерно, что оно имеет определенное воззрение на этот смысл и ценность целого и на внутреннюю сущность вещей» (там же). Наука покоится на объективной связи идей (!!), мировоззрение — на субъективных воззрениях человека. Первая представляет собой систему объективных знаний, второе — «источник субъективности». «Мировоззрение всегда является чем-то совер-

шенно субъективным» («Дер Кампф» № 3 за 1933 г.). Наука, по Адлеру, куда всякой философии, ибо она всегда твердо стоит на почве опыта и не выходит за пределы сознания. Напротив, «мировоззрение всегда является философией и даже метафизикой», ибо «оно всегда относится к познанию сущности всех вещей и смысла мира». Но познание сущности вещей и смысла мира «выходит за пределы всякого опыта» (т. е. «опыта», понимаемого в идеалистическом смысле.—И. Ш.), поэтому «философия никогда не является системой знания».

Мировоззрение имеет своим предметом потустороннее, выходящее за пределы опыта и сознания «целое» или «нечто». Но то, что выходит за пределы опыта и сознания, остается недоступным научному познанию, поэтому оно составляет предмет субъективных (!) воззрений и в конечном счете предмет веры. Марксизм—объективное учение, а не совокупность субъективных воззрений пролетариата на «смысл» и «ценность» окружающего его «целого», поэтому он не мировоззрение, а наука. Так путем отрыва явления от сущности, части от целого, субъективного от объективного, М. Адлер приходит к противопоставлению науки пролетарскому мировоззрению, отождествляя всякое мировоззрение, включая и пролетарское, с совокупностью субъективных воззрений на мир и даже с верой в «потустороннее», «недоступное» научному познанию «нечто». Он отрицает марксизм как научное мировоззрение революционного пролетариата и сводит его к науке о причинно-следственной связи явлений. Но применение марксизма и в качестве науки М. Адлер ограничивает исключительно областью социальных явлений.

Марксизм, с его точки зрения, есть только наука об обществе—социология. «Марксизм—социология,—говорит Адлер,—даже больше, он единственная социология, так как в этой спорной области науки он означает до сих пор наиболее последовательный опыт изложения общественного развития в причинно-следственной связи» (М. Адлер, «Учебник», стр. 38). Познание природы М. Адлер ни с какой стороны не включает в задачу марксизма. Марксизм и естествознание, с его точки зрения,—это две параллельные друг другу науки, не имеющие между собой никакой точки соприкосновения. «Естествознание—это учение о законах явлений природы». «Марксизм есть учение о законах общественных явлений» («Дер Кампф» № 3 за 1933 г.).

Социальные явления и явления природы образуют, по Адлеру, два разных, ничем не связанных между собой мира: мир духовный и мир физический. Соответственно этому и марксизм, с его точки зрения, отличается от естествознания как наука о духе от науки о физической природе. «Марксистская социология,—говорит Адлер,—выявляется как теоретическое построение, в котором впервые были выработаны идейные элементы, приведшие к новой концепции исторического мира, отличного от одного лишь мира природы. Здесь господствует столь же строгая, но все же совершенно иная по своему характеру причинность и отсюда вытекает понятие духовной природы наряду с физической» («Дер Кампф» № 3 за 1933 г.).

Никаких всеобщих законов развития, действительных как для природы, так и для общества, М. Адлер не признает, поэтому он не признает и никакой науки об этих всеобщих законах. Кантианец М. Адлер пытается всячески опровергнуть утверждение Маркса, Энгельса и Ленина, что диалектический материализм представляет собой философскую науку пролетариата, предметом которой являются именно всеобщие законы развития природы, общества и мышления. Он хочет доказать, что диалектический материализм не находится ни в какой связи ни с марксизмом как общественной наукой, ни с естествознанием как учением о природе. «Необходимо освободиться от заблуждения,—пишет Адлер,—прочного засевшего в сознании противников и многих сторонников марксизма, что марксизм по существу связан с материализмом

либо старым, механическим, либо новым, диалектическим материализмом» («Дер Кампф» № 3 за 1933 г.). «Марксизм вообще и материалистическое понимание истории в частности не имеют никакой логической и объективной, а следовательно никакой необходимой внутренней связи с материализмом. И это имело бы силу даже и в том случае, если бы Маркс и Энгельс действительно были бы материалистами» (М. Адлер, «Учебник», стр. 88). «Необходимо строго отделить друг от друга естествознание и материализм» и т. д. и т. п.

Материализм, по Адлеру, это—мировоззрение, философия, метафизика, теология и все, что угодно, только не научное познание. В результате проделанной Адлером операции над марксизмом от последнего ровно ничего не остается, кроме названия. Лишенный начисто своего действительно научного и революционного содержания, он превратился в руках этого «ученого» жулика в уродливое вульгарно-идеалистическое учение о внешней причинно-следственной связи общественных явлений. Причем сама эта причинно-следственная связь общественных явлений представлена Адлером как чисто духовная связь, как процесс, происходящий только в самом сознании и составляющий содержание этого сознания. Вне сознания нет ни связи явлений, ни самих явлений.

Отказываясь признать марксизм в качестве мировоззрения, М. Адлер вовсе не намерен отказать в праве на существование всякому мировоззрению вообще. Напротив, он считает, что каждый человек имеет свое особое мировоззрение, только это мировоззрение не является научным. Научного мировоззрения, по его мнению, вообще не существует, подобно тому как не существует горячего льда. Предметом мировоззрения, по Адлеру, как мы уже выяснили, является якобы непознаваемое «целое» или «нечто». Это «целое» или «нечто» М. Адлер нисколько не стесняется называть богом. Он вообще придерживается того мнения, что жизнь человека без бога была бы просто невозможной. В стремлении человека к божественному наш «левый марксист» усматривает настоящий смысл жизни и всякого прогресса. «Настоящий смысл прогресса,—пишет он,—состоит вовсе не в том, в чем его до сих пор видел натурализм (т. е. материализм.—И. Ш.)—в происхождении человеческой жизни из животной, но в стремлении к божественному» («Социология в критике познания Канта»).

Адлер выражает большое недовольство в отношении тех, кто, принимая кантовское положение о том, что существование бога научно недоказуемо, не приемлет другой части этого положения, т. е. того, что существование бога нельзя научно опровергнуть. «Охотно повторяют великое положение кантовского критика, что существование бога недоказуемо. Но необходимо было бы, чтобы также другая часть этого положения была столь же популярна, как и первая, а именно, что контраргумент против существования бога также невозможен с научной точки зрения» (М. Адлер, «Учебник», стр. 86).

Своего теоретико-познавательного боженьку М. Адлер хочет всеми средствами защитить от дерзких посягательств со стороны марксистско-ленинской теории отражения. Обрушиваясь на эту теорию, Адлер делает вид, что он, собственно, и не думает защищать от этой теории бога и права религии, так как—де эта теория как раз и не опасна для бытия бога и веры в него. Он, видите ли, протестует лишь против того, чтобы выводы теории отражения, являющиеся якобы по своему существу выводами веры, а не разума, выдавались за объективное знание, а не за совокупность субъективных или просто религиозных воззрений.

катор революционного марксизма, мобилизует все свои силы и все свое

Идеалист Адлер, ученый лакей поповщины и прожженный фальсификатор, чтобы оклеветать марксистскую теорию познания... в религиозном

догматизме!! Так например он пишет, что «эта знаменитая материалистическая теория познания превращает реальность внешнего мира в простую веру» («Учебник», стр. 135). «Допущение об'ективного мира вне сознания у Ленина,— пишет он,— является убеждением, предпосланным всякой проверке разумом, есть настоящая вера» («Учебник», стр. 138).

В теории отражения Адлер «обнаруживает» целых два «слабых» звена. Первое звено—это учение Ленина об ощущениях. Материализм до Ленина, по мнению Адлера, учил только об одном свойстве материи, а именно—о движении. Ленин наделил материю другим свойством—способностью ощущать. Раньше материалисты говорили, что об'ективной реальностью является движущая материя, теперь Ленин говорит другое. Он говорит, что об'ективная реальность—это движущая и ощущающая материя. «Материи, которая по предпосылкам материализма может иметь только одно свойство—свойство движения, придается таким образом еще второе, а именно—способность ощущать, т. е. значит однако одушевление. Этим, правда, проблема возникновения духа из материи разрешена, но не материалистически. Дух вовсе не должен возникать из материи, так как он уже с самого начала заключен в ней» («Учебник», стр. 143).

Ленин—дуалист, говорит М. Адлер, так как, мол, он признает вечное существование двух начал: материального и духовного. Помимо злостной клеветы на Ленина и неспособности понять диалектико-материалистическое решение проблемы развития материи от низших форм к высшим М. Адлер обнаруживает здесь поразительное невежество по части истории материализма. Всякий, кто хоть сколько-нибудь знаком с историей материализма, знает, что еще Дидро писал, что «ощущение есть всеобщее свойство материи». Но Дидро являлся метафизическим материалистом, поэтому он в ряде случаев неизбежно сползал на ложный путь решения этого вопроса, предполагая, что ощущением обладает вся материя в целом и на всех ступенях своего развития. Примером такого сползания может служить начало «Разговора Даламбера с Дидро». Даламбер обращается к Дидро с вопросом: «Ведь если та чувствительность, которой вы наделяете материю, является общим и существенным свойством ее, то нужно предположить, что и камень чувствует». На это Дидро отвечает: «Почему нет». Значит можно предположить, что и камень ощущает. Ленин как диалектический материалист не мог сказать той нелепости, которую ему приписывает М. Адлер, а именно, что «дух» уже с самого начала заключен в материи. Об ощущениях Ленин писал совсем другое, чем то, что ему подсовывает М. Адлер. Он писал, что в «ясно выраженной форме ощущение связано только с высшими формами материи (органическая материя), и «в фундаменте самого здания материи» можно лишь предполагать существование способности, сходной с ощущением». «Ощущение связано лишь с определенными процессами в определенном образом организованной материи» («Материализм и эмпириокритицизм»).

Мы видим, что Ленин наделяет материю способностью ощущать не на всех ступенях ее развития и не во всех ее формах. Только преданный пес умирающего капитализма может писать такие клеветнические вещи о Ленине, какие пишет о нем М. Адлер. Хорошо служит своему хозяину социал-фашистский теоретик М. Адлер!

Вторым «слабым» местом у Ленина М. Адлер считает учение о материи. Столкнувшись с выводами новейшего естествознания об «исчезновении материи», Ленин вынужден был, по Адлеру, отказаться от защиты этой «неизменной» основы мира с ее атомами и электронами и ограничиться простым признанием об'ективной реальности вообще, не настаивая на том, что эта реальность есть именно материя. Адлер ухитряется даже найти «отказ от материи у Ленина». Но что значит отказ от материи для материалиста?—

спрашивает Адлер. И отвечает: это значит отказ от материализма и переход на сторону идеализма и даже теологии. «Потому, что эта трансцендентальная реальность, как мы уже часто подчеркивали, может быть и богом и духом, как у Гегеля, который развивается из элементарных начатков до человеческого самосознания, или волей Шопенгауэра, она может быть и множественностью духов или демонов, коротко: признание реальности вне сознания во все не тождественно с тезой, что эта реальность—материя, только под материей уже понимается не что иное, как это существование в себе» (М. Адлер, «Учебник»). Итак по Адлеру выходит, что Ленин не только не материалист, но и не дуалист, а чистейшей воды идеалист и даже теолог. Таков окончательный вывод М. Адлера.

Посмотрим теперь, как выглядит учение Ленина о материи в ее настоящем, а не фальсифицированном виде. Предоставим слово самому Ленину. «Материя есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них». «Вне нас существуют вещи. Наши восприятия и представления — образы их. Проверка этих образов, отделение истинных от ложных дается практикой». «Точка зрения жизни, практики должна быть первой и основной точкой зрения теории познания» («Материализм и эмпириокритицизм»).

Как видим, у Ленина именно материя (а не «гегелевский дух» и не «воля Шопенгауэра») является единственной объективной реальностью, существующей вне нашего сознания и независимо от него. Ленин называет объективную реальность материей, признает принципиальную познаваемость этой реальности. Он учит, что вне нас существующая объективная реальность—материя—копируется, фотографируется, отображается в нашем сознании и таким образом познается нами. Правильность этого ленинского положения подтверждает живая человеческая практика, которая на каждом шагу показывает, что наши ощущения, представления и понятия суть копии, фотографии, отображения вне нас существующих вещей и процессов. Признать, что вне нас существующая реальность отображается в нашем сознании,—это все равно, что сказать: объективная реальность материальна.

Отказываясь признать в лице марксизма пролетарское мировоззрение и сводя учение Маркса к вульгарно-идеалистической социологии, М. Адлер пытается опровергнуть и партийность марксизма. Сам по себе марксизм, как и всякая наука, не является, по Адлеру, ни классовым, ни партийным. Он вообще, с его точки зрения, «неполитичен». Однако Адлер признает, что из практического применения марксизма к борьбе партии можно делать классовые и даже партийные выводы. «Система мыслей,—говорит он,—являющаяся по существу теоретической вначале, при своем возникновении, попадает в страстную борьбу партий, так что ее научный характер почти заслоняется ее партийно-политическим значением». Но какие бы ни были сделаны борющимися партиями выводы из практического применения марксизма, марксизм сам по себе, по своему объективному содержанию не может, с точки зрения «беспартийного» Адлера, перестать от этого быть аполитичным, внеклассовым и внепартийным учением. «Ни отрицательное партийное отношение заинтересованных буржуазных кругов и классов к марксистской теории, ни радостное восприятие этого учения пролетариатом не может ему самому придать партийного характера. Марксизм приводит к партийной группировке против себя, даже способствует ей, но сам по себе он остается вне всякой партийной установки» («Учебник», стр. 23). Партийность, с точки зрения М. Адлера, несовместима с объективностью, поэтому она относится не к науке, а к мировоззрению. Марксизм—внеклассовая и внепартийная социология, так поучает М. Адлер читателей своего «учебника».

Адлер не возражает принципиально против применения марксизма к пролетарской практике. Напротив, он очень много говорит о единстве марксистской теории и пролетарской практики и даже не стесняется называть это единство диалектическим. Но диалектическое единство теории и практики, в адлеровском смысле, разумеется, не имеет ничего общего с диалектическим единством теории и практики. Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин, говоря о диалектическом единстве теории и практики, всегда имели в виду, что теория порождается практикой, развивается на основе практики, практикой проверяется, освещает путь практики, вооружает последнюю и делает ее сознательной и целесообразной.

Ничего подобного мы не находим у М. Адлера. «Диалектическое единство» теории и практики у него исчерпывается без остатка односторонним применением марксизма как «социологии» к описанию внешней связи классов, классовой борьбы пролетариата, в результате которого остается совершенно нераскрытой ни внутренняя сущность классовой борьбы, ни закон ее развития, ни ее конечная цель. Адлер ни под каким видом не хочет признать практику критерием истины. Правильность или неправильность какой-либо теории, с его точки зрения, может быть установлена только теоретическим путем. Практика тут не при чем. «Оба великих учения — о вращении земли вокруг солнца и о животном происхождении человека — вплоть до сегодняшнего дня все еще разжигают партийные страсти, все же ведь никто не сомневается в том, что они по существу теоретические учения, правильность или неправильность которых можно установить только теоретическим путем» («Учебник», стр. 22).

Степень правильности положений научной теории определяется Адлером степенью объективности или, что то же самое, с его точки зрения, степенью независимости их от материи, от практики. Применение практики к теории в качестве критерия правильности или неправильности последней вносит, по Адлеру, элемент субъективности в теорию и снижает таким образом степень ее объективности и научности. С точки зрения Адлера не теория должна проверяться на практике, а, наоборот, практика должна согласовываться с теорией. Практика, по его мнению, вытекает из теории как результат применения последней к познанию данного нам в сознании потока явлений. Но теория не вырастает на основе практики, не отражает практики и не проверяется практикой. Теория не зависит от практики и не определяется ею.

Теория, по Адлеру, абсолютно аполитична. «Если марксизм действительно находится в неразрывной связи с политической пролетарской классовой борьбой, так что он действительно стал боевым учением социалистически-революционного пролетариата, то это следует понимать, как мы это еще увидим, как вывод из его теории, но не как предпосылку последней. Политическая сторона марксизма принадлежит следовательно несомненно также к марксистской теории, но только как ее применение к современности и к будущему. Сам по себе и в первую очередь марксизм, как и каждая наука, совершенно не политичен, если под этим словом понимается политическое отношение к партии. Марксизм по своему существу является теоретической системой мыслей, а именно — теорией общества...» («Учебник», стр. 71).

Теория, таким образом, выступает у Макса Адлера в качестве априорной системы готовых положений, которые прилагаются к практике внешним образом, не находясь с ней во внутренней необходимой связи. Практика ни в чем не должна прекословить теории, но теория ни в чем не должна считаться с практикой.

* * *

Усиленной «обработкой» марксизма занимается и К. Реннер, маститый представитель австро-«марксизма», бывший канцлер австрийской

буржуазной республики, который начисто выхолащивает марксизм, превращая его в «науку» о вчерашнем дне, и открыто призывает рабочий класс к полному отречению от Маркса. Имя Маркса, по мнению Реннера, уже больше не объединяет силы пролетариата, а, напротив, раскалывает последний, вносит в его ряды раздор и смуту. «Ссылка на Маркса,—говорит Реннер,—далека теперь от того, чтобы иметь только один смысл и служить следовательно фактором объединения, наоборот, она сейчас уже создает для пролетариата опасность теоретического и практического раскола.

Ссылка на Маркса «дезориентирует, а не просвещает, раскалывает, а не объединяет» (Реннер, «Является ли марксизм идеологией или наукой». «Дер Кампф» № 6 за 1928 г.).

Почему же, по Реннеру, ссылка на Маркса якобы раскалывает рабочий класс, а не объединяет? Вот какие соображения выдвигает Реннер. Он указывает, что пролетариат каждой страны имеет свою особую идеологию, качественно отличную от идеологии рабочего класса других стран. Эта особая идеология у пролетариата той или иной страны складывается на основе особого типа рабочего социалистического движения, присущего этой стране.

«Идеологическая надстройка,—пишет Реннер,—вытекающая из классового положения пролетариата, его социалистическое мировоззрение дифференцируется от одной страны к другой... Для каждой страны в процессе классовой борьбы выдвигаются особые проблемы, накаплиется особый опыт в результате успехов и поражений и особые массовые переживания находят себе духовное выражение в особом массовом мышлении» (Реннер, «Является ли марксизм идеологией или наукой»). Единой пролетарской идеологии не существует, так как не существует единого типа социалистического движения пролетариата. «По существу имеется столько же форм социализма, сколько государств и стран на земле» (Реннер). И вот когда учение Маркса начинают выдавать за несуществующую в действительности единую пролетарскую идеологию, между пролетариатом отдельных стран возникает ничем не оправдываемая «братоубийственная» борьба за Маркса и его учение. Рабочий класс каждой страны начинает выдавать свою идеологию, действительную только для него самого, за единую марксистскую общеклассовую пролетарскую идеологию, начинает навязывать свою идеологию рабочему классу других стран. На этой почве между идеологами пролетариата отдельных стран возникают взаимные обвинения в отступлении от Маркса и в измене марксизму. Имя Маркса и учение последнего, таким образом, становится «яблоком раздора» между рабочим классом различных стран. Только полный отказ от марксизма как идеологии, от Маркса как идеолога может избавить рабочий класс от взаимных обвинений в антимарксизме и от «братоубийственной» борьбы. Только полное отречение от Маркса и его учения может направить рабочее движение во всех странах на путь «деловой», «практической» борьбы за социализм.

Таков примерно ход мыслей Реннера по вопросу о том, почему ссылка на Маркса якобы раскалывает рабочий класс, а не объединяет.

Выступление апологета капитализма Реннера с призывом к рабочему классу отречься от Маркса и его учения всецело конечно продиктовано интересами фашизирующей империалистической буржуазии и имеет своей целью оправдание подлости и измены социал-фашизма, провоцирование с.д. рабочих на борьбу с революционным движением пролетариата, руководимым коммунистическими организациями. Социал-фашизм, по мысли Реннера, представляет собой особую, наиболее распространенную форму социалистического движения, которая соответствует и определяется социалистической идеологией.

Особой формой социалистического движения Реннер считает и коммунизм. Но коммунистическая форма рабочего движения специфически при-

суша, по его мнению, только Советскому союзу и не переносима в другие страны. За пределами Советского союза эта форма рабочего движения и соответствующая ей идеология не имеет, по Реннеру, своей идейной основы. С точки зрения Реннера коммунизм и идеологическая надстройка—марксизм-ленинизм—это чисто русское явление. «Теории русского большевизма,—пишет Реннер,—являются не чем иным, как индукцией, выведенной из русского опыта, оправдывающей определенные события, точно так же, как марксизм в Германии—из немецкого и австро-марксизм—специфически австрийского опыта. Но всякая из этих теорий не только территориально ограничена, она является также опытом вчерашнего, предшествующего ему дня и не может быть ничем другим».

«Большевизм, меньшевизм, австро-марксизм, реформизм, лейборизм являются не чем иным, как систематизацией частичной практики вчерашнего дня. Никакая из этих форм не может быть перенесена из одной страны в другую и целиком со вчерашнего дня на сегодняшний» (Реннер, там же).

Итак, социал-фашизм, по Реннеру,—единственно законная форма «социалистического» движения на Западе, что же касается коммунизма, то последний действителен только для СССР и то лишь в качестве переходной ступени к «демократии»! Наличие коммунистического движения в западноевропейских странах, с точки зрения Реннера, есть лишь результат «искусственного» перенесения опыта русского большевизма в страны «развитой демократии», и внутри этих стран он не имеет никакой реальной основы. Реннер как добропорядочный буржуа требует конечно очищения Западной Европы от коммунистической «заразы». Надо уничтожить коммунистическое движение в капиталистических странах, покончить с большевизмом в СССР, покончить с марксизмом-ленинизмом как идеологией этого движения и обеспечить социал-фашизму монополию на руководство рабочим движением,—тогда все будет в порядке, тогда капитализм может спокойно вращаться в социализм.

Таков политический смысл рассуждений Реннера о «дифференцированной» идеологии пролетариата, о невозможности перенесения опыта рабочего движения из одной страны в другую и о многих прочих вещах.

Реннер предлагает пролетариату отказаться от революции и принять «марксизм без Маркса». Вместо революционных, большевистских методов борьбы он советует ограничиться ведением повседневной «эмпирической» борьбы, вполне приемлемой для буржуазии. Только такая борьба, по мнению Реннера, может привести рабочий класс к «реальным» успехам. Как пример «успешного» осуществления «марксизма без Маркса» Реннер приводит английскую «рабочую» партию. «Лейбористская партия,—говорит он,—это осуществление марксизма без его учения, она как бы представляет собой «марксизм без Маркса».

Английская «рабочая» партия, по Реннеру, имеет самые крупные успехи в борьбе за социализм, которых не имеет ни одна из других «социалистических» партий. Эти успехи он объясняет исключительно тем, что лейбористская партия «сознательно или бессознательно», но всегда «отвергала теоретическое обоснование», всегда «действовала чисто опытным путем, чисто эмпирически или индуктивно» (Реннер).

Англию Реннер называет «передовой страной социалистического развития», а лейбористскую партию—идеальной, передовой социалистической партией.

«Мы, обитатели континента,—пишет Реннер,—за исключением русских, все придерживаемся того мнения, что эта английская рабочая партия, которая сама по себе является самой сильной рабочей партией и развивает свою деятельность в стране, имеющей решающее значение для всего мира, решит судьбу социализма в Европе». Но в таком случае как же поступить

с опасной теорией Маркса? Может быть о ней надо просто забыть, вообще не вспоминать? О нет, Реннер понимает, что не вспоминать о марксизме нельзя, иначе социал-фашистское руководство само окончательно будет забыто и покинуто с.-д. рабочими. Он, Реннер, не может допустить этого. Поэтому он за Маркса и за марксизм. Ведь он «ученик Маркса». Он «только» против того, чтобы Маркс и марксизм были знаменем революционной борьбы рабочего класса.

Маркса Реннер изображает исключительно как ученого наблюдателя, а марксизм как «эмпирическую науку» о методическом наблюдении. Наблюдение за ходом событий и накопление исторического опыта характеризуют, по Реннеру, деятельность Маркса и существо марксизма. «Всю свою жизнь Маркс присоединяет к прошлому опыту новые данные и приспособляет к ним свою теорию. Маркс всегда стремился к новым фактам и расширению сферы своего наблюдения. Весь его метод работы представляет собою метод социологического эмпиризма» (Реннер). То, что Маркс был прежде всего пролетарским революционером и что марксизм является пролетарским мировоззрением и руководством к революционному действию, Реннер начисто отрицает. Марксизм — «эмпирическая наука», по мнению Реннера, а «наукой», говорит он, могут овладеть лишь немногие. Наука недоступна миллионам. Миллионы способны к массовым действиям, но никак не к методическому наблюдению и собиранию исторического опыта.

Пропаганда марксизма, хотя и может иметь крупные успехи, но эти успехи, по Реннеру, чреваты большими опасностями. Рабочие активно воспринимают марксизм, но они не понимают его как науку. Не умея понять марксизм как науку, рабочие начинают видеть в нем классовое мировоззрение или классовую идеологию. «Таким образом,—говорит Реннер,—марксизм, который является и должен являться наукой, превращается в идеологию». Марксизм в качестве идеологии начинают применять уже не к наблюдению и не к накоплению исторических фактов, а к вопросам классовой борьбы. Из «некогда социологического эмпиризма» он превращается в руководство к действию, в теоретическое обоснование классовой борьбы. Но в этом-то как раз и заключается, по Реннеру, величайшая опасность как для классовой борьбы пролетариата, так и для теории Маркса. Пролетариат потому и должен отказаться от учения Маркса, что он не умеет с ним обращаться, как с наукой, не может понять его иначе, как идеологию, и не может его иначе использовать, как только в качестве теоретического обоснования своей практики. Марксизм как «эмпирическая наука» и как «метод социологического эмпиризма» должен принадлежать, по Реннеру, не пролетариату, а ученым наблюдателям.

Реннер в данном случае отличается от М. Адлера тем, что он даже высушенную им до основания теорию Маркса не хочет уступить пролетариату, боясь, что она и в таком виде может еще оказаться революционизирующей силой и создать смертельную опасность для капитализма. Задача Реннера сводится к полному теоретическому разоружению пролетариата с тем, чтобы направить борьбу последнего по пути стихии и самотека, подчинив ее таким образом руководству буржуазной контрреволюции. В качестве заслуженного «лекаря» умирающего капитализма Реннер осуществляет ту же задачу, что и его коллега по службе буржуазной контрреволюции—М. Адлер. Но в отличие от последнего он для спасения своего хозяина и пациента составляет несколько иные рецепты, рекомендуя более «радикальные» средства лечения. В наши дни «медицина» К. Реннера представляет собою прямое оправдание фашистской диктатуры, фашистской расправы с революционным движением пролетариата.

Теоретические установки социал-фашиста Реннера целиком согласуются с тем, что проводится в настоящее время правительством Гитлера на

практике. Гитлер и его «банды» тоже не против «повседневной» «эмпирической» борьбы пролетариата, они тоже за «социализм», но... против Маркса и марксистской теории. Правительство Гитлера тоже борется за антимарковский «социализм», который отличается от «социализма демократического» тем, что называет себя «социализмом национальным», и в этом вся разница. Гитлер считает, что «национал-социализм» для Германии является более законной формой «социализма», нежели социал-фашизм. Это кстати признают теперь и сами немецкие социал-фашисты. Правительство Гитлера так же, как и Реннер, считает, что коммунизм в Германии не имеет никакого права на существование, что он представляет собой сорную траву на немецкой земле и что с ним надо расправиться самым решительным образом при помощи самых «радикальных» средств. Правда, фашисты показывают себя в этом вопросе более последовательными, чем К. Реннер. Фашисты (при полном конечно сочувствии, при политической и идеологической поддержке Реннеров, Каутских) уничтожают коммунизм посредством самого разнузданного, дикого, кровавого фашистского террора в целом ряде не только западноевропейских стран, но и на Востоке—в Японии, Китае и т. д. Они (опять же при полном сочувствии Реннеров и Каутских) берут на себя также и роль застрельщиков интервенции СССР. Короче говоря, линия теоретической работы Реннера, линия его политического отношения к коммунизму, т. е. революционному марксизму, совпадает в основном с практической деятельностью фашистских головорезов.

Словесное недовольство Реннера и ему подобных фашистским режимом основано больше на трусости и лицемерии, присущих всей социал-фашистской «демократии», чем на разногласиях принципиального и классового характера. Этим же объясняется и тот факт, что Реннер и К^о с удивительным, волевым терпением и покорностью принимают личные и партийные обиды, прубость и пинки от фашистских головорезов. Реннер, Адлер и К^о никогда конечно не собирались и не собираются вести действительной борьбы с фашизмом. Если они позволяют все же лицемерно бурчать себе под нос по адресу фашизма, то на это они вынуждены пойти, чтобы хоть таким способом попытаться удержать массы от перехода к коммунизму. Ворчание Реннеров объясняется главным образом их страхом перед коммунистической революцией. Парой-другой лицемерных ругательств, произносимых по отношению к фашизму, вожди современного социал-фашизма селятся восстановить в массах престиж II интернационала, так сильно подмоченный вождями германской социал-демократии.

Пока немецкие социал-демократы покорно гнут спины перед гитлеровскими дубинками и пока эти дубинки непосредственно не задевают спины австрийских социал-фашистов, Реннер старается использовать словесную «борьбу» с фашистской диктатурой для удержания рабочих масс, идущих под руководством социал-демократии, от перехода в лагерь пролетарской революции.

Реннер ворчит не против фашистской диктатуры по существу, принципиально, а лишь против «неприличных», слишком явно компрометирующих фашизм методов практического осуществления этой диктатуры, методов грубых, не столько способствующих росту сил буржуазной контрреволюции, сколько приводящих к сужению социальной опоры империалистической контрреволюции. Своей лицемерной оппозиционностью фашизму Реннер и К^о фактически пытаются оказывать ему прямую помощь в деле сохранения и расширения социальной опоры фашистской диктатуры. Впрочем запасы ругательств у Реннера начинает быстро истощаться. В позднейших своих выступлениях Реннер свое ворчание по адресу фашизма уже сменил на проповедь терпения и спокойствия. Пройдет еще немного времени, и К. Реннер наверное выступит публичным певцом фашистского режима, установлению

которого он активно содействовал своей теоретической и практической деятельностью.

Философия Реннера не терпит единства теории и практики. Практическая (или, как он говорит, «эмпирическая») борьба пролетариата, по его мнению, будет значительно плодотворнее, если она будет свободна и независима от марксистской теории. Теоретическую форму классовой борьбы Реннер принципиально отрицает. Теория, по Реннеру, — это только «систематизация частичной практики вчерашнего дня». С точки зрения Реннера не существует никакой внутренней закономерной связи между тем, что было вчера и что есть сегодня. Поэтому теория применима только к прошлому, к тому, что было. К практике текущего дня она неприменима. На основе теории можно объяснять минувшие события, но нельзя практически действовать. Теория не является руководством к действию. Научное предвидение, с точки зрения Реннера, принципиально невозможно. «Является вредным извращением», — пишет Реннер, — если я с помощью постигнутых мной положений науки хочу заранее определить наш опыт, т. е. как мы должны действовать». Каждый шаг в реальной жизни, каждый кусок живой человеческой практики представлен у Реннера как нечто абсолютно самостоятельное и случайное. Соответственно этому и задача теории или науки должна быть ограничена собиранием и группировкой как бы не связанных друг с другом и абсолютно случайных исторических фактов. Живая человеческая практика доставляет теории новый опыт для обобщений и систематизации. Но сама практика ничем не обязана теории и развивается совершенно самостоятельно, вне всякого влияния последней.

К разрыву теории и практики Реннер подходит немного иначе, чем М. Адлер. Последний, как мы видели, выдвигает тезис о полной независимости теории от практики. Реннер же практику считает совершенно свободной от теории. Эти «разногласия» между Адлером и Реннером конечно внешние и мнимые. На деле каждый из них по-своему уродует марксизм и теоретически обезоруживает рабочий класс. Адлер пытается обезоружить рабочий класс тем, что он рекомендует ему руководствоваться выхолащенной и не подлежащей якобы никакой практической проверке теорией. Обезоруживает его и Реннер своим учением о независимости практики от теории. Разрыв теории и практики — одна из вреднейших традиций и догм II интернационала — доведен у названных идеологов социал-фашизма, так же как у всех остальных, до крайних пределов и выступает в форме прямой борьбы как против теории революционного марксизма, так и против революционной практики пролетариата.

Выше мы говорили, что Реннер призывает рабочий класс к отречению от Маркса. Мы говорили также и о том, что Маркс, по мысли Реннера, должен принадлежать ученым наблюдателям. Теперь нам остается сказать еще несколько слов о том, кого же собственно имеет в виду Реннер, когда он говорит об ученых наблюдателях. Кто эти люди, которым наш австро-«марксист» отводит монопольное право на Маркса?

Реннер имеет в виду конечно в первую голову идеологов социал-фашизма, которые почти все считают себя специалистами по вопросам «марксистской социологии» и пишут учебники по «материалистическому» пониманию истории. Спрашивается, для чего собственно понадобилось Реннеру добиваться монополии на марксизм, если он сам расписался в полной якобы «непригодности» его для рабочего класса и «неприменимости» его в борьбе за социализм?

Реннер хорошо знает, что он делает, ибо, отрывая теорию Маркса от практической борьбы пролетариата, он как нельзя лучше приспособливает «марксизм» на службу современному капитализму. По Реннеру, Маркс учил не об уничтожении капитализма путем пролетарской революции, а о необхо-

димости рационализации капиталистического производства и возможности вырывания социализма в лоне капитализма. Он пишет: «Изумительная точность, строгая целесообразность и крепкая организация фабрики невольно вызывает у него (у Маркса) уважение. Он начинает повсюду — в хозяйстве и в жизни — требовать рациональной организации производства». «Предшественники Маркса далеки были от мысли, что существующая теперь форма хозяйства связана с социализмом. Напротив, они считали капитализм абсолютной противоположностью социализма, несовместимой с ним»... «Основное теоретическое достижение К. Маркса заключается в следующем: противоположность между существующим и социалистическим общественным строем не помешала ему познать, что социалистический строй подготавливается развитием капитализма»... «Этот, все еще капиталистический в своих внешних проявлениях (а в сущности этот строй, по Реннеру, уже социалистический. — И. Ш.), строй таит в себе социализм; последний развивается и растет в лоне капитализма» (Реннер, «Марксизм и антимарксизм»).

Стало быть монополия на марксизм понадобилась реакционеру Реннеру не столько для «ученых» занятий, сколько для защиты современного капитализма и оправдания нынешней практики контрреволюционной буржуазии. Чтобы лучше приспособить марксизм к оправданию современных капиталистических отношений, Реннеру необходимо было разорвать теорию Маркса и практическую борьбу пролетариата, изолировать их друг от друга, ибо в своем единстве они образуют несокрушимую силу пролетарской революции.

В «Коммунистическом манифесте» Маркс и Энгельс писали: «Пусть господствующие классы содрогнутся перед коммунистической резолюцией. Пролетариям нечего терять в ней, кроме своих цепей. Приобретут же они целый мир». Социал-фашист Реннер, по уши погрязший в болоте буржуазной контрреволюции, пытается доказать, что это знаменитое положение «Коммунистического манифеста» давно перестало быть актуальным и стало теперь просто ложным. «Положение, что пролетариат ничего не может терять, кроме своих цепей, с чисто экономической точки зрения является ложным». «Что пролетариату политически нечего терять, кроме своих цепей, это заблуждение» (!!) (Реннер, «Марксизм и антимарксизм»).

Рабочий класс, по Реннеру, в результате «эмпирической» стихийной борьбы с буржуазией достиг в настоящее время таких успехов, что ему теперь есть за что беспокоиться в случае приближения коммунистической революции: ведь случись коммунистическая революция — она неизбежно принесет с собой и диктатуру пролетариата, а последняя отнимет у рабочего класса такое «приобретение», как буржуазная «демократия». И вот, чтобы сохранить «демократию» (демократию для богатеньких, как неоднократно говорил Ленин), Реннер призывает рабочий класс к борьбе с угрозой коммунистической революции и к защите существующего ныне в капиталистических странах общественного строя.

Таковы вкратце «самоновейшие» теоретические установки двух крупнейших идеологов социал-фашизма М. Адлера и К. Реннера. Первый из указанных теоретиков социал-фашизма, как мы видели, специализируется главным образом по части прямой борьбы с философскими основами революционного марксизма, второй — с основами научного социализма. Но оба они являются смертельными врагами революционного марксизма-ленинизма и главного в нем — диктатуры пролетариата.

Подготовка новой войны за ширмой социал-фашистского пацифизма

(О книге Каутского „Война и демократия“)

П. Вышинский

19 лет прошло с тех пор, как господствующие классы империалистических держав развязали кровавую бойню за передел мира. Эта, согласно лживой легенде империалистов якобы за «свободу наций» и «демократию», война стоила трудящемуся человечеству миллионов жизней и неслыханных страданий, горя и лишений и, закончившись Версальским миром, взвалила на плечи трудящихся всю тяжесть военных долгов и репараций, снизила их жизненный уровень значительно ниже довоенного. В то же время война повергла капиталистический мир в состояние всеобщего кризиса и обострила все империалистические противоречия. Тем самым эта «последняя», согласно лицемерной демагогии буржуазных и социалистических пацифистов, война заложила основы для новой мировой войны, еще более широкой и разрушительной, чем война 1914 г. И только трудящиеся Советской страны, которые под руководством пролетариата сумели превратить войну империалистическую в войну гражданскую и в революцию, не знают неслыханной послевоенной кабалы и империалистического угнетения, не стонут под бременем «военных бюджетов». Конечно, пока наша страна находится в окружении вооруженных до зубов империалистических хищников и пацифистских поджигателей войны, до тех пор мы должны всемерно бороться за усиление мощи Красной армии и за укрепление обороноспособности нашей страны. Именно благодаря мощи нашей Красной армии и неуклонно мирной политике правительства трудящиеся нашей страны могут продолжать строительство социализма. Опасность нападения на нас может стать фактом в любой момент, однако наша страна к ней подготовлена, трудящиеся Советского союза будут сознательно бороться и отстаивать свое дело, в то время как трудящиеся капиталистических стран могут быть волею империалистических правителей насильно брошены в горнило войны, чтобы своею кровью защищать интересы своих угнетателей.

«Мир» после войны 1914 г. был перегруппировкой сил, и теперь подготовка и уже практическое вползание в войну (Япония в Китае) идет полным ходом. Для капиталистического мира нет иного способа разрешения душащих его противоречий, кроме периодических войн.

Для грабительской империалистической войны нужны люди, пушечное мясо. Поэтому естественно, что обман масс относительно войны, и ее подготовки, сеяние иллюзий относительно малой реальности опасности войны, усиление антимилитаристского духа широких масс, на плечи которых падет вся тяжесть новой войны, составляют необходимую ступень или фазу в этой подготовке. Главную скрипку в этой музыке усыпления классово-бдительного-

сти пролетариата и всех трудящихся играют социал-демократические пацифисты из лагеря II интернационала.

Это соучастие лидеров «Социалистического» интернационала в организации новой войны выражается во всем: в их отказе от совместной борьбы единым пролетарским фронтом с фашизмом как инициатором и организатором войны; в активном противодействии антивоенным конгрессам, созывавшимся противниками войны и милитаризма; в активном участии в Лиге наций — Лиге «империалистического пацифизма» (Сталин), всей своей «работой» форсирующей вооружения, войну и интервенцию против Советского союза. Но подлинная стихия социалистических пособников военной авантюры из лагеря II интернационала — это насквозь лживая и лицемерная пацифистская демагогия, посредством которой они стремятся идеологически подготовить к войне и интервенции массы капиталистического тыла.

В лагере капиталистов перед войной появляется особенно много пацифистских бардов. Самые хищные волки милитаризма прикрывают отвратительную агрессивность своей политики овечьей шкурой человеколюбия и пацифизма. Достаточно упомянуть, что ныне «пацифистами» являются и Муссолини, и Пилсудский, и почти сам Гитлер. Япония глохнет Китай под лозунгом «мирных намерений». Поэтому социал-пацифистская пропаганда отличается от грубо империалистического пацифизма не по существу, но лишь по внешней форме, по оттенкам и тонкости работы. «Социалистический» пацифизм более гибок, тонк и принаровлен к уровню обывателя, подкрашен «социалистической» водичей, наряжен в костюм марксистской фразеологии; иногда ему придается «научная» форма «материалистического» понимания истории и учения об «ультраимпериализме», как это имеет место у Каутского.

Свою позорную роль в деле подготовки новой войны социал-демократия (социал-фашизм) выполняет ныне куда более откровенно, чем в 1914 г. Политика и тактика социал-шовинизма 1914—1918 гг. тщательно изучаются социал-фашистскими теоретиками и кладутся в основу нынешнего поведения как «исторический опыт». Новую войну социал-фашистские верхи хотят встретить «более подготовленными». Не потому, что они хотят исправить некоторые «ошибки» своей традиционной (с 4 августа 1914 г.) социал-шовинистической политики. Нет, они будут вести ту же линию — за «версальцев», «против коммунаров» (Ленин), — но только с большей уверенностью и смелостью. В 1918 г. их напугал призрак пролетарской власти. Впредь они надеются более плавно вывести капиталистический корабль из военной бури, не допустив никакого революционного потрясения. Если в 1917—1918 гг. они считались со всеми возможными исходами войны, кроме революционно-пролетарского, то теперь они как раз предвидят со стороны революционного пролетариата попытки искать выхода из войны на путях революции и готовятся к своей предательской и палаческой роли верных пособников буржуазии — душителей революции.

1914 г. является великим историческим рубежом, которым вместе с Октябрьским переворотом 1917 г. открывается первый тур войн и революций, кладется начало всеобщему кризису капитализма и существованию на земном шаре двух систем.

В истории социалистического движения этот год является знаменательной датой, когда ярко, как никогда, обнаружилось, что «господствующий официальный социализм эпохи II интернационала (1889—1914) изменил марксизму, впал в оппортунизм» (Ленин). Вопрос об отношении к войне послужил поводом к окончательному и давно уже назревшему размежеванию течений в «старой социал-демократии» — на революционных марксистов и на социал-шовинистов, вставших в войне на сторону отечественной буржуазии. В том же 1914 г. Ленин писал:

«Измена социализму большинства вождей II интернационала (1889—

1914) означает идейно-политический крах этого интернационала. Основной причиной этого краха является фактическое преобладание в нем мелкобуржуазного оппортунизма, на буржуазность коего и опасность давно указывали лучшие представители революционного пролетариата всех стран. Оппортунисты давно готовили крах II интернационала, отрицая социалистическую революцию и подменяя ее буржуазным реформизмом, отрицая классовую борьбу с ее необходимым в известные моменты превращением в гражданскую войну и проповедуя сотрудничество классов, проповедуя буржуазный шовинизм под видом патриотизма и защиты отечества и игнорируя или отрицая основную истину социализма, изложенную еще в «Коммунистическом манифесте», что рабочие не имеют отечества; ограничиваясь в борьбе с милитаризмом сентиментально-мещанской точкой зрения, вместо признания необходимости революционной войны пролетариев всех стран против буржуазии всех стран»¹).

Движение подлинно левых революционных элементов в международной социал-демократии возглавили большевики (Ленин). Они подняли знамя создания нового, Коммунистического интернационала вместо обанкротившегося, извращенного реформизмом и оппортунизмом социал-демократического II Интернационала.

Отрицая крах II интернационала, социал-шовинисты свое прислужничество империалистической буржуазии своих отечеств оправдывали лицемерными софизмами о возможности сочетать пролетарский интернационализм с лозунгом «защиты отечества».

В деле оправдания войны и обеления социал-патриотов особенно гнусную роль играл главный представитель «центризма» — Карл Каутский. Недаром Ленин, партия которого одна проводила линию до конца последовательного революционного интернационализма, писал в то время:

«Каутского ненавижу и презираю сейчас хуже всех: поганенькое, дрянненькое и самодовольное лицемерие. Ничего-де не случилось, принципы-де не нарушены, все были вправе защищать отечество. Интернационализм, извольте видеть, в том и состоит, чтобы рабочие всех стран стреляли друг в друга «во имя защиты отечества»... Нет на свете теперь ничего более вредного и опасного для идейной самостоятельности пролетариата, как это поганое самодовольство и мерзкое лицемерие Каутского, желающего все затушевать и замазать, успокоить софизмами и, якобы, ученым многоглаголением разбуженную совесть рабочих. Если Каутскому это удастся, он станет главным представителем буржуазной гнили в рабочем движении»²).

Замазывая, затушевывая крах II интернационала, измену и предательство его вождей, Каутский выдвинул тогда положение, что «Интернационал — инструмент мира»³) и что следовательно он прекращает свое действие во время войны. На время войны прекращается, значит, интернационализм, международная солидарность трудящихся, и социалисты всех стран должны встать на защиту своего отечества, т. е. своей буржуазии.

Ожидая окончания войны, Каутский в развитие своей установки проповедывал «взаимную амнистию» всех социал-патриотов и восстановление нарушенных войной интернациональных связей между социалистическими партиями. За это предложение вновь восстановить оппортунистический Интернационал, вновь гальванизировать его смердящий труп ухватились социал-шовинисты всех стран. Но против этого «социал-шовинистского способа «восстановления» Интернационала»⁴) энергично выступили большевики

¹) Ленин, Тезисы о войне, Лен. сб. XIV, стр. 10—11.

²) Ленин, Собр. соч., т. XXIX, стр. 143—144.

³) «Интернационал не есть пригодное оружие во время войны, он есть по сути дела инструмент мира» («Neue Zeit», стр. 248, 27/IX 1914, Каутский, «Еще раз о наших иллюзиях»).

⁴) Ленин, Собр. соч., т. XVIII, стр. 213.

(Ленин), разоблачая тактику Каутского и Плеханова, Вандервельде и Адлера и всех прочих предателей и изменников делу рабочего класса.

Каутскому и К^о не легко удалось осуществить свое намерение по восстановлению Интернационала для дальнейшего предательства пролетариата и прислужничества буржуазии. Только посредством долгих маневров (Лугано, Копенгаген, Циммервальд, Кинталь, Стокгольм) и уже после войны, когда генеральные штабы «разрешили» и «допустили», каутскианцам удалось «восстановить» Интернационал (сначала наряду со II интернационалом существовал 2½, или Венский интернационал «независимцев», слившийся затем в 1923 г. со II интернационалом).

Политика социал-демократии II интернационала в 1914 г. (отношение к войне, вотирование военных кредитов и т. д.) была исходным пунктом всей дальнейшей политики социал-демократии и ее эволюции через социал-шовинизм к социал-фашизму. Коминтерн не переставал снова и снова напоминать рабочим всего мира о позорной измене вождей в 1914 г., о крахе II интернационала. Каутскианцы стремятся забыть, замазать или обойти факт своей позорной измены в 1914 г. Коммунистическая критика делала вопрос о поведении с.-д. вождаков в дни войны «болезненным местом», по которому и била. Вот почему Каутский на склоне лет, в 1932 г., решил еще раз и наиболее «основательно» (многоглазольно) высказаться по поводу тех нелегальных фактов, к которым коммунисты всегда будут пригвозждать, как к позорному столбу, социал-демократических вождей.

Так возник у Каутского план четырехтомного исследования «Война и демократия».

В предисловии к вышедшему первому тому «Krieg und Demokratie» Каутский прямо говорит о поводе, послужившем к написанию книги. Он вспоминает о Циммервальдской конференции 1915 г.

На этой конференции, от участия в которой Каутский и его ближайшие сторонники отказались, развернулась борьба между левыми элементами социал-демократии, работу по консолидации которых вели большевики, и центристско-пацифистскими элементами, склонявшимися преимущественно в сторону скрытой и откровенной поддержки оборончества и социал-патриотизма. Каутскианские элементы составляли большинство конференции, и это нашло свое выражение в документах конференции. Однако сплочение левых элементов обанкротившегося II интернационала и провозглашение ими на этой конференции революционных интернационалистских лозунгов имело громадное значение. Среди левых циммервальдцев тоже не было полного единодушия по вопросам войны. Ленину приходилось вести разъяснительную борьбу со шведскими, норвежскими и голландскими сторонниками Циммервальда, которые склонны были противопоставлять милитаризму гуманитарно-пацифистские фразы, и с немецкими «левыми», группировавшимися вокруг журнала «Интернационал» и впоследствии образовавшими союз «Спартак», которые обнаруживали антиисторический поход к проблемам войны, отрицая исторически-прогрессивную роль национально-освободительных войн, и нелегко освобождались от абстрактных лозунгов «война—войне». В критике социал-пацифистских предрассудков в идеологии левых групп международной социал-демократии большевики идейно и организационно руководили левыми.

Это сплочение революционно-интернационалистских элементов получило свое выражение также и в организационных формах: было организовано Бюро циммервальдской левой (во главе с Лениным), которое провело большую пропагандистскую работу и явилось зародышем возникшего впоследствии Коммунистического интернационала.

Резолюции Циммервальда отражали каутскианские настроения, тем не менее рабочие всех стран могли делать свои выводы из обнаружившихся рас-

хождений между точками зрения интернационалистской левой Циммервальда и колеблющимися к шовинизму центристами. После второй Циммервальдской конференции (Кинталь) расхождения углубились, центристская часть циммервальдского блока ускоренно эволюционировала в сторону примирения с социал-шовинистами своих партий и поддержки Международного соц. бюро (II интернационал). Циммервальдское движение оказалось таким образом захваченным каутскианцами, стремившимися сделать его исходным пунктом оживления и возрождения находящегося в состоянии прострации (чтобы дать возможность вождям спокойно работать в генеральных штабах и военных правительствах) Интернационала. Учитывая это, Ленин призвал своих сторонников уйти из Циммервальда, сыгравшего свою роль.

Историческое значение Циммервальда очень велико. Он положил начало собиранию сил всех тех оставшихся верными революционному марксизму элементов, которые не могли примириться с поведением лидеров II интернационала и его официальных партий. Социал-шовинисты и каутскианцы (центристы) окружили Циммервальд атмосферой враждебности. Они решили сманеврировать, пойдя на участие в нем (сам Каутский и другие официальные вожди немецкой с.-д. отказались от участия в Циммервальдской конференции) для того, чтобы удушить его в своих мертвящих объятиях. Они ухватились за Циммервальд из боязни перед объединением революционных сил и в надежде сделать из Циммервальдской конференции начало возобновления деятельности II интернационала на основе «взаимной амнистии».

«Одна из важнейших задач Циммервальда, — пишет Каутский, — должна была состоять в том, чтобы сделать II интернационал вновь функционирующим. Ленин и его люди, напротив, хотели уже тогда создания еще одного пролетарского Интернационала, который бы плясал под большевистскую дудку. Война не только против войны, но также и против всех партий, примыкающих ко II интернационалу, противодействие всякой попытке их восстановления — вот что было их целью. Для них циммервальдское движение было только преддверием для третьего, русским большевизмом управляемого, Интернационала»¹⁾.

Уже при одном воспоминании Каутского выводит из себя тот факт, что большевики во главе с Лениным помешали тогда «восстановлению» II интернационала, т. е. помешали усилению и укреплению организационных связей международного оппортунизма.

Каутский страшно недоволен, что большевики расстроили примиренческие, соглашательские ходы центристов и социал-шовинистов, вскрыли «глубину их реформизма», помешали им «восстановить свое подорванное влияние на массы» (Ленин), ускорили разложение II интернационала, возглавили движение левых революционных элементов в деле скорейшего создания нового, пролетарского интернационала, «очищенного от оппортунизма и шовинизма» (Ленин).

Как тут не быть бессильной злобе на «злокозненных» большевиков! Ведь не помешай они, авось Каутским удалось бы с большим успехом «втереть очки» рабочим массам: доказать, что можно, дескать, сочетать «защиту отечества» с участием в работе социалистического Интернационала, т. е. демонстрировать интернациональную солидарность социалистов всех стран! Ведь таким образом можно было бы замазать, снять с социал-демократии обвинение в измене!!²⁾.

¹⁾ Kautsky, Krieg und Demokratie, Vorrede, S. V.

²⁾ Именно такую оценку получила книга Каутского у социал-демократической критики. Арт. Розенберг прямо заявляет, что в «Krieg und Demokratie» Каутский «ставит на место криков об «измене» и «изменниках» «точное историческое понимание», «Каутский как никто другой призван разрешить эту научную (!) задачу» («Gesellschaft» № 12, стр. 546, 1932).

Но книга Каутского написана не только в целях исторической апологии предательства социалистических вождей и их измены пролетариату в войне 1914 г. История всегда служила целям обоснования и оправдания политики настоящего. Это верно даже в том случае, если Каутскому приходится современные, новые подлости своей партии оправдывать прошлой подлостью. Именно для оправдания позиций социал-фашизма в условиях нынешнего глубокого экономического и политического кризиса капитализма и подготовки новой войны Каутский пытается задним числом теоретически обосновать и обелить тактику социал-шовинистов в 1914—1918 гг.

XII пленум ИККИ в своей резолюции, дающей анализ мирового экономического кризиса, охватившего весь капиталистический мир, охарактеризовал переживаемый период следующим образом:

«В определенных чрезвычайно важных, узловых пунктах антагонистические силы уже развязываются для столкновения. Наступил конец относительной стабилизации капитализма...

...В настоящий момент совершается именно переход к новому туру крупных столкновений между классами и между государствами, к новому туру революций и войн».

Ход событий блестяще подтверждает этот прогноз. «Текущий момент» носит все черты предвоенного периода. Капиталистические государства охвачены лихорадочным соперничеством взаимных вооружений. При защите ассигнований на военные расходы перед общественным мнением слово получают наиболее убежденные пацифисты. «Во имя сохранения мира надо вооружиться!» — говорят они. В воздухе запахло чадом войны. Война по существу уже началась на Востоке — Японии против Китая. Эта война может стать прелюдией к войне в масштабе всемирном. Фашистский переворот в Германии чрезвычайно усилил в Центральной Европе опасность взрыва войны.

И вот в этих условиях, накануне второго тура революций и войн, в который вступает мир, Каутский мобилизует последние остатки своих мыслительных способностей для оправдания нынешнего и будущего, еще более чем в 1914 г. грандиозного и отвратительного предательства II интернационала в деле организации новой войны. Перед новой войной Каутский и К^о хотят оказаться более подготовленными, чем это имело место в 1914 г. Каутский уже заранее готовится вновь, как и в 1914—1915 гг., объявить Интернационал и социал-демократию орудием мира, а не войны, и призвать свою партию к приспособлению своей политической линии к политике войны, подготавливаемой фашизмом. Для этой грязной цели Каутский не стесняется искажать историю и извращать марксизм: «Я исхожу из марксистской точки зрения в исследовании вопросов войны и установления вечного мира»¹).

Во имя марксизма Каутский призывает отрешиться от впечатлений неприглядной действительности и бедственных условий положения пролетариата в период кризиса. «Такое отрешение (Resignation) удается для молодых голов с трудом, ибо у них страстное возмущение против условий, которые они преднаходят, берет верх над познанием прошлого, вырастающей из этого прошлого современности и на ней основанных возможностей будущего.

Как ни понятны эти настроения, они не могут повлиять на социалиста, говорит Каутский о себе, который еще полстолетия тому назад стал последовательным марксистом и видит все новые его подтверждения как на опыте этого полустолетия, так и на исследовании прошлого»²).

Итак, мы пока что узнаем, что «научный» подход в разрешении вопросов войны и демократии заключается в том, чтобы стремиться от-

¹) Kautsky, Krieg und Demokratie, Vorrede, S. XV.

²) Kautsky, Krieg und Demokratie, Eingleitung, S. XV.

влечься от наличных условий классовой борьбы, уйти в сферу абстрактного, «надклассового» мышления... Такой метод исследования является для Каутского наиболее подходящим способом охлаждения революционных инстинктов масс. В особенности к молодым социал-демократическим рабочим адресуется Каутский. Их страстное возмущение он стремится охладить «ученым» многолаголанием и ссылкой на свой «марксистский» авторитет.

В своем усердии Каутский так разошелся, что написал сочинение в 4 тома! Причем, чтобы окончательно убедить читателя, Каутский решил объяснить с.-д. политику во время войны и тактику в Циммервальде посредством «исторического подхода»: он начинает с вопроса о взаимоотношении «первобытной демократии» и войн между кочевыми ордами дикарей ветхой древности. Таким образом «метод демократии» получает «алиби» не только относительно 1914 г., но и с самого начала писаной истории.

Но поистине, кто хочет доказать слишком много, тот ничего не доказывает...

О войне и мире

Заслугой марксизма является то, что он установил, что война не вечное, но историческое явление. Причины войн лежат не в «человеческой природе», не в «воинственности» кочевников-дикарей (как думает Каутский), но в определенной системе общественных отношений, с которыми война необходимым образом и неразрывно связана.

Первые войны, войны в родовом обществе, как это показал Энгельс в своей работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства», преследовали лишь цель расширения ставшей недостаточной территории и защиты от нападения. Но с разделением труда, распадом общества на классы и возникновением государства войны становятся для господствующих классов продолжением или звеном в их политике эксплуатации и порабощения. Следовательно война — явление не всякого, а только классового общества, она связана с существованием частной собственности и эксплуатации. Войны неизбежны на почве частной собственности, говорил Ленин. «Война не есть противоречие основам частной собственности, а прямое и неизбежное развитие этих основ»¹). В историю общества, основанного на частной собственности, войны входят как закономерные ступени, фазы его развития или упадка.

История знает войны национальные, освободительные, которые капитализм вел против феодализма, и войны грабительские, захватные, которыми капитализм поддерживал свое господство над угнетенными нациями. «Война, — писал Ленин, — не случайность, не «грех», как думают христианские попы (проповедующие патриотизм, гуманность и мир не хуже оппортунистов), а неизбежная ступень капитализма, столь же законная форма капиталистической жизни, как мир»²).

С этой марксистской точки зрения совершенно ясно, что подлинный «пацифизм», если таковой существует; должен заключаться в объявлении войны капитализму, в борьбе с капитализмом как системой, с которой война органически связана. Всякая иная постановка вопроса есть сплошной обман и лицемерие. Войны неизбежны до тех пор, пока существует капитализм.

Как подходит к вопросу о войне и ее месте в истории общества Каутский? Он отрывает войну от противоречий общества. Он отрицает связь войны с определенными историческими формами производства. Он отрицает тот прочно установленный марксизмом факт, что война есть неизбежный спутник эксплуатации и эксплуататорского строя. По его мнению, войны

¹) Ленин, Собр. соч., т. XVIII, стр. 232.

²) Там же, стр. 70.

возникли в силу присущих людям, первобытным земледельцам и кочевникам, воинственных инстинктов. В дальнейшем дух гуманности борется с духом воинственности, и в обществе бывает то «мир», то «война» — в зависимости от того, какой «дух» берет перевес. Именно такова, с позволения сказать, «точка зрения» Каутского, взятая в ее существе, т. е. освобожденная от многих «ученых» и «историко-философских» обрамлений и обширных разглагольствований в посрамление войны и прославление демократии.

Поразительный формально логический схематизм пронизывает собою все рассуждения Каутского. Отказавшись от классовой точки зрения на общественные явления, Каутский рассматривает войну как абсолютную противоположность миру. Для него война есть война — «военное столкновение», как он говорит (и в этом случае его определение стоит на уровне «афоризма мудрости» Козьмы Пруткова, сказавшего: «Когда народы меж собою дерутся, это называется войной»...). «Мир» для Каутского есть «мир», война есть война. Мир капиталистический (например «мир» Версальский, основанный на временном равновесии сил империалистических хищников) есть, якобы то же самое, что и мир в эпоху национально-освободительных войн, а последний — то же самое, что и мир в эпоху рабовладельческую, и т. д. То же самое и война во все исторические эпохи равнозначна, тождественна сама себе. Он сознательно затушевывает тот факт, что война и мир есть две стороны, фазы, или состояния одной и той же политики определенного класса, и поэтому весьма относительны в своей противоположности, переходя одна в другую, что при известных условиях эти противоположности бывают тождественными, т. е. нельзя бывает отличить «мир» от «войны». Нет войны и мира как неких абсолютных и самостоятельных феноменов, существующих вне политики и классовой борьбы. Будучи пацифистским прислужником империалистической политики буржуазии, Каутский сознательно замазывает это для обоснования своей реакционно-буржуазной утопии об «ультраимпериализме» и «вечном мире» при капитализме. Его методология абстрактного противопоставления войны и мира как явления, якобы принципиально противоположных одно другому, давно разоблачена Лениным.

«Мир, — писал Ленин, — всегда рисовался и рисуется буржуазным пацифистами и их «социалистическим» подражателям, или перепевателям, как нечто, принципиально отличное в том смысле, что идея: «война есть продолжение мирной политики, мир есть продолжение военной-политики» оставалась всегда непонятной пацифистам обоих оттенков»¹⁾.

Мы сейчас увидим, для чего Каутский рассматривает войну и мир вне политики, почему он «не понимает» недопустимость абстрактного противопоставления мира — войне.

«В применении к войнам, — писал Ленин, — основное положение диалектики... состоит в том, что «война есть просто продолжение политики другими (именно насильственными) средствами». Такова формулировка Клаузевица, одного из великих писателей по вопросам военной истории, идеи которого были оплодотворены Гегелем. И именно такова была всегда точка зрения Маркса и Энгельса, как ждую войну рассматривавших как продолжение политики данных заинтересованных держав — и разных классов внутри них — в данное время»²⁾.

Ленин конкретизировал и углубил определение войны, данное Клаузевицем еще в эпоху национальных войн, обогатил это определение новым содержанием империалистической эпохи, показал, как пролетариат должен пользоваться диалектикой войны в интересах революции (см. замечания Ленина на книгу Клаузевица «О войне», Лен. сб. XII, стр. 387—452).

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. XIX, стр. 376.

²⁾ Ленин, Собр. соч., т. XVIII, стр. 248—249.

Всем ходом развития политики монополистического капитализма, теми войнами, которыми так древат канун социалистической революции, подтверждена правильность ленинского учения о войне как продолжении иными средствами политики определенных классов. Всякая иная «теория» войны и мира является в корне ложной, антинаучной, защищающей интересы буржуазии.

По поводу вышедшей в 1914 г. книги немецкого оппортуниста Давида «Социал-демократия во всемирной войне» Ленин тогда же писал:

«Научного значения книга Давида не имеет никакого, ибо даже поставить вопроса автор не может или не хочет, — именно: вопроса о том, как главные классы современного общества подготавливали, выращивали, создавали в течение десятилетий свое теперешнее отношение к войне та кой - то политикой, коренящейся в та к их - то классовых интересах. Давиду совершенно чужда даже мысль о том, что без такого исследования нечего и толковать о марксистском отношении к войне и что только такое исследование может служить базой для изучения идеологии разных классов в отношении к войне»¹⁾.

Написанная 15 лет спустя книга Каутского «Война и демократия» не только не имеет абсолютно никакого научного значения, но имеет контрреволюционный смысл, представляет собою вопль мелкого буржуа против революции. Пусть об этом посудит сам читатель.

Первый том «Войны и демократии» представляет собою по рекомендации самого автора «общее теоретическое исследование сущности войны и демократии в эпоху революционных войн»²⁾. В основу «исследования» положена концепция Каутского, развитая им в его двухтомнике «Материалистическое понимание истории» и в последующих журнальных статьях. Эта концепция заключается в следующем. Жили-были земледельцы—вегетарианцы и кочевники — скотоводы. Первые являются от природы мирными, вторые обладают воинственным характером. При помощи войны воинственные племена пустыни покорили и подчинили себе мирных землепашцев. Так возникло государство и классы. В дальнейшем государство регулировало классовую борьбу, опираясь на вооруженную силу. Государство же вело внешние войны. Так было в период дикости и варварства. С капитализмом в период цивилизации все больше развивается в народах чувство гуманности, носителем которой является интеллигенция. Пролетариат также отличается гуманностью. Дух войны уступает место человеколюбию. Отпадает всякая необходимость в войнах. Мирным голосованием, «перевесом большинства» демократия решает спорные вопросы.

Такова якобы «научная» и якобы материалистическая философия истории К. Каутского, развитая в «Войне и демократии» и в ряде самых последних его статей (см. например «Die blutige Revolution» в «Der Kampf» № 8—9, August, 1933). Но не может быть ни грана науки там, где есть отказ от классовой точки зрения. Мировоззрение Каутского есть разновидность буржуазного извращения марксизма, его взгляды на войну и демократию суть теоретическое выражение политических интересов империалистической буржуазии.

Как и следовало ожидать, Каутский не согласен с данным Клаузевицем определением войны.

«Строго говоря, — пишет Каутский, — нельзя, как это делает Клаузевиц в своей книге «О войне», определять войну как лишь «продолжение политики другими средствами»; война есть продолжение лишь внешней политики»³⁾.

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. XVIII, стр. 161—162.

²⁾ Kautsky, Krieg und Demokratie, S. VII, Vorrede.

³⁾ Kautsky, Die Materialistische Geschichtsauffassung, B. II, S. 266. Разрядка моя.—П. В.

Итак, по Каутскому, война есть продолжение только внешней политики. Политика данного общества, т. е. его господствующих классов, разбивается Каутским на две разных, принципиально отличных политики. Конечно, ведя войну во вне, буржуазия стремится к классовому «миру» внутри, и в этом ей всегда усердно помогали социал-демократы. Но можно ли политику войны, захвата, грабежа во вне противопоставлять политике «бургфридена» внутри, политике, которая проводится буржуазией в целях еще большего закабаления и порабощения трудящихся? Можно ли отрывать внешнюю политику от общей (значит и внутренней) политики, от ее экономической основы, от внутренних противоречий капитализма и интересов господствующих классов?

«Нет более ошибочной и более вредной идеи, — писал Ленин, — чем отрывание внешней от внутренней политики. Как раз во время войны чудовищная неправда такого отрывания становится еще чудовищнее. А со стороны буржуазии делается все возможное и все невозможное, чтобы внушить и поддержать эту идею».

Именно эту вредную буржуазную идею и развивает Каутский, когда он видит в войне лишь проблему внешнего столкновения, обходя вопрос о связи этого внешнего столкновения с политикой основных классов «столкнувшихся» государств, лицемерно закрывая глаза на то, что «внешнее столкновение», его характер, цель, значение и т. д. неразрывно связано и составляет продолжение политики тех классов, которые учиняют войну. Политика «вообще», «внеклассовая» политика или политика «внеклассового» государства является измышлением социал-демократических теоретиков; марксист же всегда под политикой «народов», «государств» или «стран» будет искать политику господствующих классов этих стран, народов, государств. Внешняя политика любого государства является внешней политикой определенных классов, продолжением их внутренней политики. Тупицам и обманщикам II интернационала и невдомек, что не только буржуазия, но и пролетариат имеет, должен иметь свою самостоятельную внешнюю политику.

«В «союзе» с империалистами, т. е. в позорной зависимости от них, — такова внешняя политика капиталистов и мелких буржуа. В союзе с революционерами передовых стран и со всеми угнетенными народами против всяких и всех империалистов — такова внешняя политика пролетариата».

Так писал Ленин в 1917 г. в статье о внешней политике.

Социал-демократия со времени войны, является заведомой представительницей капиталистической и мелкобуржуазной внешней (и внутренней) политики. Она всегда выступала против политики пролетарской. Она «кончала» войну 1914 г. «версальским», буржуазно-империалистским способом. До «победного конца» защищала она свою отечественную буржуазию, старательно оберегая господствующий класс от опасности, вызванной войною, гражданской войны.

Выведение войны из внешней политики, оторванной от внутренних противоречий, политики и борьбы классов, удобно для Каутского в том отношении, что позволяет ему внушать рабочему классу бессилие и беспомощность перед лицом войны, чтобы обречь пролетариат вместо борьбы с опасностью войны, активного противодействия войне и использования войны, если она разразится, в своих революционно-классовых интересах на пассивно-созерцательное отношение и питание иллюзий и надежд на «миролюбие» господствующих классов. Всеми силами стремится Каутский внушить рабочему классу ту мысль, что у пролетариата нет и не может быть своей, отличной от буржуазии внешней политики, что пролетариат не может повлиять на вопросы войны и мира.

«Так как война,— пишет Каутский,— является продолжением лишь внешней политики, то вследствие монополизации внешней политики господствующим классом также и решение вопроса о войне и мире находится исключительно в его руках»¹⁾.

Таким образом если империалисты нападут на Страну советов, то Каутский наперед убеждает угнетенные классы, что «ничего не поделаешь», повлиять рабочий класс на интервенцию не в состоянии, т. е. надо занять позицию нейтралитета и подождать исхода интервенции и возложить всю надежду на гуманность генералов буржуазии. Каутский впрочем доходит и до прямых заявлений, что рабочие Западной Европы должны в случае интервенции активно помогать империалистам против СССР.

В том-то и заключается вредоносная «тонкость» и двойственность «пацифизма» Каутского, что он, проповедуя мир между империалистами, проповедует войну империалистов против СССР. Социал-пацифист Каутский является социал-интервентом. Проповедуя «мир» или «невмешательство», он идеологически готовит войну. Призывая к «нейтралитету» в случае интервенции против СССР, он надеется на победу интервентов и на разгром СССР. В случае войны II интернационал, на деле помогая империалистам, на словах будет «оправдываться» и «умывать руки», ссылаясь на то, что Интернационал бессилён во время войны, так как не в его руках внешняя политика. Так социал-фашистские пацифисты маскируют интервенционистские стремления буржуазии.

«Пацифизм,— писал т. Сталин,— нужен буржуазии для маскировки. В этой маскировке — главная опасность пацифизма».

Если войну оторвать от политики определенных классов, от политического строя воюющих стран, от господствующих отношений и т. д. и рассматривать ее лишь как продолжение внешней политики, тогда получится, что война есть «случайность», необъяснимый «грех», которого, будь капиталисты «добрее», можно было бы избежать. Каутский отрицает неизбежность войны для классового общества.

В «Материалистическом понимании истории» Каутский выставил обывательский тезис: «Война есть продукт незнакомства с соотношением сил на одной и другой стороне»²⁾.

В этом тезисе, как «солнце в малой капле воды», отражаются вся филистерская социал-фашистская «мудрость» в вопросах войны, весь идеализм Каутского как буржуазно-пацифистского теоретика.

Из приведенного тезиса вытекает, что взаимная осведомленность генеральных штабов о состоянии отечественных вооруженных сил может служить плотной, предотвращающей войну. Значит: да здравствует Лига наций и конференция «по разоружению», где империалисты будут взаимно информировать друг друга о своих вооружениях. Идеализм здесь в том, что Каутский анализирует проблему войны, исходя не из реальных, жизненных интересов государств, стран, классов, а из знания («знакомства») или незнания (соотношения сил).

История войн показывает, что знакомство с вооруженными силами соседей никогда не служило серьезным препятствием к войне. Чему оно способствовало, так это выбору момента объявления войны. Это и понятно, ибо причина войн кроется не в головах людей (знание или незнание), но в материальных, жизненных интересах классов. Война — явление закономерное и становится в свое время необходимой, несмотря на знакомство с соотношением сил. Это время, когда «мир», вооруженный мир становится невыносимым. Тогда рискуют вступать в войну, даже зная о несоответствии своих сил

¹⁾ Kautsky, Die Materialistische Geschichtsauffassung, B. II, S. 266. Разрядка моя.—П. В.

²⁾ Там же, стр. 261.

силам противника. Надеются (и действительно достигают) на успех своей тактики, на союзников извне, на шовинистический под'ем внутри, на помощь «социалистов» и «пацифистов»¹ — такова диалектика войны; ее социал-фашистская метафизика заключается в болтовне о «незнакомстве с соотношением сил».

Даже наиболее умные политики буржуазии понимают то, чего не в состоянии постигнуть «последовательный марксист» (на самом деле последовательный социал-фашист) К. Каутский. Вот например, что говорит Ллойд-Джордж в своих «Мемуарах о войне» (вышли в Лондоне в мае 1933 г.) по вопросу о знании или незнании последствий войны.

«Вступая в войну,—спрашивает Ллойд-Джордж,—знали ли мы, что раньше, чем будет восстановлен мир в Европе, нам придется пройти через 4 года массовых убийств, страданий, разрушений и дикости, которые когда-либо видело человечество? Знали ли мы, что 12 млн. блестящей молодежи всех наций будет убито, что другие 20 млн. будут искалечены, что Европа будет сокрушена тяжестью колоссального военного долга? Знали ли мы, что только одна империя выдержит и что другие самые блестящие империи мира разлетятся в прах? Знали ли мы, что революция, голод и анархия пронесутся над половиной Европы, и что угроза эта опалит остальную половину беспомощностью континента?»

Если бы мы даже все это предвидели 4 августа, мы не могли бы сделать ничего другого» (т. е. не могли бы не вступить в войну. — П. В.).

Болтовня Каутского о знании или незнании последствий войны выдает его подлое стремление помочь буржуазии разрешить капиталистические противоречия за счет рабочего класса посредством подавления революции интервенцией против СССР.

Конечно во всякой войне трудно и даже невозможно заранее учесть исход войны и все ее последствия. Войны без риска не бывает. Но считать войну продуктом незнакомства с соотношением сил и последствиями войны — это идеалистический пацифистский вздор. И по сей день остается глубоко правильным положение, сформулированное в тезисах III конгресса Коммунистического интернационала от 4 июля 1921 г.:

«Несмотря на то, что опыт последней войны подтвердил с ужасающей убедительностью, что «война—ложный расчет»,—истина, которою исчерпывается как буржуазный, так и социалистический пацифизм,—экономическая, политическая, идейная, техническая подготовка новой войны идет полным ходом во всем капиталистическом мире. Гуманитарный, антиреволюционный пацифизм стал вспомогательной силой милитаризма»¹).

Стремление Каутского связать войну со «знанием» есть обратная сторона его нежелания связать войну с империализмом. Его рассуждения есть хныканье мелкого буржуа по «добрым» довоенным временам, которые погибли в войне, не принесяшей ожидаемого улучшения. Перед лицом последствий империалистической войны 1914 г. Каутский сожалеет, что перед 1914 г. Германия и другие страны были «незнакомы» с соотношением сил. Война 1914 г. не только закабалила Германию цепями Версальского договора, но она принесла народам школу гражданской войны и ускорила и облегчила победу российского пролетариата в октябре 1917 г. Эти последствия являются для Каутского наигоршими. Если бы только он мог предвидеть подобные результаты, если бы только он мог бы знать, как поведет себя пролетариат в условиях империалистической войны и предательства своих вождей! Увы, он считался с возможностью всяких последствий, но только не таких, которые получились в действительности. Как же теперь не горевать об этом?!

¹) Сб. «Послевоенный капитализм в освещении Коминтерна», стр. 30.

«Каутский,— писал Ленин в 1914 г.,— считается решительно со всеми и всяческими возможными последствиями войны,—кроме революционных движений пролетариата. Всякое движение учитывается, но молча предполагается, что пролетариат д в и г а т ь с я иначе, как в рамках, прусскими юнкерами дозволенных, не будет!!!»¹⁾.

Буржуазные пацифисты пытаются теперь, на пороге нового тура революций и войн, быть умнее. Они уговаривают капиталистов хорошенько рассмотреть соотношение сил перед войной и — главное — учесть силы пролетариата, который, боже упаси, поднимется против буржуазии. Во имя этих непредвиденных и весьма вероятных последствий Каутский п р о т и в войны. Он согласен допустить войну лишь в том случае, если она может предотвратить гражданскую войну. Он призывает к интервенции, к войне против социалистического отечества трудящихся все мира.

Война империалистическая и гражданская война

Посредством войны господствующие классы капиталистического общества стремятся достигнуть тех целей, которых бывает невозможно достигнуть «мирными» средствами. В войне буржуазия стремится найти разрешение своих внутренних экономических и политических затруднений, противоречий. Она продолжает свою политику иными средствами, именно военными. В «Krieg und Demokratie» Каутский вновь возвращается к определению войны, данному Клаузевицем. Однако он передергивает и извращает это определение, изображая дело так, что по Клаузевицу якобы получается, будто политика находит свое продолжение в... ружьях, амунции, пушках и т. д. Сделав такую передежку, т. е. изобразив войну не как продолжение политики, но как п р е в р а щ е н и е, переход «политики» в «военные средства», Каутский играет в сравнения политической «стороны войны» и ее технических средств. Высокомерно третируя Клаузевица за якобы обнаруженную в его определении нелепость, Каутский вскользь замечает, что «между социально-политической и технической сторонами войны имеются конечно переходы...»¹⁾.

Однако Каутский мутит воду неспроста. Если раньше он «поправил» Клаузевица, определив войну как «продолжение лишь внешней политики», то теперь это «продолжение» истолковывается им как п р е в р а щ е н и е политики в нечто другое, принципиально отличное от политики. Каутский хочет провести ту мысль, что с войной прекращается действие политики, которая, по Каутскому, по самой своей природе тождественна с миром, и начинается действие «военных средств». Эта тонкая казуистика нужна для того, чтобы затушевать тот вопрос, который всегда революционерами ставился социал-фашистам в упор. Какая политика преследуется данной войной? Каутский стремится всячески уйти от подобного вопроса. Для него война есть война, а о политике он слышать не хочет, ибо когда зайдет речь о политике, придется говорить о классовом характере этой политики.

Ленин говорил: «Если данная война есть продолжение империалистической политики, буржуазии и господствующих классов воюющих «великих» держав, то, с другой стороны, и во время войны продолжается и развивается не какая-либо другая, а именно империалистская политика (колониальный грабеж, аннексия слабых народов, нарушение их прав, усиление национального гнета и реакции внутри страны и т. д.)»²⁾.

Соккрытие классового, империалистического характера политики буржуазии во время войны дает социал-шовинистам возможность изображать

¹⁾ Лен. сб. XIV, стр. 23.

²⁾ Kautsky, Krieg und Demokratie, S. 36.

³⁾ Лен. сб. XVII, стр. 175. Разрядка моя.—П. В.

империалистическую войну как войну в интересах слабых и малых наций, как войну за демократию, свободу и социализм.

Современная империалистическая война начинается не только посылкой армии на фронт, но и введением военного режима в н у т р и страны. Прекращается действие демократических «свобод», вводится милитаризация труда, принудительный арбитраж, роспуск рабочих организаций, запрещение стачек, увеличиваются налоги, начинается инфляция, резко снижается жизненный уровень масс; в то же время «социалисты» проповедуют «гражданский мир», шовинисты разжигают национальную рознь, революционные и просто недовольные элементы отправляются на фронт, под огонь, либо в концентрационные лагеря и т. д. Вся эта серия мероприятий, проведенных в разной мере и формах во всех странах в годы войны (1914—1918), наглядно свидетельствует о классовом характере войны. Закрывание глаз на то, что «военному столкновению» во в н е соответствует сильнейший «по законам военного времени» нажим господствующего класса на пролетариат и вообще трудящиеся массы в н у т р и, есть поэтому величайшее лицемерие. Не видеть в современной империалистической войне продолжения и углубления политики эксплуататоров, видеть в войне только «военное столкновение», якобы принципиально противоположное политике мирного господства и насилия, — значит отрицать классовый характер войны, значит быть прямым агентом милитаристов из генеральных штабов.

Ленин подчеркивал, что империалистическая война есть акт буржуазно-классового грабежа и насилия над пролетариатом.

«Борьба за рынки и грабеж чужих стран, стремление пресечь революционное движение пролетариата и демократии внутри стран, стремление одурачить, раз'единить и перебить пролетариев всех стран, натравив наемных рабов одной нации против наемных рабов другой в пользу буржуазии — таково единственное реальное содержание и значение войны» ¹⁾.

Империалистическая война есть осуществление, проведение, продолжение внутренней и внешней политики гнета, эксплуатации, захвата и нажима военными средствами. Отсюда ясно, что первым и основным для марксизма должно быть выяснение классового характера всякой войны.

Вожди социал-демократии, обходя вопрос о классовом характере войны, служат делу сокрытия и оправдания капиталистической внешней и внутренней политики, в чем и состоит действительная роль «социалистического пацифизма». В 1914 г. социал-шовинисты II интернационала, одержимые стремлением сокрушить русских, английских и других империалистов во имя империализма вильгельмовского, объявляя войну «национальной», направленной якобы к защите и освобождению малых и угнетенных наций, объявляли «бургфриден» социализмом, лицемерно скрывая и отрицая тот факт, что война, военное и осадное положение внутри страны («гражданский мир») принесли немецкому рабочему неслыханные лишения и усиление гнета эксплуататоров. Ленин писал тогда:

«То, что немецкие Плехановы (Шейдеман, Ленч и др.) называют «военным социализмом», на деле есть военно-государственный монополистический капитализм, или, говоря проще и яснее, военная каторга для рабочих, военная охрана прибавлей капиталистов» ²⁾.

Империалистическая война не может разрешить противоречий буржуазного общества. В лучшем случае она может лишь отодвинуть их и временно несколько смягчить. По большей же части война лишь обостряет противоречия капитализма, закладывая фундамент для новых войн. Империали-

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. XVIII, стр. 44.

²⁾ Ленин, Собр. соч., т. XXI, стр. 186.

стическая война, не превращенная в гражданскую, ведет к миру, который «состоит в дележе империалистической добычи»¹⁾, в процессе которого (дележа) происходит перегруппировка сил для новой схватки. Отсюда ясно, что долгом революционного марксиста должно являться разоблачение не только империалистского характера войны, но и подготавливаемого этой войной империалистского мира. Ленин в 1914 г. писал:

«Долой поповски-сентиментальные и глупенькие воздыхания о «мире во что бы то ни стало»! Поднимем знамя гражданской войны! Империализм поставил на карту судьбу европейской культуры: за данной войной, если не будет ряда успешных революций, последуют вскоре другие войны — сказка о «последней войне» есть пустая, вредная сказка, мещанская «мифология»²⁾.

В войне буржуазия пытается сбросить с себя, переложить на плечи рабочего класса и трудящихся масс других стран в первую голову, всю тяжесть противоречий. Но во всех случаях — победит ли при внешнем столкновении империалистов одна или другая сторона — стороной, страдающей, терпящей, несущей на себе главную, если не всю тяжесть войны, оказывается пролетариат воюющих (и не только воюющих) стран. Если пролетариат не мирится с войной, но, пользуясь ею, обвывает классовую войну буржуазии, если начинается рост недовольства масс, стихийное брожение и протест, тогда, как показывает история, буржуазия предпочитает быть побитой «врагом внешним» (т. е. своим национальным собратом, буржуазией другой страны), чем уступить хотя бы часть своего господства пролетариату своей страны. Так например, Маркс в письме к проф. Бизли от 19/X 1870 г. писал: «Я должен вам, однако, сказать, что согласно всей информации, которую я получаю из Франции, буржуазия в целом предпочитает прусское завоевание победе республики с социалистическими тенденциями»³⁾. Вот как ставил вопрос Маркс, вот как он учил пролетариат понимать свои классовые интересы в противоположность интересам интернациональной буржуазии! В случае революционного восстания, указывал Маркс, «победившая и побежденная армии соединяются, чтобы вместе избивать пролетариат»⁴⁾.

Иначе говоря, в самой природе капиталистической войны, принудительно навязываемой пролетариату всех стран своей буржуазией, лежит ее превращение в войну между пролетариатом и буржуазией в каждой стране, в гражданскую войну. Подобно тому как империалистическая война является продолжением (иными средствами) политики буржуазии, так и политика пролетариата находит свое продолжение (иными средствами) в том, что «классовая борьба вспыхивает пожаром гражданской войны» (Маркс).

Гражданская война является продолжением пролетарской политики классовой борьбы, ее наибольшим обострением и развитием и ведет не только к прекращению данной империалистической войны, но к свержению капитализма и следовательно к пресечению возможности новой империалистической войны. Долг социалиста поэтому состоит в том, чтобы не прекращать классовой борьбы, но продолжать вести ее в новых, военных условиях, вплоть до гражданской войны.

«Пропаганда классовой борьбы и в войне есть долг социалиста, — писал Ленин. — Работа, направленная к превращению войны народов в гражданскую войну есть единственная социалистическая работа в эпоху империалистического вооруженного столкновения буржуазии всех наций»⁵⁾.

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. XIX, стр. 365.

²⁾ Ленин, Собр. соч., т. XVIII, стр. 71.

³⁾ «Большевик» № 6, 1933 г., стр. 109.

⁴⁾ Из воззвания Генерального совета I интернационала по поводу гражданской войны во Франции в 1781 г. «Избранные произведения Маркса и Энгельса», т. II, стр. 409.

⁵⁾ Ленин, Собр. соч., т. XVIII, стр. 71.

Но если за империалистской войной следует именно империалистский же, а не какой-нибудь другой мир, т. е. мир, чреватый новой войной и несколько не смягчающий гнета и порабощения пролетариата, то из этого следует, что интересам пролетариата не соответствуют абстрактно пацифистские лозунги: «Против войны», «За мир» (т. е. за империалистский мир!), «Война войне» и т. д. Не превращение империалистской войны в империалистский мир, но свержение капитализма с его «миром» и войной должно быть лозунгом классово сознательного пролетариата. Поэтому в империалистической войне пролетарии всех стран должны стремиться не к «защите отечества», не к победе над «врагом»; они должны желать и сделать так, чтобы добиться поражения своей буржуазии на фронте, чтобы тем легче было поразить ее в тылу. Но желать поражения своему правительству — это значит вести работу по разложению сил буржуазии на фронте и в тылу, поддерживать и развивать забастовочное движение, братанье солдат на позициях и т. д. Революционное поражение приводит таким образом к гражданской войне пролетариата против буржуазии, что и является единственным соответствующим интересам пролетариата выходом как из империалистической бойни, так и из тыловой «военной каторги».

Межеумочные центристские лозунги, вроде «Ни побед, ни поражений» (Троцкий), «Ни поддержки, ни саботажа войны» (Итальянская социалистическая партия), «И международная солидарность и защита отечества» (Каутский), «Против всякой войны» (Английская независимая рабочая партия) и т. д. — все эти лозунги, выдвигаемые взамен лозунга поражения класса буржуазии, означают на деле не что иное, как подготовку, создание условий поражения своего (и международного) пролетариата. Все или почти все сторонники подобных полупацифистских лозунгов стали впоследствии откровенными социал-империалистами. Капитулянтская природа центразма, прикрывающего социал-пацифистскими фразами буржуазный шовинизм и оборончество, выступает тут во всей своей наготы. Если война есть своеобразная форма расправы буржуазии с революционным движением пролетариата, то пацифистская идеология с всемирно исторической точки зрения является пропагандой империалистской расправы с рабочим классом не сразу, не посредством одной войны, но несколькими. «Социалистический» и буржуазный пацифизм туманным лозунгом борьбы за «вечный мир», отвлекающий от борьбы с капитализмом, служит делу оправдания и увековечения войны.

Социал-шовинисты призывали на «защиту отечества». Но отказ от защиты «своего» отечества еще не есть переход на позиции революционно-пролетарского интернационализма. Ленин указывал, что с отказом от защиты отечества были согласны не только некоторые социалисты, но даже некоторые буржуазные круги. Не только отказ от защиты буржуазного отечества, но и беспощадная борьба против своей отечественной буржуазии, революционное наступление на подлинного виновника войны, т. е. превращение войны империалистической в войну гражданскую, — вот в чем состоит последовательный интернационализм пролетариата в отличие от гнилого пацифизма социал-фашистской агентуры буржуазии.

Большевики, как подлинные пролетарские революционные интернационалисты, именно такую линию и проводили в годы мировой войны, и их тактика увенчалась полным успехом.

Совсем иную тактику проводили социал-шовинисты из II интернационала. Они были за «защиту отечества», за «оборону» (своих империалистов), за буржуазно-империалистский мир (они называли его «демократическим»), за подавление движения пролетариата и его возмущения против обанкротившейся капиталистической системы. В уже упоминавшемся разборе книги немецкого социал-шовиниста Давида Ленин писал:

«Книга Давида показывает особенно наглядно, что либеральные буржуа (и их агенты в рабочем движении, т. е. оппортунисты) готовы, чтобы влиять на рабочих и на массы вообще, расписаться сколько угодно раз в своем интернационализме, в принятии лозунга мира, в отречении от завоевательных целей войны, в осуждении шовинизма и пр. и т. п. Все, что угодно, к р о м е революционных действий против своего правительства; все, что угодно — лишь бы «быть против поражения»¹⁾.

Почему оппортунисты всех стран так яростно ополчались против революционного поражения?

Мировая империалистическая война, говорил Ленин, «с объективной неизбежностью должна была чрезвычайно ускорить и невиданно обострить классовую борьбу пролетариата против буржуазии, должна превратиться в гражданскую войну между враждебными классами»²⁾. Социал-шовинисты потому именно и боялись так поражения своей буржуазии в войне, понимая, что такое поражение может привести (так оно и было в действительности) к гражданской войне и революции. В своем страхе перед такой перспективой черпали и черпают они свое пацифистское вдохновение.

Каутский «сравнивает» войну с гражданской войной. В страхе он лепечет, что нет ничего кровавее и разрушительнее гражданской войны. Он называет ее «наиболее ужасной формой войны», в сравнении с которой «война между профессиональными армиями» является «наиболее гуманной формой войны»³⁾. Отсюда прямой и ясный вывод, что поскольку отличительными признаками демократии являются «мягкость, доброта и гуманность» (Milde, Güte und Humanität), естественно, что для демократии гражданская война является «наибольшим злом» в сравнении с империалистической войной.

Теперь для читателя ясен политический, классовый смысл абстрактно-схоластической социал-фашистской методологии Каутского в отношении понятий войны и мира. Если Каутский проводит резкое разграничение и противопоставление мира войне (т. е. империалистского мира империалистской войне), то обратной стороной этой «логики» является отождествление империалистической войны с войной гражданской, отождествление «войны захватной» с «войной справедливой», «войны, ведомой капиталистами в интересах капиталистов», с «войной, ведомой пролетариатом в интересах всех трудящихся и эксплуатируемых»⁴⁾. Оплевывание «единственно справедливой войны эксплуатируемых против своих угнетателей» (Ленин), объявление этой войны «наибольшим злом», сокрытие жестокостей и ужасов, которые несет трудящимся империалистическая война, — таков смысл социал-демократического пацифизма.

«Гражданская война является, как правило, самой ужасной формой войны» — пишет Каутский⁵⁾.

Верно, гражданская война является для капиталистов и их лакеев «самой ужасной формой войны». Ленин говорил, что «гражданская война — более серьезная и жестокая, чем всякая другая», ибо «только в гражданской войне угнетенный класс направляет усилия к тому, чтобы уничтожить угнетающий класс до конца» (Ленин). Но противопоставлять гражданской войне войну империалистическую как «наименьшее зло», наиболее желательное и приемлемое, и находить тысячу и одно основание для осуждения единственно справедливой и священной войны эксплуатируемых против своих эксплуататоров — значит дойти до самых последних пределов гнусного холопства.

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. XVIII, стр. 162—163.

²⁾ Собр. соч., т. XX, стр. 15.

³⁾ См. «Der Kampf» № 8/9, стр. 349, август 1933 г.

⁴⁾ Ленин, Собр. соч., т. XXI, стр. 188.

⁵⁾ «Der Kampf» № 8/9, стр. 346.

перед буржуазией и до самого низкого предательства в отношении пролетариата.

Отсюда ясна вся важность задачи борьбы и разоблачения пацифистской демагогии лидеров II интернационала. Без борьбы с социал-демократическим обманом в вопросах войны невозможно поднять пролетариат капиталистических стран на решительную гражданскую войну и революцию. Без этой борьбы невозможно покончить с капитализмом, эксплуатацией и войной.

В выборной борьбе, пишет Каутский, щадят жизнь и имущество, но нет ничего кровавее и разрушительнее гражданской войны. «Гражданская война так же, и может быть еще более, чем всякая другая война, в высшей степени порождает жестокость, грубость и бесчувственность, презрение к человеческой жизни среди всех своих участников»¹⁾.

В таком гнусно-пасквильном тоне изображает Каутский гражданскую войну и революцию — этот «праздник народов», когда воспрянувшая революционная энергия масс проявляет чудеса героизма и отваги в борьбе за освобождение, когда к политической жизни и борьбе вдруг поднимаются целые народы, о которых буржуазные историки дотоле говорят с пренебрежением, когда казавшиеся забытыми и подавленными и действительно бывшие подавленными и забытыми рабы капитала вдруг поднимаются, чтобы делать историю по-своему и вопреки своим угнетателям!

Посредством исторических экскурсов Каутский пытается дискредитировать явление гражданской войны в истории, в особенности гражданской войны пролетариата против буржуазии. «В выборной борьбе могут решаться,—уговаривает Каутский,—столь же большие, глубоко решающие вопросы, как и в гражданской войне»²⁾. Зачем же в самом деле «братоубийственная рознь»! — льет сладенькие речи социал-фашистский попик.

В стремлении «искоренить классовую борьбу и революцию Каутский пускается на гнуснейшие и мошеннические трюки. С безграничным лицемерием он объявляет гражданскую войну «братоубийственной войной между пролетариями и одного и того же государства»³⁾.

Каутский следовательно прямо отрицает, что гражданская война есть война между классами, между пролетариатом и буржуазией, война угнетенных против своих угнетателей. Вместо этого он говорит о «братоубийственной» (!) войне «между пролетариями». Раскалывая пролетариат, обезоруживая его в борьбе с фашизмом, настойчиво проводя штрейкбрехерскую политику в отношении к единому фронту борьбы пролетариата, теории социал-фашизма в то же время плачутся о братоубийственной борьбе среди пролетариата! Как к войне Каутский подходил с установкой, что она есть столкновение наций, скрыв, замолчав классовый характер всякой войны, так теперь в отношении гражданской войны он считает, что это — внутриклассовая война в государстве. Но что такое государство в контексте рассуждений Каутского? Каутский, как известно, отрицает классовый характер государства. И когда он говорит о войне между пролетариями «одного и того же государства», то здесь понятие государства употребляется им в смысле нации.

Поставить государство, «народ», нацию, отечество выше классового принципа и классовых интересов пролетариата необходимо Каутским для того, чтобы обосновать свою предательскую позицию в надвигающейся войне. Эта позиция будет той же самой, что и в 1914 г., но в усугубленном виде. В 1914 г. каутскианцы, составлявшие центристское прикрытие самого махрового социал-патриотизма и шовинизма, пропагандировали «сочетание» защиты отечества с международной солидарностью. Как было вкратце пока-

¹⁾ Kautsky, Krieg und Demokratie, S. 74.

²⁾ Там же.

³⁾ Kautsky, Krieg und Demokratie, I, Vorw. XIII.

зано выше, «защита отечества» состояла в активном поддержании пожара войны во славу империалистического молоха, в активной помощи своей буржуазии бить, давить, душить и поработать «чужие» народы и пролетариат своих и не своих стран; международная же солидарность состояла в том, что социал-шовинисты всех стран «солидарно», во всех странах без исключения, проводили одну и ту же политику всемирной помощи отечественным генеральным штабам и готовы были также «солидарно», взаимно простить свои преступления и даже оправдать их идеей международной солидарности. Ныне социал-фашисты ускоренно готовят к повторению этой испытанной тактики. В резолюции, принятой недавно (в августе 1933 г.) Парижской конференцией II интернационала после цветистой пацифистской болтовни в разделе «Сопrotивление (!) войне» прямо сказано:

«Если, несмотря на сопротивление рабочего класса, руководимого Интернационалами (Амстердамский и Социалистический интернационалы), война все-таки разразится, то с рабочих тех стран, которые будут втянуты в войну, в том числе стран, подвергшихся нападению, не снимается д в о я к и й долг:

С одной стороны, сохранить полную независимость и свободу действий их организаций; с другой стороны — поддерживать свои отношения с Интернационалом в целях способствования самому быстрому прекращению враждебных действий».

Вот она обнаженная личина социал-фашистского пацифизма! С одной стороны — с другой стороны... С одной стороны, за буржуазию, с другой стороны, против... революции... «Двойкий долг»... Долг, святой долг социал-фашистских лакеев партий II интернационала перед своими хозяевами — отечественной буржуазией. В некоторых странах социал-демократы являются правящими, либо правительственными партиями буржуазного государства. Именно социал-демократическим министрам придется объявлять и вести войну. С'ехавшись на Парижскую конференцию, обанкротившиеся социалисты-министры заранее признают своим взаимным долгом «сохранить полную независимость и свободу действий», т. е. социал-демократическим министрам и их партиям, участвующим в коалициях с партиями буржуазии, под видом свободы и независимости действий вменяется в долг защищать свое отечество, т. е. вести войну. Но такая тактика без ее дополнения лицемерно демагогическими фразами об «интернациональном долге» сразу оттолкнула бы массы. Поэтому резолюция конференции, «с одной стороны», предоставляя каждой партии свободу действий в поддержке своей буржуазии и полную независимость от обязательств, вытекающих из классовой солидарности пролетариев всех стран, «с другой стороны» — призывает всех социал-патриотов к интернациональной солидарности на почве социал-шовинизма!

Неслучайно в резолюции Парижской конференции все воюющие страны зачислены в разряд «нападаемых» и «защищающихся»! Это значит: не следует обвинять и разоблачать друг друга; социал-демократия каждой страны может вести войну под лозунгом «В защиту отечества» и называть свою страну подвергшейся нападению и защищающейся! Надо поддерживать связь с Интернационалом, который будет добиваться скорейшего примирения империалистов, установления мира между ними, водворения «демократии» (буржуазной демократии) и во имя этой последней будет стремиться к подавлению революции внутри и к обращению империалистического фронта (конечно в резолюции об этом умалчивается!) против революции и СССР. Не потому ли в резолюции Парижской конференции оставлено незаполненным место для «нападающей» стороны?!

Да, именно так. Свободная «вакансия» «нападающего» предназначена лидерами II интернационала для СССР. Сейчас они не осмеливаются сказать об этом. Слишком уж очевидна неуклонно мирная политика Советского

союза, разоблачающего провокационные маневры поджигателей войны и их пацифистских приспешников. Но что все социал-пацифисты (на словах — социал-империалисты на деле) станут в случае войны изображать капиталистические страны «защищающимися», а страну пролетарской диктатуры «нападающей», в этом нет никакого сомнения. Мы покажем далее, что подготовка к этой гнусной провокации ведется Каутским уже сейчас. Да разве приведенная выше резолюция Парижской конференции II интернационала не является актом подготовки контрреволюционной антисоветской войны? Вожжи международного социал-фашизма, являющегося главной социальной опорой буржуазии, недаром собирались на Парижскую конференцию. Они должны были выработать «формулу» своей тактики в надвигающейся войне. И они ее выработали, использовав свой «опыт» 1914 г. и все свое казуистическое остроумие. Эта формула «двойного долга», как и отождествление (на Парижской конференции, а также на съезде лейбористской партии в Гастингсе в начале октября с. г.) пролетарской диктатуры с фашистской диктатурой буржуазии и призывом к борьбе «со всякой диктатурой», свидетельствует, что II интернационал продолжает вести линию на углубление раскола рабочего класса перед фашистской опасностью, помогая фашизму укрепляться и приближать войну.

Демократия беспомощна против войны, интернационал — «инструмент мира», а к тому-де, как доказывает тот же Каутский, внешней политикой распоряжаются полностью империалисты. История показала, что всюду, где во время войны к власти приходила буржуазная демократия, выбрасывался лозунг продолжения войны «до победного конца». И это не случайно, как не случайно то, что первым декретом пришедшего к власти пролетариата в 1917 г. был «Декрет о мире», разом положивший конец империалистической войне¹). Демократия, вынужденно признает Каутский, способна положить конец не войне, но гражданской войне²). Эта точка зрения нашла свое отражение и в резолюции Парижской конференции. Капиталистический мир стоит накануне новой империалистической войны. Она неизбежно наступит, несмотря на все пацифистские хныкания Каутских. И, опасаясь превращения империалистической войны в гражданскую, лидеры II интернационала ратуют за империалистический мир. Пацифистское «нежелание войны» Каутским и К^о отражает настроение тех кругов буржуазии, которые, во-первых, еще не подготовились для «военного столкновения», а, во-вторых, боятся «последствий» войны — гражданской войны и революции. Поэтому Каутский, раздувая пацифистское кадило «против войны», в то же время как верный социал-фашистский служака буржуазии обещает ей от имени «демократии», что в случае гражданской войны (революции) он и его сторонники (II интернационал) приложат все усилия, чтобы ее удушить и снова восстановить мир и демократию, т. е. капиталистический мир и буржуазную демократию, являющуюся парламентско-конституционным прикрытием диктатуры буржуазии и порабощения пролетариата. Неподдельный ужас перед гражданской войной и установлении «вечного мира». Известный Эмиль Вандервельде в своих теоретиках социал-фашизма на пацифистскую болтовню о недопущении войны и установлении «вечного мира». Известный Эмиль Вандервельде в своем выступлении в бельгийском парламенте в марте 1931 г. прямо заявил об этом. «Новая мировая война была бы или скоро превратилась бы, — мы это видели в России, а потом в Германии и Австрии, — в гражданскую войну, в которой все трудящиеся были бы по одну сторону фронта, а господствующие над ними — по другую. Из этой войны неизбежно родилась бы в крови и руинах революция. Вот почему мы этого не желаем, так как мы испыты-

¹) См. «Декреты Октябрьской революции», т. I, стр. 3.

²) Kautsky, Krieg und Demokratie, S. 74.

ваем перед этим ужас»¹⁾. Но мы, марксисты-ленинцы, знаем, что если революция наступает не после войны, то она приходит до нее. И тогда буржуазия пытается уйти от революции, бросаясь в военную авантюру, выпуская на свет чудовище войны. От революционного пролетариата зависит, как скоро положит он конец провокационной игре обнаглевшего империалистического хищника, потерявшего голову.

Книга Каутского рассчитана на то, чтобы заранее подготовиться к недопущению революции до войны и революционных последствий самой войны. Книга Каутского написана не против войны, в защиту демократии, но против гражданской войны и революции, в защиту контрреволюции, подготовляющей новую мировую войну, в защиту интервенции против СССР.

Война и демократия

Еще в 1927 г. Каутский, говоря об условиях, созданных Версальским миром, писал:

«Было бы конечно ужасно, если бы побежденные (государства) попытались бы посредством новой войны устранить причиненное им зло.

К счастью, подобная война не является неизбежной, если демократические элементы в Европе достаточно скоро усилятся в экономическом, социальном и следовательно в политическом отношении, чтобы придать Лиге наций силу и волю для проведения демократическим путем приспособления государственных границ к потребностям наций. При этом очень многое будет зависеть от того, когда и как существующая в России диктатура будет заменена демократическим режимом. Такой режим не только был бы в состоянии обеспечить быстрый хозяйственный подъем России, но и в сильнейшей степени поднял бы авторитет Лиги наций и демократических элементов в ней»²⁾.

Итак, на пути благих намерений европейской демократии стоит диктатура пролетариата в России, и пока эта диктатура существует, до тех пор невозможен «демократический мир» между народами Европы, невозможен хозяйственный подъем и рост авторитета Лиги наций! Значит, если в случае войны большевики будут стремиться превратить эту войну в гражданскую, социал-фашисты, во имя поднятия авторитета Лиги наций, демократического мира и буржуазной демократии, призовут своих сторонников к прекращению войны между империалистами и к превращению ее в войну против СССР, — таков смысл пацифистских рассуждений Каутского. Это писалось в двухтомнике «Материалистическое понимание истории». В выпущенном затем Каутским через два года гнусном пасквиле «Большевизм в тупике», который является политическим аспектом «Материалистического понимания истории», Каутский развивает ту же мысль еще более откровенно. Он призывает капиталистов бросить взаимную вражду и позаботиться об общих интересах Европы. Но на пути рисуемого им «благоприятного развития», на пути осуществления манящей мечты о «вечном мире» при капитализме стоят, указывает Каутский, «каменной громадой большевики». Пока не «демократизована» Россия (читай: пока на одной шестой части земного шара у власти стоит пролетариат!), ничего не будет, твердит Каутский. А от уничтожения пролетарской диктатуры Каутский сулит буржуазии «золотые горы». «Победа демократии в России, — пишет он, — не только откроет мировой промышленности российский рынок, она будет в чрезвычайной степени способствовать и быстрому расширению этого рынка. Этим кладется начало процессу, который в конце концов может привести к преодолению ужасающего кризиса, в настоящее время тяготеющего над всеми современными промышленными

¹⁾ «Известия» от 7/III 1931 г.

²⁾ Kautsky, Die Materialistische Geschichtsauffassung, Bd. II, S. 44—445.

странами... К сожалению, этот рынок остается без всякого значения до тех пор, пока господствует большевизм» (Каутский, «Большевизм в тупике»).

Таким образом в лице Каутского мы имеем законченного социал-интервента, прикрывающегося мантией демократического пацифизма. В лице Каутского мы имеем передового представителя авангарда контрреволюционной буржуазии. От имени этой буржуазии проповедует Каутский поход на СССР. Блестяще подтверждается сказанное т. Сталиным на XVI съезде партии, что «каждый раз, когда капиталистические противоречия начинают обостряться, буржуазия обращает свои взгляды в сторону СССР: нельзя ли разрешить то или иное противоречие капитализма или все противоречия вместе взятые за счет СССР, этой Страны советов, цитадели революции, революционирующей одним своим существованием рабочий класс и колонии, мешающей наладить новую войну, мешающей переделить мир по-новому, мешающей хозяйничать на своем обширном внутреннем рынке, так необходимым капиталистам особенно теперь, в связи с экономическим кризисом»¹⁾.

Таким образом сущность социал-фашистского пацифизма в том, что он «против» империалистической войны, так как она может привести к гражданской войне и революции, но он за войну империалистов против СССР, за интервенцию, за подавление революционного движения, за разрешение противоречий капитализма за счет страны пролетарской диктатуры.

Поэтому, когда речь заходит о войне между империалистами, Каутский начинает из всех сил доказывать и ее невыгодность, и ее опасность (незнакомство с «соотношением сил»), и непредвиденность ее последствий (гражданская война), и возможность мирно договориться (посредством «подсчета голосов»), и преимущества мира перед войной и т. д. и т. п.

Но как только речь заходит о СССР, Каутский сразу меняет тон. Его пацифистская демагогия мгновенно испаряется. Во имя «вечного мира» Каутский призывает империалистов к расправе с СССР. Во имя недопущения гражданской войны Каутский призывает к интервенции против страны пролетарской диктатуры, самый факт существования которой будет способствовать скорейшему превращению империалистической войны в гражданскую! Вышеприведенная нами выдержка из резолюции Парижской конференции II интернационала, как и все другие факты, говорит о том, что было бы ошибочно думать, будто между Каутским и его социал-пацифистскими коллегами из II интернационала существуют коренные, принципиальные расхождения по вопросу об отношении к СССР. Нет, Каутский лишь более откровенен ввиду того, что он не занимает в интернационале официального поста и следовательно может позволить себе большую развязность без риска вызвать открытое возмущение с.-д. рабочих масс.

По поводу слишком «нелактичных» и не ко времени откровенных заявлений Каутского у последнего была с редактором «Der Kampf» и председателем II интернационала Фр. Адлером целая переписка (опубликована в февральской книжке «Der Kampf» 1933 г.), Каутский настаивал на своей откровенно-интервенционистской в отношении к СССР позиции и доказывал, что его точка зрения «не представляет собою ничего нового для Интернационала». Это действительно так. Лидеры II интернационала лишь на словах за «защиту Советской России» в случае войны. Когда придет время, они скинут маску — недаром уже сейчас они говорят о «защите демократии» (вместо разоблаченного лозунга «защиты отечества») против «всякой диктатуры». Но события показали, что социал-демократия не только не может и не хочет бороться с фашистской диктатурой, но является ее социальной опорой; остается лишь борьба в «защиту демократии» против пролетарской дикта-

¹⁾ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 698.

туры в СССР! Вот почему в парижской резолюции оставлено «свободное место» для определения «нападающей стороны»!

Выше мы упоминали о том, что Каутский отрицает классовую борьбу в истории, «доказывая», что в основе исторического развития лежит демократия, нарушаемая эпизодическими вспышками насилия (войны, революции). Каутский высказывается против войны, за мир, ибо война есть насилие, мир же тождественен с демократией. Насилие кого над кем или «мирный метод» господства и порабощения кого—кем—этих естественных для всякого марксиста вопросов для Каутского, проводящего последовательный отказ от классовой точки зрения, просто не существует. Тем самым обнаруживается, в интересах какого класса развивает Каутский свои теории о войне и демократии.

Каутский не различает классового характера всякого насилия и говорит о «насилии» вообще для того, чтобы опорочить и развенчать идею революционного насилия.

«Социализм,—писал Ленин,—против насилия над нациями. Это бесспорно. Но социализм вообще против насилия над людьми. Однако, кроме христианских анархистов и толстовцев, никто еще не выводил отсюда, что социализм против революционного насилия. Значит говорить о «насилии» вообще, без разбора условий, отличающих реакционное от революционного насилия, значит быть мещанином, отрекающимся от революции, или это значит просто обманывать себя и других софистикой»¹⁾.

Так писал Ленин против Каутского в 1918 г. Но до сих пор этот ученый оберприказчик буржуазии твердит одно и то же, «точно во сне мочалку жует», без малейшего проблеска новой мысли или аргументации. Проповедуя рабочим отсутствие нужды прибегать к революционному насилию, Каутский рассказывает сказки о мирном характере капитализма, его незаинтересованности в экспансии при помощи военных средств, его уступчивости перед «демократией»; он уговаривает капиталистов не прибегать к оружию, так как в их же интересах не подавать плохого примера рабочим. Он подогревает для мещан всего мира лживую легенду, будто мировая война 1914 г. была последней и что наступает эпоха «вечного мира» (сегодняшняя действительность вдребезги разбила эту мещанскую иллюзию). Но все это, сказанное в «Воине и демократии», было уже сотни раз сказано Каутским раньше, в его прежних работах, так что весь круг его идей и его писаний стал похожим на нудный псалтырь социал-фашистского холопства перед буржуазией, филистерства и тупоумия.

Подведем итоги.

Из охватившего буржуазный мир глубочайшего экономического кризиса, разразившегося в рамках всеобщего кризиса капитализма, империалистическая буржуазия ищет выхода в новой войне. Послевоенный период был для империалистов не более как периодом сравнительно кратковременной передышки, перемирия для подготовки нового столкновения. По сути дела это новое столкновение было уже заложено в ходе и исходе первой войны и последовавшего за нею империалистского мира. Что текущий момент чреват новой войной, в этом не меньше самой буржуазии повинна международная социал-демократия, которая в войне 1914 г. проводила определенную политику и приложила свою руку к Версальскому мирному договору. Каутский вынужден признать, что «мирные договоры 1919 г. принесли насилия, а не соглашения. При более высоком уровне государственной мудрости был бы созван мировой конгресс, на котором сошлись бы на равных правах все державы... для того, чтобы обсудить новую организацию всего мира»²⁾.

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. XXIII, стр. 379.

²⁾ «Der Kampf» № 7, 1933 г.

Увы, дело вовсе не в недостатке «государственной мудрости»,—это лицемерные пацифистские словечки Каутского. Дело в бессилии, старческой дряхлости обреченной на смерть капиталистической системы. Каутский отрекается от последних намеков на марксизм, когда он «забывает» стихийный характер капиталистического способа производства и скрывает, что новая попытка насильственного разрешения капиталистических противоречий для буржуазии столь же необходима и неизбежна, как и те насильственные договоры, которые были продиктованы державами-победительницами в 1919 г. Бессильные воздыхатели о «мирной новой организации всего мира» свидетельствуют о жаре буржуазной апологетики, которым одержимы социал-фашистские лакеи капитала в своем стремлении бесстыдно отрицать тот факт, что войны есть органически с капитализмом связанное явление, столь же закономерное, как и мир. «При капитализме,—писал Ленин,—невозможны иные средства восстановления времени от времени нарушенного равновесия, как кризисы в промышленности, войны в политике»¹⁾.

Нам нет дела до субъективных намерений пацифистских болтунов, «стремящихся» «помешать» новой войне. Это они могут сделать так же мало, как мало могли они ликвидировать и по сей день свирепствующий в капиталистических странах экономический кризис. Наоборот, пацифизм у с к о р я е т войну. Он ускоряет ее тем, что пацифистской демагогией углубляет раскол рабочего класса, тем, что, проводя политику «наименьшего зла», он расширяет путь открытой фашистской диктатуре, для которой новая война «на роду написана». Пацифисты, помогая там, где они могут, фашизации буржуазного государства и наступлению буржуазии на рабочий класс, в то же время всячески подогревают в массах социал-шовинистический дух («защита отечества») вместо духа гражданской войны. Своим пацифизмом они прикрывают тот факт, что новая война, к которой готовятся империалисты, как и вся политика мировой буржуазии, имеет своей главной и основной тенденцией «тенденцию к окружению СССР и к контрреволюционной войне против него с целью его удушения и создания всемирного буржуазно-террористического режима»²⁾. II интернационал, бывший в первую империалистическую войну никуда негодным «инструментом мира» (Каутский), являлся и является ныне, в период «мира» между империалистами, прекрасным «инструментом войны». «Музыканты из II интернационала прекрасно разыгрывают пацифистские серенады, заливаются песнями о «вечном мире». Однако «пацифизм и абстрактная проповедь мира является ныне, в период мира между империалистами, прекрасным «инструментом войны». Иллюзии о «вечном мире», который якобы может гарантировать буржуазная демократия и ее социал-фашистские «апостолы мира», являются на деле необходимой составной частью процесса подготовки войны, частью той «тайны, в которой война рождается» (Ленин). Буржуазный пацифизм всегда являлся другой, так сказать «показной», «лицевой» стороной империалистического милитаризма. По выражению т. Сталина, пацифизм «прикрывает наготу империализма». Социал-демократический пацифизм есть прикрытие империалистической политики буржуазных демократий. Пацифистский дурман служит делу разоружения пролетариата перед лицом военной опасности, средством идеологического хлороформирования классового сознания пролетариата, усыпления его классовой бдительности, средством идеологической подготовки масс к тому, чтобы с завязанными глазами подвести трудящихся к пропасти войны, поставить их внезапно «перед фактом», неожиданно толкнуть народы в пучину взаимного истребления во славу капитала. С другой стороны, современная роль пацифистов из Лиги наций и ее сторонников из II интернационала состоит в наилицемернейшем проведении тактики «вползая в войну», которую с успехом на-

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. XVIII, стр. 232.

²⁾ Программа Коминтерна, X, § 2.

начинают применять империалисты Японии и других стран (война без «объявления войны», без разрыва дипломатических отношений и т. д.).

К указанной цели приспособлены все построения буржуазных пацифистов из социал-фашистского лагеря и прежде всего отказ от постановки вопроса о классовом характере политики, ведущей к войне, и классовом содержании самой войны. Понятно, в чем смысл отказа от классовой точки зрения на войну. Ибо при такой единственно научной, марксистской постановке вопроса сразу обнаруживается, что политика мира составляет самую сущность внешней политики СССР и что политика вооружения и подготовки войн (за ширмой пацифизма) составляет сущность внешней политики крупных империалистических держав.

Боязнь революционных последствий войны удерживала империалистов от немедленного вступления в войну и делала их на время пацифистами. Эта боязнь последствий усиливается фактом существования СССР—могучего социалистического отечества пролетариата всех стран, ведущего политику мира, разоблачающего провокационные маневры поджигателей войны и их пацифистских доктринеров. Отсюда естественно, что подготовка войны неразрывно связана с антисоветской пропагандой. Причем пацифисты всех оттенков соревнуются друг с другом в деле оклеветания СССР (лживая легенда о «красном империализме»), тем самым выдавая свою истинную природу людей, прикрывающих подготовку войны и интервенции против страны пролетарской диктатуры.

Пацифистская демагогия вождей II интернационала отнюдь не противоречит фашистской политике войны. Она дополняет ее. Еще в начале относительной капиталистической стабилизации, в период расцвета пацифизма, за ширмой которого собирал свои кадры фашизм, т. Сталин разоблачил попытки противопоставления пацифизма фашизму. «Было бы ошибочно думать,—писал т. Сталин,—что «пацифизм» означает ликвидацию фашизма. «Пацифизм» в нынешней обстановке есть утверждение фашизма с выдвиганием на первый план его умеренного, социал-демократического крыла»¹).

Под прикрытием пацифистской фразы укреплялся капитализм, подготавливая новую войну. Ныне эта подготовка вчера закончена. И чем ближе к войне, тем громче кричат империалисты «о мире всего мира». Пацифистское красноречие лидеров социал-фашизма является той «пылью в глаза» рабочим массам, которою надеются ослепить пролетариат, убить его волю к борьбе с капитализмом и фашистской диктатурой буржуазии, толкающей народы в горнило войны.

Абстрактная проповедь мира в период относительной стабилизации капитализма обернулась в период кануна второго тура революций и войн в контрреволюционную проповедь интервенции против СССР. Рабочим-де выгоднее быть втянутыми в империалистическую войну, чем не допускать последней посредством развязывания войны классовой, гражданской. Именно в такой постановке вопроса, высказанной Каутским с полной откровенностью, состоит современный социал-пацифизм. Контрреволюционная буржуазия ищет выхода в войне. Но она не может вести войны, не втянув в нее всей нации и не водворив «спокойствия» у себя внутри. Она хочет создать себе известные гарантии, что затеваемую ею войну пролетариату не удастся превратить в гражданскую. Буржуазия ожидает таких гарантий прежде всего от социал-демократии со времени войны 1914 г., являющейся вернейшей опорой буржуазии в рабочем классе. Конечно во время войны буржуазия постарается произвести «пацификацию» и силой оружия, военными средствами заставить пролетариат повиноваться, идти на фронт и защищать «свое» буржуазное

¹) Сталин, К международному положению, «Большевик», № 11, 1924 г., стр. 9.

общество. Но в период подготовки войны социал-фашизм—прекрасное средство обмана масс. «Пусть болтают социал-демократы,—говорит т. Сталин,—о пацифизме, о мирном развитии капитализма и пр. Опыт пребывания социал-демократии у власти в Германии и Англии доказывает, что пацифизм является у них лишь маской, необходимой для прикрытия подготовки новых войн»¹).

Социал-пацифизм является прикрытием для подготовки войны. Когда война начнется, «социал-пацифисты» будут делать все, чтобы не допустить превращения империалистической войны и интервенции против СССР в гражданскую войну пролетариата капиталистических стран против своей буржуазии. Пацифистская демагогия идеологов II интернационала служит таким образом как до войны, так и во время нее орудием раскола рабочего класса, средством разрушения единого пролетарского фронта борьбы с фашизмом. Социал-пацифисты всех мастей являются поэтому злейшими врагами революционного пролетариата.

Компартии всех стран и в первую голову героическая компартия Германии борются против новой империалистической войны, разоблачают лживую софистику социал-пацифистских демагогов, борются за революционное единство пролетарских рядов, мобилизуют бдительность рабочего класса против интервенционистских замыслов международного фашизма. Вся эта деятельность коммунистов срывает и разоблачает контрреволюционную политику социал-фашизма. Вот почему лидеры II интернационала менее всего возражают против карательной политики германского фашизма в отношении коммунистического движения. Но как нельзя было уничтожить коммунизм руками социал-фашистов и посредством «демократических» методов, так невозможно его ликвидировать и при помощи кровавого фашистского террора. Дело коммунизма живет, оно непобедимо. Грядет новый тур революционных потрясений. И если в первом туре ставка пролетариата оказалась для Западной Европы проигранной, то это объясняется тем, что подлинно коммунистической, последовательно революционной партии западноевропейский пролетариат тогда еще не имел. «Величайшая беда и опасность Европы,—писал Ленин в октябре 1918 г.,—в том, что в ней нет революционной партии. Есть партии предателей вроде Шейдеманов, Реноделей, Гендерсонов, Уэббов и К° или лакейских душ вроде Каутского. Нет партии революционной»²).

Коммунисты всех стран под руководством Коммунистического интернационала, вооруженные ленинским пониманием происхождения и богатейшим историческим опытом большевиков, сумеют создать единый пролетарский фронт, завоевать на свою сторону большинство рабочего класса. Разоблачая лживые пацифистские фразы и подлый обман социал-фашистских поджигателей войны, компартии сумеют убедить даже отсталых рабочих, что путь наименьших жертв и лишений и в то же время путь, единственно отвечающий интересам пролетариата, путь освобождения из-под фашистского ига и предупреждения затеваемой Гитлерами всех стран новой войны есть путь единого пролетарского фронта борьбы против господства буржуазии во всех его формах—в парламентски-демократической и в фашистско-террористической, есть путь превращения империалистической войны, если она начнется, в гражданскую войну пролетариата против своих поработителей, за свержение капитализма и установление диктатуры пролетариата.

¹) Сталин, Политотчет ЦК на XVI парт'езде, «Вопросы ленинизма», стр. 693.

²) Ленин, Собр. соч., т. XXIII, стр. 224.

Германский фашизм и СССР

А. Деборин

Со времени прихода Гитлера к власти шансы новой империалистической войны на территории Европы чрезвычайно усилились. Версальский «мир» нарочито завязал все узлы, связывающие европейские государства друг с другом, так, чтобы он стал со временем исходным пунктом новой войны. Версальский «мир» превратил Европу в колоссальную пороховую бочку, готовую ежеминутно взорваться и вызвать всеевропейский пожар. Буржуазные «благотетели» человечества во главе с Вильсоном, Клемансо и Ллойд-Джорджем в своих «заботах» об устройстве мира и прежде всего Европы подготовили при содействии социал-демократии приход к власти Гитлера, использовавшего лозунг национального освобождения Германии и сплотившего вокруг этого лозунга широкие массы мелкой буржуазии. Мировая война и Версальский мир подготовили современный мировой экономический кризис, который ударил особенно сильно по Германии.

Еще задолго до наступления мирового экономического кризиса т. Сталин предсказал его неизбежное наступление. Подвергнув всестороннему анализу основные противоречия мирового капитализма, до крайности обострившиеся в связи с мировым кризисом, т. Сталин наметил следующие перспективы: стабилизации капитализма приходит конец; в результате этого под'ем революционного движения масс будет нарастать с новой силой; мировой экономический кризис будет перерастать в ряде стран в кризис политический.

«Это значит, — говорил т. Сталин, — во-первых, что буржуазия будет искать выхода из положения в дальнейшей фашизации в области внутренней политики, используя для этого все реакционные силы, в том числе и социал-демократию.

Это значит, во-вторых, что буржуазия будет искать выхода в новой империалистической войне и интервенции в области внешней политики.

Это значит, наконец, что пролетариат, борясь с капиталистической эксплуатацией и военной опасностью, будет искать выхода в революции»¹⁾.

Все эти предсказания т. Сталина с поразительной точностью осуществляются ныне на наших глазах.

Являясь орудием в руках империалистской крупной буржуазии, германский фашизм в поисках выхода из кризиса поставил себе целью разгромить коммунистическую партию и революционное рабочее движение с тем, чтобы «уничтожить» классы и партии и создать «единую солидарную нацию» как основную предпосылку для «умиротворения» страны и подготовки условий для новой войны. В области внутренней политики фашизм вступил на

¹⁾ И. Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 697, изд. 1931 г.

путь кровавого подавления рабочего движения, стремясь превратить рабочего в крепостного, что на языке гитлеровцев означает «включение рабочего класса в состав единой нации».

Буржуазия видит выход из современного кризиса в империалистической войне и интервенции в области внешней политики, говорил т. Сталин. Идеологически фашистские «теоретики» обосновывают эти свои империалистические стремления «изящным» тезисом, гласящим, что война есть начало и источник всякого прогресса и культурного расцвета и что в ней достигается «высшая солидарность нации». Фашизм по самому существу своему есть идеология империалистическая и милитаристическая.

Ввиду того, что фашистские идеологи как третьей, так и четвертой империи в своей внешней политике «ориентируются» на Восток, т. е. на Советский союз, то небезынтересно уделить наше внимание этому вопросу.

В целях более близкого ознакомления с внешнеполитической ориентацией различных группировок фашизма необходимо обратиться к произведениям, в которых изложены их взгляды. При этом считаем нужным оговорить, что общетеоретических — «философских» — рассуждений этих авторов мы коснемся лишь постольку, поскольку это требуется поставленной нами перед собою задачей.

В качестве одного из «авторитетных» представителей так называемого «германского фронта» мы возьмем Никиша, в качестве представителей «черного фронта» — Отто Штрассера и ван-Эмзена.

Что касается Гитлера, то его взгляды будут вкратце изложены после того, как мы познакомимся с программой фашистских группировок, стоящих в оппозиции к официальному национал-социализму, возглавляемому Гитлером.

Эрнст Никиш является автором ряда работ, посвященных вопросам германской политики. Для нашей задачи мы воспользуемся его книгой «Entscheidung». Автор относится враждебно к Гитлеру. Носителем фашистского духа в Германии, пишет он, является национал-социализм Гитлера. Сначала многим казалось, что национал-социализм превратится в подлинное национально-революционное движение, но Гитлер капитулировал перед Римом и взял себе за образец Муссолини. Так национал-социализм превратился в германский фашизм. Гитлер мобилизует широкие массы национально-активных элементов. Но он это делает в намерении обмануть массы. Капитуляция перед Римом естественно означает также капитуляцию перед буржуазией. «Он (Гитлер. — А. Д.) обращался к антибуржуазным элементам, к рабочим, только в результате тайного авгуроподобного соглашения с буржуазными вождями хозяйства; он брал также у них деньги. Он льстил массам, в то время как им в действительности руководило презрение к массам, свойственное буржуазному господскому взгляду. Он стал центром притяжения для бывших мелких и средних слоев буржуазии, которые вследствие их социальной деградации склонились к радикализму, но которые благодаря фашистской организации, против своей воли, были удержаны в рамках буржуазности. Разнужданные инстинкты зависти и мести этих элементов, вместо того чтобы быть направлены против виновной в их положении буржуазии, были отвлечены в сторону смертельного врага буржуазии — против коммунизма. Этим самым фашистские массы стали злыми цепными собаками на службе у буржуазии и одновременно, не сознавая этого, ландскнехтами романизма против германизма»¹⁾.

Однако что представляет собою сам Никиш? Каково его отношение к коммунизму, к марксизму, к частной собственности и к пролетариату? Ни-

¹⁾ Ernst Niekisch, Entscheidung, S. 82.

киш является представителем крайнего национализма. Все течения фашизма одинаково отрицательно относятся, после Версальского мира разумеется, к Западу. Капитализм и порожденная им буржуазная культура являются чисто западным продуктом, ничего общего не имеющим с «германской душой», с прусской «метафизической первичной формой», пишет он. Никиш таким образом исходит не из противоположности интересов международного пролетариата (стало быть и западного) и международной буржуазии, а из противоположности между Западом и Востоком. Такой трюк необходим для обмана рабочих масс. Им преподносят мнимую противоположность вместо действительной противоположности интересов буржуазии и пролетариата.

Обращаясь к проблеме частной собственности, Никиш утверждает, что германское понимание собственности противоположно романскому понятию собственности. Немецкий народ искони «небуржуазный народ». Но так как этот небуржуазный народ заимствовал романскую идею личной собственности и построил на ней свою общественную жизнь, то он необходимо погибнет, если не отречется от Запада и не вернется к чисто германской идее собственности. «Кто действительно хочет освобождения Германии,—говорит он,—тот должен прежде всего обратиться против принципа частной собственности»¹). Но читатель впадет в ошибку, если он отсюда сделает вывод, что автор действительно является противником частной собственности; «германская идея собственности» покоится, по словам Никиша, на понятии долга каждого отдельного индивидуума перед общественным целым, и потому частная собственность должна рассматриваться под углом зрения службы ее обладателя на пользу общества. Словом, частная собственность должна быть подчинена ленному праву. Каждому отдельному лицу предоставляется возможность или даже обязанность приумножения «лена» и общепольного употребления, но оно должно быть готовым во всякое время отчитаться в своей деятельности перед обществом. «Германская жизнь стоит перед знаком борьбы; даже вся совокупность собственности может быть мобилизована для борьбы. Каждый отдельный человек — солдат: поскольку ему доверяется собственность, она является оружием нации».

Марксизм неправильно-де разрешает эту проблему. Он стремится низвести собственника на ступень неимущего... «Если нельзя самому получить чужую собственность, пусть ее получит по крайней мере общество или государство. Приятно сознавать, что и другой не имеет больше меня. Такой именно характер носит марксистский коллективизм. Он далек от того, чтобы утвердить более возвышенную мораль. Он является лишь рафинированной формой мести»²).

Таким образом наш автор, хотя и рядится в тогу крайнего «революционера», мечущего громы и молнии против принципа частной собственности, но на деле он стремится к сохранению частной собственности (под названием лена) и классового разделения общества на собственников и неимущих. Германскую идею собственности в изложенном понимании отстаивают и гитлеровцы. Для «завоевания» рабочих на свою сторону этим господам необходимо на словах вести «борьбу» против частной собственности и за «социализм». Это делается в целях социальной демагогии, в целях обмана широких масс, ибо для того, чтобы мобилизовать эти массы для борьбы, для войны, необходимо хотя бы на словах громить буржуазию, частную собственность и пр., тем более, что таково именно хитроумное задание самой буржуазии,

¹) Ernst Niekisch, Entscheidung, S. 126.

²) Ibid., S. 124.

ее «социальный заказ», ибо рабочих можно мобилизовать ныне только под знаменем социализма.

В особой главе, посвященной характеристике немецкого рабочего, Никкиш продолжает раскрывать свои карты. Он не прочь пролить слезу по поводу безработицы и связанных с нею страданий. Но центр тяжести его рассуждений лежит опять-таки в иной плоскости. Немецкий рабочий, говорит он, оторвался от национального организма, от родной земли. Он стоит в резкой оппозиции к немецкой «воле к власти и жизни». Он настроен интернационалистически, не признает отечества, следует за Марксом в своем отвращении к прусскому «жизненному стилю». Пролетарий и в особенности немецкий пролетарий — это человек, лишенный чувства героизма, глубокой внутренней жизни, враждебно относящийся ко всем, кто пользуется «авторитетом». Он стоит на почве классовой борьбы, лишен чувства ответственности, труслив, своеволен, непокорен и т. п.

Этот подлый выпад против немецкого рабочего класса выдает автора с головой. Его стремления направлены к тому, чтобы всецело подчинить немецких рабочих «национальным интересам», т. е. интересам буржуазии, пропитать их сознанием необходимости войны против Запада, для каковой цели рабочие должны «включиться» в состав национального организма, отказаться от классовой борьбы со своей буржуазией и отречься от принципа международной солидарности со своими братьями по классу.

И не случайно поэтому Никкиш воспекает в восторженных выражениях день 4 августа 1914 г. «Это было чудо, — пишет он, — Внезапно спало с немецкого человека, подобно скорлупе, все сытое, самодовольное, торгашески-городское, эгоистически-материалистическое, что скрывало его истинно героическую сущность, которая свойственна и погрязшему в городской тине пролетарию. Через ночь исчезли хозяйственная расчетливость и эгоистическое понимание мира и жизни. В несравненной чистоте предстала перед нами героическая первичная природа немецкого человека, который только то и делал, что боролся, страдал, жертвовал собою и умирал» ¹⁾. Немецкий рабочий находился в одном лагере с немецкой нацией... Сердца социал-фашистов могут радоваться. Их подвиги оценены по достоинству.

Не имея возможности останавливаться на других затрагиваемых автором вопросах, перейдем теперь к его характеристике коммунизма, большевизма, советской системы и наконец к предлагаемому им блоку Германии с Советским союзом.

Автор относится враждебно к марксизму, но более «снисходительно» к коммунизму, утверждая, что коммунизм не является определенным учением, а продуктом и выражением «элементарных инстинктов». Коммунизм стоит по ту сторону буржуазного мирозерцания. Для него марксизм, мол, не является «ненарушимым вероучением, а маской или же оружием». Решающим для коммунизма является не его идеология, а то, что он представляет собою стихийное движение. Всякий грамотный человек знает, что это грубейшая ложь и фальсификация. Разве марксизм-ленинизм не является строгим и всесторонне разработанным учением коммунистического движения, его теоретическим обобщением? И разве все коммунистическое движение и наше социалистическое строительство не покоятся целиком на научных достижениях марксизма-ленинизма? Объявляя коммунистическое движение «стихийным» движением и отрывая его таким образом от марксизма, наш автор, подобно всем фашистам, хочет «доказать», что коммунизм есть чисто русский, т. е. «азиатский», продукт, являясь выражением «души» русского,

¹⁾ Ernst Niekisch, Entscheidung, S. 57.

т. е. «азиатского», человека и следовательно не применим к Западу. С другой стороны, отрывая марксизм от коммунизма, автор надеется убедить своих читателей в беспочвенности марксизма, в его никчемности и вредности. Таким образом автор убивает двух зайцев сразу, одним выстрелом.

Коммунизм, продолжает Никиш, не способен на компромисс с буржуазным миром, с которым он ведет борьбу не на жизнь, а на смерть. «Коммунизм это превращение либерализма в свою противоположность. Он является чахоткой либерализма, смертельной болезнью, которой поражен либерализм. Коммунизм это процесс гниения либерализма, подготовляющий постепенно смерть последнего».

Коммунизм и большевизм—вещи тождественные, говорит наш автор. Они являются самыми существенными формами антиевропейского фанатизма. И в тот момент, когда к 100 миллионам русских фанатиков присоединятся 80 миллионов немецких фанатиков,—в этот момент версальский порядок разлетится, как карточный домик, пишет он. Напс автор великолепно знает, что коммунизм и фашизм—смертельные враги, но он надеется нас обмануть. Голый же «фанатизм»—гнилая и жульническая основа для предлагаемого им блока.

Борьбу русского пролетариата против «своей», русской буржуазии автор рассматривает как борьбу против Запада. «В русской крови,—говорит он,—заложен элемент крайней враждебности к Европе. Это азиатское наследие русского человека. И это азиатское наследие восставало против всех следов западноевропейской заразы. Большевизм есть возрождение русско-азиатского элемента, восстание против всего западноевропейского».

Эта наглая характеристика большевизма преследует все ту же цель: доказать рабочим, что большевизм в качестве «русско-азиатского элемента» для них не приемлем, а с другой стороны, натравить немецких рабочих на западных рабочих, ибо-де сам большевизм, к которому рабочие относятся с явным энтузиазмом, восстает «против всего западноевропейского». Нужно ли доказывать нашему читателю, что большевизм насквозь интернационален, что им воспринят целиком такой западноевропейский продукт, как марксизм? Все рассуждение автора—сознательное жульничество, рассчитанное на обман рабочих масс Германии.

Однако, несмотря на полное непонимание большевизма и коммунизма,—впрочем это не непонимание, а определенная сознательная установка,—русский большевизм «импонирует» автору тем, что он освободил бывшую Россию от зависимости от западноевропейских держав. В этом отношении в писаниях автора, как и других немецких писателей, сквозит нескрываемая зависть. Сознывая непобедимую мощь Союза, фашисты скрежещут зубами от злости, зависти и собственного бессилия.

«Русская революция 1917 г. расстроила все планы империалистических западноевропейских государств. Отделившись от них, она освободилась от их эксплуатации. Она не могла быть низведена на ступень колониальной крестьянской страны, вывозящей хлеб и получающей взамен от западных государств продукты промышленности. Она не выдала европейским державам ни своего хлеба, ни своей нефти, ни других богатств. Сначала эти державы не хотели примириться с тем, что русская добыча ускользнула из их рук. Они снарядили экспедиции, которые должны были уничтожить большевистскую власть и подчинить русский народ западным государствам. Белые генералы были наемниками Европы против России.

Но неудача белых генералов показала, что новое русское государство слишком прочно, чтобы быть уничтоженным»¹⁾.

¹⁾ Ernst Niekisch, Entscheidung, S. 141—142.

Если бы Германия доросла до понимания «своей судьбы», она должна была бы после своего крушения заключить союз с Россией. Но она поступила «как вполне приличный слуга» и включилась в единый фронт со своими собственными угнетателями и вымогателями.

Кто желает независимости и национального освобождения Германии, тот должен понять, что это может быть достигнуто при помощи России, пишет Никиш. Участвовать в крестовом походе против России—значит с оружием в руках защищать версальский порядок, т. е. порабощение Германии. Германия может завоевать себе независимость и свободу при условии поддержки ею «русско-азиатского натиска на Европу».

«Европа душит Германию; кто стоит перед угрозой быть задушенным до смерти, не может больше заботиться о том, чтобы получить помощь исключительно от избранной среды «цивилизованного» человечества. Он должен признать спасителем, кто бы он ни был, даже в том случае, когда он ему представляется неприятным и русско-варварским...» Итак, хотя мы, русские, и варвары и азиаты и не принадлежим к «цивилизованному человечеству», наш «цивилизованный» автор с истинно прусской душой готов опереться на могучую спину Советского союза, чтобы спасти Германию от версальских угнетателей.

Исходя из такой установки, автор понимает, что невыгодно ссориться с коммунизмом как вне Германии, так и внутри страны. Этим обстоятельством объясняются его фальшивые реверансы по адресу советского большевизма и германского коммунизма. И этим объясняется также основное расхождение между представляемой им группировкой и Гитлером. Первые ориентируются «на союз» с Советской страной, Гитлер же—на войну, против Советов. Поэтому Никиш и говорит о романском наследии, которое несет с собою Гитлер. Отношение к будущему Германии решается вопросом об отношении к коммунистическому движению. Кто относится к последнему как «визгливая баба», тот принадлежит Европе. Его отечество не Германия, а Галлия.

В политике не должно быть места предрассудкам—вот смысл рассуждений Никиша.

Итак, Германии в ее нынешнем положении не остается ничего другого, как заключить блок с Советской республикой. Этим самым был бы создан новый мировой центр протяжением от Тихого океана до Рейна и от Владивостока до Флиссингена. Уже в настоящее время в мире существуют два полюса, пишет он: Вашингтон и Москва. Эти полюсы противостоят друг другу, как две противоположности. Вашингтон—это выродившийся город. Москва—свежевспыхиваемая глыба земли. Вашингтон (Рим)—это умирающий мир. Москва—рождение нового принципа и нового мира, враждебного Европе и всему европейскому духу, воплощенному в Вашингтоне и Риме. Объединившись с Востоком, т. е. с Советской республикой, и тем самым отвернувшись от Запада, Германия скажет еще свое слово, которое будет ее собственным словом и словом России. «Этот великий блок станет осью мира и центром земли». Какие блага сулит нам этот блок, мы покажем ниже.

Конечно и в нем будут существовать два полюса, продолжает автор: Потсдам и Москва. И тут Никиш стыдливо подходит к тому новому слову, о котором говорилось выше. Прообразом германско-славянского блока была Пруссия, которая возникла из смешения германских и славянских элементов. И то, что для Пруссии означал германский элемент, то для нового блока будет означать Германия в целом. Только из смешения германской крови со славянской родится... подлинное государство. Таким образом вкладом в этот великий блок со стороны Германии явилось бы пруссачество,

прусское государство. Тогда возник бы организм власти (ein Machtorganismus), который положил бы конец принципу равенства и создал бы новый иерархический порядок (eine Rangordnung), который обеспечивал бы каждому то, что ему приличествует иметь. Этот блок должен был бы стремиться не к благосостоянию, а к величю. Прусская дисциплина воли придала бы этому блоку стальную прочность, в которой он нуждается, чтобы побороть западное окружение. Стремление к созданию североазиатской—североевропейской мировой империи, реставрация и завершение Пруссии, предполагает разрушение романской власти духа, души, крови и жизни над немцем»¹). Предстоит новое переселение народов. Мы, немцы, должны отречься от романского наследия и «отправиться на Восток». «В недрах Востока должна родиться могущественная германско-славянская мировая империя». И прусский дух, прибавим от себя, будет господствовать над русскими и над всеми другими народами...

Поэтому наш автор высказывается решительно против тех, кто отстаивает малую программу, программу создания «Срединной Европы», со включением в состав нового германского государства кроме Австрии—Польши, Югославии, Болгарии и пр.

Идеологом «Срединной Европы» был еще в прошлом столетии Пауль де-Лагард, который считается современными германскими фашистами «великим мыслителем» и предтечей национал-социализма. В своей работе «Deutsche Schriften» он, между прочим, писал следующее: «...Должна быть создана Срединная Европа, которая одна может гарантировать мир на всем земном шаре. Россия должна быть оттеснена от Черного моря и тем самым от южных славян; тогда немецкая колонизация на Востоке,—ибо мы народ крестьянский,—найдет для себя широчайшее поле. Только посредством удаления России, по крайней мере с юга, внутрь страны может быть помимо всего сохранена наша законная союзница Австрия в ее жизнеспособном состоянии»²).

Разногласия между так называемыми «революционными» национал-социалистами и гитлеровцами идут главным образом по линии внешней политики.

Гитлер обвиняется в том, что он человек романского типа, в отличие от них, людей «северного», германско-славянского типа. Его тянет на Запад, их же—на Восток. Он склонен к соглашению с западными государствами (за счет Советской республики), они же стоят за «блок» с Советской республикой против Запада, но по существу смысл этого блока сводится к «завоеванию» Советской республики «мирными» средствами, к созданию на территории Советов и Германии единой «великой мировой империи» под верховенством прусской государственности, прусской идеи этатизма, национализма и иерархии.

Теперь обратимся к представителям следующей группировки, возглавляемой Отто Штрассером, бежавшим после прихода к власти Гитлера в Австрию, где он продолжает издавать свой орган «Die schwarze Front». Ввиду того, что взгляды Штрассера по вопросам «немецкого» социализма, марксизма, коммунизма и пр. мало чем отличаются от взглядов Никиша, мы их здесь касаться не будем. Остановимся только на его взглядах по вопросам внешней политики.

Штрассер торжественно заявляет, что националисты—решительные противники империализма. Так как согласно нашим взглядам, пишет он, гер-

¹) Ernst Niekisch, Entscheidung, S. 184.

²) Paul de Lagarde, Deutsche Schriften, 1881, B. II, S. 6.

манская нация является особым своеобразным организмом, то мы отвергаем включение в ее состав чужих народностей. Такое включение увеличивает трения внутри, ослабляет организм в целом, препятствует ему сохранить в чистоте свои особенности и своеобразие. Но мы требуем, продолжает он, включения всех немцев в состав германского государства, так как они составляют «клетки организма германской нации»¹⁾. «Мы,—продолжает он,—отвергаем всякого рода империализм. Мы не желаем в какой бы то ни было форме господствовать над чужими народами, их себе покорить и эксплуатировать. Когда же в результате естественного роста немецкого народа возникнут трения с другими, соседними народами, то эти трения поведут к борьбе между обоими народами, которые окончатся победой более сильного. Эта победа будет иметь своей целью не порабощение или эксплуатацию чужого народа, а его вытеснение из занимаемого им пространства»²⁾.

Это вытеснение, которое, мол, согласно Штрассеру, ничего общего не имеет с империализмом, рекомендовал, как мы видели, и его столь им чтимый учитель Пауль де-Лагард. Но этого мало. Оказывается, что народы стареющие теряют свое право на пространство³⁾ и могут быть вытеснены из него более молодым и жизнеспособным народом. А германский народ, как известно, всегда останется самым молодым. Все же остальные народы,—этому учил еще Шпенглер, второй авторитет национал-социалистов,—давно уже переживают свою старость.

Объединение всех немцев Средней Европы является великой целью нашей внешней политики, говорит Штрассер. Но препятствием на этом пути является Версальский договор. Поэтому первой задачей, стоящей перед германским национализмом, является уничтожение этого договора, что может быть достигнуто только посредством революционной войны. На это возражают обычно, что разоруженной Германии вести войну с вооружен-

¹⁾ Otto Strasser, *Aufbau des deutschen Sozialismus*, 1932, S. 75.

²⁾ Ibid., S. 75—76.

³⁾ Проблема «пространства» в указанном смысле получила свое «философское обоснование у первого пророка третьей империи—Меллер ван-ден-Брука. Подобно тому как диалектика стала в руках фашистов орудием реакции, так и категория пространства служит для них орудием отрицания всякого развития». «Диалектика» должна доказать историческую необходимость возврата к феодализму (триада: феодализм—капитализм—неофеодализм), категория же пространства является средством для доказательства тезиса, что жизнь нации протекает прежде всего в пространстве. Пространство включает в себя, содержит в себе время. «Пространство,—говорит Меллер,—божественно. Время же, напротив того, зависимо, имеет земное, человеческое, слишком человеческое бытие. Консервативное мышление есть исключительно мышление в политическом пространстве. Мы можем всегда сохранить только то, что пространственно, но не то, что временно. В пространстве вещи возникают... Во времени же вещи развиваются... Пространство «остаётся», время «улетучивается» (Moeller van den Bruck, *Das dritte Reich*, 3 Aufl., S. 234).

«Пространственно политическое» мышление идеологов фашизма отвергает развитие во времени (отсюда их ненависть ко всем теориям развития, к марксизму и дарвинизму в первую очередь), признавая лишь распространение в пространстве.

От дальнейшего анализа и критики «философских» предпосылок фашистской идеологии мы здесь, естественно, воздерживаемся. Но считаем нужным подчеркнуть, что в современных условиях обостренной классовой борьбы все, даже самые абстрактные категории, как время, пространство, причинность и пр., приобретают сугубо политическое значение. Из идеи примата пространства над временем эти «теоретики» выводят основы того, что они называют «Raumpolitik» (политика пространства). Разумеется, в действительности это отношение чисто идеологическое, надо перевернуть, ибо только из основы своей «Raumpolitik» они приходят к утверждению примата категории пространства. Но углубляться в эту любопытную постановку проблемы и дать ее критику мы здесь не имеем возможности.

ными до зубов противниками невозможно. Это верно, соглашается Штрассер. Однако такая война станет возможной, если все члены нации проникнутся сознанием необходимости борьбы за свободу и честь нации. А это возможно лишь при условии предварительного «социалистического освобождения» страны. Национальное освобождение предполагает в качестве предварительного условия освобождение пролетариата, ибо революционная война возможна лишь в том случае, когда каждый член нации будет «наделен собственностью» и будет себя чувствовать подлинным гражданином государства. Пример революционной России стоит перед глазами Штрассера как живое доказательство возможности победоносной революционной войны. «Несмотря на плохое снаряжение, русские, одержали победу над целым рядом прекрасно вооруженных армий».

Во всех этих рассуждениях Штрассера содержится известная доля истины, но, странное дело, лишь постольку, поскольку автор повторяет соображения германских коммунистов. Но революционные рабочие не идут и никогда не пойдут за Штрассером (или за Гитлером), во-первых, потому, что он мечтает, как и все фашисты, об империалистической войне, стремясь «собрать воедино» всех немцев, живущих в различных государствах; во-вторых же, потому, что фашистский «социализм», который в качестве приманки жалуетсЯ рабочим, есть гнусный обман. «Социализм» Штрассера или Никиша по существу мало чем отличается от «социализма» Гитлера. В другой своей работе Штрассер прямо заявляет, что, в то время как коммунисты хотят сделать всех немцами, «революционный» национал-социализм ставит своей задачей «наделить» всех немцев собственностью¹⁾. Любой сознательный рабочий легко разберется в этом фальшивом «социализме», как и в смысле предлагаемого фашистами в качестве идеала профессионально-сословного государственного строя.

Характеризуя особенности «немецкого социализма» и отличие его от марксизма, Штрассер подчеркивает, что он стоит на почве «личной инициативы» в о ж д е й в области хозяйства, что этот «социализм» признает принцип конкуренции между отдельными предприятиями и пр. Что касается института частной собственности, то он, разумеется, упраздняется, но это «упразднение» сводится фактически к иной интерпретации права собственности, которая объявляется наследственным леном. Повидимому «наследственным леном» рабочего остается закрепленное за ним место на данном предприятии. Иначе говоря, рабочие наследственно за к р е п л я ю т с я за собственниками («ленниками») предприятий. Так выглядит штрассеровский «социализм». Существенных разногласий в понимании «немецкого социализма» между группировкой Штрассера и партией Гитлера нет и в данном вопросе.

Возвращаясь к проблеме внешней политики, следует подчеркнуть, что Штрассер исходит из той мысли, что условием возможности ведения революционной войны является социалистический переворот внутри страны. Самая идея эта заимствована им, как и другими его единомышленниками, у коммунистов. Недаром «революционные» национал-социалисты постоянно ссылаются на успехи Советской республики. Недаром они восхищаются дальновидностью и мудростью советской дипломатии. Но, как неоднократно повторял Ленин, классы обмануть нельзя. А между тем вся программа национал-социалистов рассчитана на обман широких народных масс. Это — попытка под флагом социализма протаскать контрбанду оголтелой реакции, незаконный (с точки зрения рабочих масс) груз

¹⁾ «Wir suchen Deutschland. Ein freier Disput über die Zeitkrisis zwischen Gerhard Schultze-Pfaelzer und Otto Strasser, Major Buchrucker, Herbert Blank». Leipzig, 1931.

империализма, национализма и наконец это — попытка закрепощения рабочего класса на «новой основе». Что это именно так, наглядно доказывает самым отсталым элементом гитлеровский режим. Все более становится ясным и очевидным для всех трудящихся, что только пролетарская революция под руководством коммунистической партии может действительно освободить страну от национального гнета и трудящихся от социального порабощения.

В целях осуществления стоящих перед Германией задач в области внешней политики Штрассер предлагает заключить военный союз с Советской республикой. «Россия,— пишет он,— заинтересована в том, чтобы поддерживать каждый народ, готовый бороться против капиталистических западных держав, главными представителями которых являются те, кто извлекает выгоду из Версальского договора. Это естественное стремление России вытекает как из ее национальных, так и из ее хозяйственных интересов, которые одинаково противоречат Англии и Америке. При этом поддержка России могла бы выразиться в доставке Германии провианта и оружия»¹⁾.

В результате этой войны Германией при поддержке России (а также Италии, Венгрии и Болгарии) была бы создана новая Европа. В качестве «реального политика» Штрассер, в отличие от других своих коллег, воздерживается от изложения своих взглядов по вопросу об устройстве новой Европы. Зачем говорить о «возможностях», пишет он, которые зависят не от воли одной только Германии. Но «ради полноты» он добавляет, что «новый порядок», который принесет с собою германская национальная революция, откроет великую эру для всего западноевропейского культурного мира: «консервативный федерализм» таит в себе великие возможности «для нового, лучшего порядка, который обеспечит прочный мир во всей Европе».

То, чего не договаривает «благоразумный» Штрассер, договаривает ван-Эмзен, который причисляет себя к идеологам четвертой империи, но который в то же время принадлежит к группировке «черного фронта».

Чтобы читателя прямо ввести в курс дела, приведем из его писаний несколько мыслей, характеризующих его взгляды. «В более глубокой биологической плоскости» — пишет он, друг другу противостоят фашизм и большевизм. Муссолини стремится посредством реформ существующей капиталистической хозяйственной системы, посредством синдикалистической реставрации к возрождению (Risorgimento) итальянской нации. Ленин и Сталин создали фундамент для новой хозяйственной системы. Воздвигнуто гигантское здание государственного социализма, в котором носителем хозяйства является не отдельный индивид, как при капитализме, и не народ, как в системе национальной и народнической (völkische) автаркии, а государство. Германский национал-социализм не может принять ни того, ни другого. Он призван занять среднюю линию между синдикалистским фашизмом и большевистским государственным социализмом и создать из них свой синтез. В чем будет заключаться этот «синтез», видно уже из следующего рассуждения автора. Прежде всего германец, которому так дорога свобода, будет стремиться к сохранению и обеспечению свободы за хозяйственными предприятиями, за творческими личностями. Иначе говоря, предпринимателю, который и является олицетворением творческой личности, должна быть предоставлена полная свобода «хозяйствования».

В России, продолжает автор далее, совершается двойной процесс: с одной стороны, эмансипация четвертого сословия, а с другой стороны, Рос-

¹⁾ Otto Strasser, Aufbau des deutschen Sozialismus, S. 80.

сия все больше становится очагом и центром... религиозного пробуждения Европы. Материалистический, антихристианский коммунизм превратится со временем в религиозный, христианский коммунизм...

«Обе эти задачи,—пишет автор,—мы, немцы, должны будем углубить и, идя рука об руку с русскими, осуществить. Длительное включение пролетариата в народный организм не может совершиться механическим, бюрократическим способом, как в России, а чисто органическим путем. Помогая русским создать цветущее замкнутое русско-сибирское народное хозяйство и перенести постепенно центр тяжести в колониальную страну—Сибирь, мы сами себе создаем пространство для нашей экспансии по Меж-Европе» (nach «Zwischen-Europa») и готовим Великую Срединную Европу»¹⁾ (разрядка моя.—А. Д.).

В благодарность за эти «заботы» национал-«революционеров» о нашем процветании... в Сибири мы должны помочь германцам довести до конца реформацию и полностью освободить их от христианско-павловского Запада.

«Этим была бы завершена основная задача третьей империи, руководство которой будет находиться преимущественно в руках прусско-германского человека. При помощи России, которая станет нашим тылом, необходимо будет прежде всего уничтожить главную крепость западной цивилизации, а именно Францию»²⁾.

Таким образом в эпоху третьей империи, пророчествует ван-Эмзен, будет проводиться широкая колонизация Востока. «Могучие волны колонизации,—как он выражается,—устремятся на Восток». Результатом этого будет не только торжество идеи универсального государства и универсальной церкви, но и торжество идеи федералистического, универсалистического мирового хозяйства.

Великий мировой поворот, знаменующий собою закат Европы и восход «нового атлантического мира», начинается со времени Французской революции, которая одновременно является началом конца буржуазного человека в Европе. Середину мирового переворота образует русская революция, установившая диктатуру пролетариата. Исторической же миссией немцев является завершение этого процесса путем создания фундамента для нового человечества. «Выражаясь языком Маркса,—говорит наш «пророк»,—это означает, что медленно совершается процесс перехода от буржуазно-западной цивилизации Версаля, через родовспомогательные силы русского пролетариата, к новой человеческой общественно-хозяйственной форме под руководством прусско-германского человека.

Или, еще иначе выражаясь, можно сказать: французская революция представляет собою тезис, русская—антитезис, немецкая же ведет, наконец, к синтезу»³⁾.

В чем же заключается «великий» исторический синтез, который будет осуществлен пруссакими? На этот вопрос автор (как и другие его единомышленники) отвечает: в осуществлении «социального универсализма». Так как все «теоретики» фашизма злоупотребляют «диалектикой», превращая ее в орудие исторического регресса и реакции, то и наш «авторитетный» автор тоже дает свою диалектическую схему исторического процесса, с которой мы отчасти выше уже познакомились. Дальнейшее развитие этой исторической «теории» и «диалектической схемы» выражается в триаде: универсализм—индивидуализм—универсализм на новой основе.

¹⁾ Kurt van Emsen, Adolf Hitler und die Kommenden, S. 133.

²⁾ Ibid., S. 139.

³⁾ Ibid., S. 37.

Универсализм средних веков сменился индивидуализмом протестантизма, идеей суверенитета князей и частным капитализмом. Задача, стоящая перед человечеством в нашу эпоху, состоит в уничтожении хозяйственного индивидуализма и частного капитализма. «В пролетарском признании ценности солидарности как нравственного обязательства мы переживаем расцвет нового, социального универсализма». Этот универсализм не может и не должен мыслиться централистически. «В качестве идеала будущего федералистический национал-социализм будет все теснее сплачивать рабочих, национал-революционеров и медленно пробуждающееся крестьянство в единую ударную бригаду. Он будет продолжать политику государственного социализма Гогенцоллернов и одновременно проложит мост к религиозно-коммунистическим братствам будущего».

Но тут мы уже вступаем «в пределы четвертой империи», задача которой создать мировую империю иного масштаба, чем третья империя. Последняя является только переходной формой к четвертой империи, имеющей своей целью установить универсальное государство, универсальное хозяйство и универсальную церковь. Задачи же третьей империи более ограничены. Немцы рассеяны в различных странах Европы, они живут в Швейцарии, Австрии, Люксембурге, Данциге, Мемеле, Лихтенштейне, в Саарской области. «Кроме того немцы живут, оторванно от материнского тела, на северо-востоке, востоке и юго-востоке, от Польского коридора до Бессарабии и в Советском государстве (на Волге)».

В соответствии со стоящими перед германским фашизмом «задачами» существуют программа-минимум и программа-максимум. Программа-минимум осуществляется «малой национальной революцией». Ее результатом должно быть создание «Великой Германии». «Великая же национальная революция», которая должна последовать в результате создания «великогерманской империи», ставит перед собою более грандиозные задачи—создание мировой европейской империи на началах федералистического универсализма под протекторатом Пруссии (=Германии, достаточно опрусаченной). Во всех этих фантастических планах СССР отводится «почетное» место как объекту будущей германской колонизации и «цивилизаторских» экспериментов. Первой задачей явится разгром большевизма на территории СССР. В «ученых» книжках говорится, разумеется, не о разгроме большевизма, а о преодолении его при помощи более высокой «идеи». Ведь национал-социализм призван осуществить новый исторический «синтез», он приходит в мир с новым словом, у него особая миссия на Востоке.

Гитлеровский фронт, говорит наш «левый» фашист, должен все сделать, чтобы пробудить нацию. Черный же фронт завершит дело Гитлера. Но все они согласны с тем, что красный фронт (коммунисты) должен быть раздавлен. Это—предварительное условие возможности полной, всесторонней революции (Totalrevolution), как они выражаются.

Какова же роль Гитлера? «Левые» называют его «барабанщиком революции». Их лозунгом является: «Дорогу Гитлеру!». Он соберет германскую нацию, он «перепрыгнет» через «красное болото», т. е. уничтожит коммунизм и марксизм и тем самым подготовит условия, которые сделают возможным приход к власти «левых» для продолжения и завершения начатого им «великого» дела «возрождения» германской нации.

Обращаясь к изложению взглядов Гитлера по интересующему нас вопросу, считаем необходимым оговорить, что по вопросам национализма и «социализма» между ним и «левым» крылом партии существенных разногласий не существует. Оттенки же взглядов нас в данной связи мало интересуют.

И «левые» считают, что Гитлер призван в качестве «барабанщика национальной революции» осуществить слияние подлинного национализма с подлинным «социализмом», т. е. выполнить основную работу по фальсификации социализма в целях обмана рабочих масс. Что же касается вопросов внешней политики, то разногласия между Гитлером и «левыми» национал-социалистами лежат не в плоскости преследуемой всеми ими конечной цели, а только в методах и средствах, при помощи которых эта конечная цель может быть достигнута. Все течения национал-социализма сходятся на идее создания «великой» континентальной империи под верховенством Германии. Все они согласны также и с тем, что именно Россия является той страной, куда должна быть направлена экспансия Германии. Они приняли твердое решение отряхнуть от своих ног прах гнилого, разлагающегося Запада. «Мы, — говорит Гитлер, — заканчиваем вечное движение германцев на юг и на запад Европы и обращаем взор к землям на востоке. Мы кончаем колониальную торговую политику довоенного времени и переходим к политике завоевания новых земель.

И когда мы сегодня говорим о новой земле в Европе, мы можем думать только о России и подвластных ей окраинах»¹⁾.

Отсюда становится понятной и та антизападная идеология, которая получила в трудах национал-социалистов столь глубокомысленное «философское» обоснование. Запад (воплощенный в Версале) является истинной родиной и главным очагом капитализма, индивидуализма, идеи частной собственности, прогресса, развития, демократии, парламентаризма и прочих язв. Марксизм, эта самая страшная «язва», также является продуктом «гнилого» Запада. Нынешний же Восток, т. е. Советский союз, является еще более «гнилым» и страшным, ибо он является пламенным очагом марксизма-ленинизма, коммунизма, безбожия. И вот историческая миссия пруссачества состоит в «преодолении» западных и восточных болезней и в создании нового мира. Германия по самому существу своему является-де «срединно-европейской» страной. Немец — человек средневропейского «ландшафта»²⁾ по самой своей природе, пишут идеологи фашизма.

В сущности говоря, немцу «принадлежит» по праву весь европейский континент. Но соображения «реальной политики» предписывают национал-социалистам «ориентироваться» прежде всего на Восток. Но в то время как «левые» национал-социалисты исходят из идеи «мирного» завоевания Советского союза и предлагают заключить с ним союз для борьбы с Западом, Гитлер откровенно развивает мысль о союзе Германии с Англией и Италией против Советского союза. Гитлер не согласен со своими «левыми» коллегами по партии. Возражая против предложения о заключении «союза всех угнетенных народностей», Гитлер заявляет, что «как националист, который судит о ценности людей с расовой точки зрения, я не должен связывать судьбу собственного народа с этими так называемыми «угнетенными национальностями» уже из одного сознания их расовой неполноценности». Словом, Гитлер отвергает «бредни» «левых» насчет союза Германии «с освободительным движением других стран».

Что касается Советского союза, то о блоке с ним не может быть и речи. И в самом деле, ведь опаснейшим врагом буржуазии

¹⁾ Adolf Hitler, Mein Kampf, 1932, S. 742.

²⁾ Остановиться здесь на «теории ландшафта» мы лишены возможности. Мы вынуждены также пройти здесь и мимо расовой теории.

является большевизм, который Гитлером отождествляется с еврейством. Но пройдем мимо этой глупой болтовни о «еврейском» большевизме. Дело, разумеется, не в еврействе, а в том, что большевизм представляет собою прозную опасность для буржуазии, стало быть и для фашизма. «Германия все время,—говорит Гитлер,—находится под угрозой опасности, которой подверглась Россия» (т. е. старая, царская, помещичье-буржуазная Россия.— А. Д.).

«Нынешняя, лишенная своего верхнего немецкого слоя, Россия,—пишет далее Гитлер,—не является союзником в освободительной борьбе германского народа независимо от внутренних намерений ее новых хозяев. С чисто военной точки зрения условия в случае войны Германии и России против Западной Европы, а вероятно и против всего остального мира, были бы просто катастрофическими». Война происходила бы на территории Германии, а не России. Кроме того германская промышленная область (т. е. западные границы) оказалась бы беззащитной перед соединенными силами противников.

«Будущей целью нашей внешней политики должна быть не западная и не восточная ориентация, а восточная политика в смысле приобретения необходимой для нашего германского народа территории. Так как для этого нужна сила, а смертельный враг нашего народа — Франция — нас неумолимо душит и лишает нас нашей силы, то мы должны быть готовы ко всяким жертвам, которые могли бы впоследствии помочь нам подавить французское стремление к гегемонии в Европе. Каждая держава, которая, как и мы, считает невыносимым стремление Франции к господству на континенте, является сейчас нашим естественным союзником. Никакой путь к сближению с такой державой не должен быть слишком труден для нас и никакие жертвы не должны казаться нам невозможными, если конечный результат даст возможность преодолеть нашего врага. После этого мы можем спокойно предоставить действию времени лечение наших мелких ран, если сумеем прижечь и закрыть величайшую рану».

«Политическое евангелие германского народа в области его внешней политики должно раз и навсегда заключаться в следующем:

Не допускайте никогда возникновения двух континентальных держав в Европе. Рассматривайте всякую попытку организации рядом с германскими границами второй военной державы, даже в виде образования государства, только способного стать военной силой, как посягательство на Германию и рассматривайте не только как ваше право, но как ваш долг препятствовать возникновению такого государства всеми средствами, вплоть до применения вооруженной силы, или, если оно уже возникло, разбейте такое государство. Заботьтесь о том, чтобы сила нашего народа имела свою основу не в колониях, а на территории своей родины — в Европе. Не считайте империю обеспеченной до тех пор, пока она не будет в состоянии на протяжении целых столетий предоставлять каждому отпрыску нашего народа клочок собственной земли. Не забывайте никогда, что самым святым правом на этом свете является право на землю, которую сам можешь обрабатывать, а самой святой жертвой является кровь, которую проливают за эту землю».

Так пишет Гитлер в своей книге «Mein Kampf», вышедшей уже 23-м или 24-м изданием и ставшей «новым заветом» для широких масс мелкой буржуазии, крупного капитала и всех националистически настроенных слоев нынешней Германии. В свете изложенной нами идеологии всех течений фашизма внешняя политика нынешнего германского правительства приобретает для нас сугубо актуальное значение. Поездка Альфреда Розенберга в

Англию, визиты германских политических деятелей к Муссолини и наконец проект четырех держав—все эти мероприятия идут по линии осуществления программы германского фашизма¹⁾. В своем заявлении корреспонденту «Дейли телеграф» Фрезеру по поводу поездки Розенберга в Англию Гитлер сказал: «Мы отказались от идеи колониального расширения Германии. Мы не хотели конкурировать с Англией в области морского могущества. Наша судьба связана не с доминионами, а с нашими границами на Востоке». Это заявление находится в полном соответствии с внешнеполитической программой фашизма, как она сформулирована в книге Гитлера и во всех других работах вождей германского фашизма. Само собою разумеется, что такая политика Германии — «отказ» от колониального расширения и морского могущества — на руку британскому империализму, который в свою очередь

¹⁾ Мы избавим читателей от изложения «взглядов» Розенберга на внешнюю политику Германии, тем более, что он осуществляет лишь задачи своих хозяев, хотя в то же время он и преследует в качестве балтийского «дворянчика» свои сепаратные цели.

Мы могли бы привести бесчисленное множество выписок из огромного числа «серьезных» сочинений, пытающихся «научно» обосновать империалистические воззрения и притязания германской буржуазии. В огромном своем большинстве эти идеологи развивают одну и ту же идею: немцы народ континентальный по самой своей природе. Европа — родина немцев и должна принадлежать исключительно им и экспансия немцев может и должна быть в первую очередь направлена в сторону СССР.

Эти идеи «одушевляют» не только национал-социалистов, но и националистов толка Гугенберга—Папена. В подтверждение этого тезиса достаточно привести несколько цитат из книжки Карла Мергеле «Чего мы ожидаем от национал-социализма во внешнеполитическом отношении» (1932 г.). Он пишет: «Результаты мировой войны можно сформулировать следующим образом: Германия рухнула, так как она оторвалась от своей континентальной базы и сделала прыжок в океанскую мировую политику. Мы являемся континентальной державой по своему происхождению и таковой останемся и в будущем. Бисмарк наблюдал с растущим беспокойством за тем, как мы расставались с континентальной линией. Напомним, что руководитель и ядро государства, а именно Пруссия, отличается исключительно континентальным характером. Наше будущее не на воде, а в центре Европы. Со всей решительностью и упорством нужно будет начать борьбу за позицию Германии на Востоке, ибо там неизбежно будет решаться вопрос о нашем будущем». И Мергеле в дальнейшем развивает мысль о союзе Германии с Англией против СССР. «Если Англия будет видеть в России серьезного врага, то это усилит германско-английскую линию» — пишет он.

Не имея возможности изложить здесь внешнеполитическую идеологию фашизма в целом, мы позволим себе однако указать еще в этой связи на следующее. Наряду с Лагардом из более ранних предтеч фашизма большим авторитетом пользуется Лангбейн (Langbehn). Вот что пишет этот пророк фашизма по поводу мирового господства Германии: «Германия по своему положению предназначена к тому, чтобы владычествовать в европейской государственной жизни или же быть объектом владычества, третьего не дано. И поэтому Германия должна также взять на себя и руководство умственной жизнью Европы. Господство Германии над другими народами оправдывается «внутренним превосходством» немцев над всеми другими нациями. Германия должна занять среди других народов земли такое же место, какое германский император занимает среди германских князей. Все монархи Европы, за ничтожными исключениями, суть германского происхождения. То же самое относится к высшему дворянству Европы. «Все дворянство Европы имеет общие политические и духовные интересы, которые имеют своим источником в конечном счете непрерывность крови. Подобно тому, как истинный немец является целиком аристократом, так и истинный аристократ рождается немцем...» (см. Rembrand als Erzieher, Von einem Deutschen, 18 Aufl., 1890, S. 230).

Немец в качестве аристократа уже господствует в Европе. Но это внутреннее господство должно получить внешнее выражение. Недалеко то время, когда Германия будет играть в мире первую скрипку (ведь скрипка — немецкое изобретение) и станет высшим судьей народов, так пророчествовал истинно немецкий черносопонец Лангбейн. Гитлер в своей книге «Mein Kampf» примыкает к взглядам Лангбейна, развивая в отношении России между прочим ту мысль, что Россия как государство создана немцами и что с уничтожением русского (немецкого) дворянства Россия, собственно, перестала существовать как государство.

употребляет все свое влияние, чтобы не дать возможности Германии восстановить свой флот и снова занять место конкурента на море и в области колониальной политики. Поэтому английский империализм охотно поддерживает и будет поддерживать Германию в ее континентальной политике и в ее стремлении расширить свои границы за счет восточных государств. Организовать поход против СССР английские твердолобые всегда готовы.

Нам необходимо во всяком случае твердо запомнить, что Германия делает,—ибо она при данных условиях вынуждена это делать,—поворот от колониальной политики к политике континентальной. Это отнюдь не значит, что германский империализм отказывается вообще от борьбы за колонии. Но на данном этапе в силу сложившегося соотношения сил между империалистскими державами он видит свою ближайшую задачу в борьбе за «европейский континент».

Германский фашизм, облекая свои империалистические и милитаристические стремления в оболочку «головокружительной» философско-мистической идеологии, имеющей своей целью орудием социальной демагогии и антикапиталистической фразеологии насчет «нового слова» обмануть массы, в своей внешней политике продолжает только линию своей внутренней политики. Фашисты надеются увлечь массы тем, что они-де защищают более высокий идеал, чем большевики. За протекшие со времени мировой войны два десятка лет многое изменилось в этом мире.

Тогда буржуазия и социал-шовинисты обманывали массы рабочих своими фальшивыми лозунгами насчет демократии, свободы народов, самоопределения национальностей, последней войны и наступающего вечного мира между народами. С этой старой буржуазно-демократической идеологией, успевшей за послевоенные годы себя окончательно скомпрометировать, далеко уже не уедешь. Плоды этой идеологии хорошо известны теперь любому рабочему. Помимо этого Советский союз успел за эти годы превратиться в мощную социалистическую страну. Ныне никто уже не смеет сомневаться в наших огромных успехах. Поэтому воздействовать на массы, т. е. обманывать массы,—мы видим, что средства и способы обмана масс также изменяются в зависимости от изменения общественных отношений,—буржуазия и ее подголоски (социал-фашисты) в современных условиях могут лишь, прибегая к лозунгам социализма и коммунизма, соответствующим образом фальсифицируя их. Так, различные течения национал-социализма выдвигают в противовес марксизму-ленинизму и коммунизму то сенсимонистский «социализм», то национальный «социализм» прусской марки, то христианский коммунизм и т. п. Для всех этих направлений социализм является маской, под которой скрывается зоологический национализм и империализм, т. е. интересы крупного капитала.

Балтийский граф и известный мистик Герман Кейзерлинг тоже считает, что России место в Азии, а не в Европе и что балтийские немцы создали культуру Балтики, связанной всеми нитями с Германией. Викинги были балтийцами. Что касается русских, то они не доросли до европейцев, что доказывает нынешний коммунистический строй, в корне противоречащий «европейскому духу» (см. Hermann Keyserling, «Das Spectrum Europas», S. 485). Вонючим «духом» несет от всех писаний этого «благородного» балтийского немца, утверждающего между прочим, что русскому человеку чуждо «все духовное», чем и объясняется материализм большевиков. Против материализма, во имя «чистого духа», олицетворением которого является немец, наш мистик ведет ожесточенную борьбу. Это обстоятельство однако не мешает ему проливать горькие слезы по поводу утери им в Эстонии своего замка и других материальных ценностей, а чем конечно повинны большевики. Надо сказать, что балтийские белогвардейцы (а в последнее время и русские белогвардейцы вообще) теснейшим образом связаны с германской национал-социалистической партией.

Однако эти фальсифицированные лозунги социализма и коммунизма являются ярким выражением изменившегося за последние годы положения вещей, при котором мобилизация рабочих масс возможна лишь под знаменем социализма, а не демократии. Временно можно массы обмануть, преподнося им вместо подлинного социализма фальсификат, но долго это продолжаться не может.

Фашистский «социализм» на деле означает необычайное усиление эксплуатации пролетариата, фактическое закрепощение его буржуазией и ее государством. В области внешней политики фашистский национализм влечет за собою усиление военной опасности. Этим самым уже определяются задачи пролетариата в нынешних условиях. «Пролетариат, борясь с капиталистической эксплуатацией и военной опасностью, будет искать выхода в революции» — сказал т. Сталин.

Фашизм стремится «к растворению» пролетариата в нации и к «умиротворению» враждебных классов. На деле же фашизм всеми своими мероприятиями неизбежно углубляет и чрезвычайно обостряет классовые противоречия, подготавливая ускоренным темпом все необходимые для подлинной народной революции условия. Германский фашизм мечтает о войне против СССР, считая, что СССР лишен союзников и полностью изолирован. Но ошибка фашистов состоит именно в том, что они не видят могущественных союзников СССР, живущих в пределах... самой Германии. Речь идет о многомиллионном рабочем классе, который ныне, более чем когда бы то ни было раньше, готов превратить войну империалистическую в войну гражданскую. Около миллиона вооруженных фашистских молодцов могло хватить, чтобы посадить в тюрьму тысячи или десятки тысяч коммунистов и революционных рабочих. Но посадить в тюрьму революционное коммунистическое рабочее движение, весь комплекс общественных отношений, порождающих это великое движение, не в состоянии ни одна армия в мире. Это значило бы посадить в тюрьму современный капитализм.

Рабочий класс не может не бороться против капиталистической эксплуатации, и вот посмотрите, как героически борется коммунистическая партия с фашистским режимом. Фашисты могли нагнать страх на социал-демократию и парализовать ее деятельность, заставив многих ее вождей позорно капитулировать перед фашизмом. Но социал-демократы-рабочие в больших массах теперь отходят от социал-демократической партии и будут бороться единым фронтом, рука об руку с коммунистами. Рабочие массы, которые шли за социал-демократической партией, будут все более и более концентрироваться вокруг единственной рабочей партии — вокруг коммунистической партии, которая не сложила оружия перед вооруженным до зубов врагом, а продолжает в новых условиях вести упорную и героическую борьбу, организуя рабочие массы для последнего натиска на твердыни капитализма.

Если германский фашизм вздумает совершить нападение на СССР, то единственным результатом такого «героического» предприятия будет разгром фашизма, а вместе с ним и всего капиталистического строя Германии, и победа рабочего класса в этой стране будет неминуема. Тогда действительно встанет уже конкретно вопрос о великой социалистической федерации в центре Европы...

СССР может спокойно взирать на развивающиеся события. Сознывая свою мощь и непобедимость, неизмеримое превосходство своего общественного строя и всего комплекса идей, рожденных этим строем, над всеми лживыми посулами и вонючими фальсификатами фашизма, Советская республика будет и впредь под руководством ленинской партии и ее великого вождя т. Сталина продолжать свою мирную политику и социалистическое строи-

тельство, действительно спланивающее огромную страну в бесклассовое общество.

Огромное международное значение нашей первой и предстоящей второй пятилетки не поддается еще учету. Одно несомненно: наше успешное социалистическое строительство является самым могущественным фактором разложения капиталистического мира и мобилизации международного пролетариата вокруг знамени Ленина и Сталина.

Эпоха Сталина богата крупнейшими событиями всемирно исторического значения. За протекшие десять лет со времени смерти Ленина наша партия неоднократно подвергалась атакам со стороны всевозможных «оппозиций», стремившихся «повернуть» партию на гибельный путь. Если бы наша партия пошла за Троцким, или Зиновьевым и Каменевым, или за правыми уклонистами, то наша социалистическая республика легко могла стать добычей империалистических государств.

Необходимы были стальная воля, изумительная прозорливость и творческий гений вождя нашей партии т. Сталина, чтобы в непримиримой борьбе со всеми оппозициями направить социалистическое строительство нашей страны по тому пути, на котором она стала во всех отношениях самым передовым и могущественным государством в мире.

Наша революция непобедима. Это не значит, что мы не должны быть бдительными, не должны быть на-чеку. Но если англо-германский или какой-либо другой антисоветский блок попытается в союзе с русскими и балтийскими белогвардейцами совершить на нас нападение, то вся страна сплотится вокруг ленинской партии и ее вождя т. Сталина, и враг будет раздавлен.

Пролетарская же революция неизбежно восторжествует при всех условиях!

Структурные элементы атомного ядра*)

Ф. Перрен

Сложность состава атомных ядер, их строение на основе небольшого числа общих элементов проявляется в фактах, аналогичных тем, которые доказывают комплексную структуру молекул: соизмеримые (или почти соизмеримые) значения их масс и зарядов, — существование ядерных реакций (самопроизвольные или искусственные превращения).

Изучение этой структуры ядра распадается на две основных проблемы: 1) поиски основных структурных единиц ядра в минимальном числе, из которых могут быть построены все ядра; 2) поиски промежуточных структурных единиц ядра групп из основных единиц, обладающих некоторой автономией внутри ядра, или же выступающих как целое во время ядерных реакций (аналогично радикалам или комплексным ионам в химии). Мы рассмотрим последовательно оба эти вопроса, которые подверглись глубокому пересмотру благодаря открытиям двух последних лет, отмечая различные ответы, которые можно здесь дать и между которыми еще трудно выбрать в настоящий момент.

Основные структуры единицы

Для объяснения заряда ядра (атомный номер Z) и его массы (точный атомный вес A , массовый целый номер M) нужно рассматривать две независимых структурных единицы ядра. Долгое время считали за такие единицы протон π и отрицательный электрон β^- , единственные частицы, известные тогда в свободном состоянии, которые не могли рассматриваться как сложные (например как α -частица). Гипотеза ядерных электронов приводила однако к некоторым трудностям, которые будут обсуждены далее.

Изучение сверхпроницающей радиации α показало однако, что существуют, по крайней мере в качестве переходной стадии, другие частицы — нейтрон, ω и положительный электрон β^+ , которые могут быть основными структурными единицами материи.

Возможно, что все известные теперь четыре типа частиц (π , ω , β^- , β^+) существуют в ядре и даже находятся другие, еще неизвестные частицы («нейтрино» — neutrino) (с зарядами нуль и массой порядка массы электрона?).

*) Доклад на Всесоюзной конференции по атомному ядру, происходивший в Ленинграде 24—30 сентября 1933 г. Доклад дает эмпирическую сводку существующих в данное время представлений о строении атомного ядра, что представляет для нас большой интерес. Автор, как и подавляющее большинство современных буржуазных физиков, употребляет для обозначения превращений одних структурных единиц ядра в другие неприемлемую для последовательного материалиста терминологию «материализации», что философствующим физикам-идеалистам дает возможность делать прямые идеалистические выводы.—Ред.

Однако следует попытаться построить наиболее простую гипотезу, по которой существуют только две основных структурных единицы атомного ядра.

Исходя из такой гипотезы, можно различать три системы основных структурных единиц ядра:

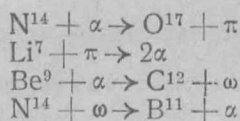
1) Старая система — протон, отрицательный электрон (π , β^-), рассматривая нейтрон как комплекс, образованный при тесной связи протона и отрицательного электрона: $\omega = (\pi\beta^-)$.

2) Система нейтрон, положительный электрон (ω , β^+), рассматривая протон как комплекс, образованный соединением нейтрона с положительным электроном: $\pi = (\omega\beta^+)$.

3) Система — нейтрон, протон (ω , π), причем обе частицы рассматриваются как элементарные.

Впрочем мы увидим, что эти три гипотезы не так различны и противоречивы, как кажется на первый взгляд.

Заметим, что протон и нейтрон без сомнения оба являются структурными единицами ядра, основными или промежуточными, так как они могут и спускаться или поглощаться различными ядрами при искусственных превращениях, например:

Однако существенно решить вопрос, являются ли протон и нейтрон оба элементарными, не сводимыми к другим единицам, частицами или же одна из них является комплексной и другая именно.

Структурные единицы — протон, отрицательный электрон

Отрицательный электрон является типом элементарной материальной частицы, удовлетворяющий релятивистскому уравнению Дирака и принципу отбора Паули. До тех пор, пока не учитывается магнитный момент протона, можно думать, с этой точки зрения, что он имеет тот же характер, как и электрон, так как его спин имеет, как у электрона, $\frac{1}{2}$, и он подчиняется принципу Паули. Но если протон удовлетворяет уравнению Дирака, он должен иметь магнитный момент, равный $\frac{1}{1840}$ магнетона Бора; однако недавние измерения О. Штерна показали, что его магнитный момент в 2,5 раза больше.

Это первая трудность при интерпретации протона как элементарной частицы.

С другой стороны, гипотеза о существовании внутри ядра отрицательных электронов хотя и подсказывается весьма убедительно существованием радиоактивного распада с эмиссией β (ядерное происхождение электронов предписывается соответственным изменением в атомном номере), но сталкивается с большими трудностями при объяснении величины магнитного и механического момента ядра: магнитные моменты ядер всегда ниже по порядку величины магнитного момента свободного электрона, даже когда в ядре имеется нечетное число электронов, например Li^8 , N^{14} . Таким образом нужно допустить, что и противоречие с правилами, установленными для сложения спинов, нечетное число электронов может компенсировать свои моменты или же, что электрон теряет свой магнитный момент в ядре (как показал Н. С. Мотт, в этом нет ничего слишком поразительного, так как согласно уравнению Дирака электрон, прочно связанный и обладающий скоростью, близкою к скорости света, теряет часть своего магнитного момента).

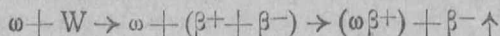
С другой стороны, факт, точно установленный путем изучения полосатых спектров и эффекта Рамана, что ядро атома азота имеет спин, равный 1, и следует статистике Бозе, требует, так как это ядро содержит нечетное число электронов, чтобы ядерные электроны не влияли на статистику, которой подчиняется ядро, т. е. чтобы они следовали статистике Бозе. Здесь не видно никакого пути, позволяющего представить это изменение статистики электронов. Наконец ядро повидимому не может легко захватывать электрон даже тогда, когда баланс энергии благоприятен для такого явления.

В самом деле, существуют устойчивые изобарные атомы (с одинаковыми массовыми номерами), у которых атомные номера различаются на единицу (например $\text{Cu}^{65} - \text{Zn}^{65} - \text{In}^{115} - \text{Sn}^{115}$), если в такой паре наименее устойчивым был бы элемент с наименьшим атомным номером (точная атомная масса — наибольшая), он должен был бы оказаться радиоактивным с излучением β ; атом же с наибольшим атомным номером несомненно энергетически наименее устойчив, т. е. в нем захват орбитального электрона должен происходить с выделением энергии (неизбежно в виде γ -лучей); однако такое явление не наблюдается или вероятность его по меньшей мере чрезвычайно мала.

Структурные единицы — нейтрон, положительный электрон

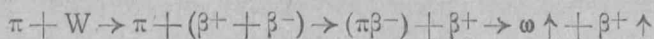
Большая часть трудностей, которые мы отмечали, отпадает, если предположить, что ядра состоят из нейтронов и положительных электронов (Жан Перрен), но быть может только по причине нашего относительно малого знакомства с этими частицами, для которых мы в особенности не определили прямым путем спинов. Достаточно допустить, что нейтрон имеет спин $\frac{1}{2}$ и подчиняется статистике Ферми, а положительный электрон имеет спин, равный нулю, и следует статистике Бозе, чтобы избежать основной трудности в отношении спинов и статистики ядер. Эти допущения приемлемы, хотя они вынуждают нас отказаться от полной симметрии между отрицательным и положительным электронами, симметрии, предсказанной однако единственной теорией, объясняющей существование положительного электрона (Дирак).

Гипотеза о строении ядра исключительно из нейтронов и положительных электронов не позволяет объяснить эмиссию отрицательных электронов из ядер (радиоактивность β). Эта трудность исчезла с тех пор, как стало известно (И. Кюри, Ф. Жолио, Л. Мейтнер, Андерсон), что пара электронов противоположного знака (β^- , β^+) может возникнуть, материализоваться, когда имеется достаточное количество энергии в областях сильного поля, которые характерны для ядра (эмиссия положительных и отрицательных электронов из ядер тяжелых элементов, подвергнутых освещению γ -лучами с квантом, большим 10^6eV). Радиоактивность β была бы тогда результатом создания в неустойчивом ядре такой пары электронов, причем отрицательный электрон покидает ядро, тогда как положительный остается фиксированным (составляя, быть может, с нейтроном новый протон в ядре). β -распад может быть следовательно представлен схемой:

Впрочем кажется столь же оправданным представлять протон как комплексную частицу, состоящую из нейтронов и положительного электрона, как и предположить комплексным нейтрон, что мы уже и сделали вначале (мы обсудим далее вопрос об энергетической устойчивости, исходя из возможных значений для массы нейтрона). Эмиссия при радиоактивном распаде алюминия, возбужденного α -лучами, состоит ли она из протонов или нейтронов и положительных электронов (Ф. Жолио, И. Кюри), приводит прямо к идее о комплексном протоне, который может распадаться на нейтрон и положи-

тельный электрон. Этот факт можно однако объяснить и гипотезой комплексного нейтрона, обращая предложенный ниже механизм β -распада:

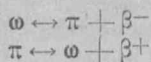

Структурные единицы — нейтрон, протон

Остается еще обсудить гипотезу, согласно которой ядра состоят исключительно из двух известных типов массивных частиц — нейтрона и протона. При этом избегаются все трудности, возникающие благодаря присутствию в ядрах, размеры которых порядка 10^{-12} см., частиц с очень малой массой (положительные и отрицательные электроны), которые поэтому должны иметь скорости, близкие к скорости света, с другой стороны, отпадают трудности в отношении спина и статистики.

Эта гипотеза в своей строгой форме, которая допускает, что протон и нейтрон являются двумя элементарными частицами, неспособна объяснить эмиссию из атомных ядер как отрицательных, так и положительных электронов.

Однако можно сохранить сущность разбираемой гипотезы, в частности симметрию, которую она вводит для протонов и нейтронов, при том условии, что нейтрон может превращаться в протон или путем испускания отрицательного электрона или путем поглощения положительного электрона (и наоборот), иначе говоря, можно иметь две реакции в одном и другом направлении:

и притом без того, чтобы можно было уточнить, какая из частиц ω или π является сложной; последний вопрос быть может даже не имеет никакого смысла. (Чтобы эти реакции были совместны, нужно, чтобы пара электронов противоположного знака могла возникнуть при простом подводе энергии).

Первая из этих реакций должна иметь место при β -распаде, для которого спектр испускаемых ядерных электронов является непрерывным и распространяется на широкую полосу вокруг среднего значения энергии превращения. Вероятно, что эти реакции превращения нейтронов в протоны с испусканием или поглощением положительных или отрицательных электронов удовлетворяют только в среднем закону сохранения энергии. Быть может дело обстоит так же для реакции материализации пары электронов противоположного знака.

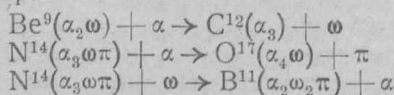
Промежуточные структурные единицы

Гелион. Кроме протона и нейтрона, из которых один или другой возможно является сложной частицей, ядерные реакции указывают с достаточной определенностью только на одну промежуточную структурную единицу ядра: это частица α , ядро атома гелия, называемая также гелионом.

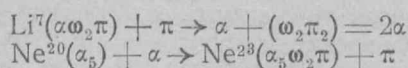
Сложность этой ядерной структурной единицы показана опытами Кокрофта и Вальтона, в которых ядро лития Li^7 распадается на две α — частицы, поглощая протон π , который оказывается, таким образом, заключенным в одной из выброшенных α — частиц. α — частица без сомнения построена из двух протонов и двух нейтронов $\alpha = \omega_2\pi_2$, образующих очень устойчивую систему, законченную с точки зрения Паули; значение 0 для спина и подчинение α — частицы статистике Бозе находится в согласии с таким строением. Гипотеза, согласно которой α — частицы сохраняют определенную индивидуальность внутри различных атомных ядер, представляет собою основу всех формул строения, предложенных для этих ядер. Вероятно, что она не совсем точна, так как энергия связи α — частиц внутри ядер достаточно велика по сравнению с их энергией строения, чтобы можно было их рассматривать как

независимые единицы; тем не менее она оказалась достаточно плодотворной и включает в себе несомненно долю истины. Если допустить, что ядро содержит наибольшее возможное количество α -частиц, совместное с зарядами ядра (но не с его массой), то можно констатировать, что все известные ядра могут быть рассматриваемы как построенные или из одних α — частиц (α_n), или из α — частиц и нейтронов ($\alpha_n - \omega_m$), или из α — частиц, нейтронов и одного протона (α_n, ω_m, π). Наибольшее число нейтронов равно 2 для всех легких ядер, вплоть до ядра с массой 37.

Формулы строения, полученные таким образом, совместимы с известными значениями ядерных спинов и выражают простым образом, по меньшей мере для легких элементов вплоть до неона, большую часть известных ядерных реакций, например:

Для других превращений приходится ввести образование или разрушение α — частиц:

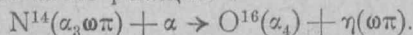

В этом последнем случае и в аналогичных ему случаях можно допустить, что одна из α — частиц не входит в ядро, но от этого утрачивается простота модели.

Гидрон. Наиболее замечательный факт, выявляющийся из этих формул, состоит в отсутствии ядер, содержащих протон и не содержащих нейтронов. Этот факт повидимому указывает, что протон не может прямо присоединиться к α -частицам и может быть связан в ядре только с помощью нейтрона. Мы таким образом приведены к необходимости рассматривать группу нейтрон—протон как возможную промежуточную структурную единицу, впрочем известную теперь в свободном состоянии (ядро атома изотопа H^2 водорода). Этот структурный элемент со стороны его заряда и массы есть половина гелиона, откуда его название полугелион (demihelion); предпочтительнее дать более короткое имя; Лауренс его обозначает термином дейтон; его можно назвать также гидроном по аналогии с выражением гелион, которое напоминало бы, что эти частицы являются ядром атома водорода. Мы его будем изображать символом $\eta = (\omega\pi)$.

Эмиссия гидронов до сих пор еще ни разу достоверно не констатировалась при искусственных превращениях элементов.

Я напому только об одной из вилок дезинтеграции азота, сфотографированной П. М. С. Блеккетом, которая отвечает балансу энергии, совершенно недопустимому при предположении о вылете протона и приводящему, наоборот, к удовлетворительному результату, если допустить, что здесь выбрасывается гидрон согласно реакции:

Из современных данных о полосатом спектре молекулы H_2^2 известно, что спин гидрона равен единице и он следует статистике Бозе.

Спин и статистика ядер азота N^{14} находится в согласии с формулой ($\alpha_3\eta$). Для атома Li^7 , формула которого должна быть ($\alpha\eta$), известно только что он не дает сверхтонкой структуры в своем спектре. Это не предполагает, что спин ядра равен нулю, но только то, что равен нулю магнитный момент ядра. Так как до сих пор не удалось наблюдать сверхтонкую структуру и в спектре азота, то вероятно, что магнитный момент гидрона равен нулю, хотя спин равен единице. Это наводит на мысль, что магнитный момент нейтрона равен магнитному моменту протона, но направлен в обратном направлении по отношению к механическому моменту. Также вероятное существо-

вание сверхтонкой структуры в спектре бериллия $\text{Be}^9(\alpha_2\omega)$ указывает, что магнитный момент нейтрона не равен нулю.

Несмотря на эти соображения о спине, не представляется целесообразным систематически вводить символ η в формуле ядерных структур, так как эта группа повидимому обычно разбивается, по меньшей мере в известных превращениях элементов.

Группа $(\omega_2\pi) = (\eta\omega)$, часто встречающаяся в ядерных формулах, не представляется реальной структурной единицей; она неизвестна в свободном состоянии (это было бы ядро изотопа H^3 водорода), и его спин не имеет одной и той же величины в различных ядрах, составляя $1/2$ в $\text{F}^{19}(\alpha_4\omega_2\pi)$ и в $\text{Al}^{27}(\alpha_6\omega_2\pi)$, $3/2$ в $\text{Li}^7(\alpha\omega_2\pi)$ и в $\text{Na}^{23}(\alpha_6\omega_2\pi)$.

Масса нейтрона и энергетическая устойчивость различных атомов

Точная масса нейтрона еще неизвестна с достоверностью; она определяется только по энергетическому балансу ядерных реакций, который часто может интерпретироваться различным образом. Мы будем ее обозначать в единицах атомной массы через Ω (употребляя здесь систему на основе $\text{He}^4 = 4,00000$).

Заметим сначала, что если допустить возможность реакций

$$\begin{aligned}\omega &\leftrightarrow \pi + \beta^- \\ \pi &= \omega + \beta^+\end{aligned}$$

и принять для положительного электрона величину массы, равной массе отрицательного электрона, то а priori можно рассматривать три случая для массы нейтрона: $1^\circ \cdot \Omega < 1,0062$; тогда реакции $\pi \rightarrow \omega + \beta^+$ и $\pi + \beta^- \rightarrow \omega$ протекали бы с выделением энергии и должны были бы возникать самопроизвольно.

$2^\circ \cdot 1,0062 < \Omega < 1,0072$; изолированный протон был бы тогда устойчив, но мог бы превращаться в нейтрон путем захвата отрицательного электрона (например орбитального электрона в $\text{H}^2(\pi + \beta^- \rightarrow \omega)$). Реакция $\omega + \beta^+ \rightarrow \pi$, также возможная в этом случае, не представляет интереса, так как встреча этих свободных частиц мало вероятна).

$3^\circ \cdot \Omega > 1,0072$; в таком случае реакция $\omega \rightarrow \pi + \beta^-$ должна происходить с выделением энергии.

Величина, данная Чадвиком, $\Omega = 1,0065$ отвечает второму случаю, тогда как значение, полученное Жолио, $\Omega = 1,012$ подходит под третий случай. Устойчивость группы $\text{H}^1 = \pi + \beta^-$ говорит в пользу последней возможности. Если это так, то свободный нейтрон должен быть способен превращаться (по крайней мере под влиянием сильного возмущения) в протон и отрицательный электрон; так как мы не знаем, может ли нейтрон существовать в свободном состоянии заметное время, то такое превращение представляется вполне правдоподобным.

В последнее время Лауренс вывел из своих опытов бомбардировки различных атомов гидронами (или дейтонами) значение для массы нейтрона, очень близкое к единице в системе $\text{O}^{16} = 16$ (т. е. 0,9995 в системе $\text{He}^4 = 4,0$). Однако интерпретация Лауренса представляется спорной и сопряжена с большими трудностями: 1) большая энергетическая неустойчивость, которую она предполагает для гидронов, кажется несовместимой с отсутствием радиоактивности у атомов водорода H^2 ; 2) масса, которую она приписывает нейтрону, приводит к значительной неустойчивости многих других нерадиоактивных атомов, именно: Li^6 , Li^7 , O^{17} , O^{18} , и было бы непонятно, почему гидрон, легко взрывающийся при прохождении в поле различных ядер, не взрывается, когда он находится в таком ядре, как Li^6 ; 3) пришлось бы допустить сильное оттал-

кивание между нейтроном и протоном, благодаря чему трудно было бы понять устойчивость любого ядра; 4) наконец, величина массы, предложенная Лауренсом, находится в резком несогласии с балансом энергии многих ядерных реакций.

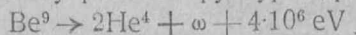
Мне кажется более удовлетворительным допустить, что в опытах Лауренса происходит разложение вылетающего гидрона, но с захватом нейтрона столкнувшимся ядром, причем энергия, отвечающая этому захвату, передается освобождающемуся протону.

При этих условиях полученный Лауренсом баланс энергии дает не массы свободного нейтрона, но массу нейтрона, фиксированного внутри столкнувшегося ядра, т. е. разницу в массе первоначального ядра и его изотопом, образованным при захвате нейтрона. В самом деле, у всех изотопов, для которых известна точно их атомная масса, эта разница мало отклоняется от среднего значения 0,9994, в согласии с величиной, полученной Лауренсом. (Это объяснение опытов Лауренса предложено также независимо Эльзассером).

Здесь можно заметить, что эта масса связанного нейтрона отвечает средней энергии фиксации нейтрона в $6,6 \cdot 10^6 \text{ eV}$, если выбрать для массы величину, предложенную Чадвиком, и $11,7 \cdot 10^6 \text{ eV}$, если остановиться на цифре Жолио. Аналогичный расчет, произведенный для протона, приводит к средней энергии связи около $12 \cdot 10^6 \text{ eV}$. Величина массы нейтрона, предложенная Жолио, приводит к средней энергии связи, явно одинаковой для нейтрона и протона, в то время как масса нейтрона (принимавшаяся до сих пор) приводит к энергии связи нейтрона почти в два раза более слабой.

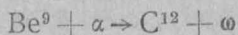
Для любого атома энергия ядерной связи, мера энергетической устойчивости, может быть определена или по отношению к основным структурным единицам (например ω и β^+), или по отношению к определенным промежуточным структурным единицам (например $\omega\pi$ или α , ω , π), или же по отношению к возможному расчленению ядра на ядра более простые (например $\text{Li}^6 - \text{B}^{10}$ или 4He^4 для O^{16}). Заметим, что даже с двух последних точек зрения энергия связи имеет вполне определенное значение, независимо от действительного существования в ядре рассматриваемых структурных единиц: она представляет просто выделяемую или поглощаемую энергию при возможной ядерной реакции.

После того как дана энергия образования α -частицы, наибольший интерес представляют энергии связи ядра по отношению к структурным единицам α , ω , π . Чтобы ее подсчитать, необходимо знать массу нейтрона. Если остановиться на значении 1,0065, подсчитанном Чадвиком, при допущении, что нейтроны, испускаемые бором при бомбардировке α -лучами, происходят из изотопа B^{11} , то можно видеть, что все атомы с хорошо известной атомной массой энергетически являются устойчивыми за исключением атома Be^9 , для которого атомная масса 9,0106, измеренная К. Т. Вейнбриджем, дает отрицательную энергию связи приблизительно в $4 \cdot 10^6 \text{ eV}$. Это означает, что независимо от всех гипотез о внутренней структуре ядра Be^9 реакция

должна протекать самопроизвольно. Однако бериллий — устойчивый элемент и не проявляет никаких признаков радиоактивности (радиоактивность бериллия, открытая Лангером и Райтером, не подтвердилась недавними, очень тщательными исследованиями М. С. Гендерсона).

Здесь имеется очень серьезная трудность, еще увеличивающаяся в связи со следующим фактом: бериллий при бомбардировке α — лучами испускает наряду с группой быстрых нейтронов согласно реакции

группу медленных нейтронов, открытых и изученных Пьером Оже. Эти медленные нейтроны обладают энергией, которая повидимому распределена от

очень малых значений вплоть до нескольких сот тысяч вольт-электронов и которая мало меняется, когда растет энергия падающих α — частиц. Однако возможно, как предположил Эльзассер, что эти нейтроны вырваны из ядра бериллия без захвата бомбардирующихся частиц. Если это объяснение правильно, ядро Be^9 должно быть легко разбиваемо, но его разрушение не должно во всяком случае сопровождаться большим выделением энергии; оно не может носить характер сильного взрыва, как это требует значение массы 1,0065 для нейтрона. Если, наоборот, выбрать для нейтрона, массу 1,012, полученную И. Кюри и Ф. Жолио, при допущении, что нейтроны, вылетающие из бора, происходят из изотопа B^{10} , то все легкие элементы оказываются энергетически устойчивыми. В частности для разложения бериллия будут требоваться несколько сот тысяч вольт. Он оказывается устойчивым, хотя и легко разрушаемым. Это очень сильный аргумент в пользу гипотезы Жолио.

Строение ядра

Мы должны обсудить детальнее вопрос о действительном существовании переходных структурных единиц, особенно α — частиц, внутри ядра. Это весьма сложный вопрос и он не позволяет дать окончательного ответа.

1) Если допустить сложность строения нейтрона или протона, придется уже спрашивать себя, действительно ли существуют эти элементы в ядре. Энергия образования нейтрона, считая его построенным из протона и отрицательного электрона, составляет только около $0,7 \cdot 10^6 \text{eV}$ для величины массы, данной Чадвиком (она была бы отрицательной в гипотезе Жолио); она таким образом значительно меньше средней энергии связи нейтрона в ядре. Точно так же энергия образования протона из нейтрона и положительного электрона была бы отрицательной (или по крайней мере очень малой) в гипотезе Чадвика, она равнялась бы приблизительно $5 \cdot 10^6 \text{eV}$ в гипотезе Жолио. Даже при этом последнем значении было бы мало вероятным, что нейтроны и протоны сохраняют свою индивидуальность внутри α — частиц и может быть вообще внутри ядра. Таким образом мы приведены к мысли, что массивные частицы ядра эквивалентны и ведут себя, как если бы все имели в среднем одинаковый электрический заряд, причем силы, которые их соединяют, аналогичны силам гомеоплярной валентности.

Эта точка зрения, развитая Гайзенбергом для протонов, связанных между собою атмосферой отрицательных элементов, может быть так же хорошо применена к нейтронам, окруженным положительными электронами, причем обмен по квантовому резонансу обеспечивает в обоих случаях среднее распределение заряда.

В такой модели все массивные частицы обладают в среднем одинаковым отношением заряда к массе, и с квантовыми переходами между двумя стационарными состояниями не могут быть связаны никакие колебательные электрические дипольные моменты.

Иначе говоря, такое ядро могло бы испускать γ — лучи только в результате квадрупольных переходов, что отвечает среднему периоду жизни гораздо большей продолжительности в возбужденных состояниях и гораздо большему коэффициенту внутренней конверсии, чем для эмиссии дипольных переходов (Н. Ф. Мэтт и Г. С. Тейлор).

2) Если ядра построены из различных протонов и нейтронов, то можно ли думать, что эти элементы сгруппированы внутри ядра в α — частицы? Следует признать, что эта гипотеза оказалась плодотворной, и успех теории Гамова для радиоактивного α — распада говорит в ее пользу. Она равным образом подтверждается минимумами, наблюдаемыми на кривой дефекта массы для ядер, которые могут быть построены исключительно из α — частиц (O^{12} , O^{16} , Ne^{20}), а также нулевым значением спина всех этих ядер.

Гелионы (α -частицы), следуя статистике Бозе, должны находиться, каково бы ни было их число в ядре, в одном состоянии с минимумом энергий, вместо того, чтобы образовывать последовательные слои, как электроны оболочки атома (Гамов). Но в тяжелых элементах нейтроны должны образовывать такие слои и могут участвовать своими вращательными моментами в общем спине ядра.

В ядрах, построенных исключительно из α -частиц, никакой дипольный колебательный момент не может быть ассоциирован с переходом между двумя стационарными состояниями, тогда как в ядре, содержащем сверх того нейтроны или нейтроны и один протон, такие моменты должны существовать. В самом деле, если рассматривать частицу m_1 с зарядом e_1 , в движении по отношению к частице с массой m_2 и зарядом e_2 (частица в состоянии возбуждения и остаток ядра), то легко видеть (Ф. Перрен), что дипольный электрический момент, связанный с любым переходом, имеет величину

$$\frac{m_1 m_2}{m_1 + m_2} \left(\frac{e_1}{m_1} - \frac{e_2}{m_2} \right) \text{Vik.}$$

Vik — есть элемент матрицы, отвечающей расстоянию обеих частиц, а соответствующая эмиссионная способность пропорциональна выражению

$$\frac{m_1 m_2}{m_1 + m_2} \left(\frac{e_1}{m_1} - \frac{e_2}{m_2} \right)^2 \text{Vik}^2.$$

Эти выражения равны нулю, если обе частицы обладают одинаковыми отношениями заряда к массе, но отличны от нуля для возбужденного нейтрона благодаря увеличению остатка ядра.

Если α -частицы существуют в ядре, должна иметь место заметная разница с точки зрения эмиссии (и возможности возбуждения ударом без захвата) между такими ядрами, как C^{12} , O^{16} ..., и такими ядрами, как Li^7 , Be^9 Даже если опыт подтвердит эти предсказания, возможно, что рассмотрение α -частиц внутри ядра представляет только достаточно грубое приближение, потому что энергия связи α -частиц в ядре не слишком мала по сравнению с их внутренней энергией сцепления. Для более углубленного изучения ядра нужно разобрать систему, образованную физической совокупностью нейтронов и протонов, рассматривая их как независимые частицы, подвергнутые определенному потенциалу взаимодействия, и образующих две группы, которые удовлетворяют в отдельности принципу Паули. Такая система, когда она содержит достаточно большое число частиц, может быть изучена методом самосогласованных полей. Каждая подвижная частица в среднем поле других частиц имеет тогда квантовые числа, которые определяют ее состояние, и, согласно принципу Паули, должны образоваться последовательные группы протонов и нейтронов аналогично слоям электронной оболочки (Оппенгеймер, Эльзассер).

С этой точки зрения особенно устойчивые атомы должны отвечать заполненным уровням нейтронов и протонов. В атоме гелия было бы два протона и два нейтрона в состоянии с наименьшими пространственными квантовыми числами и обратными спинами. Далее нужно знать, сколько частиц могут содержать последовательные слои; это зависит от порядка уровня энергии в функции полного квантового числа n и азимутального квантового числа λ . Е. Эльзассер недавно показал, что в радикальном поле, отвечающем яме потенциала с крутыми стенками, энергетические уровни p_i расположены в порядке

$$p_i; 1_0; 2_1; 3_2; 2_0; 4_3; 3_1; 5_4, \dots$$

причем каждый уровень может содержать $2(2l + 1)$ частиц одного рода.

Можно предвидеть таким образом, что второй слой частиц завершается для ядер кислорода O^{16} в согласии с большей устойчивостью этого ядра. Одна-

ко структура, которую она предлагает для углерода C^{12} (заполненный слой из двух протонов и двух нейтронов в уровне 1_0 и незавершенный слой из четырех протонов и четырех нейтронов в уровне 2_1), не объясняет большой устойчивости, также присущей этому ядру, устойчивости, которая, напротив, объясняется гипотезой строения из трех α — частиц.

Я думаю, что ввиду сильной энергии связи, необходимой для объяснения большой устойчивости слоев, двенадцать частиц, представленных в ядре C^{12} , должны располагаться в слое 2_1 , образуя таким образом завершенную оболочку вместо того, чтобы распределяться между заполненным слоем 1_0 и незаполненным слоем 2_1 . Таким образом возможно понять прочную структуру ядра C^{12} , и замечательно, что аналогичная гипотеза не может быть сделана для ядра Be^8 , вероятно несуществующего или во всяком случае очень редкого и, следовательно, мало устойчивого (нужно предположить, что восемь частиц занимают уровни 1_0 и 2_0 ; это кажется недопустимым, так как последний уровень расположен в первом приближении гораздо выше уровня 2_1 , который должен был бы оставаться свободным).

Замечательно, что строение ядра из шести протонов и шести нейтронов, расположенных в том же уровне 2_1 , достаточно аналогично и, возможно, со многих точек зрения эквивалентно этому ядру из трех α — частиц в том же квантовом уровне. Если сверх того первые уровни активности ядра отвечают, также благодаря энергии парной связи, двум протонам и двум нейтронам, помещенным одновременно в другой квантовый уровень, то станет понятно, что гипотеза ядерных α — частиц и гипотеза последовательных слоев нейтронов и протонов могут быть со многих точек зрения аналогичными и что первая из этих гипотез возможно приближенно выражает действительность, не являясь строго правильной.

Волна идеализма в современной физике на Западе и у нас

А. Тимирязев

I

23 сентября 1931 г. на торжественном заседании по случаю открытия сотого с'езда Британской ассоциации содействия наукам президент этой ассоциации «достопочтенный» (Right honourable) генерал Смутс произнес речь на тему «Научная картина мира на сегодняшний день». Вся речь была построена на том, что наконец-то современная наука — и в первую очередь физика — окончательно и бесповоротно опровергла материализм!

Тема, как видно, не новая. «Кто сколько-нибудь знаком с философской литературой, тот должен знать, что едва ли найдется хоть один современный профессор философии (а также теологии), который бы не занимался прямо или косвенно опровержением материализма. Сотни и тысячи раз об'являли материализм опровергнутым и в сто первый, в тысяча первый раз продолжают опровергать его и поныне» (Ленин, «Материализм и эмпириокритицизм», т. X, стр. 9).

Поэтому, казалось бы, можно было спокойно пройти мимо этих «новейших опровержений», однако целый ряд обстоятельств заставляет нас внимательно прислушаться к тому, что сказал бравый генерал.

Что же это за обстоятельства?

Во-первых, волна идеализма приняла весьма внушительные размеры, в отдельных областях физики она проявляется в различных формах и часто бывает искусно замаскирована. Во-вторых, план пропаганды идеализма сейчас очень тонко разработан, и, наконец, что всего существеннее, эта настойчивая пропаганда идеализма весьма сильно чувствуется не только в странах, где у власти стоит буржуазия, но и... у нас, в стране строящегося социализма!

Мы не можем сложа руки сидеть и смотреть, как в головы нашей пролетарской молодежи, из которой мы должны подготовить стойких борцов, неустранимых строителей социализма, не отступающих ни перед какими трудностями, очень искусно, через бесчисленные переводные и оригинальные книги вливается яд, расслабляющий, сбивающий с толку, гасящий тот энтузиазм, тот пафос, без которого немыслимо строительство социализма.

Речь генерала Смутса может быть для нас полезной в том отношении, что она необыкновенно ясно вскрывает общий план идеалистической реакции в современном естествознании и в первую очередь в физике.

Новая волна идеализма заслуживает тем большего внимания с нашей стороны, что она тесно связана с упадочным течением буржуазной философской мысли, направленной против техники.

Если представители буржуазного общественного мнения не раз пытались истолковать успехи современного естествознания как подтверждение реакционной идеалистической философии, то технику и непосредственно с ней связанные вопросы естествознания они еще в самом недалеком прошлом соглашались оставлять в руках стихийных материалистов. Теперь же в связи с небывалым кризисом, охватившим буржуазно-капиталистический мир, кризисом, из которого буржуазия не сможет найти выхода, все громче и громче раздаются голоса против техники. Эти голоса мы слышим теперь уже не только в среде философов и публицистов, но все чаще и чаще и среди представителей науки. Вот эта новая черта в современной проповеди идеализма, как мы уже сказали, заслуживает самого пристального внимания с нашей стороны.

Чтобы успешно строить и построить социализм, нам и в области науки необходимо «догнать и перегнать», нам необходимо использовать все ценное, что давала и дает наука буржуазно-капиталистического мира, но для этого необходимо с корнем вырвать то неверие в дальнейшее развитие техники, которым, как мы увидим, пропитываются научно-философские статьи, истолковывающие новейшие успехи науки.

Как в самом деле можно руководствоваться лозунгом, что «в период реконструкции техника решает все», если со страниц научной литературы строительно социализма будут нашенствовать: «время техники прошло, наступила пора спекулятивного естествознания»?

Против этих настроений в области науки нужна не менее ожесточенная борьба, чем против контрреволюционного троцкизма, против неверия в возможность построения социализма в одной стране, против неверия в силы рабочего класса, увлекающего с собой в строительство социализма основные массы крестьянства, и против всех и всяческих правооппортунистических ставок на самотек и «мирное вращение».

В области науки нужна тем большая бдительность, что яд вливается в мозг строителя социализма часто совершенно незаметным для него образом.

Посмотрим однако, в каком виде проявляется чаще всего это анти-техническое течение. Чаще всего оно замаскировано видимостью борьбы с механицизмом, что необыкновенно прельщает наших меньшевистствующих идеалистов всех толков. Они не замечают, а может быть только делают вид, что не замечают, того самого важного, что в устах зарубежных философов механицизм есть только вежливая форма для обозначения материализма. Это вовсе не механицизм в том смысле, как это понимаем мы, следуя указаниям Маркса, Энгельса и Ленина.

Остановимся на следующей выдержке из книги Эддингтона «Природа физического мира» («The Nature of the Physical World», стр. 209, 210). Некоторые отрывки из нее переведены под редакцией т. Б. Гессена под названием «Относительность и кванты» (Техн. теор. изд., 1933 г.).

«Одно из величайших отличий, выделяющих физику наших дней от физики XIX века, есть изменение того, что мы называем идеалом научного объяснения. Викторианский¹⁾ физик гордился тем, что он до тех пор не мог понять какой-либо вещи, пока он не научался построить ее модель. А под моделью он понимал нечто, построенное из рычагов, приводных шкивов, насосов и других приспособлений, известных инженеру. Природа при

¹⁾ Викторианский значит буквально относящийся к эпохе царствования королевы Виктории. У английских идеалистов этот термин имеет сейчас снисходительно издевательский привкус вроде неглубокий мыслитель, не оказавшийся в состоянии преодолеть материализм, господствовавший среди людей науки той эпохи. Реакционер в области биологии, Бетсон называл Дарвина викторианцем, Эддингтон разумеет под викторианцами Фарадея, Кельвина и Максвелла.

построении вселенной, как предполагалось, зависела от тех же ресурсов, как и любой механик из числа людей. Когда физик искал объяснения какому-нибудь явлению, его ухо напрягалось, чтобы услышать гул машины. Человек, который мог бы построить модель тяготения с помощью зубчатых колес, был бы героем в викторианскую эпоху.

Теперь мы не призываем инженера строить вселенную из его материалов, но мы идем к математике с тем, чтобы он построил вселенную из своих припасов. Без сомнения, математик более возвышенное существо, чем инженер, но, пожалуй, и ему нельзя передать творчество без всяких огорок. В физике мы имеем дело с символическим миром, и мы едва ли будем в состоянии отказаться от использования математика, который является профессиональным управителем символов».

Я думаю, не надо быть особенно проницательным и обладать глубоким философским образованием, чтобы увидеть в авторе махрового сеятеля шпенглеровских настроений!

Почти буквально то же самое повторяет Джинс в своей книге «Вселенная вокруг нас», также переведенной на русский язык, причем все наиболее откровенные поповские выпады там вычеркнуты.

Мы думаем, что этого делать не следует. Если весь текст, крайне вредный и к тому же искусно замаскированный, оставить и отрезать только выводы, то читатель незаметно их сделает сам для себя. Тогда как демонстрирование открытой поповщины, до которой договорились западноевропейские ученые, если ее снабдить надлежащими примечаниями и вскрыть фальсификацию науки, продлеваемую этими господами, имело бы куда более полезное воспитательное значение. Недаром эта причесанная «под материализм» книга Джинса, роскошно изданная Техн. теор. изд., является сейчас настоящим евангелием для «лойяльных» к советской власти богомольцев и богомолок.

Приводим одно место из Джинса, но полностью, без причесок!

«Уже четверть столетия прошло с тех пор, как физическая наука в значительной степени под руководством Пуанкаре (недаром Ленин, признавая заслуги Пуанкаре в области физики, вскрыл все убожество его философии. — А. Т.) отбросила попытки объяснять явления и ограничила свои задачи описанием явлений, отыскивая для этого наиболее простые способы. Возьмем простейший пример, викторианский ученый (опять викторианский, не дает он вам покоя, сэр Джемс! — А. Т.) считал необходимым «объяснять» свет как волновое движение в механическом эфире, который он вечно старался построить из желатина и гироскопов. Ученый в наши дни, по счастью, настолько разумен, что уже давно отбросил эти попытки и вполне доволен (вот, подумаешь, умеренность и аккуратность! — А. Т.), если ему удастся получить математическую формулу (недаром Ленин говорил: «Материя исчезает, остаются одни уравнения»), с помощью которой он сможет предсказать, что выйдет из света при определенных условиях. Ему нет дела, допускает ли эта формула механическое объяснение или нет и соответствует ли такому объяснению в конечном счете какая-нибудь мыслимая реальность (вот оно что! — А. Т.). Формула в современной науке оценивается главным образом, если даже не исключительно, по ее способности описывать явления природы достаточно просто, точно и полно.

Например эфир исчез сейчас из современной науки не столько потому, что ученые составили доказанное суждение о том, что такой вещи вообще не существует, сколько потому, что они увидели, что можно описать явления природы вполне хорошо и без него. Он просто усложняет картину, и потому его отбрасывают. Если в будущем они увидят в нем нужду, то его вновь введут в науку (подумаешь, как просто: захотел — взял, захотел — выбросил! — А. Т.). Все это не означает понижения образцов или идеалов

в науке. Это указывает только на растущее убеждение, что конечные реальности вселенной пока что вне достижения науки, а может быть, и даже вероятно, что они лежат за пределами доступного человеческому уму (по крайней мере ясно сказано! — А. Т.). А priori вероятно, что только художник (удивительно, что у Джинса не с большой буквы написано! — А. Т.) может понять весь смысл картины, которую он нарисовал, и что этот смысл останется навсегда непонятным для немногих мазков краски на полотне» (эта «картина» уже не раз выставлялась на показ Джинсом, смысл ее в следующем: художник — это господь бог, который нарисовал картину, т. е. создал мир, а мазки краски — это люди, которые не могут постигнуть великих творений! — А. Т.).

«По этой причине, когда мы, как это было во второй главе, пытаемся разбирать конечную структуру атома, нам приходится говорить улыбками, метафорами и параболлами. Поэтому и не стоит тревожиться сверх меры при виде кажущихся противоречий. Высшее единство конечной реальности без сомнения примирит все эти противоречия, хотя еще вопрос, постижимо ли для нас это высшее единство» («The Universe around us», p. 329). Идеализм здесь доходит до своего логического конца: он превратился уже в самую бесхитростную поповщину, и, смотрите, опять издевательство над викторианцем, над ученым с «инженерным складом» ума! Еще за несколько лет до того, как были написаны эти строки, в книжке «Nature» от 7/III 1925 тот же Джинс не менее ясно формулировал те же «антитехнические» взгляды. «Мимоходом мы можем отметить, что понятие эфира всегда встречало особенное внимание в умах типически-практического, можно даже сказать, инженерного характера. Умы этого типа мы встречаем у лидеров британской науки. В то время как наши собственные физики стремились изобразить природу как машину, передающую напряжения и деформации, более метафизически настроенные умы обыкновенно довольствовались допущением действия на расстоянии и в качестве окончательного объяснения естественных явлений или по меньшей мере считали такое объяснение во всех отношениях и в такой же мере удовлетворительным и окончательным, как и объяснение с помощью промежуточной среды. Нельзя считать случайным, что Ньютон, Кельвин, Кларк-Максвелл и Фарадей были британцы, а Боскович, Эйнштейн и Вейль — иностранцы».

Ненависть к стихийным материалистам — «викторианцам» заставила богобоязненного буржуазного «философа» забыть свою национальную гордость, лишь бы только насолить материалистам! На разве малую роль в этих «рассуждениях» играет издевательство «над инженерным складом ума»? Однако это «антитехническое» настроение отнюдь не является национальным. Мы, минуя «философа» Шпенглера, обратимся сейчас к математике Р. Мизесу. «Эпоха техники, — говорит он, — началась, скажем, в 40—50 годах прошлого столетия, но, с другой стороны, она должна когда-нибудь и кончиться (!! — А. Т.). Ведь из самого выражения «эпоха» явствует, что господство технического направления мысли, представляя собой явление значительное и перманентное в отношении своих последствий, является все же само по себе преходящим, ограниченным во времени. Таким образом естественно возникает вопрос, находимся ли мы еще в центре эпохи техники или же мы настолько уже приблизились к ее границе, что становится возможным и уместным бросить взгляд на близкое будущее? Пророчество всегда является трудной и неблагодарной задачей, но еще более неблагоприятный труд — это пытаться осмыслить настоящее, ибо при этом мы очень склонны к переоценке, имея возможность опереться подчас лишь на некоторое более или менее смутное чувство. Все же я попытаюсь дать на этот вопрос точный и ясный ответ. Я думаю, что мы давно, быть может уже два десятилетия, находимся на границе эпохи техники, что мы

незаметно перешли в новую эпоху, которая характеризуется умственным движением определенного типа, сходного с движением времен Коперника, Галилея и Кеплера, — в эпоху расцвета спекулятивного естествознания» (!! — А. Т.) (Проф. Р. Мизес, «Основные идеи современной физики и новое мирозерцание», изд. «Сеятель», Петроград, 1924 г.). («Сеятель, сеятель, что ты посеял!» — А. Т.).

Если отбросить ни к селу, ни к городу приплетенных сюда Галилея, Коперника и Кеплера, то для всякого мало-мальского грамотного марксиста ясно, откуда берутся это разочарование в современной технике и болтовня о том, что эпоха техники уходит в даль прошедших веков. Все это может служить одним из звеньев длинной цепи доказательств того, что капиталистические производственные отношения из форм развития уже превратились в оковы для развивающихся и растущих производительных сил. А тем, кто связал свою судьбу с буржуазно-капиталистическим миром, хочется думать, что развитие производительных сил приостановилось и приостановилось навсегда!

Все это верно, но, как говорится, от этого нам в данном случае не легче, так как это ядовитое брюзжание начинает пропитывать науку, и не только, как мы увидим, заграничную науку, без усвоения которой не может быть успешного строительства социализма, но этот яд начинает распространяться и у нас, в нашей среде. Вот почему нам надо во всех деталях изучить, по каким каналам, часто тонко замаскированным, и какими способами распространяется этот яд, так как только тогда мы найдем против него лучшее и наиболее скоро действующее — противоядие.

Что все это попятное движение идет под флагом идеалистической философии, не подлежит никакому сомнению. «Достопочтенный» генерал Смутс в упомянутой речи не без гордости произнес следующие слова: «Однако природа органического мира как целого гораздо яснее может быть познана в ее собственной области — именно в биологии и в особенности в быстро подвигающейся вперед физиологии. Здесь также правильная точка зрения была затемнена нашествием механистических идей из области физики XIX в. Грубый материализм заболотил биологию более чем на целое поколение. На съезде Британской ассоциации в 1874 г. один из знаменитых моих предшественников (намек на физика Дж. Тиндаля) дал образец свободного выражения этой материалистической веры. Теперь все это уходит, если не ушло» (!! — А. Т.) («Nature», Vol. 128, p. 525—526).

А вот что писал Энгельс Марксу об этой же речи знаменитого физика Тиндаля. В письме от 21/IX 1874 г. («Переписка Маркса», т. XXIV, стр. 442) Энгельс пишет о том, что речи Тиндаля и Гексли заставили его вновь заняться диалектикой, чтобы дать указания, как избавиться от методологических ошибок, которые делают материалисты-естественники; но к этой критике он прибавляет: «Впрочем, вступительная речь Тиндаля представляет собой самое смелое, что до сих пор сказано в Англии в собрании подобного рода, она произвела огромное впечатление и навела ужас. Видно, что гораздо более смелая манера Геккеля не дает ему покоя. Я имею дословный текст речи в «Nature», которую ты можешь здесь прочесть. То, что он признает Эпикура, позабавит тебя. Несомненно во всяком случае, что здесь, в Англии, возврат к действительно разумному взгляду на природу совершается гораздо серьезнее, чем в Германии, вместо того, чтобы искать спасения в Шопенгауере и Гартмане, здесь его ищут, по крайней мере, в Эпикуре, Декарте, Юме и Канте. Французы восемнадцатого столетия остаются для них конечно «запрещенным плодом». Из этих слов Энгельса для нас должно быть ясно, почему Джинс, Эддингтон, Смутс и иже с ними так ненавидят «викторианцев».

Было бы крайне интересно дать более полную картину развития буржуазной науки от этой речи Тиндаля до речи генерала Смутса. Этот период только немного покрывает пятьдесят лет, протекших со дня смерти Маркса, а какие яркие иллюстрации теории Маркса получились бы из этой картины!

Надо оговориться, что свет конечно не клином сходитсЯ на генерале Смутсе, и если мы о нем говорили и еще будем говорить, то только потому, что он сопоставляет и как бы синтезирует те, казалось бы, разрозненные идеалистические волны, которые плещутся сейчас в современном естествознании. Не надо думать, что и на советской земле эти волны отсутствуют! Часть наших советских физиков и не думает даже скрывать свои идеалистические вкусы. В «Успехах физических наук» (т. XII, выпуск 1-й, 1932 г.) в статье «Руководящие идеи творчества Фарадея» проф. И. Е. Тамм изрекает следующее божественное откровение: «Господствовавшая в начале XIX в. идеалистическая философия Шеллинга заключала в себе здоровое ядро учения об единстве сил природы и оказалась в этом направлении значительное воздействие на развитие науки. Так например Эрстед был убежденным шеллингианцем и пришел к знаменитому открытию воздействия электрического тока на магнитную стрелку вовсе не случайно... а в результате... поисков взаимодействия электричества и магнетизма, в существовании которого он был убежден на основании философских соображений...»

Венцом этого периода развития физики... было установление закона сохранения энергии Робертом Майером, Джаулем и Гельмгольцем». Итак, вдохновителем физиков, установивших учение о сохранении энергии, был идеалист Шеллинг!

А вот как на это дело смотрел Гельмгольц. Прочтем первые строчки его введения в курс теоретической физики («Einleitung zu den Vorlesungen über theoretische Physik», Leipzig, Barth, 1903, S. 1):

«Введение, § 1. Философия и естественные науки. Между философией и естественными науками в первой половине этого столетия (речь идет о XIX в. — А. Т.) под влиянием философии тождества Шеллинга — Гегеля установились малоутешительные отношения». А специально по вопросу об установлении закона сохранения энергии Гельмгольц рассказывает в письме к Дюбуа, каких трудов стоила ему книга «Сохранение силы» (сохранение энергии), сколько раз он ее переделывал до тех пор, пока, говорит он, «я не взял себя в руки и не выкинул за борт все, что хоть сколько-нибудь пахло философией». Мы конечно не будем защищать философские взгляды Гельмгольца, колебавшегося между стихийным материализмом большинства естественников и кантианством. Нам просто хотелось указать на «глубину» исторических изысканий проф. И. Е. Тамма. Принцип их ясен — надо доказать правоту идеализма, а если факты, как бы это сказать, не совсем подтверждают эту точку зрения, то надо ли особенно стесняться?

II

Займемся теперь классификацией отдельных попыток насаждать идеализм в физике. Надо сказать, что в этой области установлена довольно таки приличная организация. Каждый проповедник идеализма имеет свою область, так что идеалистический агитпроп несомненно правильно распределяет нагрузку, и тут есть, пожалуй, чему поучиться. Однако конечно нет правил без исключения: при особом усердии наиболее талантливому пропагандисту разрешается работать зараз по двум и даже трем линиям. В основном в области физики пропаганда ведется по следующим направлениям.

Первое: материя заменяется энергией, не имеющей вообще никакого материального носителя. Все разговоры о материальном носителе считаются

пережитками «викторианской» эпохи в Англии, а у нас — механицизмом, так по крайней мере выходит из всех выступлений деборинцев и младо-деборинцев.

Разновидностью этого течения является признание эфира как носителя электромагнитной энергии на словах, но наделение его мистическими свойствами. Так, к нему оказывается неприложимо понятие движения как перемещения в пространстве! Причем это решение объявляется правильным с точки зрения диалектического материализма! Таким образом электромагнитная энергия на словах имеет материального носителя, на деле же носитель становится нематериальным, он одним росчерком пера лишается необходимых атрибутов материального тела.

Второе направление: возврат к учению о действии на расстоянии в самой мистической форме. Это направление тесно связано с первым: раз мы признали, что никакой материальной среды, заполняющей мировое пространство, нет, то какое же действие может эта несуществующая среда передавать?

Третье направление: проповедь конечности вселенной и ее тепловой смерти. Эта часть общего плана в СССР выполняется, как правило, в особенно замаскированной форме.

Четвертое направление, особенно сильное в популярной литературе: мистификация, изображение науки как чего-то совсем недоступного для человеческого ума, как чего-то такого, к чему можно привыкнуть, но чего понять нельзя. Понимать и объяснять хотели только наивные викторианцы, говорит генерал Смутс, этого хотят механисты, вторят ему деборинцы всех фракций!

Наконец последнее и самое, пожалуй, существенное течение: отрицание закона причинности. Это течение обставлено наиболее солидным аппаратом учености, «новейших достижений», последних слов современной науки и т. д. Этим течением нам придется основательнее всего заняться. Наконец в заключение мы покажем, как у генерала Смутса и у нас, в СССР, у академика Вернадского дан синтез всей этой идеалистической мозаики и указаны все выводы, которые из этого синтеза можно сделать.

Итак, приступим к обследованию всех этих течений.

III

Энергия, не имеющая... материального носителя!

Развернем книжку, которая рекомендуется для студентов 1-го МГУ (все издание носит название «Наука XX века»). Мы возьмем выпуск, посвященный физике: «Физика», т. II, Гиз., 1929. Составители: И. Е. Тамм, С. И. Вавилов, Г. С. Ландсберг и Б. А. Введенский. Развернем на статью проф. Тамма «Учение о свете» стр. 23—26. Вот что мы там прочтем.

«Разительные успехи ньютоновской механики, истолковавшей с единой точки зрения множество разнороднейших физических явлений, естественно, породили стремление свести все физические явления к движениям материальных тел»... «Однако все попытки создать представление о физической природе носителя электромагнитного поля (как и поля тяготения) либо ведут к противоречию с фактами, либо лишены физического содержания. Поэтому в настоящее время нам не остается ничего другого, как рассматривать это поле чисто феноменологически, как нечто, могущее существовать в «пустом» пространстве». Таким образом оказывается, что создать представление о физической природе носителя электромагнитного поля, которым мы пользуемся в нашей промышленности и в сельском хозяйстве (что в самом деле представляет собой электрификация, как не использование электромагнитной энергии!), не представляется возможным, во-пер-

вых, потому, что одни из попыток привели к противоречиям, а другие... лишены физического содержания! А какой отсюда вывод? Поле электромагнитное и поле тяготения должны рассматриваться как нечто, могущее существовать в «пустом» пространстве, т. е. оказывается, миллиарды и миллиарды киловатт-часов электромагнитной энергии, которые идут на производство, которые идут на строительство орудий производства, не имеют материального носителя! В отношении энергии световых волн, по своей природе являющихся теми же электромагнитными волнами, проф. Тамм в цитированной нами книжке так прямо и говорит: «Итак, свет представляет собой колебания величины электрической и магнитной силы, распространяющейся в пространстве без всякого материального носителя» (стр. 35). Проф. Тамм здесь не одинок, это общее мнение теоретиков в области теории электромагнитного поля. Можно без преувеличения сказать, что в области теории электромагнитного поля работа остановилась, т. е. сейчас считается даже неприличным говорить о физической теории электромагнитного поля, мы ведь слышали от проф. Тамма, что никакого представления о физической природе носителя поля получить не удалось. Сейчас об электромагнитном поле говорят, как «о системе уравнений Максвелла», которые вдобавок признаются абсолютно точными. В самом деле, с легкой руки Эйнштейна усомнились в том, существует ли единое для всех время, усомнились в том, бесконечно ли пространство, а вот в уравнениях Максвелла сомневаться никак нельзя; боже сохрани думать, что эти уравнения только приблизительно верно отражают действительность, и пуще всего нельзя думать, как это думали наивные механисты-«викторианцы» и всякие там материалисты, что уравнения Максвелла как-то связаны с уравнениями механики, что они изображают реальные свойства реальной материи — реальной среды, являющейся носителем электромагнитной энергии, все это запрещено современной буржуазной наукой, все это именуется механицизмом поклонниками современных руководителей буржуазным общественным мнением — деборинцами обеих фракций.

Мысль, выраженную проф. И. Е. Таммом, мы встречаем в книге проф. Я. И. Френкеля «Строение материи», 1922 г., изд. «Сеятель» (ах, этот сеятель! — А. Т.). «В результате современная электродинамика вынуждена была сохранить максвелловское представление об энергии как о некоторой величине, разлитой в пространстве, с объемной плотностью, пропорциональной квадрату электрического и магнитного напряжения, но уже не связанной ни с каким материальным субстратом» (стр. 109).

В чем же суть дела? Фарадей и Максвелл теоретически, т. е. из определенных представлений о материальном носителе электромагнитной энергии, дали все современное учение об электричестве и магнетизме; это учение формально выражено в системе замечательных уравнений, из которых, как из сказочного рога изобилия, сыплется важнейшие практические выводы. В теоретических выводах Максвелла оказались неуязвимы, а в то же время все выводы из системы его уравнений подтвердились на опыте.

Вот почему большинство теоретиков пошло по линии ползучего эмпиризма. Начали строить вывод за выводом из системы уравнений, которые стали обоготворять, но о выводе которых в «приличном» обществе физиков нельзя сейчас и упоминать. Таким образом достигаются сразу две вещи: математические выводы нужны для техники. Замена физической теории математическими символами наруку философам-идеалистам, разрабатываемым требуемое при теперешнем состоянии капиталистического общества мировоззрение. Можно ли упустить такой случай? Послушаем Эддингтона; все в той же цитированной нами книге, во введении (стр. XVI), он пишет:

«Внешний мир для физики таким образом превратился в мир теней. Освобождаясь от иллюзий, мы освободились от материи, так как мы на

самом деле уже видели, что материя была одной из величайших наших иллюзий. Потом мы, быть может, станем спрашивать самих себя, не очень ли мы безжалостно пользовались ножом, когда мы ревностно старались вырезать все, что является нереальным.

Действительно, пожалуй, реальность есть такое дитя, которое не выживет, если за ним не будет смотреть нянька, именуемая иллюзией. Но если это и так, то это мало заботит ученого, который имеет хорошие и достаточные основания продолжать свои исследования в мире теней и который довольствуется тем, что предоставляет философу выяснить, в каком положении дело обстоит с реальностью в применении к его исследованиям.

Вопрос ясен, как говорят у нас на партсобраниях!

С философской стороны мы здесь имеем дело с той же самой ошибкой, которая была вскрыта Лениным у школы энергетиков, возглавлявшейся недавно умершим химиком Оствальдом. Оствальд исходил из того, что материя проявляется только через процессы, протекающие при переходе энергии из одной формы в другую, что материя, как говорил он, выполняет роль кантовской вещи в себе и является носителем той энергии, которую мы не можем воспринять, потому что то, что мы воспринимаем, есть энергия. Теперь нам говорят, что электромагнитная энергия есть нечто, не связанное с материальным субстратом.

В вопросе об энергетике Плеханов не дал правильного ответа¹⁾, который мы находим только у Ленина. «Всякий физик и всякий инженер знает, что электричество есть (материальное) движение, но никто не знает толком, что тут движется, следовательно, — заключает идеалистический философ, — можно надуть философски необразованных людей соблазнительно «экономным» предложением: «давайте мыслить движение без материи...» (т. X, стр. 238).

Итак, «новейшая» физика попала на удочку старой идеалистической философии. Существует движение, не существует того, что движется.

Для марксиста-диалектика, хотя бы и одержимого всякими философскими уклонами, не представляется возможным утверждать открыто, что существуют такие формы энергии, которые так-таки и не связаны с каким бы то ни было материальным носителем. Наши меньшевистствующие идеалисты однако нашли «выход из положения». Они ухватились за одну из самых неудачных мыслей Эйнштейна, которую он вообще когда-либо высказал. В речи, произнесенной на торжественном собрании Лейденского университета 5/V 1920 г., Эйнштейн между прочим говорит следующее: «Обобщая, мы можем сказать, мыслимо расширять понятие физического предмета, представить себе такие предметы, к которым нельзя применить понятие движения. Их нельзя мыслить состоящими из частиц, поддающихся каждая в отдельности исследованию во времени. Специальная теория относительности запрещает нам принимать эфир состоящим из частиц, поддающихся исследованию во времени, но гипотеза о существовании эфира не противоречит специальной теории относительности. Нужно только остерегаться приписывать эфиру состояние движения» (А. Эйнштейн, «Эфир и принцип относительности», Научное книгоиздательство, Ленинград, 1922 г., стр. 17—18).

Это глубокомысленное «решение» теперь преподносится как правильное истолкование физических свойств эфира с точки зрения... диалектического материализма! Раскроем книжку т. Б. М. Гессена «Основные идеи теории относительности» на стр. 165. «В этом и состоит основное различие

¹⁾ См. предисловие к книге Деборина. Плеханову так и не удалось вскрыть методологическую ошибку энергетиков. Это и вызвало следующее замечание Ленина: «Но Плеханов молчит об этом новом течении, не знает его. Деборин неясно его представляет» (Лен. сб. XII, стр. 357).

эфира теории относительности от эфира механистической физики. Эфир принципа относительности не состоит из частиц, не имеет молекулярного строения, поэтому к нему неприменимо понятие движения как механического перемещения.

Но так как он не состоит из частиц, то нельзя обнаружить и движения тела по отношению к этому эфиру».

Просто и хорошо! Не правда ли? И механистам, т. е., виноват, материалистам, попало и идеалистов по головке погладили!

Те же мысли встречаем мы в учебнике проф. И. Е. Тамма «Основы теории электричества» (т. I, ч. 1-я, изд. 2-е, совершенно переработанное Гос. техн. теор. изд., 1932 г., стр. 58).

«Правильное понимание понятия «эфир» сводится к утверждению, что эфир является носителем этих физических свойств «пустого» пространства. Однако величайшей ошибкой является механистическое понимание термина «эфир». Представление об эфире как о непрерывной жидкости или о совокупности мельчайших атомов несомненно ложно, так же как и вообще всякое представление о пространственных перемещениях эфира».

В том же учебнике на стр. 154 из этих же мыслей делаются уже и все выводы: «Конечно с точки зрения современной теории, отрицающей существование материального эфира (в механистическом смысле этого слова), в сущности лишено основания говорить о натяжениях в вакууме, т. е. о силах взаимодействия смежных элементов вакуума... Однако, по доказанному, результирующая сила, действующая на тела, находящаяся в произвольном объеме V , может быть формально представлена в виде суммы натяжений, «испытываемых» поверхностью S этого объема (могущей конечно проходить как в вакууме, так и в материальных телах). Следовательно мы можем оперировать с этими фиктивными натяжениями, будучи уверенными в правильности окончательных результатов».

Мысли здесь не новые: материализм на практике полезен, даже необходим, но с точки зрения возвышенной теории все это фикция (приводящая, правда, на практике к правильным результатам). Вот почему еще и Беркли, епископ клойнский, милостиво разрешал говорить о предметах, например о яблоке, о столе, но только предостерегал от того, чтобы считать эти предметы реально существующими вне нашего сознания, так как именно это признание и приводит... к безбожию!

Что эти мысли проф. Тамма не случайны, вытекает хотя бы из того, что он их повторил в своей статье, посвященной памяти Фарадея, в «Успехах физических наук» (т. XII, вып. 1-й, 1932 г.), и в статье, напечатанной в журнале «Под знаменем марксизма» (№ 2, 1933 г.). Что значит все это вместе взятое? Под видом борьбы с механицизмом здесь попросту выбрасывается материализм. Если мы, следуя Энгельсу, говорим, что не все формы движения так просты, как простое механическое перемещение, то мы все-таки знаем, что «всякое движение включает в себе механическое движение и перемещение больших или мельчайших частей материи; познать эти механические движения является первой задачей науки, однако лишь первой. Само же это механическое движение вовсе не исчерпывает движения вообще. Движение вовсе не есть простое перемещение, простое изменение места, в надмеханических областях оно является также и изменением качества» (Энгельс, «Диалектика природы», стр. 43). Разве можно отсюда сделать вывод, что существуют тела, к которым неприменимо понятие движения как перемещения в пространстве и во времени? Наоборот, Энгельс говорит, что всякое движение предполагает механическое движение больших и малых частиц материи и познать это движение является первой задачей, но всего лишь первой. Энгельс говорит, что этой первой задачей

не исчерпывается все исследование, а нам говорят, что есть случай, когда этой первой задачи не существует!

Для устранения недоразумений заметим, что сторонники этой «замечательной теории», ведущей свое начало, как мы видели, от Эйнштейна, вовсе не считают, что эфир абсолютно неподвижен и что в этом смысле к нему неприменимо понятие движения.

Как известно, Дюринг предполагал «самому себе равное состояние материи», при котором нет никакого движения. Энгельс, как известно, называл лишенное движения состояние материи «одним из самых пустых и вздорных представлений, простым «горячным бредом» («Анти-Дюринг», стр. 53). Однако эфир Эйнштейна — Гессена — Тамма во много раз хуже горячего бреда. Там была по крайней мере материя, которая стояла на месте, как вкопанная, а здесь она не только не двигается, но и стоять неподвижно не может! Это напоминает мне рассказ, переданный мне в детстве отцом со слов знаменитого рассказчика И. Ф. Горбунова о том, как плохо жилось Наполеону Первому на острове св. Елены. Горбунов, очевидно желая разжалобить своих слушателей, давал такую картину острова св. Елены: «Можете себе представить, что это за место такое! Земли там нет и воды гоже! Одна зыбь поднебесная, а на ней... союзный часовой стоит!»

И все-таки я скажу, что и горбуновская «зыбь поднебесная» лучше эфира, созданного Эйнштейном, Гессеном и Таммом. На ней хоть мог стоять часовой Антанты, а этот эфир не находится в пространстве, и его нельзя изучать во времени, т. е. это такое материальное тело (нам по крайней мере говорят, что оно материальное), которое не имеет необходимых атрибутов пространства и времени.

Итак, идеалистический фокус выполнен по крайне простому рецепту: не отрицайте материи, говорите, что она существует, но отнимите у нее все атрибуты, тогда, хотя вы ее и признали, ее все равно не будет!

Этот прием, как мы увидим дальше, широко использован в современной теории-квант. Вообще эта «знаменитая» теория эфира может служить прекрасной темой для упражнений на занятиях по марксистско-ленинской методологии. В самом деле, утверждение, что эфир не состоит из частиц, есть блестящий пример антидиалектического рассуждения, куда же тогда денется диалектика прерывного и непрерывного? Точно так же утверждение, что эфир не может участвовать в механическом движении, что следовательно одни тела могут перемещаться, а эфир абсолютно лишен этого свойства, разве это не пример антидиалектики, которой страдала и старая, некогда революционная, а теперь реакционная форма материализма, именуемая механицизмом? Вот уж подлинно попались! Выступая против материализма, прикрылись видимостью борьбы с механицизмом и наделали в подлинном смысле этого слова кучу механистических ошибок! Так всегда бывает, когда собьешься с правильного пути.

IV

В тесной связи с рассмотренными уже вопросами стоит вопрос о непосредственном действии и действии на расстоянии или, как теперь часто говорят, «о близкодействии и о дальнодействии». Связь с тем, что было у нас сказано, установить нетрудно. Я двигаю магнит, лежащий на моем столе, тотчас же висящая на тонкой нити магнитная стрелка магнетометра, находящаяся от стола на расстоянии нескольких метров, заметным образом повернулась. Ясно, что какое-то действие от двигавшегося при помощи моих рук магнита передалось стрелке магнетометра. Теперь спрашивается, как это произошло? На это было и есть два ответа: или действие передается на расстояние через пустое пространство или то, что мы называем пустым пространством, например междупланетное и междузвездное, заполнено ка-

ким-то веществом, хотя и не похожим на привычные нам формы материи, и оно-то и передает действие магнита на стрелку. Наличие воздуха, заполняющего комнату, здесь никакой роли не играет, так как магнитные взаимодействия наблюдаются и в безвоздушном пространстве. Это же вещество передает свет от солнца к нам на землю через 149 с лишним миллионов километров, оно же является и носителем электромагнитной энергии. Короче, это вещество и есть то, что физики прежних поколений называли эфиром.

Совершенно ясно, что всякий, кто отрицает наличие материального носителя электромагнитной энергии или кто лишает этого носителя всех атрибутов материи, должен стоять горой за непосредственное действие на расстоянии. Какая же может быть передача какого бы то ни было действия через материальную среду, которой вообще не существует!

Теперь очень часто говорят, что действие на расстоянии введено в науку Ньютоном, что закон всемирного тяготения, им установленный, есть образец, которым воспользовались в дальнейшем — в теории дальнего действия, особенно в применении к электромагнитным явлениям. Мнение это основано на недостаточном знакомстве с подлинными работами самого Ньютона. Ньютон в письме к Бентли определенно говорит, что всемирное тяготение сформулировано им так потому, что он не мог найти физического объяснения этому явлению, но что он считает абсурдным допущение о действии одного материального тела на другое через пустое пространство без какой-либо промежуточной среды. Взгляды Ньютона были всегда хорошо известны тем, кто его труды изучал в подлиннике. Так например М. В. Ломоносов писал: «Ньютон притягательных сил не принимал при жизни, по смерти учинился невольным их представителем излишним рачением своих последователей» («Слово о твердости и жидкости тел»). Всякий физик знает, что последователями Ньютона надолго было установлено господство учения о действии на расстоянии, и это учение тормозило развитие науки об электромагнитном поле до тех пор, пока «викторианцы» Фарадей и Максвелл, а за ним Дж. Дж. Томсон, Герц, Больцманн и Лорентц не стали решительно на сторону признания промежуточной материальной среды — эфира и не произвели целой революции в области учения об электромагнетизме. Эта революция выразилась в современной электротехнике и в частности в радиотехнике.

Что же сделали теоретики после «викторианского» периода? Они кропотливо вывели следствие за следствием из системы уравнений Максвелла — Лорентца и ни одной иоты не прибавили к теории. Наоборот, все они формально приняли методы математических расчетов и тщательно выхолащивали материалистическое содержание, препятствуя таким образом дальнейшему развитию теории электромагнитного поля.

Опять, не правда ли, прекрасный случай. Развивая формально математическую сторону, можно двигать науку и технику вперед с должной умеренностью и аккуратностью, не то, чтобы очень быстро, и в то же время мистифицировать ее, припутывать к ней идеализм, переходящий порой к своему логическому завершению — поповщине!

Послушаем откровенные слова проф. Я. И. Френкеля, произнесенные им во время дискуссии с акад. В. Ф. Миткевичем, который не за страх, а за совесть отстаивает материалистическое содержание учений Фарадея и Максвелла.

«Как нам ни трудно, — говорит проф. Я. И. Френкель, — представить себе дальнее действие, да еще запаздывающее, все же нам необходимо сделать соответственное усилие для того, чтобы освободиться от тех привычек, которые сложились у нас в эпоху, когда наши познания были недостаточны (а в области учения об уравнениях Максвелла с той поры ровным счетом ничего не прибавилось. — А. Т.). Верно, что Ньютон и Фарадей

утверждали, что дальное действие невозможно себе представить, верно, что Фарадей и Ньютон были гениальными физиками, и верно то, что представления о близкодействии привели Фарадея к ряду великих открытий. Но неверно то, что эти открытия по существу основаны на представлениях Фарадея. Эти представления явились для него лишь рабочей гипотезой, которая облегчала ему сближение явлений, казавшихся с первого взгляда совершенно различными» («Электричество» № 8, апрель 1930 г., выпуск 2-й, стр. 343. Разрядка наша—А. Т.). Вот замечательная теория познания! Я руковожусь мыслью, при помощи которой делаю великие открытия, и в то же время эта руководящая мысль не при чем! Автор этой замечательной теории не отрицает, что работы Фарадея в данной области привели нас от незнания к познанию, но этот переход якобы случаен. А вот как определял теорию познания Ленин: «А диалектика в понимании Маркса и согласно также Гегелю включает в себя то, что ныне зовут теорией познания, гносеологией, которая должна рассматривать свой предмет равным образом исторически, изучая и обобщая происхождение и развитие познания, переход от незнания к познанию» (Ленин, ст. «Маркс» в Энцикл. изд. Граната, т. XXVIII, стр. 226). На той же позиции, что и проф. Френкель, стоит проф. Я. Н. Шпильрейн, яростно стремящийся из учения Фарадея и Максвелла вытравить весь материалистический дух.

Вот общий вывод из его статьи, напечатанной в «Сорене» («О геометрических свойствах силовых линий»). «Социалистическая реконструкция и наука», вып. 9 — 10, 1932 г., стр. 61): «Отрица реальность силовых трубок, мы вовсе не придерживаемся старинных воззрений кулоновского мгновенного дального действия. В значительной мере под влиянием Фарадея и Максвелла возникло представление о том, что нужно время для передачи действия на расстояние».

«Надо думать, что новая физика сумеет разрешить трудности, связанные с представлением о действии на расстоянии, да еще запаздывающем. Однако трудно предположить, чтобы это разрешение удалось путем построения механической модели электромагнитных явлений».

Итак, от всего переворота, произведенного Фарадеем и Максвеллом, остается «запаздывающее дальное действие», т. е. самая бессмысленная форма действия на расстоянии какая когда-либо возникала в человеческой голове!

В самом деле, посмотрим, что это значит. Пусть на какой-то удаленной планете — спутнике звезды, отстоящей от земли на расстоянии, которое свет проходит ровно десять лет, существует радиостанция, которая в некоторый момент выпустила сигнал и через несколько минут была разрушена взрывом. Через девять лет на земле начали строить радиостанцию и закончили постройку до истечения десятилетнего срока с момента подачи сигнала на отдаленной и разрушенной уже станции! Ровно через десять лет на земной станции принимают сигнал! Академик Миткевич резонно ставит вопрос: «Действительно, если среда не принимает никакого участия в процессе передачи электромагнитной энергии от станции А до станции В, то необходимо утверждать следовательно, что эта энергия как таковая вообще нигде не существует в течение десяти лет, другими словами, совершенно исчезает из нашего трехмерного пространства. Но в таком случае по какой причине некоторая незначительная доля ее внезапно рождается в антенне станции В ровно через 10 лет? Где даются директивы, во исполнение которых энергия вдруг появляется в физическом трехмерном пространстве в точно указанный момент? Здесь мы имеем дело с несомненным нарушением закона сохранения энергии и закона причинности» (речь, читанная на торжественном заседании Академии 2/II 1933 г.). И в самом деле, «запазды-

вающее дальноедействие» есть самая абсурдная форма дальноедействия, какую только можно придумать.

Но вернемся к утверждению проф. Шпильрейна, что решение задачи во всяком случае не осуществляется путем построения механической модели.

В своей теории Максвелл исходил из уравнений механики, он использовал теорию вихрей, что подало повод Энгельсу сказать: «Различные теории различно изображают характер этого движения; теории Максвелла, Ганкеля и Реньяра, примыкая к новейшим исследованиям о вихревом движении, видят в нем—каждая по-своему—тоже вихревое движение. И таким образом вихри старого Декарта снова находят почетное место в новых областях знания» («Диалектика природы», стр. 297—299). Но в теоретическом выводе уравнений Максвелла есть неувязки. Теперь принято говорить, что между механикой и электродинамикой — уравнениями Максвелла ничего общего нет и кто об этом только намекнет, тот злостный механист! А что поделаешь, если эта связь все-таки существует! Возьмите хотя бы учебник Эйхенвальда «Теоретическая физика» (ч. 6-я, гл. о теории Лорентца), где указано на то, что есть общего между механикой и электромагнитным полем, да и как это может быть иначе, ведь электрон «движется с быстротой до 270.000 километров в секунду, его масса меняется с его быстротой, он делает 500 триллионов оборотов в секунду,—все это много мудренее старой механики, но все это есть движение, материи в пространстве и во времени» (Ленин, Собр. соч. т. X (стр. 236). Ведь не подлежит сомнению, что всякая высшая форма движения связана с простым механическим движением, и все дело в том, чтобы найти объяснение тому специфическому, что отличает эту высшую форму движения. Но связь с этим механическим движением должна быть, и исследовать эту связь должно быть нашей первой задачей, но и только первой. А в том-то и дело, что не во всех областях физики эта первая задача доведена до конца. Поэтому нечего кричать о механицизме при малейшей попытке понять то, что есть в электромагнитном поле. Нельзя требовать, чтобы все исследователи оставались на позициях ползучего эмпирика, применяющего уравнения, смысла которых они не только не понимает, но и не хочет понять, и даже более того, современные об'единенные идеалисты-теоретики запрещают об этом думать!

V

Переходим теперь к другой категории вопросов, где идеалистическая пропаганда у нас, в СССР, ведется большей частью в значительно более замаскированной форме.

Речь идет о признании конечности вселенной и ее тепловой смерти. Конечность вселенной «вытекает» из теории относительности. Но даже и те из наших горе-диалектиков, которые считают, что «в области физики взгляды Эйнштейна на пространство, время и движение являются конкретизацией диалектической концепции пространства и времени» (Б. Гессен, «Основные идеи теории относительности», стр. 68)¹⁾, никогда не решались поддерживать Эйнштейна в вопросе о конечности вселенной — все-таки как-то неловко. Однако, как можно принимать основы теории и не признавать их следствий, понять довольно трудно. Ведь согласно Эйнштейну ни-

¹⁾ Тех же взглядов придерживается и т. А. А. Максимов: «Через Лорентца в лице Эйнштейна физика наконец пришла к идеям, приближающимся к усвоению на пространство и время точки зрения диалектического материализма» «П. З. М.» № 4, 1927 г., стр. 36. Таким образом обе фракции деборинской школы и в этом вопросе выступают солидарно. Правда, в 1927 г. т. Максимов «еще находился под обаянием философского руководства», хотя, с другой стороны, насколько память мне не изменяет, т. Максимов в этих своих заблуждениях публично еще не раскаялся.

каких сил, в том числе и силы тяготения, не существует (не потому ли наши «методологи» так ожесточенно нападали на понятие о силе?), а просто только в соседстве с большими массами пространство перестает быть эвклидовым пространством, поэтому роль прямой линии в этом не-эвклидовом пространстве выполняет кривая. В эвклидовом пространстве в отсутствии сил всякое тело движется по прямой, в не-эвклидовом по кривой — именно той самой, которая в этом пространстве выполняет роль прямой линии, т. е. кратчайшего расстояния.

Поэтому когда, скажем, комета приближается к солнцу по своей вытянутой траектории, то все астрономы, мыслящие так, как мыслил «быстрый разумом Невтон», наивно полагают, что орбита кометы может быть вычислена (она и на самом деле вычисляется так) на основе учета взаимодействия между солнцем и кометой. Ничуть не бывало, говорит Эйнштейн, просто комета попала в искривленное не-эвклидово пространство вблизи солнца, и поэтому, продолжая двигаться по инерции, она начала двигаться по кривой. Никакого тяготения нет, — это все глупые выдумки, — есть только искривленное не-эвклидово пространство. А такое пространство, как показывают дальнейшие расчеты, должно быть конечным. Как можно принимать эйнштейнову теорию искривления пространства и не говорить о его конечности, повторяем, понять довольно трудно. Возьмем например ходовой учебник А. Haas «Einführung in die theoretische Physik», II Band (III и IV издание, 1924 г., стр. 348). Вот что там сказано: «Де-ситтер (Monthly Notices of the Royal Astronomical Society) ...на основании астрономических исследований дает примерную плотность для вселенной около 10—26 граммов на кубический сантиметр ¹⁾, и отсюда он приходит к значению радиуса вселенной в 20 миллионов световых лет», т. е. расстояние, которое свет, движущийся со скоростью в 300.000 километров в секунду, проходит двадцать миллионов лет. Судя по последним данным, которые мне были сообщены в беседе проф. Герке во время моего пребывания в Берлине в начале 1932 г., найдены отдаленные звездные скопления, которые лежат дальше этого «конца мира». Однако не в этом дело. Эйнштейнцы скажут, ну, мы ошиблись: радиус мира в 100 раз больше! Дождись тогда, когда астрономы отыщут какие-либо объекты еще дальше! Вдобавок аббат Леметр так изменил теорию Эйнштейна, что по его новой теории радиус вселенной непрерывно увеличивается. Во всяком случае те, кто принимает как следует теорию Эйнштейна, стоят за конечность вселенной, чему очень обрадовались попы. Бесконечность вселенной для попов и для господ бога — нож острый! Послушаем епископа Барнса, выступившего на том же съезде, где председательствовал «достопочтенный» генерал Смутс. «Во-вторых, я сказал бы, в настоящее время твердо установлено, что пространство конечно, но не ограничено. Бесконечное пространство попросту скандал для человеческой мысли. Мы не должны полагать, что вселенная так построена, что человек может понять ее, но поверить в противоположность конечного пространства невозможно» («Nature», 24 октября 1931 г., стр. 720. Речь «высокопреподобного» Е. В. Барнса, епископа бирмингемского).

Мысли «высокопреподобного» не остались без отклика и у нас, в СССР. Академик В. И. Вернадский на страницах «Известий Академии наук СССР» в 1931 г. («Изучение явлений жизни и новая физика») поучает нас тому же:

«Новая физика в лице многих своих представителей приходит сейчас к положению, которое в корне подрывает представление о бесконечности космоса, внесенное Бруно (стало быть правильно фашисты свалили

¹⁾ Дробь = единице, деленной на 1 с 26 нулями. Расчет основан на определении массы звезд и числа их, приходящегося на определенную область пространства.

его памятник в Риме, не так ли? Наговорил вздору, на три столетия сбил всех с толку и попам причинил немало хлопот, только-только теперь оправились! — А. Т.) в миропонимание нового времени. Начинает в новом облике входить в научные (?! — А. Т.) представления идея о возможности конечности космоса, его ограниченности...

Мы становимся ближе к миропониманию средневековья, к Данте с его конечной вселенной, чем к безграничному пространству ученых XVI—XIX столетий» (!!! — А. Т.) (стр. 415).

Итак, назад к средним векам! Вот, можно сказать, дошли до жизни какой!

Но если вселенная конечна в пространстве, то она конечна и во времени. «Научную» базу под теорию конца вселенной подводило, как известно, безоговорочное применение второго принципа термодинамики к процессам, протекающим во вселенной. Но, как каждому физiku известно, благодаря работам Больцманна (1876—1905) и М. Смолуховского (1906—1917) второй принцип термодинамики истолкован с точки зрения статистики молекулярных процессов и всякие рассказы о тепловой смерти раз и навсегда подорваны, лишены какой бы то ни было базы. Статистическое истолкование второго начала термодинамики не отрицает гибели отдельного, так называемого индивидуального мира, например нашей солнечной системы, но согласно этому истолкованию столько же миров нарождается вновь из туманностей, сколько их гибнет. Это положение блестяще подтвердилось замечательными спектроскопическими наблюдениями Ресселя и Герцшпрунга, показавшими, что из числа так называемых потухающих звезд около половины — не потухающие, а только разгорающиеся!

Вот как об этом говорит один из крупнейших ученых Германии, В. Нернст (далеко не левых политических взглядов, но не способный фальсифицировать науку).

В своей речи «Мироздание в свете научных исследований» (об этой речи см. А. Тимирязев, «Правда», 3/IX 1923 г. Перевод ее «Успехи физических наук», т. III, вып. 2-й—3-й, Гиз, 1923 г.) Нернст говорит следующее: «Наши соображения во всяком случае устраняют тепловую смерть так же, как и рассеяние материи. Наш взор уже не вынужден более рассматривать мир в отдаленном будущем как мрачное кладбище, он видит вселенную непрерывно наполненной появлением и исчезновением ярко светящихся звезд. Пусть то здесь, то там угасает священный огонь солнц, он вспыхивает опять во многих местах с обновленной силой».

Какое блестящее подтверждение дали Больцман, Смолуховский и современные астрофизики смелому пророчеству Энгельса! В старом введении к «Диалектике природы» читаем следующие изумительные по своему предвидению мысли:

«Но здесь мы вынуждены либо обратиться к помощи творца, либо сделать тот вывод, что раскаленный сырой материал для солнечной системы нашего мирового острова возник естественным путем, путем превращений движения, которые присущи от природы движущейся материи и условия которых должны, следовательно, быть снова произведены материей, хотя бы после миллионов миллионов лет, более или менее случайным образом, но с необходимостью, присущей и случаю». Эти мысли теперь превратились в блестящую цепь теоретических положений и блестящие экспериментальные работы современных физиков и астрофизиков.

Возьмем теперь учебники физики, изданные у нас, в СССР. Раскроем курс физики (акад. А. Ф. Иоффе, часть 1-я, Гиз, 1927 г.) на стр. 85. Вот что там написано:

«Если рассматривать весь мир как изолированную систему, то можно сказать, что запас энергии, находящийся в мире, хотя и не изменяется, но

непрерывно обесценивается, рассеиваясь в окружающей среде. Мир идет к тепловой смерти, когда все разности температур сгладятся и вся энергия в виде тепла равномерно рассеется в мире». Ни о какой другой точке зрения ни одним словом не упомянуто.

Итак, раз надо проповедывать поповщину, то зачем быть на уровне современной науки? Можно вернуться лет на 60 назад. Ведь акад. Вернадский рекомендует вычеркнуть 300 лет из истории науки! Что в самом деле в сравнении с тремя столетиями какие-нибудь несчастные 60 лет! Зато попробуй какой-нибудь профессор не упомянуть на лекции о каком-либо модном идеалистическом выверте последних лет, так все хором и завопят: «Отстал! Он топчется на науке XIX в., он не понимает науки XX столетия! Он не может удовлетворить запросов студенчества! Его надо сменить!». А вот вычеркнуть из современной науки одну из самых блестящих страниц в угоду попам, — это пожалуйста, сколько угодно!

Далее проф. Н. В. Кашин в курсе физики (Техн. теор. изд., 1932 г., т. I, стр. 429) (излагающий и работы Больцмана; но как!) умудрился не указать, в чем же суть работ Больцмана. Наоборот, он считает, что по существу статистическое истолкование ничем не отличается от старой концепции Клаузиуса. Вот это замечательное место: «Взгляд на энтропию как на меру вероятности состояния содержит в себе новое понимание второго начала термодинамики. Всеобщая в окружающем нас мире односторонность в направлении процессов, деградация энергии, рост энтропии — все это есть разные стороны одного и того же явления: перехода материи, энергии, электричества от состояний менее вероятных к более вероятным». Таким образом деградация энергии как окончательный вывод остается! Правда, слова «тепловая смерть» здесь отсутствуют. Но дело ведь не в словах! То же самое игнорирование работ Больцмана и Смолуховского мы встречаем и в «Методических письмах к курсу физики» Н. В. Кашина в главе «Деградация энергии», изданных без каких-либо примечаний Техн. теор. изд. в 1932 г.

Посмотрим теперь, с какой беззастенчивостью ведется вопреки науке проповедь тепловой смерти вселенной сэром Джэмсом Джинсом, книга которого (как мы уже говорили) издана Техн. теор. изд.

«Энергия еще здесь налицо, но она потеряла всю свою способность к превращениям, она настолько же неспособна заставить работать вселенную, насколько вода в прудах на ровном месте неспособна вертеть мельничное колесо. Мы остались при мертвой, но быть может теплой вселенной — при тепловой смерти. Так учит современная термодинамика. Нет оснований сомневаться или атаковать это учение; и в самом деле, оно настолько полно подтверждается всем нашим земным опытом, что трудно заметить, с какой стороны можно атаковать это учение» (стр. 320).

Вот уж поистине можно сказать: трудно поверить, как человек, который дал прекрасное изложение работ Больцмана в своей книге «Динамическая теория газов», вдруг забыл о них! Едва ли во всей научной литературе можно найти такое неприкрытое бесстыдство.

Однако Джинс не останавливается на этой фальсификации: она ему нужна для заранее поставленной себе цели. А что это за цель, мы увидим, раскрыв другую его популярную книжку, в которой написано, что 70.000 экземпляров этой книги уже продано! Называется она: «Вселенная, исполненная чудес» (The Mysterious Universe, Cambridge, University Presse, 1931 г., стр. 144). Вот что там сказано: «Итак, если только эта ветвь науки не ошибается, природа разрешает себе только две альтернативы — прогресс или смерть; единственная остановка, которую она разрешает, — это тишина могилы».

«Энтропия вселенной еще не достигла окончательного максимума: мы бы не могли думать о нем, если бы он уже был достигнут. Максимум этот нарастает быстро, но это нарастание должно было иметь начало. Должно было произойти то, что мы называем «творением», и во время, не бесконечно от нас удаленное».

Вот к чему дело клонилось! Но послушаем дальше: «Если вселенная есть вселенная мысли, то и ее творение должно быть актом мысли. В самом деле, конечность времени и пространства почти принуждает нас изобразить творчество как акт мысли, определение постоянных, таких, как радиус вселенной и число электронов, в ней заключающихся, требует такой мысли, богатство которой измеряется огромными размерами этих количеств. Время и пространство, составляющие начало мысли, должны были возникнуть как часть этого акта. Примитивные космогонии изображали творца работающим в пространстве и во времени, выковыливающим солнце, луну и звезды из уже существующих сырых материалов. Современная научная (!!!—А. Т.) теория заставляет нас думать о творце, работающем вне времени и пространства, которые сами являются частями его творения, совершенно так же, как художник, который находится вне полотна своей картины».

Вот до какого уровня докатилась буржуазная наука!

VI

Для поддержания всей этой поповской белиберды необходимо внушить читателю, что вся современная наука доказала, что природа непостижима. Это всего яснее выражено Джином в только что цитированной книге — в ее заключительных строках (цит., 149—150):

«Так по крайней мере мы пытаемся строить предположения на сегодняшний день, и в то же время, кто знает, сколько еще раз поток знания повернется против самого себя? Имея это соображение перед собою, мы можем в заключение добавить то, что мы могли бы вставить между строк в каждом параграфе, именно — все, что было сказано вплоть до любого выведенного вывода, является вполне, как мы откровенно сознаемся, умозрительным и ненадежным. Мы пытались разобрать, дает ли возможность современная наука ответить на некоторые трудные вопросы, которые быть может навсегда лежат за пределами человеческого понимания. Мы в лучшем случае можем считать, что нам удалось различить слабый проблеск света; может быть это было полностью нашей иллюзией, так как несомненно нам пришлось сильно напрягать наши глаза, чтобы вообще что-нибудь увидеть. Поэтому наше основное усилие должно быть направлено к тому, чтобы наука сегодняшнего дня провозгласила требование прекратить далеко идущие высказывания: слишком уж часто река познания поворачивалась против себя».

Неправда ли, поучительная картина! Какой поразительный контраст с выступлениями людей науки не только что лет пятьдесят тому назад, но даже и совсем не в таком отдаленном прошлом. Не показывает ли это нам воочию, насколько уже продвинулось разложение капиталистического мира?

Мы видим, что наряду с поповщиной необходимо мистифицировать науку, надо читателя сбить с толку, показать ему, что наука непонятна. Это делается теперь на каждом шагу.

Возьмем например виднейшего представителя новейшей физики, разрабатывающего квантовую механику, П. М. Дирака, книга которого переведена Техн. теор. изд. и к тексту которой никаких примечаний не сделано (П. М. Дирак, «Основы квантовой механики», Гос. техн. теор. изд., 1932 г., стр. 6).

«Такое положение вещей весьма удовлетворительно с философской точки зрения, так как оно указывает на возрастающее призна-

ние роли самого наблюдателя в привнесении закономерностей в результаты наблюдений (!!!—А. Т.), а также на признание отсутствия произвола¹⁾ в природе, но изучение физики благодаря этому становится все более трудным. Новые теории, независимо от их математического оформления, основаны на таких понятиях, которые не могут быть объяснены в терминах, известных прежде, и которые даже не могут быть адекватно объяснены словами вообще» (!!! А чем же можно объяснять — игрой на скрипке? — А. Т.). Можно ли эти бредни называть наукой? И какую выдержку надо иметь, чтобы из книг, где пишется подобная чепуха, выуживать те крупницы истины, которые в них заключены? Еще больших трудов будет стоить эти крупницы освободить от плотно облегающей их шелухи, не менее вредной, чем в приведенных строках, но искусно замаскированной!

Не отстают от Западной Европы и наши люди науки, и среди них на первом месте академик С. И. Вавилов. В популярной книжке, изданной Гос. теор. тех. изд., носящей название «Глаз и солнце» (1932 г., изд. 2-е, стр. 24) (конечно, без всяких примечаний и предисловия со стороны издательства!), читаем мы следующие строки:

«Материя, т. е. вещество и свет, одновременно обладает свойствами волн и частиц, но в целом это ни волны, ни частицы и ни смесь того и другого. Наши привычные понятия не в состоянии полностью охватить реальность, у нас нехватает сейчас ни слов, ни наглядных образов, и здесь на помощь приходит математика»²⁾...

«Если позволительно так выразиться, человеку удалось при помощи математики подняться выше самого себя, и надо ожидать, пока мы привыкнем и к новым словам и новым фактам и начнем понимать то, что сейчас уже известно, но непонятно».

У нас, признаемся откровенно, тоже нехватает слов, чтобы как следует охарактеризовать эту попытку мистифицировать науку! Поставим только один вопрос: может быть строителем социализма тот, кто эти рассуждения принимает за науку?

Совершенно ясно, что всякий, кто в настоящее время осмелится выступить против этой безудержной мистификации, на Западе будет осмеян как подражатель давно отжившим «викторианцам», отыскивающим в природе «гул машины», а у нас деборинцы всех фракций сейчас же окрестят его консерватором, идущим против «новых течений» в науке. Всё физически понятное, могущее быть изложенным при помощи членораздельной речи, может быть изображено в виде модели, вовсе не обязанной быть механической. Но при слове модель (т. е. снимок, копия, отражение того, что есть) наши философы из деборинской школы всех фракций впадают в транс. Как они умудряются при этом заявлять, что они горой стоят за ленинскую

¹⁾ Термин «произвол» природы на языке попов означает закономерность, существующую без направляющей силы господ-бога. Все попы, «уничтожавшие» материализм, утверждали, что, согласно материалистам, природа управляется «слепым случаем», «произволом, без разума» (νοῦς) (Анаксагор), так что рассуждения Дирака безупречны с точки зрения теологии!

²⁾ Смысл того, что значит математика, открывает опять тот же Джинс («The Mysterious Universe», стр. 137—138). «Объективные реальности существуют, потому что определенные вещи действуют на ваше сознание и на мое одинаковым образом, но мы предполагаем нечто такое, чего мы не имеем права предполагать, если мы обозначим эти вещи «реальными» или «идеальными». Истинное обозначение их я думаю, будет математическое, если мы согласимся понимать под этим словом все чистое мышление, а не только то, что изучает профессиональный математик. Такое обозначение не навязывает нам чего-либо об их конечной природе, но только указывает нечто, характеризующее их поведение».

теорию отражения, понять довольно трудно. Ведь всякое отражение природы или какого-либо процесса, в ней происходящего, доступное уму, объявляется механицизмом.

VII

Переходим теперь к характеристике крупного течения, ведущего на-более ожесточенную пропаганду идеализма в современной физике. Это течение связано с отрицанием детерминизма.

Исторически это течение возникло после ряда неудач теории квант, сменивших пору блестящих побед, которыми было отмечено десятилетие 1913 — 1923 г. К концу этого периода, следовавшего за работами Бора в 1913 г., выяснились весьма существенные трудности в этой теории. Почти в любой популярной книжке, начиная с двадцатых годов XX века, рассказывалось про модель атома, построенную Бором, про то, как электроны атома могут двигаться по замкнутым, круговым и эллиптическим¹⁾ орбитах, про то, что расположения этих орбит можно вычислять и что с помощью опытов Франка и Герцта можно измерить энергию электрона на вычисленных по теории Бора орбитах. Наконец излучение атома происходит тогда, когда электрон от неизвестных нам причин перескакивает с более далекой орбиты на орбиту, расположенную вблизи ядра атома. Примерно в 1923 г. физики очутились в следующем положении: на основе модели Бора и физически непонятных положений, именуемых постулатами Бора, удалось с изумительной точностью подсчитать энергию электронов на разных орбитах (или, как теперь говорят, определить уровни энергии), а на основе этих данных подсчитать с не менее изумительной точностью и числа колебаний или длину волн тех сложнейших спектров, которые дают эти атомы, когда они находятся в состоянии свечения.

Точность этих предсказаний теории (хотя и основывающейся на непонятных постулатах Бора) превосходит все, имевшееся раньше в области физики. И вот наряду с этими блестящими успехами выяснилось, что теория в той форме, в какой она сложилась в 1923 г. (примерно), не могла ответить на следующие вопросы: почему и в каких случаях электрон срывается с той орбиты, на которой он находится? Почему, сорвавшись с какой-либо орбиты, электрон останавливается один раз на одной, другой раз на другой орбите? Что вызывает вообще перемещение электрона с орбиты на орбиту? Имевшиеся в распоряжении законы с изумительной точностью констатировали, какой длины волны будет испускаться свет при переходе электрона, скажем, с седьмой по счету орбиты на вторую, первую или третью, но эти законы были бессильны указать, когда именно электрон с седьмой перескочит на вторую и когда на третью. Таким образом при всей практической важности открытых уже законов они не содержали в себе еще причинного объяснения. Это — вопросы весьма сложные, и разрешение их требует немало времени и трудов.

По какому же пути пошла современная квантовая и волновая механика? Она прежде всего устранила из теории то, что было в ней конкретного и наглядного, и сделала это умышленно. Вот что пишет А. Зоммерфельд в своей статье «Современное состояние атомной физики» (перевод «Успехи физических наук», том VII, вып. 3—4-й, стр. 166): «Гейзенберг (один из создателей современной квантовой механики. — А. Т.) исходит из тнсоеологического принципа, согласно которому при описании явлений нужно пользоваться лишь элементами, доступными наблюдению. Таковыми у атома являются числа колебаний и интенсивности спектральных линий...

¹⁾ Эллиптические и еще более сложные орбиты, обусловленные переменной массой электрона, были вычислены Зоммерфельдом.

Все остальные механические характеристики пути электрона, например место электрона на орбите, продолжительность обращения, недоступны наблюдению и не входят в теорию». В другом месте Зоммерфельд не менее ясно подчеркивает эту особенность новейшей теории квант¹⁾.

«В заключение необходимо затронуть еще один общий теоретико-познавательный вопрос. Ясно выраженное в первой гейзенберговской работе по квантовой механике намерение заключалось в том, чтобы развить метод, который опирался бы исключительно на отношения между принципиально наблюдаемыми величинами. Представления, как например «положение электрона, время его оборота, форма траектории», должны быть исключены из рассмотрения. Это ограничение только тем, что непосредственно может быть наблюдаемо, в конечном счете опирается на философию Маха, это же ограничение, опираясь непосредственно на Маха, три десятилетия тому назад привело к пропагандированию так называемой энергетики, которая желала признавать только количества энергии в качестве физических данных и величин, могущих быть наблюдаемыми... Без сомнения, философская установка была существенна для успешного хода мыслей Гейзенберга...»

Вот честный махист в отличие от наших... «высокопреподобных»!

Послушаем еще мнение Ганса Тирринга, высказанное им в VII томе «*Ergebnisse der exakten Naturwissenschaften*» (Berlin, Springer, 1928 г., S. 410): «Применения гейзенберговской квантовой механики, выполненные до настоящего времени, позволяют рассматривать ее как второе улучшенное приближение квантовой теории, более соответствующее действительности, чем была ее первоначальная форма. Кроме того из этой теории по возможности выкинуты все «метафизические понятия», как положения электронов внутри атома и т. д. Гейзенберговская теория представляет голую вычислительную схему для вычисления ступеней энергии атома или частот и интенсивностей спектральных линий. Голизна и ненаглядность этой схемы сознательны и желанны. На вопрос, какой же собственно вид имеет атом, Гейзенберг мог бы ответить приблизительно так: «Глупец, твой вопрос столь же лишен смысла, как и вопрос ребенка, спрашивающего, были ли младенец Христос мальчик или девочка. Атом есть вещь, которой не пристало иметь какой-либо вид в такой же мере, как младенцу Христу свойства пола или национальности. Свойства атомов отражаются в мире наших ощущений через посредство их спектров, через определяемые с помощью опытов со столкновениями атомов и электронов ступени, энергии и т. д. А эти величины даются в принципиально однозначном виде на основе предписаний квантовой теории».

Недурной получается специфический привкус у этих рассуждений, не правда ли? Современная наука дала возможность определять непосредственные действия отдельных атомов и электронов. Поэтому атомы и электроны на горе махистам стали «нашими переживаниями», поэтому они и вынуждены отказаться от мыслей своего учителя о том, что «атомы и электроны представляют почтенный шабаш ведьм». Пришлось отказаться по существу от своей «методологии» и поплестись в хвосте за экспериментаторами. Но зато движение электрона в атоме, его положение на его орбите — всего этого мы продемонстрировать сейчас еще не умеем. Значит, говорит махист, это «материалистическая метафизика», а не наше переживание, которым только и должна заниматься наука! Итак, долгой «материалистическую метафизику», построим теорию, из которой все эти «метафизические элементы» заранее исключены. Так и сделали, а потом стали спраши-

¹⁾ А. Sommerfeld, *Atombau und Spectrallinien Wellenmechanischer Ergänzungsband*, Vieweg, Braunschweig, 1929, S. 44.

вать, а как определить положение электрона и его скорость? Оказалось, что этого на основе данной теории, а также на основе волновой теории Шредингера — Дебройля сделать нельзя. Удивительно ли, что, исключив из теории возможность говорить о положении и скорости электрона, мы на основании этой теории не можем ничего сказать о том, на что мы заранее отказались отвечать?

Посмотрим теперь, какая атака на принцип причинности разыгралась на почве того, что современная квантовая теория не дает и не может дать ответа на ряд вопросов, касающихся скорости и положения электрона в атоме.

Дадим слово Эддингтону («Относительность и кванты», Гос. техн. теор. изд., 1933 г., стр. 146, под ред. т. Гессена):

«Посмотрим теперь, что произойдет, если бросить один квант (света.—А. Т.) на атом. Пока квант не попадет на электрон, мы очевидно не увидим его. Наконец удача. Мы попали в цель. Где же электрон? О ужас! Он вылетел из атома. Это не случайное недоразумение, а старательно подготовленный заговор, заговор, имеющий своей целью помешать нам определить то, чего не существует, т. е. местоположения электрона в атоме... Частица, обладающая одновременно определенным местоположением и определенной скоростью, не может быть обнаружена потому, что ее не существует». Заметим в скобках, что, как мы уже видели, теория была так построена, что из нее были исключены «метафизические понятия» положения электрона и т. д. А потому частицы, имеющей и положение и скорость, согласно этой теории не существует!

О положении электрона, раз оно теоретически неопределимо, мы можем говорить согласно этой теории только с некоторой степенью вероятия, а потому причины какого-либо явления, зависящего от положения и скорости электрона, в точности установить нельзя.

Возьмем русский перевод книги «Атом» Г. П. Томсона (сына знаменитого физика Дж. Дж. Томсона) (Гос. техн. теор. изд., 1932 г., стр. 107 — 108):

«Наиболее важной чертой современной квантовой механики является определенно взятый ею курс — прочь от детерминизма. Со времени Ньютона признавалось почти установленным, что по крайней мере в мертвой материи каждая частица движется, повинаясь точным и определенным законам...

Правда, этот детерминизм на практике претерпевал видоизменение, потому что ни одна система никогда не бывает свободной от внешних влияний, и задача вычисления движений биллионов частиц в малейшей крупнице материи была безнадежна вне пределов человеческих возможностей. И все же верили, что теоретическая возможность была реальной истиной.

Новая точка зрения иная. Большинство законов атомной физики выражаются как вероятности... Это только вопрос незнания необходимых данных, сказали бы физики старой школы. Но отсюда-то и возникает существенная разница. Пока не было теоретического предела точности в определении начальных условий, детерминизм имел силу...

По новому взгляду существует теоретический предел точности определения начальных условий. Если очень аккуратно определено положение частиц, то количество движения очень неопределенно, и наоборот...

Это вырывает почву из-под аргументов в пользу детерминизма. Даже если бы можно было найти точные законы взамен теперешних законов вероятности, возможность проверить их исчезла».

Что здесь индетерминизм понимается в самом обычном смысле, видно с особенной ясностью из следующего изречения П. М. Дирака (см. «Основы квантовой механики», Гос. техн. теор. изд., 1932 г., стр. 17):

«Результат наблюдения, вообще говоря, не может быть определен заранее; иными словами, если несколько раз повторять один и тот же опыт в совершенно одинаковых условиях, то результаты его будут оказываться различными». Если бы это было верно, то наука значит перестала бы существовать! Другого вывода сделать нельзя!

Раскроем теперь на стр. 37 «Социалистическую реконструкцию и науку», выпуск 2-й, 1932 г. Там напечатана статья проф. Я. И. Френкеля «Современное состояние и перспективы волновой механики», а в ней те же самые рассуждения.

«По существу, как всякий новый принцип, он не может быть строго обоснован с точки зрения старых представлений. Для нас существенно то обстоятельство, что он исключает возможность полного определения состояния частиц... т. е. одновременного точного задания координат, определяющих положение частиц и слагающих скорости этих частиц. Эта неполная определенность в характеристике состояния и делает невозможным строго детерминистическое определение изменения его».

В высшей степени характерно заявление самого Гейзенберга, сделанное им в философской статье, напечатанной в журнале «Познание» («Erkenntnis», II Band, Heft 2—3, 1931, S. 172) и носящей заглавие «Закон причинности и квантовая механика»:

«Совершенно аналогичным образом можно, следуя Канту, спасти строгий закон причинности, так как никогда не запрещено сказать: мы еще не знаем причины, в тех случаях, когда явления в нашем опыте не детерминированы. Однако такая успешная защита принципа причинности есть пиррова победа, так как закон причинности, который мы спасаем в этом случае, неприменим к нашим высказываниям о действительности» (!!! — А. Т.). Это ведь старая махистская песня! Раз я говорю, что причин я не знаю, то ведь эти причины не вызывают — по крайней мере сейчас — во мне ощущений, переживаний, а ведь ощущение, переживание есть элемент «есть вещь, а прочее все гиль». Поэтому раз мы говорим о чем-то, чего мы еще не знаем, то значит мы говорим о чем-то, чего нет в действительности. Ленин давно высмеял этот махистский вздор. «А между тем, с точки зрения махистов, каким образом может человек знать о существовании того, чего он не знает? Знать о существовании непознанной необходимости?» (Ленин, т. X, стр. 155). Но будем терпеливы, дослушаем Гейзенберга до конца.

«Мне кажется весьма нецелесообразным в теории атома например следующее высказывание. Мы еще не знаем причин, которые заставляют атом из возбужденного состояния переходить в какое-то определенное другое состояние более низкого уровня, так как мы на основе многих аргументов знаем, что для определения атома не существует никаких данных кроме тех, которые выражены в волновой функции».

Как хорошо, подумаешь: все, что об атоме можно знать, мы уже знаем, точь в точь как говорит герой Островского, чиновник Юсов: «Я все в жизни совершил, птичку увижу и на ту радуюсь!». Можно ли найти большую слепоту и влюбленность в свою собственную теорию. Мы ничего нового об атоме не узнаем кроме того, что включено в наши уравнения! Сходную же мысль высказывает и другой крупный теоретик в области теории квант, Макс Борн: «Если новая теория повидимому хорошо обоснована на опыте, то можно все-таки поставить вопрос, нельзя ли в будущем ее доработать и уточнить так, чтобы она опять стала согласной с детерминизмом. По этому поводу надо сказать, можно точно-математически доказать, что признанное теперь формальное построение квантовой механики не допускает подобного завершения. Если кто хочет придерживаться надежды, что детерминизм

снова возвратится, тот должен теперешнюю теорию по ее содержанию считать ложной» (речь, произнесенная в Геттингене 10/XI 1928 г. «О смысле физических теорий», «Ueber denn Sinn physikalischer Theorien», «Известия геттингенской академии»). Угроза ужасная!

Дадим опять слово Эддингтону, который делает по существу правильный вывод из всех приведенных нами «философских» рассуждений. «Придется, пожалуй, сказать,—говорит Эддингтон,—в качестве вывода из этих аргументов, основанных на современной науке, что религия стала возможной для разумного человека науки только с 1927 г... Если наши чаяния окажутся хорошо обоснованными, именно, что в 1927 г. Гейзенберг, Бор, Борн и другие окончательно опрокинули строгую причинность, то этот год превратится в одну из величайших эпох в развитии научной философии»!!!—А. Т.) («The Nature of the Physical World», стр. 350).

И здесь, как и следовало ожидать, идеализм привел к своему логическому выводу—к поповщине! Пожалуй, мы даже должны быть благодарны именно Эддингтону и Джинсу за то, что они, проявив последовательность мысли, довели дело до конца.

Переходим теперь к наиболее интересной и вместе с тем наиболее печальной части всего рассматриваемого нами вопроса. Посмотрим, как истолковывают этот «принцип индетерминированности» или «соотношение неточностей», как его ради приличия часто теперь именуют в нашей марксистской литературе. Мы должны откровенно признаться, что это «якобы» марксистское истолкование много хуже, чем то, что мы приводили до сих пор.

В журнале «Под знаменем марксизма» (№ 9—10 за 1932 г.) напечатана статья тт. Ф. Гальперина и М. Маркова «Соотношение неточностей в квантовой механике»¹⁾. Статья видимо готовилась довольно долго, так как в заключении авторы благодарят т. Гессена за систематическую помощь и т. А. А. Максимова за ряд ценных указаний. Таким образом это несомненно коллективный труд.

В чем же суть дела?

Прежде всего авторы не разрешают себе хотя на иоту усомниться в том, что современная теория квант есть истина в конечной инстанции. Эта теория не может быть хоть в чем-либо ошибочной с их точки зрения. Об этом даже просто подумать нельзя. Единственно приемлемая для них точка зрения, которую они, не колеблясь, считают диалектико-материалистической, это то, что электрон в некоторые моменты своего существования не может иметь точного положения в пространстве или если его положение точно известно, то он не может обладать определенной скоростью и кинетической энергией. Чтобы не навлечь на себя обвинений в том, что я возвожу неверные обвинения на молодых мыслителей, привожу полностью их аргументацию:

«Выше мы выяснили, что соотношение неточностей лишь тогда логически ведет к агностицизму (агностицизм по сравнению с вашей теорией, уважаемые товарищи, еще не самое плохое!—А. Т.), когда выдвинуты положения, утверждающие, что импульс p (произведение массы на скорость. — А. Т.) имеет точный смысл для частицы, в том числе и для электрона в любой точке q в любой момент t . И соответственно кинетическая энергия E всегда имеет точный физический смысл для электрона в любое мгновение t .

¹⁾ Пишущий эти строки, будучи членом редколлегии «ПЗМ», познакомился с этой статьей лишь тогда, когда она была уже отпечатана и когда книжка № 9—10 уже продавалась во всех киосках. В силу какого-то «соотношения неточностей» корректура этой статьи не попала в его руки.

Никем никогда конечно не было доказано положение о том, что понятие кинетической энергии, которое у нас исторически сложилось, имеет строгий физический смысл для электрона в каждое мгновение» (185).

Что это значит? Сами авторы согласны с тем, что в некоторых случаях, в некоторые моменты времени электрон имеет и положение, и скорость, и кинетическую энергию, но зато вдруг тогда, когда это нужно теоретикам¹⁾, эти понятия лишаются физического смысла, и что электрон в эти мгновения лишается способности локализоваться в пространстве и во времени.

«Этим самым снимается вопрос о какой-либо «неточности» в самых вещах и возникает задача достигнуть некоторых предельных, действительно «абсолютно» точных измерений», но уже в новом, реальном, не метафизическом, а в «физическом» смысле, т. е. таких «предельных» измерений, точнее которых измерять в данной конкретной задаче, подчеркиваем, не «нельзя», а «нечего», измерять нечего не «вообще», а для данной задачи, вообще же здесь конечно появляются другие проблемы со своими задачами измерения» (Гальперин и Марков) (173). Таким образом не то, что мы не можем измерить скорость, а просто скорости не существует: в некоторые моменты времени электрон теряет способность перемещаться в пространстве!

Знакомая песня! Мы видели, что по Эйнштейну, Гессену и Тамму то же самое приключилось и с эфиром, только эфир всегда в этом безвыходном положении, а у электрона бывают продолжительные пробошки, когда он находится в пространстве и во времени, а не «на том свете».

Вот еще одно такое место: «Если скорость в точке для электрона не имеет смысла, как например температура электрона, то нелепо говорить о каких-то неточностях или неопределенностях в измерении скорости электрона в точке, как нелепо говорить например о железном электроде в атоме, о том, что молекула воды — мокрая. С этой точки зрения предельное соотношение $\Delta p \Delta q = h$ (выражение этого знаменитого принципа индетер-

¹⁾ Когда я пишу эти слова, то так и чувствую, как весь хор наших поклонников современного физического идеализма закричит во все горло: не теория, а опыт доказывает это! Поймите же наконец, все опыты — за теорию квант, которая конкретизируется в принципе индетерминированности. Виноват: в соотношении неточностей. А я вот так-таки и не испугался! Мы ведь на каждом шагу вставляем добытые на опыте величины в формулы, которые содержат в себе следы длинной цепи рассуждений и которые опираются на несколько допущений. Можно ли сказать, как справедливо отмечает акад. В. Ф. Миткевич, что если в общем формула удовлетворяется данными опыта, то вся теория целиком и полностью подтверждена во всех своих звеньях?

Вместо ответа приведу один отрывок из Эйнштейна, теория которого является образцом модернистических теорий в физике. «Геометрия (Г) ничего не говорит о соотношении действительных предметов, и только геометрия вместе с совокупностью физических законов (Ф) описывает это соотношение. Выражаясь символически, мы можем сказать, что поверке опыта подлежит только сумма $(Г) + (Ф)$. Таким образом в действительности мы можем произвольно выбрать как (Г), так и отдельные части (Ф), все эти законы являются условными. Для избежания противоречий необходимо только оставшиеся части Ф выбрать так, чтобы опыт оправдывал в общем (Г) и полное (Ф)» (Эйнштейн, «Геометрия и опыт». Научное книгоиздательство, Петроград, 1932 г., стр. 13).

То, что говорится по отношению к геометрии и физике, применимо и к сложным построениям физики в отдельности. Если теории построены так, как здесь рассказано, а «новейшие достижения» сплошь и рядом так построены, то можно ли говорить о подтверждении опытами всех и каждого из звеньев всей цепи умозаключений, если только конец этой цепи не расходится с данными опыта? Поэтому бросьте, уважаемые товарищи, говорить о том, что сами опыты навязывают вам индетерминизм!

минированности.— А. Т.) есть точно измеренный предел применимости к электрону понятия скорости в точке» (187).

Итак согласно нашим авторам и их консультантам материя существует, но... лишается своих существеннейших атрибутов, существеннейших и коренных форм своего бытия—пространства и времени. Ясно, что существование материи в этих условиях есть не более, как слово, сказанное для успокоения доверчивых людей и формального отвода партийных глаз.

В политике такими фокусами никого не обманешь кроме совершенно несознательных, темных людей. Смысл лозунга: «Советы без коммунистов», которыми поднимали контрреволюцию в Кронштадте в 1921 г. Милоковы и К°, кажется, уже давно всем и каждому ясен. В самом деле, что останется от советов, если в них не будет коммунистов! А вот в философии, видимо, еще можно пробавляться такими фокусами: не отрицайте существования материи, это по некоторым причинам, вполне понятным, неудобно, но лишите исподтишка эту самую материю ее атрибутов, и тогда, хотя вы ее на словах признали, ее все равно не будет. В этом случае, даже если бы сам Беркли воскрес, он ничего не возразил бы. А современные Смутсы и Джинсы легко зачислят вас в разряд «высокопреподобных».

Нечего сказать, ловко устроено!

Теперь спрашивается, правы ли мы были, когда говорили, что эта точка зрения хуже всех остальных, приведенных нами.

В самом деле, что значит признание, что скорости электронов и их положения принципиально не наблюдаемы? Слов нет, что это с точки зрения диалектического материализма плохо, но все-таки это есть признание того, что электрон имеет скорость и имеет положение в пространстве. Как и в кантианстве, здесь плохо то, что положение и скорость, как и «вещь в себе», непостижимы, а признание того, что вещь в себе существует,—это уже не так плохо! Все-таки это уже точка зрения людей, сделавших полдороги к материализму. Далее Гейзенберг со своей махистской точки зрения заявляет, что нельзя включать понятие о положении электрона и его скорости потому, что эти обстоятельства не вызывают в нас «переживания», но так говорили единомышленники Гейзенберга до экспериментальных доказательств существования атома и электрона и об атоме и электроны. Теперь и они вынуждены признать, что об атоме и электроны можно говорить, потому что эти вещи вызывают в нас переживания. Поэтому есть надежда, что когда мы покажем, как электрон движется, то и махисты в конце концов поплетутся хоть в хвосте за материалистами, хотя бы и нехотя, и только формально, и только на словах. Они ведь не признают, что ощущениям соответствует в природе что-то, объективно существующее. А вот куда пойдут люди, которые лишили материю всех ее атрибутов и называют такой образ действия борьбой с идеализмом на основе марксистско-ленинской методологии? Куда они пойдут? Лучше не будем говорить об этом!

VIII

Переходим теперь к выяснению того, как вся эта «мозаика», отдельными частями которой мы так долго занимались, превращается в единое идеалистически-поповское мировоззрение, глубоко враждебное нам и пытающееся отравить мозги тех, кто должен стать строителями социализма.

Для этой цели лучше всего будет рассмотреть те выводы, к которым приходит генерал Смутс в упомянутой нами речи в Англии, а у нас... академик В. И. Вернадский!

Начнем с генерала Смутса. Его выводы можно коротко выразить его же словами в следующих тезисах:

1. «Железная необходимость прежней науки, столь противоположная непосредственному опыту человека, столь разрушающая свободную активность жизни и мысли, равно как и подрывающая нравственную ответственность личности, в основном отброшена».

«Эта железная необходимость опиралась на ньютонову причинную схему, которая, как я уже указывал, глубочайшим образом была потрясена новейшими исследованиями. Относительность сводит вещество к конфигурациям и формам¹⁾, в то время как квантовая физика дает определенные указания на индетерминизм в природе» (стр. 528).

Итак, в природе отсутствуют причинность, необходимость, закономерность! Почему же, спросим себя, наука все-таки существует? И что же такое все-таки материя согласно этой новой «философии»? «Достопочтенный» автор отвечает:

2. «Мы видели, что материя по существу есть конфигурация или организация пространства—времени» («Nature», 26/X 1931 г., стр. 526). Не кажется ли вам, товарищи читатели, что эта мысль заимствована у т. Гессена? Ведь это он сказал: «Диалектический материализм рассматривает материю, как синтез пространства и времени» («Основные идеи теории относительности», «Московский рабочий», 1928 г., стр. 69)?

Переходим к следующим тезисам:

3. «Материя, жизнь и сознание таким образом можно грубо перевести словами: организация, организм, организатор» (стр. 528).

4. «Материализм практически уже исчез, и деспотическое владычество необходимости в значительной мере ослабло» (стр. 529).

5. «Если религия, искусство и наука до сих пор представляют отдельные друг от друга ценности, то это не навеки так останется» (стр. 527).

А вот и венчающий дело конец:

6. «В самом деле, можно откровенно признаться, что в наши дни наука является наиболее ясным из откровений бога» (!!!—А. Т.) (стр. 527). Это, можно сказать, основа мировоззрения разлагающейся буржуазии, выраженная в кратких тезисах.

Не менее красочную картину нарисовал у нас, в СССР, в том же 1931 г. акад. В. И. Вернадский. Выберем наиболее характерные черты этой картины:

1. «Конечно далеко не все из этих новых исканий и дерзаний удержится в науке, но важно то, что старое ньютоново представление вселенной дало трещину, его научная достоверность поколеблена и в открывающуюся трещину все быстрее и быстрее вторгается бесконечный, все расширяющийся рой новых представлений (мы видели, что акад. Вернадский в согласии с эйнштейнцами считает мир конечным, а вот мысли человеческие, добавим от себя, не всегда умные; по его мнению, бесконечны.—А. Т.). То научное представление о вселенной, основанное на всемирном тяготении и физико-химических явлениях, о которых говорили три столетия и к которым, думали, все должно быть сведено,—рушится» (стр. 416).

2. «В действительности за все протекшие века нет никакого успеха в объяснении жизни в схемах господствующего научного миропонимания. Между живым и неживым, косным веществом, сохраняется та же пропасть, которая была во времена Ньютона, и ни на шаг не подвинулся охват сознания, разума, логического мышления схемами и построениями физико-химических систем ньютонова космоса» (стр. 407).

А вот мы, жалкие советские люди, строим «Институт изучения человека», где будет широко поставлено изучение и физико-химических методов!

¹⁾ Подробнее об этом в следующей цитате.

Переходим к дальнейшим тезисам:

3. «Здесь мы встречаемся со случаем, в котором как будто, а может быть и реально, перестает прилагаться в обычном понимании закон причинности. Это закон α и ω ньютоновской картины мира. Такой детерминизм исчезает для современной физики...» Мы видим, что Ньютон не дает покоя всем современным идеалистам. Очень подозрительно, что наши методологи-марксисты только тем и занимались, что разносили Ньютона, по их словам, — с позиций диалектического материализма. Позволительно однако усомниться, с этих ли позиций они критиковали Ньютона. Ведь все, что дала эта «критика» Ньютона, выразилось в том, что из курсов физики устранили статику, устранили законы Ньютона и самое понятие силы. Кончилось дело тем, что ЦК ВКП(б) своим постановлением от 25/VIII 1932 г. положил конец этим «методологическим» фокусам, обязав включить в программы по физике испарившиеся оттуда законы Ньютона, статику и понятия — ускорения и силы.

Не показывает ли все это, что имевшая место в недалеком прошлом «критика» Ньютона не так уж далека от «критики» акад. Вернадского и генерала Смутса. А это наводит на серьезные размышления. Не раз случалось, что отдельные члены нашей партии расходились с основным ее ядром только по философским вопросам, а что было потом?.. Вспомним хотя бы, к чему это привело покойного А. А. Богданова и его единомышленников, чтобы не говорить о совсем недавнем прошлом и о многих, кто был и остался в числе рьяных деборинцев. Об этом необходимо напоминать почаще. В этом смысле предостережение нам делает и совершенно нам чуждый идеологически, но симпатизирующий советской власти убежденнейший продолжатель Маха проф. Филипп Франк в своей книге «Закон причинности и его границы». На стр. 55 он указывает, что философ современных фашистов О. Шпанн выступает против закона причинности и приводит следующую цитату:

«Со времени новейших разрушительных движений в физике (радиоактивность, теория относительности, теория квант) и в ней возникло состояние, которое толкает к пересмотру основ, ограничивает значимость математического «описания» и потрясает владычество понятия причинности». В дальнейшем, после анализа этого отрывка, Франк добавляет: «Подобно О. Шпанну, хотя и в менее метафизических выражениях, говорит русский марксист-философ А. Максимов следующее: «Предположение о всемогуществе механической причинности в химии и физике, вследствие которого исключалась категория случайности, уже неверно в области современной атомной механики. В этой области физики уже давно отказались от единственного употребления категорий метафизической необходимости и «воленс-ноленс» оперируют категорией случайности как объективной категорией».

Оказывается, что философ Гитлера О. Шпанн говорит то же самое, что и наши марксисты. Опять сопоставление получается неприятное. Беда вся в том, что идеалистическое влияние на многих из наших товарищей так сильно, что быть может, даже руководствуясь лучшими стремлениями, они, желая критиковать современное естествознание слева, незаметно для себя переходят на критику справа и попадают в крайне неприятное общество. Тут есть над чем задуматься.

Но дадим акад. Вернадскому до конца сформулировать свои выводы:

4. «Вера в реальность современной картины мира может охватить лишь небольшое число научных работников. К тому же ученые не живут на уединенном острове. Кругом идет огромная творческая и во многом плодотворная работа человечества в других духовных областях — в религии и особен-

но в философии, коренным образом противоречащих научному пониманию, созданному в последние столетия».

«Это было впрочем ньютоново миропонимание без И. Ньютона, который вносил в него поправки верующего христианина» (стр. 42).

Да, и сказать, что эти слова были написаны не только, выражаясь стилем бросова календаря, «в лето от рождества христово тысяча девятьсот тридцать первое», но и на четырнадцатом году революции! К статье акад. Вернадского есть примечание редакции следующего содержания: «Не разделяя ряда основных положений автора, ред. «Изв.» (Академии наук СССР. — А. Т.) тем не менее публикует его статью ввиду глубокого интереса затрагиваемых ею вопросов».

Было бы крайне любопытно узнать, с какими же все-таки основными положениями, из числа приведенных нами, редакция согласна?

Теперь можем резюмировать:

1. Эфир, правда, существует, но не состоит из частей и не движется.
2. Мир, хотя и не существует, но конечен, был сотворен и неизбежно идет к тепловой смерти.

3. Электрон, хотя и существует, но не обладает способностью одновременно находиться в пространстве и во времени. Не слишком ли хитро придумана картина «материального» мира, основанная на выводах «самонейшей науки»?

Не будет ли это вредить состоянию действительно материального мира?

Какие же можно сделать выводы из всего сказанного?

Существование физического идеализма, и не только за границей, но и у нас, не подлежит сомнению. Пугаться его конечно нет оснований, и не с такими опасностями встречались и одолевали их!

Однако сидеть, сложа руки, при таких симптомах также нельзя! А что надо делать, наша партия знает. Вспомним, что говорил т. Сталин на XVI съезде нашей партии о том, что надо сделать с троцкизмом и правым уклоном для того, чтобы вести развернутое наступление.

Точно так же и в данном случае. Чтобы мобилизовать ко второй пятилетке всех наших научных работников, чтобы разжечь в них пафос освоения всех достижений науки и техники и неудержимым потоком повести всю массу наших ученых в первые ряды строителей социализма, необходимо прежде всего похоронить физический идеализм, необходимо с корнем вырвать эти ядовитые ростки, которые «мирно вырастают» в головы будущих строителей социализма. Полагаться на то, что, попав в голову, эти ядовитые ростки «самотеком» оттуда испарятся, значит впасть в самый махровый оппортунизм. Из этого вовсе не следует, что мы должны отбросить всякую книжку, всякую статью, всякую теорию за то, что там встречаются такие цветочки и ягодки, какие мы уже в изобилии преподнесли читателю. Трезвым, строгим методологическим разбором мы должны вылущить все ценное, что дает нам, пусть даже во многих местах и загнивающая наука Запада. Но надо решительно положить конец той монополии, которую имела и сейчас имеет на нашем фронте идеалистическая литература в области физики. Наши издательства и особенно ГТТИ должны наконец опомниться! А в первую голову должны опомниться руководящие и этими издательствами философы.

Ради может быть немногих крупниц истины, которые останутся и будут использованы, учащийся глотает страницу за страницей, книжку за книжкой, преисполненные тонкого яда, который преподносится ему с благоговением как последнее достижение науки.

С другой стороны, из-за часто мелких ошибок, которые можно и нужно исправить и раз'яснить, те немногие книги, которые пишутся немногими из материалистов Запада, подвергаются запрету, их не переводят на радость идеалистам. Таким образом наша молодежь не видит материалистической литературы. Этому тоже надо положить конец.

Надо положить еще конец и тому распространенному типу издевательства над диалектическим материализмом, которое можно видеть в тех немногих случаях, когда наши издатели заграничной идеалистической литературы находят нужным написать предисловие.

Эти предисловия построены по следующему образцу:

Данное произведение есть самое последнее слово теоретической физики, с ним должен познакомиться всякий, кто хочет изучить физику, но многие основные положения этого труда противоречат основам диалектического материализма!

Вывод предлагается сделать читателю! Марксистско-ленинской критики в области физики у нас бояться, как огня. Критиковать можно старую физику и особенно Ньютона, так как о нем не могут слышать современные идеалисты из числа физиков. А вот «модных» и «новейших» теоретиков критиковать нельзя—сейчас кто-нибудь выйдет и скажет: да ваш критик топчется на физике XIX в., он не понимает физики XX в., он не знает новейших достижений. А на что опираются эти страхи? Прежде всего на неверие в силу диалектического метода. Вот, когда мы перестанем бояться этих злостных шипений, когда мы и здесь развернем нашу строгую, продуктивную, но в то же время беспощадную критику, опирающуюся на диалектический метод Маркса, Энгельса, Ленина, разрабатываемый в наши дни Г. Сталиным, тогда и физический идеализм исчезнет и исчезнет последняя помеха, мешающая нашим физикам стать в первые ряды строителей социализма.

О механицизме и марксизме в естествознании

А. Максимов

Тов. Тимирязев в своей статье «Волна идеализма в современной физике на Западе и у нас» пытается по-своему решить вопрос о борьбе с идеализмом в области физики и в естествознании вообще. Он сразу берет быка за рога и, не долго думая, с первых же строк своей статьи утверждает, что поповские и архиреакционные выступления президента Британской ассоциации содействия наукам генерала Смутса являются тонко разработанным планом пропаганды идеализма — планом, который охватывает и СССР, и, что самое важное, генерал Смутс имеет своих агентов «и... у нас, в стране строящегося социализма!»

Как видим, т. Тимирязев ставит перед собой весьма почтенную задачу, и его статья заслуживает уже поэтому большого внимания. Еще большего внимания статья т. Тимирязева заслуживает потому, что он наконец прервал свое долгое молчание, начавшееся после постановления ЦК ВКП(б) о журнале «П. З. М.» от 25/1 1931 г. В ответ на неоднократные призывы и со стороны самой редколлегии «П. З. М.» и со стороны ряда других общественных организаций (см. резолюции ячейки ИКПФиЕ, опубликованные в «Правде» и др. органах, ряд статей в «П. З. М.», выступления на научной сессии Ин-та философии Комкадемии в апреле с. г., редакционное предисловие к выступлениям на сессии, опубликованное в № 2 «П. З. М.») он решил наконец изложить свои взгляды на положение на философском фронте.

Таким образом статья т. Тимирязева является плодом долго вынашивавшихся мыслей, плодом долгих размышлений, подводящих итог целому, более чем двухлетнему, периоду философской борьбы, и не может не иметь определенного общественно-политического значения.

Можно было бы ожидать, что т. Тимирязев после такого долгого раздумья решил наконец вывить в статье свое отношение к постановлению ЦК ВКП(б) о журнале «П. З. М.» от 25/1 1931 г., дать оценку ошибкам группы механистов, которую он возглавлял и возглавляет и до настоящего времени, и на основе развернутой самокритики включиться в борьбу партий с идеализмом и с уклонами от теории марксизма-ленинизма.

Но т. Тимирязев, оказывается, прервал свое долгое молчание не для этого, а, наоборот, для того, чтобы еще раз попытаться протащить свои осужденные партией механистические взгляды. После двух с лишним лет отсиживания и выжидания он наконец решил выступить, считая, очевидно, настоящий момент удобным для нападения на тех, кто боролся и борется за линию партии на теоретическом фронте.

Тов. Тимирязев выступает в роли прокурора. Справедливо, хотя и с большим запозданием, обрушиваясь на генерала Смутса и К^о, он, оказывается, привлекает к ответу за соучастие с ним не только идеалиста ака-

демика Вернадского, уже разоблаченного на страницах журнала «П. З. М.», не только журнал «Сорена», Государственное технико-теоретическое издательство¹⁾, Ин-т физики МГУ, ряд виднейших ученых (академик Иоффе, академик Вавилов), не только делающих первые шаги молодых научных работников Гальперина и Маркова и других, но и... редколлегия журнала «П. З. М.»!

Тов. Тимирязев — член редколлегии журнала «П. З. М.», и ему постановлением ЦК ВКП(б) от 25/1 1931 г. поручено выполнять высоко ответственную обязанность; т. Тимирязев — профессор физики, от него можно и нужно требовать того, чтобы он не только шел нога в ногу со всеми энтузиастами социалистического строительства, но и был во главе борющихся на его участке борьбы, чтобы он вел кадры правильным путем.

Тем большее основание имеем мы требовать этого от т. Тимирязева, что он в своей статье с самого начала берет на себя обязанность бороться и «не сидеть сложа руки и смотреть, как в головы нашей пролетарской молодежи, из которой мы должны подготовить стойких борцов — неустрашимых строителей социализма, не отступающих ни перед какими трудностями, очень искусно через бесчисленные переводные и оригинальные книги вливается яд, расслабляющий, сбивающий с толку, гасящий тот энтузиазм, тот пафос, без которого немыслимо строительство социализма».

Итак, как видим, т. Тимирязев выступает не только как прокурор, но и как охранитель голов молодежи от тлетворного влияния. Мы должны посмотреть, нет ли здесь под флагом защиты молодежи и борьбы за марксизм-ленинизм маневра и желания протащить контрабандный материал, далеко не полезный для голов строителей социализма. Но прежде всего займемся ответом на обвинения против редколлегии журнала «П. З. М.».

* * *

В конце статьи, подводя итоги всем своим рассуждениям, т. Тимирязев пишет: «Марксистско-ленинской критики в области физики у нас бояться, как огня». И далее: «модных и новейших теоретиков (физики.—А. М.) критиковать нельзя» и т. д. Это обвинение т. Тимирязев направляет и против редакции журнала «П. З. М.». Посмотрим, как обстоит дело в действительности, и воспользуемся случаем, чтобы подвести некоторые итоги работы по линии естествознания, проделанной редколлекцией журнала «П. З. М.» за истекшее с постановления ЦК ВКП(б) время.

Обвинения т. Тимирязева идут прежде всего по разделу естествознания журнала «П. З. М.». Этот раздел нельзя отделить механически от раздела философии. Оба эти отдела имеют перед собой одну общую цель и объединены одной руководящей линией. Что же сделано по разделу естествознания вообще и в частности для борьбы с идеализмом? Правда ли, что в «П. З. М.» было запрещено критиковать теоретиков современной физики, что марксистско-ленинской критики в области физики боялись, как огня?

Прежде всего необходимо отметить ведущую роль отдела философии, который борьбой с уклонами от марксизма-ленинизма в теории и практике, разработкой проблем ленинского этапа философии, разработкой проблем социалистического строительства и т. д. указывал путь, по которому должна идти борьба по вопросам современного естествознания, вскрывал ошибки на фронте естествознания. Посмотрим, что было помимо этого сделано редакцией журнала непосредственно по разделу естествознания.

а) В борьбе с уклонами от марксизма-ленинизма, с механицизмом и меньшевистствующим идеализмом, в борьбе за теорию материалистической диалектики редколлекцией «П. З. М.» было опубликовано:

¹⁾ Журнал «Сорена», как и продукция Г. Т.-Т. И. получили оценку на страницах журнала «Большевик» (№ 12 за 1933 г., статья т. Кольмана).

1) Резолюция президиума Комакадемии о положении на естественно-научном фронте (№ 10—12 за 1930 г.). 2) Развернутая рецензия Максимова, вскрывающая идеалистические, механистические и меньшевистско-идеалистические ошибки в первых двадцати томах Большой советской энциклопедии (там же). 3) Статья Амелина и Черемных с разбором и критикой взглядов Варьяша, Перова и Тимирязева (№ 1—2 за 1931 г.). 4) Рецензия Климовичкого на статью Левина «Вейсманн» в БСЭ (№ 3 за 1931 г.). 5) Рецензия Токина на книгу Линкевича «Основы методики естествознания» (там же). 6) Статья Кольмана, посвященная письму т. Сталина в журнал «Пролетарская революция» и задачам на фронте естествознания и медицины (№ 9—10 за 1931 г.). 7) Развернутая самокритика т. Егоршина по поводу допущенных им ошибок (№ 11—12 за 1931 г.). 8) Рецензия Терещенко на книгу Кеворкьяна. 9) Резолюция Азербайджанского ОВМД о книге Кеворкьяна (№ 3—4 за 1932 г.). 10) Передовая статья «Диалектический материализм, естествознание и борьба с упрощенчеством» (№ 5—6 за 1932 г.). 11) Статья Перельман о механицизме на современном этапе (№ 7—8 за 1932 г.). 12) Рецензия Сахалтуева на книгу Горнштейн «Диалектика природы» Энгельса (там же). 13) Статья т. Кольмана «На текущие темы» (№ 9—10 за 1932 г.). 14) Статья-доклад Максимова «Марксизм и естествознание» (№ 2 за 1933 г.). 15) Статья-выступление академика Баха «За внедрение теории материалистической диалектики в естествознание» (там же). 16) Выступление т. Сарабянова с разоблачением механистов (№ 3 за 1933 г.). 17) Рецензия т. Кольмана на книгу Богданова и Михайлова «Проблема причинности» (там же). 18) Рецензия т. Климовичкого на брошюру Тарадина «Классовая борьба в медицине» (№ 4 за 1933 г.). 19) Волков «О некоторых вопросах истории науки и техники» (там же).

б) По линии разработки ленинского этапа в развитии диалектического материализма в отношении применения его к естествознанию были опубликованы:

1) Статья Максимова «Ленин и кризис физики в эпоху империализма» (№ 1—2 за 1931 г.). 2) Его же «Об отношении Ленина к естествоиспытателям» (№ 9—10 за 1931 г.). 3) Кольман — уже упомянутая выше статья — «Письмо т. Сталина» и т. д. 4) Максимов «Об отражении классовой борьбы в современном естествознании» (№ 5—6 за 1932 г.). 5) Кольман и Яновская «Гегель и естествознание» (№ 11—12 за 1931 г.).

в) По вопросам социалистического строительства и конкретным проблемам современного естествознания были опубликованы статьи:

1) Кольман «Боевые вопросы естествознания и техники в реконструктивный период» (№ 3 за 1931 г.). 2) Коштойаңц «Физиология и теория развития» (№ 5—6 за 1932 г.). 3) Бауэр, Брандгендлер и Гринберг — опубликована в порядке обсуждения статья «Жизнь», написанная для БСЭ (№ 7—8 за 1932 г.). 4) Максимов «К итогам успехов естествознания в СССР за 15 лет» (№ 9—10 за 1932 г.). 5) Гальперин и Марков «Соотношение неточностей в квантовой механике» (там же). 6) Хайкин «Достижения в области физики за 15 лет» (там же). 7) Сахалтуев «О развитии и значении работ Мичурина» (там же). 8) Тамм «О работе философов-марксистов в области физики» и ответная статья т. Егоршина (№ 2 за 1933 г.). 9) Кедров «Понятие термодинамической вероятности» (№ 3 за 1933 г.). 10) Письма-отклики акад. Миткевича, Цейтлина и т. Кольмана (№ 4 за 1933 г.).

г) В борьбе с идеализмом, социал-фашизмом и фашизмом в связи с вопросами естествознания и техники были опубликованы следующие статьи:

1) Уже упомянутая рецензия Максимова на первые 20 томов БСЭ (№ 10—12 за 1930 г.). 2) Боровский «Эмерджентная эволюция» (там же). 3) Балезин и Кедров «Против пропаганды идеализма в химии» — критический обзор учебников (№ 4—5 за 1931 г.). 4) Презент «Проблема научных

кадров в освещении буржуазного биолога» (№ 6 за 1931 г.). 5) Новогрудский «Геохимия и витализм» — развернутый разбор взглядов академика Вернадского (№ 7—8 за 1931 г.). 6) Максимов — рецензия на брошюру физика Густава Ми (№ 3—4 за 1932 г.). 7) Максимов «Об отражении классовой борьбы в современном естествознании» (№ 5—6 за 1932 г.). 8) Вендровский «По биологическим страницам журнала «Социалистический монетаризм» (там же). 9) Яффе «Философские основы неодадарвинизма» (№ 7—8 за 1932 г.). 10) Коштыц «Четырнадцатый международный физиологический конгресс в Риме» (№ 9—10 за 1932 г.). 11) Брушлинский «Обзор журнала «Эрkenntnis» за 1931 г.» (там же). 12) Егоршин «Ответ проф. Тамму и редакционное примечание» (№ 2 за 1933 г.). Вольфсон «Об идеологии загнивающего капитализма» (№ 4 за 1933 г.). 14). Лифшиц «Антитехнизизм и кризис буржуазного естествознания» (там же).

д) Опубликованы математические рукописи Маркса и статья-комментарий т. Яновской (№ 1 за 1933 г.).

е) По вопросам истории естествознания опубликованы:

1) Письмо Дарвина Марксу (№ 1—2 за 1931 г.). 2) Кольман «О так называемом агностицизме Дарвина» (там же). 3) Кольман и Яновская «Гегель и математика» (№ 11—12 за 1931 г.). 4) Дарвин «Основы происхождения видов» (№ 5—6 за 1932 г.). 5) Яновская «О математических рукописях Маркса» (№ 1 за 1933 г.). 6) Максимов «Марксизм и естествознание» (№ 2 за 1933 г.). 7) Академик Бах о Пастере и др. в уже упомянутой статье-выступлении (там же).

ж) Письма с признанием ошибок:

1) Перельман (№ 11—12 за 1931 г.). 2) Агол (№ 3—4 за 1932 г.). 3) Профессор Раковский (там же). 4) Кеворкян (там же). 5) Егоршин (№ 11—12 за 1932 г.). Наконец 6) Письмо американского профессора Меллера с откликом на происходящие у нас в СССР события на теоретическом фронте.

Всего, как видим, полсотни публикаций в 18 книгах «П. З. М.», вышедших за два с лишним года. Нетрудно убедиться, что в этих публикациях писалось как об идеализме и поповщине многих современных руководящих естествоиспытателей за границей, о борьбе, которая потрясает до основания современное естествознание, так и об отражении этой борьбы в среде советских ученых. Писалось немало и об уклонах от марксизма-ленинизма и о связи этих уклонов с классовой борьбой внутри и вне СССР.

Действительно, еще в № 9—10 за 1931 г., т. е. за два года до того, как т. Тимирязев выступил в поход против идеализма генерала Смутса и Ко, т. Кольман в своей статье писал уже об этом бравом душители буров и современном поборнике поповщины в науке. В этой же статье писалось и об идеализме физиков и астрономов Дирака, Леметра и Эддингтона.

За год до настоящего выступления т. Тимирязева т. Кольман в № 9—10 за 1932 г. снова писал о генерале Смутсе и высокопреподобном епископе Барнсе и астрономе Джинсе.

Читатель, которому нет времени и возможности лазить по старым номерам журнала, вышедшим уже годы тому назад (на что и рассчитывает т. Тимирязев, когда бросает свои обвинения), может удивленно спросить: может быть вы, товарищи из редакции, боролись с генералом Смутсом и епископом Барнсом, но забыли направить ваше оружие против более прикрытых приверженцев поповщины — физиков Гайзенберга, Эйнштейна, Мизеса или против их приверженцев в среде советских естествоиспытателей? Но и тут мы должны разочаровать заинтригованного статьей т. Тимирязева читателя. И об этих физиках редакция писала и притом гораздо подробнее и основательнее, чем это сделал с таким опозданием т. Тимирязев.

Отсылая читателя, желающего подробнее разобраться в этом деле, к соответствующим статьям, приведем здесь лишь краткие справки. Так, о Гайзенберге, физике, которому т. Тимирязев посвящает особенное внимание и в боязни критики которого обвиняет редколлегию журнала «П. З. М.», неоднократно писали в своих статьях т. Кольман и т. Максимов. Так, в статье т. Максимова «Об отражении классовой борьбы в современном естествознании» в № 5—6 за 1932 г. мы находим: «Наиболее принципиальным в своих махистских воззрениях и поэтому наиболее видным представителем махистствующих физиков является Гайзенберг, основатель другого течения в новейшей квантовой механике. Ему принадлежит попытка наиболее последовательно провести махизм в физическом исследовании. Для этого он использовал не только свой «принцип неопределенности», но и развернул определенную философскую аргументацию». Далее, приведя соответствующие цитаты, характеризующие идеалистическую позицию Гайзенберга, т. Максимов пишет: «Итак, из приведенной цитаты ясно, что решение трудностей квантовой механики Гайзенберг видит в ограничении реальности атомов и электронов, т. е. в отказе от материализма в пользу идеализма. При этом Гайзенберг не скупится на изображение в самых черных красках наших обычных пространственно-временных представлений, утверждая, что эти представления исключительно связаны с понятием непрерывности и т. п., что совершенно неверно». «На примере Гайзенберга можно наглядно убедиться, как приходят современные физики в идеалистическое болото, если они в вопросах теории познания становятся на позиции махизма»¹⁾.

Не только позиция Гайзенберга, но буквально позиции всех тех авторов, о которых пишет т. Тимирязев (а кроме того еще и ряда других, оставшихся вне его орбиты внимания), были разоблачены как идеалистические, были показаны классовые корни этих позиций и т. д.

Совершенно голословным и клеветническим является обвинение т. Тимирязева и в отношении того, что редакция не боролась с идеалистами из среды советских ученых. Так, т. Тимирязев как о самоновейшей новости говорит об идеализме академика Вернадского. И здесь т. Тимирязев действует в избранном им стиле — замолчать о том, что действительно было сделано по борьбе с идеализмом Вернадского. Если отвлечься от отдельных критических замечаний, посвященных Вернадскому в различных статьях, то нужно сказать, что этому идеалисту была посвящена особая статья т. Новогрудского (№ 7—8 за 1931 г.) «Геохимия и витализм», где не в порядке отдельного наскока (прием т. Тимирязева), а подробно и систематически были рассмотрены взгляды академика Вернадского, показана связь современных его взглядов с его дореволюционными позициями и т. д.

Редакция также неоднократно подвергала критике идеалистические позиции советских физиков Френкеля, Тамма и некоторых других (о том, что т. Тимирязев в своем ослеплении к идеалистам относит и материалистов, речь будет ниже). Наконец об уклонах от марксизма-ленинизма по вопросам физики также писалось немало. Так, т. Тимирязев до сих пор не жаловался, что мы забыли механистов. Но он зато мечет гром и молнии по отношению к меньшевистствующим идеалистам и особенное внимание уделяет т. Гессену. Но и т. Гессен не был как меньшевистствующий идеалист забыт редколлекцией журнала «П. З. М.». Как раз по тем самым проблемам, в идеалистической трактовке которых обвиняет т. Гессена т. Тимирязев, писалось в опубликованной в № 10—12 за 1930 г. резолюции бюро ячейки ИКП философии и естествознания следующее: «Идеалистическое извращение важнейших вопросов философии диалектического материализма... нашло свое выражение в ошибках, связанных с неправильными, впадающими в идеализм опреде-

¹⁾ «П.З.М.» № 5—6, стр. 31—32, 1932 г.

ниями материи, например: ...совершенно идеалистическое понимание материи как синтеза пространства и времени (Гессен), махистское положение о том, что «живую реальность, действительность объект получает только в процессе взаимодействия с суб'ектом» (Гессен)¹).

В том же номере журнала в резолюции президиума Комкадемии о положении на фронте естествознания писалось: «... т. Гессен некритически утверждает в своей брошюре о теории относительности, что «в области физики взгляды теории относительности на пространство и время в основном совпадают с воззрением диалектического материализма на соотношение пространства, времени и материи»²).

Таким образом мы видим, что у т. Тимирязева нет ни малейшего основания обвинять редколлегия журнала «П. З. М.» в нежелании критиковать модных и новейших теоретиков физиков-идеалистов.

В противоположность т. Тимирязеву, который лишь теперь раскачался, чтобы выступить против генерала Смутса, епископа Барнса и К°, редколлегия журнала «П. З. М.» проводила систематическую борьбу против идеализма в физике. Но редколлегия «П. З. М.» не отрицает, что в ее работе по вопросам естествознания имеется ряд недочетов. Можно и нужно было например еще более развернуто провести борьбу против уклонов от теории марксизма-ленинизма, в том числе и в первую очередь против механицизма, возглавляемого самим т. Тимирязевым, а также и меньшевистствующего идеализма; можно и нужно было больше сделать по разработке материалистической диалектики в применении к вопросам естествознания; можно и нужно было больше работ посвятить ленинскому этапу в развитии диалектического материализма и особенно этапу, связанному с деятельностью т. Сталина; можно и нужно было больше и более планомерно освещать и разрабатывать проблемы социалистического строительства и конкретного естествознания; еще более разносторонне вести борьбу с идеализмом, социал-фашизмом и фашизмом и т. д. Но нельзя отрицать и того, что редакция проделала значительную работу по всем этим направлениям. Имеются достижения по разработке ленинского этапа в развитии материалистической диалектики; сделаны первые шаги по углубленному рассмотрению основных проблем современного естествознания и т. д. Если бы т. Тимирязев хоть в малейшей степени помог вскрыть недочеты в работе редакции и исправить их, то было бы очень хорошо. Но в том-то и дело, что т. Тимирязев решительно никакого участия в редакционной работе не принимал.

Итак, обвинение т. Тимирязевым редколлегии журнала «П. З. М.» в том, что она не боролась с идеализмом в естествознании, ни на чем абсолютно не основано. В чем же дело?—может спросить читатель. Разве т. Тимирязев, член редколлегии журнала «П. З. М.», не читает статей этого журнала или он забывал эти статьи? Но из собственной статьи т. Тимирязева видно, что у него память хорошая и что он статьи читает, хотя и весьма своеобразным способом. Когда ему нужна соответствующая цитата, то он разыскивает ее в статьях, опубликованных 5 и 10 лет тому назад. Дело, значит, не в этом.

Но может быть дело в том, что т. Тимирязев за все годы, истекшие с опубликования постановления ЦК ВКП(б) о журнале «П. З. М.», давал свои конкретные указания, как бороться с идеализмом лучше, чем это делала редколлегия «П. З. М.», а его указания не были приняты во внимание, и теперь т. Тимирязев хочет обратиться к нашей общественности и доказать, что он был прав? Но и этого в действительности не было. Тов. Тимирязев ничем, абсолютно ничем не помог редколлегии журнала «П. З. М.»! Он не дал ни

¹) «П. З. М.» № 10—12, стр. 20—21, 1930 г.

²) Там же, № 5—6, стр. 253, 1930 г.

одной собственной статьи и не привлек ни одного автора. Два года редакция посылала т. Тимирязеву целый ворох материалов, и материалы эти не получали никакого отклика. Какую же цену после всего этого имеет заявление т. Тимирязева о том, что он один раз за два года не получил случайно гранок одной из статей, с которой он теперь оказывается несогласным?

Тов. Тимирязев не сделал ни одного шага, ни одного движения, чтобы посодействовать редакции выполнить ту работу, которую она выполняла. А теперь т. Тимирязев приходит в роли критика со стороны и начинает критиковать редколлегия как учреждение, за работу которого т. Тимирязев не хочет нести ответственности, так как он сознательно игнорировал свои обязанности члена редколлегии, возложенные на него ЦК ВКП(б). Итак, и здесь у т. Тимирязева нет оснований нападать на редколлегию журнала «П. З. М.».

Так в чем же в конце концов дело?—спросит нетерпеливый читатель. В ответ на это мы должны раскрыть секрет статьи т. Тимирязева. Все дело в том, что т. Тимирязев не согласен с линией редколлегии журнала «П. З. М.» и не согласен с этой линией с самого формирования нового состава редакции. Этим и объясняется его неучастие в работе редколлегии. В то же время т. Тимирязеву долгие отсиживания и отмалчиваться стало невозможно. Отход от группы механистов тт. Рубановского, Перельман, Сарабянова и некоторых других, выступления тт. Перельман и Сарабянова с разоблачениями фракционной работы т. Тимирязева, публикация соответствующих материалов в журнале «П. З. М.», наконец неоднократные предложения редколлегии «П. З. М.», чтобы т. Тимирязев принял участие в работе и руководстве журналом, указание на недопустимость и антипартийность его поведения—все это сделало невозможным дальнейшее отсиживание и отмалчивание т. Тимирязева. И он решил после долгого молчания заговорить.

Для т. Тимирязева было два способа прервать свое молчание. Первый, партийный,—понять и признать свои ошибки, включиться в общую работу и не за страх, а за совесть приняться за борьбу с идеализмом и за дальнейшее развитие науки на основе марксистско-ленинской теории. Второй путь, который и избрал т. Тимирязев,—это далее защищать свои неправильные позиции, причем, защищая их, попытаться перейти в наступление. Но беспомощный привести сколько-нибудь серьезные аргументы, т. Тимирязев пошел по старому, испытанному, но далеко-таки непартийному пути—возвести на своих противников побольше клеветнических обвинений в надежде, что если не поверят всем его утверждениям, то поверят хоть чему-нибудь и тогда останется впечатление, что т. Тимирязев все же боролся за что-то реальное. Мы уже показали, сколь обоснованы общие обвинения т. Тимирязева, что редколлегия «П. З. М.» не вела, более того, боялась борьбы с идеализмом в современной физике.

Посмотрим же, насколько обоснованы нападки т. Тимирязева на редколлегию журнала «П. З. М.» по тем конкретным проблемам, которые он избрал темой своей статьи.

* * *

Попытку насаждать идеализм в физике через журнал «П. З. М.» т. Тимирязев видит прежде всего в отношении проблемы причинности. Этой проблемы касается опубликованная в «П. З. М.» статья Гальперина и Маркова, и в опубликовании этой статьи он видит распространение редколлгией журнала «П. З. М.» «волны идеализма у нас».

Как же обстоит дело в действительности? Обоснованы ли и в этом случае обвинения т. Тимирязева и являются ли они действительной борьбой за чистоту партийной линии в вопросах философии?

За последние годы мы имеем в СССР значительный рост партийных и молодых беспартийных кадров не только в области технических дисциплин,

но и в такой сложной теоретической области, как современная теоретическая физика. Эти кадры вплотную подошли к овладению самыми трудными и острыми проблемами современной науки, тесно связанными с философией.

Спрашивается, нужно ли подвергать общественному обсуждению те попытки конкретного решения проблем современной науки, которые делаются этими молодыми научными работниками, те пути, какими они идут к овладению наукой, и если они делают ошибки, то, вскрывая эти ошибки, направить работу соответствующих исследовательских учреждений по более правильному пути?

Статья Гальперина и Маркова вышла из стен одного из институтов — именно Института физики МГУ — и отражает тот путь и то состояние теоретической работы по проблемам современной физики, которые характерны для этого института. Редколлегия журнала «П. З. М.» решила поставить на общественный просмотр работу, вышедшую из стен Института физики МГУ, и поместила статью Гальперина и Маркова в порядке обсуждения.

Другим мотивом помещения статьи тт. Гальперина и Маркова, затем статей т. Егоршина и наконец т. Кедрова было то, что редколлегия журнала «П. З. М.» считала необходимым обсуждение конкретных проблем, не ограничиваясь лишь разбором общеполитических установок того или другого физика или естествоиспытателя.

Опыт работы журнала «П. З. М.» показал, что самая решительная общая критика идеалистических позиций того или иного физика еще мало дает для конкретного решения той или иной физической проблемы, в связи с которой или на основе которой возникли те или иные идеалистические взгляды. Общая критика идеализма всегда бывает недостаточна, ибо оставляет незатронутым самое существо физических проблем, вокруг которых идет борьба, и не дает конкретных указаний, как разобраться в той или иной трактовке физической проблемы. В результате этого идеалисты-физики получают возможность, иногда маскируясь марксистской фразеологией, продолжать свое дело как физики, не отказываясь от своих позиций.

Переходя к обсуждению не только общих проблем философской борьбы, но и тех корней, из которых растет современный физический идеализм, редакция лишь выполняет те указания, которые были в свое время даны В. И. Лениным. Ведь не кто иной, как Ленин, критиковал Фейербаха, Плеханова за то, что они ограничивались в своей борьбе с идеализмом лишь областью общих вопросов философии, не давая боя идеализму по существу тех проблем, которые идеалисты делали своей монополией.

В своих конспектах по Гегелю Ленин писал: «Плеханов критикует кантианство (и агностицизм вообще) более с вульгарно-материалистической, чем с диалектически-материалистической точки зрения, поскольку он лишь а limine отвергает их рассуждения, а не исправляет (как Гегель исправлял Канта) эти рассуждения, углубляя, обобщая, расширяя их, показывая связь и переходы всех и всяких понятий». «Марксисты критиковали (в начале XX в.) кантианцев и юмистов более по-фейербаховски (и по-бюхнеровски), чем по-гегелевски»¹⁾.

Ленин не ограничивался лишь этим указанием на недостаточность критики Плехановым идеализма. Он дал указания и относительно критики идеализма в естествознании. И в этом отношении Ленин вскрыл основной порок позиции Плеханова. Этот порок заключался в том, что Плеханов игнорировал связь махизма с определенной школой в новой физике. Ленин писал в «Материализме и эмпириокритицизме»: «Разбирать махизм, игнорируя эту связь, как это делает Плеханов, — значит издеваться над духом диалек-

¹⁾ Лен. сб. IX, стр. 197—199.

тического материализма, т. е. жертвовать методом Энгельса ради той или иной буквы у Энгельса»¹⁾.

В XII ленинском сборнике Ленин еще более конкретизирует это свое положение по поводу статьи т. Деборина «Диалектический материализм», где т. Деборин не сумел конкретно рассмотреть «сущности нового течения в области естествознания». Ленин по этому поводу сделал в своих записках заметку: «А га! Плеханов молчит об этом «новом течении», не знает его. Деборин не ясно его представляет»²⁾.

Редколлегия журнала «П. З. М.», стремясь выполнить указания Ленина, решила сделать конкретные шаги по действительному разбору философских проблем современного естествознания и борьбы вокруг них. И первые шаги, которые сделаны в этом отношении, уже показали правильность избранного пути. Интерес к журналу «П. З. М.» среди специалистов естествоиспытателей возрос. Опубликованные статьи Гальперина и Маркова, Егоршина и Тамма нашли живейший отклик (уже получен ряд письменных отзывов), что и дает возможность редколлегии «П. З. М.» организовать действительно глубокое дальнейшее обсуждение соответствующих проблем.

Спрашивается теперь, правильно ли поступила редколлегия журнала «П. З. М.», поместив в порядке обсуждения статью тт. Гальперина и Маркова и в таком же порядке статью т. Кедрова?

Мы считаем, что редколлегия поступила правильно. Иного мнения однако т. Тимирязев. Он полагает, что помещение статьи проф. Тамма с ответом т. Егоршина³⁾ и редакционным примечанием к ним, дающим оценку позиции Тамма, и помещение статьи тт. Гальперина и Маркова в порядке обсуждения является «распространением волны идеализма у нас».

Посмотрим, что же дает сам т. Тимирязев по существу проблем, рассматриваемых в упомянутых статьях?

Начнем со статьи тт. Гальперина и Маркова. Вся аргументация т. Тимирязева, если это можно считать за аргументацию, сводится к следующему. Во-первых, так как Гальперин и Марков считают неприменимым к движению электрона понятие «скорость в точке», то, по Тимирязеву, «материя... лишается своих существеннейших атрибутов, существеннейших и коренных форм своего бытия—пространства и времени». На основе этого аргумента т. Тимирязев отбрасывает соотношение неточностей Гайзенберга как выдумку идеалиста. Во-вторых, по мнению т. Тимирязева, правы не Гальперин и Марков, а прав Эйнштейн, согласно которому ни геометрические, ни физические представления в отдельности не соответствуют действительности. А посему попытка Гальперина и Маркова сказать, чему соответствует в действительности соотношение неточностей Гайзенберга, неправильна.

Посмотрим же, насколько обоснованы эти аргументы т. Тимирязева.

Начнем с его первого аргумента. Тов. Тимирязев отрицает какое-либо физическое значение соотношения неточностей Гайзенберга, считая его идеалистической выдумкой. Товарищи Гальперин и Марков, наоборот, считают, и в этом основное содержание их статьи, что утверждения идеалистов-физиков Гайзенберга, Бора и др., опирающиеся на соотношение неточностей, о недействительности принципа причинности являются неправильными и не только философски, но и физически, что соотношение неточностей имеет рациональное физическое содержание. В связи с этим общим положением статьи Гальперина и Маркова и стоит их рассуждение о «скорости в точке» и проч.

¹⁾ Ленин, Собр. соч., изд. 2-е, т. XIII, стр. 206.

²⁾ Лен. сб. XII, стр. 357.

³⁾ Тов. Тимирязев в письме-отзыве на статью проф. И. Е. Тамма и т. Егоршина, присланном в редколлегию, заявляет, что полемика между ними есть полемика внутри лагеря деборинцев.

В чем суть соотношения неточностей? Является ли оно необходимым результатом развития теории квант? Или оно вредный продукт выдумки агентов генерала Смутса?

В математическом выражении соотношения неточностей «неточность» определения импульса и координаты электрона определяется величиной «планковской постоянной», «квантом действия» h . Имеется ли в этом утверждении какой-либо смысл? Начнем прежде всего с ответа на вопрос, что такое представляет из себя планковский квант действия.

Квант действия был введен в физические вычисления Планком в 1900 г. (см. его работу «К теории закона распределения энергии в нормальном спектре»¹). Введение этой величины было вызвано безуспешными попытками разрешить проблему распределения энергии в спектре, исходя из представления о непрерывности распределения этой энергии по резонаторам. Планк, опираясь на тот опыт, который уже накопила физика на основе кинетической теории материи и теплоты, и применяя уже разработанный этой теорией математический метод, предположил, что распределение энергии происходит не непрерывно, но порциями. Эти порции (кванты) энергии определяются некоторой постоянной величиной, «планковской постоянной», «квантом действия» — h , умноженным на частоту волны излучения. Это применение к учению о распределении энергии излучения принципа прерывности или атомизма привело к решению ранее оказывавшейся неразрешимой проблемы.

Здесь мы имеем пример того, как к области явлений, ранее трактовавшихся исключительно с точки зрения метафизической непрерывности, было применено учение о прерывности. Причем это учение не вытеснило учения о непрерывности, а продолжало существовать с ним. Вместе с тем переход к конечным порциям энергии вместо прежнего представления об абстрактно-непрерывном ее распределении был большим шагом вперед. Едва ли сейчас возможно найти физика, за исключением может быть т. Тимирязева, который бы этот переход от воззрений непрерывности в учении о распределении энергии в спектре считал выдумкой идеализма и вообще шагом назад. В действительности это было в области физики колоссальным шагом вперед, а в отношении философии доказывало лишь правильность ленинского утверждения, что физика рождает диалектический материализм²).

Дальнейшим шагом была работа Эйнштейна (1905 г.), где он прерывность в учении об излучении распространил не только на распределение энергии по резонаторам, но и на процесс распространения этой энергии в пространстве³). Опять-таки и здесь неудачные попытки объяснить выбрасыва-

¹) M. Planck. Die Ableitung der Strahlungsgeetze, Ostwalds Klassiker, № 206, S. 56.

²) Ленин, Собр. соч., изд. 2-е, т. XIII, стр. 256.

Отметим здесь, что т. Тимирязев не умеет отличить объективного развития физики от субъективных воззрений физиков. Поэтому т. Тимирязев не понимает существенного различия между моим утверждением, что «через Лоренца в лице Эйнштейна физика наконец пришла к идеям, приближающимся к усвоению на пространстве и время точки зрения диалектического материализма», и утверждением т. Гессена, который взгляды самого Эйнштейна выдал «за конкретизацию диалектического материализма» и сделал при этом ряд идеалистических ошибок.

Нельзя не отметить здесь и метода цитирования, применяемого т. Тимирязевым. Он, приводя цитату из моей статьи, обрывает ее как раз на том месте, где говорится о взглядах самого Эйнштейна. Действительно, в цитируемой статье после приведенного т. Тимирязевым места читаем: «Однако Эйнштейн дал свои мысли, как и Гегель, в идеалистической формулировке». Плохо обстоит дело с аргументами у т. Тимирязева, если ему приходится искажать цитаты.

³) Einstein, Annalen des Physik (4) 17, 133, 1905. См. также Хвольсон, Курс физики, дополнительный том, часть 1-я, стр. 41.

ние электронов под действием лучей при фотоэффекте, исходя из представления о непрерывности, сменились победой, как только к объяснению явления было применено представление о прерывном распространении энергии в пространстве.

Дальнейшим существенным шагом вперед, основанным на применении планковского кванта, была теория Бора о строении атома (1913 г.)¹⁾. И здесь введение в учение о строении атома представления о том, что орбиты вращения электронов отличаются между собой на кратные планковскому кванту величины энергии, привело к решению проблемы строения спектров, а вместе с тем и самого атома вещества.

Однако революционная роль планковского кванта не окончилась на этом ряде открытий, перестроивших всю современную физику. Дальнейшее развитие физики потребовало того, чтобы была внесена хотя какая-нибудь ясность в то, чем является этот самый квант действия. Формальное введение в указанную выше теорию, применение его по определенным математическим «рецептам» не проливало ясности не только на суть «квантования», выполняющегося физиками при математической трактовке явлений, но в дальнейшем развитии физики на основе теории Бора привело снова к неразрешимым проблемам.

Новым и решающим шагом вперед было создание волновой теории материи (1924 г.), которая, опираясь на квантовые представления, впервые дала возможность подхода к решению проблемы: в чем же суть «квантования». Вместе с тем волновая теория материи перевернула всю постановку проблем, которая до тех пор имела место. Если ранее для объяснения явлений излучения потребовался переход от волновых представлений к корпускулярным, то теперь волновая теория материи сделала революционный шаг, применив к учению об обычном весовом веществе, трактовавшемся ранее исключительно с точки зрения прерывности²⁾, представление о волновой структуре. И снова, как уже не один раз ранее, переход к одной из двух возможных диалектических противоположностей (волна—корпускула) не только привел к разрешению имевшихся затруднений и двинул физику вперед, но привел к одному из самых замечательнейших открытий физики, к открытию дифракции электрона³⁾.

В самое последнее время развитие физики привело еще к ряду новых открытий, именно — к открытию нейтронов и позитронов, т. е. частиц, равных по массе ядру атома водорода (протона), но нейтральных (нейтроны) или равных по массе электронам и положительно заряженных (позитроны).

Все эти успехи современной физики были бы немыслимы без квантовой теории и понятия о кванте действия и определяемого при посредстве его кванта энергии. Одним из принципиальных следствий такого развития физики, важных в философском отношении, является изменение старых представлений о границах применения определенных методов измерения и о движении материальных тел.

В чем суть изменения представлений об измерении?

Измерение тех или иных величин лежит в основе всего экспериментального развития физики. При посредстве измерения величин физика получает данные, на основе которых строятся те или иные теории.

¹⁾ Бор, Три статьи о спектрах и строении атомов, Гиз, 1923 г.

²⁾ Прерывность в период классической физики понималась иначе, чем она понимается теперь. Тогда полагали, что прерывность можно «свести» к непрерывности, разложив тело на абстрактно-математические точки.

³⁾ См. «Успехи физических наук», вып. 4-й и 5-й, т. VIII, 1928 г., статьи К. Дэвисона и Дж. Дж. Томсона.

В период классической физики считалось, что взаимодействие между прибором для измерения и применяемым в измерении процессом, например освещением, когда мы сравниваем масштаб метра с измеряемым телом, скажем столом, не играет никакой роли и не влияет на результат измерения. Действительно, в приведенном примере с измерением стола при посредстве метра никому не придет в голову думать о том, что делается со столом под воздействием падающих на него лучей. Но и в тех случаях, когда еще до открытия квантовой механики имело место влияние измерительного процесса на результат измерения, например при прогибе коромысла весов под влиянием грузов, положенных на чашки весов, считалось, что это влияние процесса измерения на результат измерения¹⁾ может быть исключено с желаемой для нас точностью.

В этом последнем утверждении крылось два предположения: одно — общего, принципиального, философского значения и другое технического (с точки зрения техники измерения) значения. Первое, принципиальное предположение заключалось в том, что мы независимо от данного метода измерения вообще сможем перешагнуть границу, которую ставит нам взаимодействие измеряемого объекта с измерительным прибором, и достичь неограниченного познания исследуемого явления. Таким образом в этом утверждении крылось ни больше, ни меньше, как диалектико-материалистическое положение о возможности познания объективной истины, т. е. отрицание какой бы то ни было принципиальной грани для нашего познания. Вместе с тем допускалась возможность перешагнуть через ту обусловленную историческими рамками границу, которую нам ставит имеющееся налицо взаимодействие прибора измерения и измеряемого объекта, т. е. возможность перехода от относительной истины к абсолютной.

Второе предположение касалось методики или техники измерения. Предполагалось, что при данном состоянии физики практически всегда найдется такой метод измерения, который даст возможность осуществить первое принципиальное допущение.

Нужно подчеркнуть, что физики и механики старого времени не делали различия между этими двумя положениями: одним — общепринципиальным, философским, основывающемся на всем опыте человеческого познания и дальнейших перспективах его развития, и другим — физическим, зависящим от данного состояния науки, данного состояния нашего знания. Мы сейчас увидим, что это смешение общеприродного положения с физическим (как показал в свое время Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме») было чревато возможностью весьма неправильных выводов.

Действительно, возьмем наш пример со столом и метром. Стол, как и метр, состоит из молекул, атомов, электронов. Очевидно, что как бы точно мы ни изготовляли метр, мы не можем его сделать точнее, чем на один слой атомов или молекул (в действительности практически существующий эталон метра изготовлен при всей его «точности» гораздо грубее). Поэтому пределом измерения стола при посредстве метра является толщина слоя атомов или молекул вещества, из которого сделан метр. Следовательно утверждение, что при данном способе мы можем достичь каких угодно пределов измерения, было бы просто физически неправильным. Однако в старое время на это не обращали внимания, так как точность измерения была по сравнению с возможной и достигнутой в настоящее время настоль-

¹⁾ Ясно, что весы с изогнутым немного коромыслом покажут несколько иначе, чем с коромыслом неизогнутым. Вообще же говоря, невозможно построить такие весы, у которых коромысло не претерпевало бы изгиба под влиянием положенных на чашки весов грузов.

ко грубой, что этот вопрос вообще не ставился, и можно было говорить о все дальнейшем продвижении в точности измерения при посредстве метра на основе совершенствования существующих методов измерения.

Но трудность измерения стола метром заключается не только в том, что метр состоит из дискретных частиц (атомов) и не может быть сделан из долей этих частиц. Эта трудность заключается также и в том, что свет, необходимый нам для отсчета совпадения метки на месте с краем стола, воздействует, вообще говоря, и на стол и на метр. Действительно, свет, поглощаясь телами, нагревает их, заставляет атомы стола и метра двигаться быстрее и тем самым кладет предел точности данного метода измерения. Более того, свет, как показали позднейшие исследования, взаимодействует с различными веществами так, что вырывает из них электроны (так называемый фотоэффект) и разрушает вещество. При грубых измерениях этот процесс столь ничтожен, что мы с ним можем не считаться или пользоваться лучами с большой длиной волны, не производящими этого разрушающего влияния. Правда, при этом мы понижаем точность измерения, ограничивая ее определенной величиной.

Таким образом мы видим, что у данного метода измерения есть свои границы. Но в этом нет ничего удивительного и печального. Наоборот, найдя границы применимости данного метода измерения, мы, как показало все развитие науки до сих пор, если будем хорошо искать, найдем новый метод, который перешагнет через те границы, которых достигла наука при старом методе. Действительно, мы можем сравнивать длину стола не с метром в виде линейки из того или иного вещества, а с длиной волны самого света. И действительно, физики давно уже убедились, что обычный метр, слишком грубый для точных физических измерений, может быть заменен более точной мерой длины длиной волны света.

Отсюда мы видим, что ограниченность данного метода измерения ни в коем случае не означает ограниченности нашего познания вообще.

Новейшее развитие физики на основе квантовой теории как раз и характеризуется тем, что физика ушла далеко вперед в своих возможностях измерения по сравнению с тем, что было доступно каких-нибудь 30 — 50 лет тому назад. Вместе с тем эти успехи физики в применении к изучению процессов, происходящих в ядре, поставили на передний план вопрос о границах приложения того метода измерения, который применяется в квантовой механике. А этот метод, пока единственный, заключается в воздействии на атом луча света (видимого или невидимого). Мы выше уже сказали, что свет, как оказалось, сам дискретен, и эта дискретность определяется величиной, пропорциональной «планковской постоянной» h — «кванту действия». Нет ничего удивительного, что в конце концов было найдено и физическое выражение для определения точности физических измерений в атоме при посредстве лучей света. Это-то физическое выражение и есть знаменитый «принцип неопределенности» или «соотношение неточностей» Гейзенберга ¹⁾.

Этот принцип говорит о том, что измерение величин, характеризующих состояние атома (скорость и положение электрона и т. д.), не может при данном методе измерения превзойти величины «планковской

¹⁾ По-немецки соотношение неточностей называется *Ungenauigkeits* или *Unbestimmtheitsrelation*. Тимирязев переводит этот термин словом принцип индетерминированности. Он в отличие от гг. Гальперина и Маркова, термином «соотношение неточностей» подчеркнувших отличие физического содержания этого принципа от его философской трактовки, своим переводом этого термина старается вложить в гейзенберговский принцип исключительно идеалистическое содержание, отрицая в нем всякое рациональное физическое содержание.

постоянной» «h». Как видим, в принципе Гайзенберга имеется вполне рациональное содержание, и этот принцип в известном смысле в применении к проблеме измерения выражает основные положения квантовой теории. Спрашивается, есть ли основание делать отсюда вывод, что мы дошли до непреодолимых границ нашего познания? Нет, никаких оснований для этого не имеется. Более того, познание границ того или иного метода измерения уже тем самым ставит вопрос о преодолении этих границ. В свое время еще идеалист Гегель понимал, что познание границ знания уже есть выход за эти границы. Одним словом, соотношение неточностей Гайзенберга — естественный результат теории квант в применении к проблеме измерения явлений в атоме — требует лишь дальнейшей упорной работы по расширению нашего познания природы и нахождению методов, при посредстве которых мы могли бы двигаться и далее вперед. Но это продвижение вперед есть не простое механическое накопление знаний на основе старых физических представлений. Наоборот, это продвижение вперед приводит к пересмотру старых представлений и замене их более глубокими, более конкретными, как мы это уже кратко показали в отношении к проблеме измерений. То же самое относится и к основным физическим понятиям.

Действительно, как мы видели выше, успехи квантовой теории толкают физику к перестройке представлений о строении материи, заставляя синтезировать учение о непрерывности с учением о прерывности (проблема волны—корпускулы). То же самое относится и к проблеме движения и основных физических категорий. Коренная перестройка современной физики не могла не оказать влияния на старые физические представления — прежде всего о движении, пространстве и времени.

Как раньше представляли себе движение физики? Ранее движение представлялось как движение абстрактной математической точки. С этой точкой связывалось представление об определенной массе. Поэтому движение в пространстве представляли себе как движение такой математической точки, наделенной массой. Вместе с тем считалось, что положение такой точки может быть определено в «момент» времени, т. е. моментально, без какой-либо длительности. Нетрудно убедиться, что это представление было органически связано с учением о непрерывности, господствовавшим в старой, механистической физике. Лишь представляя материю, состоящую из таких абстрактно-математических точек, наделенных массой, можно было считать все процессы за непрерывные и всякую дискретность, прерывность сводить к непрерывности.

Другим следствием этих метафизических представлений было то, что при определении положения такой точки вообще отрицалось взаимодействие определяемой точки с тем процессом, при посредстве которого это определение происходит. Считалось, что это взаимодействие моментально, «вне-временно» в самом прямом метафизическом смысле этого слова. В действительности же всякое реальное взаимодействие происходит в течение реального промежутка времени и между процессами или телами, занимающими некоторые реальные объемы пространства (в отличие от математической точки, не занимающей пространства). В этом суть изменения принципиальных взглядов современной физики на материю, движение, пространство и время, изменения, вызванного возникновением и применением квантовых представлений¹⁾. Но на основе этих старых метафизических пред-

¹⁾ Тов. Тимирязев и его союзники, защищающие представления механистической физики, не видят того, что эти представления ведут к противоречиям и к антиматериалистическим выводам. Допускал возможность определения положения тела в «момент» времени, не имеющий реальной длительности, они становятся на точку зрения действия на расстоянии или мгновенного действия. Это же мгновенное действие, вообще говоря, отрицает необходимость непрерывной среды.

ставлений сложились понятия: «скорость», «количество движения» и другие понятия классической механики.

Поэтому удивительно ли, что современная физика поставила вопрос о том, насколько правильно сохранение таких понятий, как скорость в точке, и не нужно ли критически пересмотреть старые понятия под углом зрения учения о дискретности энергии. Здесь необходимо отметить, что у творцов современных физических теорий нет еще ясности в подходе к этому и аналогичным вопросам. У них, как и у Эйнштейна в теории относительности, старое переплетается с новым. Все развитие современной буржуазной физики идет стихийно, толчками, в условиях ожесточеннейшей борьбы, и поэтому мы напрасно стали бы у них искать готового ответа на поставленные вопросы. Если мы хотим получить ясный и правильный ответ, мы должны его дать сами.

Но для этого мы должны решительно отмести и разоблачить те идеалистические извращения, которые так обычны у современных физиков. Развал капиталистического общества, разложение буржуазной идеологии, разгул реакции — все это создало благоприятную почву для того, чтобы из каждого нового открытия физики-идеалисты пытались сделать идеалистические выводы.

И действительно, открытие границ определенных методов измерения пытаются объявить вообще границей нашего познания и возможности достигнуть объективной истины. В этом отношении печальная известность принадлежит как раз Гайзенбергу, творцу соотношений неточностей, давшему идеалистическую трактовку своего собственного открытия и тем самым извратившему его. Необходимость пересмотреть старые представления о материи, пространстве и времени являются поводом к тому, чтобы выступать вообще против объективности материи, пространства и времени, против объективности причинности и т. д. Все эти идеалистические извращения в современной физике подхватываются поповщиной и делаются оружием для борьбы с революционным движением вообще. Так, современные физики оказываются на службе у реакции, на службе у классов, враждебных пролетариату, а современные физические теории на службе у поповщины.

Но спрашивается, должны ли мы вместе с идеалистическими выводами из современной физики отбросить и те новейшие открытия, из которых делаются эти идеалистические выводы? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, достаточно привести цитаты из работы одного из видных «викторианцев», творца теории квант Макса Планка. Вот что говорил Планк в своем докладе «Возникновение и развитие теории квант», сделанном им 2 июля 1920 г. в связи с присуждением ему Нобелевской премии.

«Теоретику классической школы должно показаться чудовищным и совершенно неприемлемым требование для способности воображения, что четко определенная частота испускаемого светового кванта должна быть иной, чем частота излучающего электрона. Но цифры решили это дело иначе, и вследствие этого теперь роли изменились по сравнению с прошлым. Вначале дело шло о том, каким образом новый чуждый элемент с большими или меньшими усилиями втиснуть в рамки общепризнанных теорий, теперь, завоевав верное место, он со своей стороны перешел в нападение, и сейчас уже ясно, что эти старые рамки будут сломаны им каким-нибудь образом»¹⁾.

А вот как тот же Планк и в той же лекции говорил о перестройке понятия причинности. «Крушение всех попыток перебросить мост через возникшую пропасть вскоре не оставляло никакого сомнения: или квант

¹⁾ Планк, Возникновение и постепенное развитие теории квант, «Под знаменем марксизма» № 2—3, стр. 132, 1923 г.

действия был фиктивной величиной, и тогда весь вывод закона излучения был принципиально иллюзорным и представлял просто лишенную содержания игру в формулы, или при получении этого закона в основу была положена правильная физическая мысль, тогда квант действия должен был играть в физике фундаментальную роль, тогда появление его возмещало нечто совершенно новое, до того неслыханное, что, казалось, требовало преобразования самых основ нашего физического мышления, покоившегося со времени обоснования анализа бесконечно-малых Ньютоном и Лейбницем на предположении о непрерывности всех причинных связей¹⁾.

Спрашивается, является ли достаточным поводом для нас сомнение в «непрерывности всех причинных связей», как возможный вывод допускавшееся Планком, чтобы отбросить теорию квант? Ясно, что нет.

Но то же самое относится и к соотношению неточностей Гайзенберга. Это соотношение, как мы пытались показать выше, содержит определенный рациональный смысл.

Товарищи Гальперин и Марков в своей статье как раз и поставили своей задачей отделить физическое содержание этого соотношения неточностей от философских выводов, которые делает из него Гайзенберг, и показать рациональное содержание этого соотношения.

Удалось ли им это сделать или нет, этот вопрос был поставлен редколлегией «П. З. М.» на обсуждение.

Что дает т. Тимирязев для решения вопроса о соотношении неточностей Гайзенберга и для оценки пока единственной конкретной статьи об этом соотношении тт. Гальперина и Маркова?

Тов. Тимирязев, чрезвычайно ясно выражающий свое мнение об авторах Гальперине и Маркове и «их консультантах», приложил очевидно немало усилий, чтобы ничего не сказать о соотношении неточностей Гайзенберга. Да и как может т. Тимирязев сказать что-либо ясное по этому вопросу, когда он, ведя уже несколько десятков лет борьбу против новой физики²⁾, в то же время не дал ни одной статьи в научных журналах по вопросам современной теоретической физики, где бы он поведал свою точку зрения по охватываемым им безоговорочно теориям (немногие работы т. Тимирязева по кинетической теории материи продолжают разрабатывать проблемы, которые возникли в науке более полстолетия тому назад). Тов. Тимирязев, как и Дюринг, обладает по всем вопросам современной физики «истиной в конечной инстанции», но в отличие от Дюринга никому еще не поведал своих физических взглядов, и никому неизвестно, как он решает эти вопросы.

Вся аргументация т. Тимирязева по вопросу о соотношении неточностей Гайзенберга, как мы уже сказали выше, сводится к двум положениям: во-первых, утверждение Гальперина и Маркова о том, что понятие «скорость в точке» к электрону неприменимо, есть сплошной идеализм. Поэтому, по Тимирязеву, «материя... лишается своих существеннейших атрибутов, существеннейших и коренных форм своего бытия в пространстве и времени».

В противоположность этому утверждению тт. Гальперин и Марков стараются доказать, что физики-идеалисты, вместо того чтобы постараться вскрыть реальное значение новейших представлений и их отличия от ста-

¹⁾ Планк, Возникновение и постепенное развитие теории квант, «Под знаменем марксизма» № 2—3, стр. 127, 1923 г.

²⁾ Несмотря на то, что теория квант открыта в 1900 г., т. Тимирязев еще в 1916 г. в статье «Старое и новое в физике», опубликованной в журнале «Летопись», выступал против этой теории. Здесь же он выступает против того, чтобы новейшее развитие физики рассматривали как «революцию», так как это взгляд на науку широких масс, чуждый узким кругам ученых.

рых, делают вывод: так как старые представления о движении абстрактно-математической точки в пространстве заменяются новыми, то вообще якобы отпадает понятие о движении в пространстве; так как старое представление о причинности было тесно связано с механистическим представлением о движении, то отпадает якобы вообще учение о причинности как об'ективной закономерности в природе, и т. д. и т. п.

Товарищи Гальперин и Марков показали явную нелепость этих выводов и всю свою аргументацию направили на доказательство того положения, что замена старых представлений о движении новыми не отрицает движения в пространстве, замена старого представления о причинности не отбрасывает этого представления, а, наоборот, подтверждает философское учение диалектического материализма о причинности и движении. Поэтому замена старого представления «скорость в точке» новым совсем не есть отказ от учения о движении в пространстве вообще. Почему, действительно, движение реальных конечных тел, взаимодействующих в конечные промежутки времени, не есть движение в пространстве и во времени?

Можно с этими доводами тт. Гальперина и Маркова не соглашаться, можно считать их разбор физических и философских основ волновой механики недостаточным, но нельзя отрицать того, что они первыми попытались конкретно дать отпор физикам-идеалистам на их собственной почве — на почве физики.

Что же противопоставляет т. Тимирязев доводам статьи тт. Гальперина и Маркова? Вместо разбора вопроса по существу он выхватывает пару цитат, дает им свое толкование и устраивает словесный разгром и статьи тт. Гальперина и Маркова и современной квантовой механики. Но кого самые крепкие ругательства могут убедить в том, что материализм неразрывно связан с механистическим представлением о моментальном действии и о «скорости в точке»? Что движение реальных тел в реальном пространстве и в реальные промежутки времени не есть материализм, а материализм есть движение абстрактных точек в абстрактном пространстве и действующих вне времени? Никого, кроме механистов, тимирязевская трактовка материи, пространства, времени и движения удовлетворить не может, и для современной физики она — простое сотрясение воздуха.

Но так как т. Тимирязев чувствует слабость, вернее полное отсутствие аргументов, то он их пытается заменить большим числом крепких выражений. Гальперин и Марков обвиняются т. Тимирязевым за их трактовку соотношения неточностей ни много ни мало, как в... троцкизме, в выбрасывании лозунга советов без коммунистов и т. п. Слов нет, обвинения, особенно для партийца, тяжелые (один из авторов этой статьи член партии). Но с каких это пор вопросы квантовой механики стали разрешаться путем обвинения в троцкизме из-за утверждения о неприменимости в ней понятия «скорость в точке»? Открытие такого способа решения конкретных вопросов современной физики принадлежит всецело т. Тимирязеву и является его единственным открытием в этой области. Мы полагаем, что это открытие целиком останется в его единоличном обладании!

В последней части нашей статьи мы остановимся несколько подробнее на этом «открытии» т. Тимирязева. А теперь, пожелав т. Тимирязеву успешного решения проблем современной физики на основе его «принципа», посмотрим, столь же ли легковесен и далек от физики его второй аргумент.

Тов. Тимирязев полагает, что защита тт. Гальпериним и Марковым соотношения неточностей от идеалистов Гайзенберга, Бора и др. есть защита с позиций более последовательно идеалистических, чем позиции этих физиков-идеалистов. Он пишет: «Агностицизм по сравнению с вашей теорией, уважаемые товарищи, еще не самое плохое!» Но что т. Тимирязев приводит для доказательства этого своего, рассчитанного на доверчивых

читателей. утверждения? Положительно ничего! Он лишь умалчивает о том, что Гальперин и Марков, рассмотрев проблему о соотношении неточностей, последнюю часть своей работы посвятили критике идеалистических выводов, делаемых из соотношения неточностей Дираком, Бором, Мизессом, Гаа-зом, Иорданом, Шредингером и Гайзенбергом.

Тов. Тимирязев и сам очевидно хорошо понимает, что его доводы пустой звук, голая игра в цитаты, запугивание «волной идеализма» и обвинением в троцкизме. Поэтому он приводит еще следующий аргумент, показывающий лишь с еще большей наглядностью его беспомощность.

На странице 118 своей статьи он пишет: «Когда я пишу эти слова, то так и чувствую (какое предвидение!—А. М.), как весь хор наших поклонников современного физического идеализма закричит во все горло: не теория, а опыт доказывает это (т. е. квантовую механику.—А. М.)! Поймите же наконец, все опыты—за теорию квант, которая конкретизируется в принципе индетерминированности. Винават: соотношении неточностей». Далее т. Тимирязев в доказательство того, что теория квант в целом может не расходиться с опытом (с чем, скрепя сердце, он вынужден согласиться), тогда как соотношение неточностей Гайзенберга неверно, приводит цитату из речи Эйнштейна «Геометрия и опыт», где последний излагает взгляды математика и идеалиста Анри Пуанкаре на современные физические теории. По Пуанкаре, наши физические представления (Ф) и наши геометрические представления (Г) условны и могут по произволу меняться. Для всякого, кто знает основные идеалистические посылки махизма и критику их в «Материализме и эмпириокритицизме» Ленина, должно быть ясно, что мы здесь имеем дело с явно махистской трактовкой физики и геометрии, что Эйнштейн неправ, когда он пытается в духе Пуанкаре трактовать физику и геометрию.

Однако для Тимирязева «закон», т. е. «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина, как и вся философия марксизма-ленинизма, не писан. Он согласен с идеалистической трактовкой физики и геометрии, данной Пуанкаре, и, исходя из нее, пишет: «То, что говорится по отношению к геометрии и физике, приложимо и к сложным построениям физики в отдельности. Если теории построены так, как здесь рассказано, а «новейшие достижения» сплошь и рядом так построены, то можно ли говорить о подтверждении опытами всех и каждого из звеньев всей цепи умозаключений, если только конец этой цепи не расходится с данными опыта? Поэтому бросьте, уважаемые товарищи, говорить о том, что сами опыты навязывают вам индетерминизм!»

Итак, по Тимирязеву, если не говорить о его навязывании индетерминизма товарищам Гальперину и Маркову, отдельные звенья, составляющие теорию, могут быть неверны, а вся теория все же может подтверждаться опытом¹⁾.

Поэтому т. Тимирязев хочет отбросить соотношение неточностей Гайзенберга и сохранить за собой возможность признания на худой конец всей теории квант в целом, если она подтвердится опытом.

Вот и весь второй аргумент т. Тимирязева. Ни слова по существу проблемы и в то же время недопустимая для материалиста аргументация, исходящая из махистских взглядов Пуанкаре — Эйнштейна.

Плохо, значит, обстоит у т. Тимирязева дело с аргументами, если ему за ними приходится обращаться к идеалистам!

¹⁾ Ссылка на академика Миткевича совершенно не к месту, так как Миткевич говорит прямо противоположное тому, что говорит Тимирязев: отдельные формулы могут быть верны, а вся теория все же может оказаться неверной. Вообще попытка т. Тимирязева включить в число противников современных физических теорий академика Миткевича едва ли на чем-нибудь основана. См. письмо акад. Миткевича в «П. З. М.», опубликованное в № 4 журнала за 1933 г.

Пусть же после этого читатель судит сам, чего больше у т. Тимирязева — смелости в бросании бездоказательных обвинений по адресу своих противников или беспомощности, которая заставляет его хвататься за идеализм махистов. Мы полагаем, что и того и другого у т. Тимирязева имеется более чем с избытком; нет лишь в его доводах ни марксизма, ни физики.

С таким же глубокомыслием и с таким же оружием т. Тимирязев ополчается и против других идеалистических выводов из современной физики и космогонии. Несомненно идеалистическим и поповским является утверждение современных буржуазных поклонников теории относительности и космогонии о конечности вселенной. Заслугой т. Тимирязева было бы, если бы он, вскрыв идеализм, показал пути борьбы с ним в физике, показал пути; по которым без поповских выводов может развиваться наука. В свое время в «П. З. М.» немало разоблачались идеалистические взгляды о конечности вселенной и пространства.

Но значит ли, что и сама теория, на основе или в связи с которой делаются идеалистические выводы, неверна? Разве неизвестно, что из второго принципа термодинамики и теории Дарвина также делались антинаучные выводы? Однако это еще ничего не говорит о ненаучности второго принципа термодинамики и учения Дарвина самих по себе.

Как отвечает с физической точки зрения т. Тимирязев на утверждение о конечности вселенной?

Эйнштейн показал, хотя и не без идеалистических вывертов, что пространство как форма материи зависит от распределения в нем весовых масс. Поэтому евклидова геометрия оказывается правильной лишь в первом приближении, будучи пригодной для грубых, по сравнению с достигнутой современной наукой точностью, исчислений. Для более правильного изображения действительных пространственных отношений нужно применять уже не евклидову геометрию. В этом еще нет ничего идеалистического. Наоборот, это большое достижение науки. Но Эйнштейн, как в свое время ряд физиков в отношении второго принципа термодинамики, сделал из своего открытия не вытекающие из него идеалистические выводы о конечности вселенной.

Что же на это возражает т. Тимирязев? Вместо того чтобы понять, что эйнштейнова теория бросает свет на сущность тяготения, до сих пор остававшуюся непонятной, он ополчается и на теорию относительности и на неевклидову геометрию. Он пишет: «Как можно принимать эйнштейнову теорию искривления пространства и не говорить о его конечности, повторяем, довольно трудно».

И не понимая этого (а понимать это могли бы научить т. Тимирязева бесчисленные случаи идеалистических выводов из самых различных научных открытий, самих по себе являющихся величайшим торжеством материализма), он вместо аргументов от науки, вместо разбора проблемы по существу отвергает и неевклидову геометрию и теорию Эйнштейна.

До каких геркулесовых столбов при этом отрицании научного, объективного значения неевклидовых геометрий доходит т. Тимирязев, можно видеть из его рецензии на книгу Эйнштейна «О специальной и всеобщей теории относительности», помещенной в № 1 — 2 журнала «П. З. М.» за 1922 г. В ответ на утверждение, что некоторые из неевклидовых геометрий более правильно отражают действительные пространственные отношения, имеющиеся во вселенной, и включают в себя евклидову геометрию как первое приближение к истине, т. Тимирязев отвечает: «Но этот довод устраняется крайне просто: все воображаемые системы геометрии в отличие от евклидовой возникли после нее, как попытки построить системы, отличные от того, что есть (в действительности. — А. М.): они не могли бы и возникнуть, не будь раньше нам известна геометрия Евклида, которая под-

тверждается буквально на каждом шагу в нашей практической деятельности, подобно тому как всякая фантазия, всякая сказка не могла бы возникнуть, если бы мы не знали той были, той действительности, которой она противопоставляется»¹⁾).

Итак, неевклидовы геометрии — фантазии, сказки! К сожалению, не сказка то, что т. Тимирязев напоминает своим отношением действительно существовавших людей, травивших сто лет тому назад в Казани творца неевклидовой геометрии Лобачевского и также объявлявших геометрию Лобачевского выдумкой, не соответствующей практике.

Спрашивается, кому таким отношением к современным научным открытиям оказывает услугу т. Тимирязев, — идеализму или материализму? Нет сомнения, что, отдавая целиком в руки идеалистов оправдавшие себя рядом величайших открытий теории, он оказывает материализму медвежью услугу. Он отдает таким образом инициативу в продвижении науки вперед идеалистам, а материализм делает простым зрителем со стороны, совершенно беспомощным и безоружным по части действительных аргументов от науки.

Не яркий ли это пример фейербаховско-пехановской критики идеализма, отбрасывание идеализма а limine, без разбора его аргументов по существу?

Иной читатель, знающий, что т. Тимирязев — профессор теоретической физики, может нас спросить: может быть т. Тимирязев в специальных своих трудах по квантовой механике и по теории относительности уже давно доказал гниль этих теорий как физических теорий и развил свои теории и поэтому теперь он ограничивается аргументами, лишь вскользь характеризующими философские воззрения соответствующих физиков? Но в том-то и вся беда для т. Тимирязева, что он, уже более 10 лет самым решительным образом воюя с теорией относительности и вообще новой физикой, не написал ни одной научно-исследовательской работы по этим новейшим отраслям физики.

Напрасно поэтому мы будем спрашивать т. Тимирязева, профессора теоретической физики, о его конкретном ответе по проблемам теории относительности и квантовой механики. Очень определенный и многословный по части оплевывания своих противников, он ничего членораздельного по тем теориям, с которыми он воюет, не сказал и сказать не может. В этом и лежит причина того, что т. Тимирязев никого за собой в области физики не ведет, что он остается одиночкой, а наука за последние 10 — 15 лет со всеми ее открытиями прошла мимо т. Тимирязева.

Разве это не доказательство неправильности позиций т. Тимирязева, разве это не удар по материализму, когда человек, борющийся за материализм, оказывается бессильным не то что возглавить движение в науке (чего мы могли бы требовать от т. Тимирязева как профессора теоретической физики), но даже итти в уровень с ней?

Поэтому курьезными и бахвальскими являются заявления т. Тимирязева в его статье, когда он пишет: «Есть надежда, что когда мы покажем, как электрон движется, то и махисты в конце концов поплетутся хоть в хвосте за материалистами, хотя бы и нехотя, и только формально, и только на словах».

Это «мы покажем», если отвлечься от совершенно недопустимой в устах коммуниста просветительской точки зрения по отношению к махистам, выступающей и в других частях статьи т. Тимирязева, может у людей, знающих его действительную роль в новейшем развитии физики, вызвать лишь улыбку.

¹⁾ «П. З. М.» № 1—2, стр. 72—73, 1922 г.

Если не считаться с этим «мы покажем» и подвести итоги тому, что т. Тимирязев в действительности дал в своей статье для решения проблем современной квантовой механики по сравнению хотя бы со статьей тт. Гальперина и Маркова, то мы неизбежно приходим к выводу: из статьи т. Тимирязева ничему кроме ругательств для решения соответствующих проблем научиться нельзя. Действительно, какой вывод могут сделать студент и научный работник для своей работы из статьи т. Тимирязева: отказаться от изучения современной физики и ждать, когда т. Тимирязев «покажет»? Или взяться своими силами, не дожидаясь т. Тимирязева, за решение этих проблем? Нет никакого сомнения, что редколлегия журнала «П. З. М.» помещением статьи тт. Гальперина и Маркова сделала для решения проблемы соотношения неточностей неизмеримо более, чем могли бы сделать десяток таких статей, как статья т. Тимирязева, в которой ничего кроме ругательств нет.

То же самое мы имеем и в отношении статей профессора И. Е. Тамма и т. Егоршина, а также т. Кедрова, опротестованных т. Тимирязевым в его заявлении в редакцию, в котором он и профессора Тамма, и т. Егоршина, и т. Кедрова причисляет к меньшевистствующим идеалистам.

И здесь т. Тимирязев кроме пересказа отдельных положений, например об эфире, уже развитых в статье т. Егоршина и в редакционном примечании, ничего не дал.

Единственно что дал т. Тимирязев своей статьей, так это подтверждение правильности того положения редакционного примечания к статьям Тамма и Егоршина, где говорится, что «огульное отрицание крупнейших достижений современного естествознания имело место не со стороны философов вообще («большинства», по терминологии профессора Тамма), а со стороны по существу антимарксистского философского течения — механистического материализма, представленного среди естествоиспытателей тт. А. К. Тимирязевым, Перовым и некоторыми другими, и со стороны «левацких» загибщиков и упрощенцев»¹⁾.

И настоящая статья т. Тимирязева, как мы видим, показывает, что он дает оружие в руки тем, кто борется с марксизмом.

Спрашивается теперь, чего стоят все нападки т. Тимирязева на редколлегию журнала «П. З. М.», которые им сделаны прежде всего в связи со статьей тт. Гальперина и Маркова, а также другими статьями?

* * *

Если почитать статью т. Тимирязева, не вдаваясь в анализ его прежней и настоящей позиции и исходя лишь из его фразеологии, то можно подумать, что он горой стоит за диалектический материализм. Но действительно ли с позиций диалектического материализма ведет свой столь трескучий обстрел т. Тимирязев?

Попытаемся ответить на этот вопрос прежде всего на основе его настоящей статьи.

Как всем известно, есть лишь два лагеря в философии, непримиримо враждебных друг другу, — лагерь идеализма и лагерь материализма. Лагерь идеализма представлен поповщиной и всеми и всяческими более или менее открытыми формами идеализма. Лагерь материализма со времен Маркса и Энгельса представлен прежде всего и главным образом диалектическим материализмом и затем непоследовательными формами материализма.

¹⁾ «П.З.М.» № 2, стр. 262.

Маркс, Энгельс и Ленин уделили в своих работах много внимания тому, чтобы показать, что лишь диалектический материализм есть единственная форма материализма, соответствующая опыту классовой борьбы пролетариата, современному уровню развития науки и могущая последовательно и до конца провести борьбу с идеализмом. Что же касается непоследовательных форм материализма, то они являются разновидностью буржуазной идеологии.

На данном этапе классовой борьбы, когда существует СССР, когда пролетариат советских республик победоносно строит социализм, являясь ударной бригадой мирового пролетариата, философское движение, борющееся за диктатуру пролетариата, не может являться не чем иным, как движением под знаменем диалектического материализма. Что же касается буржуазных форм материализма, то они не только неспособны возглавить современное движение в области науки, а в своем сознательном выражении противостоят диалектическому материализму как разновидность буржуазной идеологии.

Ленин в своем «Материализме и эмпириокритицизме», используя доводы буржуазных естествоиспытателей-материалистов в пользу основной посылки материализма, старался показать, как должны марксисты, очищая эти доводы от непоследовательностей, использовать их для борьбы с идеализмом и тем самым показывать основной массе естествоиспытателей путь от непоследовательного материализма к диалектическому материализму. Ленин, ссылаясь и на Гельмгольца, и на Герца, и на других естествоиспытателей, никогда не рассматривал лагерь этих естествоиспытателей как лагерь, который может самостоятельно противостоять идеализму. Он никогда не допускал и мысли, что с идеализмом сможет успешно справиться какая-либо иная форма материализма кроме диалектического материализма. Поэтому он и писал: «Без солидного философского обоснования никакие естественные науки, никакой материализм не может выдержать борьбы против натиска буржуазных идей и восстановления буржуазного мирозерцания»¹). Солидное философское обоснование естественных наук Ленин видел единственно в изучении и применении к естествознанию диалектического материализма. Продолжая свою мысль о борьбе с буржуазным мирозерцанием в естествознании, Ленин писал далее: «Чтобы выдержать эту борьбу и провести ее до конца с полным успехом, естествоиспытатель должен быть современным материалистом, сознательным сторонником того материализма, который представлен Марксом, т. е. должен быть диалектическим материалистом»²).

Лишь при условии руководящей роли диалектического материализма Ленин допускал «союз с представителями современного естествознания, которые склоняются к материализму и не боятся отстаивать и проповедывать его против господствующих в так называемом «образованном обществе» модных философских шатаний в сторону идеализма и скептицизма»³).

Но нужно подчеркнуть, что обязательным условием этого союза с непоследовательными материалистами-естествоиспытателями Ленин считал, как видим, требование, чтобы эти естествоиспытатели имели смелость защищать материализм против идеалистической идеологии буржуазного общества.

В этом отношении для нас чрезвычайно важно отметить, как оценивал Ленин ряд естествоиспытателей, стоявших на позиции непоследовательного материализма, о которых он писал в «Материализме и эмпириокритицизме».

¹) Ленин, Собр. соч., изд. 3-е, т. XXVII, стр. 187.

²) Там же.

³) Там же, стр. 186.

Так, о Л. Больцманне Ленин писал: «Больцманн, конечно, боится называть себя материалистом и даже специально оговаривается, что он вовсе не против бытия божия»¹⁾. То же самое Ленин отмечает и относительно стихийного материалиста, но сознательного кантианца Гельмгольца, Герца и ряда других физиков.

Так, о Гельмгольце он пишет: «Против прямого, ясного, открытого материализма Гельмголец питает непреодолимое предубеждение»²⁾. То же о Герце: «Герц... в сущности был так же непоследователен, как Гельмголец»³⁾.

Подчеркивая, что в материалистически истолкованной диалектике Гегеля современные естествоиспытатели найдут ответы на те философские вопросы, которые ставятся революцией в естествознании, Ленин в то же время говорил: «Без того, чтобы такую задачу себе поставить и систематически ее выполнять, материализм не может быть воинствующим материализмом. Он останется, употребляя щедринское выражение, не столько сражающимся, сколько сражаемым»⁴⁾. Безоружность всякой иной формы материализма против идеализма, кроме диалектического материализма, Ленин подчеркивал и в своих философских тетрадах. В своем конспекте лекций Гегеля по истории философии Ленин писал: «Умный идеализм ближе к умному материализму, чем глупый материализм. Диалектический идеализм вместо умный; метафизический, неразвитый, мертвый, грубый, неподвижный вместо глупый»⁵⁾. И далее: «Гегель бьет всякий материализм, кроме диалектического»⁶⁾.

Как видим, Ленин никогда даже в естествознании, не говоря уже об общественных науках, не рассматривал борьбу материализма с идеализмом как борьбу стихийного или непоследовательного материализма, а как борьбу диалектического материализма, который использует и организует на борьбу с идеализмом и стихийных и непоследовательных материалистов. Вне руководства диалектического материализма Ленин не мыслил борьбы с идеализмом.

Как же оценивает расположение борющихся сил на фронте естествознания т. Тимирязев?

Он видит тоже два лагеря — материализма и идеализма. Лагерь идеализма состоит из генералов Смутсов, епископов Барнсов, профессоров Джинсов, Эддингтонов и других более или менее явных попов или поповствующих идеалистов, будут ли они в генеральских мундирах, поповских рясах или профессорских сюртуках. Не будем здесь останавливаться на том, насколько по-ленински т. Тимирязев подходит к анализу расположения сил на фронте идеализма. Посмотрим, правильно ли т. Тимирязев понимает расположение сил на фронте материализма.

По т. Тимирязеву оказывается, — и это проходит красной нитью по всей его статье, — что у идеалистов в области физики и философии главный враг «викторианцы».

Что это за «викторианцы»? Тов. Тимирязев в самом начале своей статьи поясняет, кто такие «викторианцы». Он пишет: «Викторианский — значит буквально относящийся к эпохе царствования королевы Виктории. У английских идеалистов этот термин имеет сейчас снисходительно-издевательский привкус вроде: неглубокий мыслитель, не оказавшийся в состоянии преодолеть материализм, господствовавший среди людей науки той эпо-

¹⁾ Ленин, Собр. соч., изд. 2-е, т. XIII, стр. 235.

²⁾ Там же, стр. 192.

³⁾ Там же, стр. 194; см. также стр. 232.

⁴⁾ Ленин, Собр. соч., изд. 3-е, т. XXVII, стр. 188.

⁵⁾ Лен. сб. XII, стр. 223.

⁶⁾ Там же, стр. 225.

хи. Реакционер в области биологии Бэтсон называл Дарвина викторианцем. Эддингтон понимает под викторианцами Фарадея, Кельвина и Максвелла».

Кем же представлены эти «викторианцы» по т. Тимирязеву? Он отвечает на этот вопрос: викторианцы — Больцманн, Лоренц, Герц, Томсон, Максвелл, Гельмгольц и другие физики-материалисты второй половины XIX века. К ним же относит т. Тимирязев и Фарадея и некоторых других.

Если подчеркнуть, что подавляющее большинство физиков, о которых говорит т. Тимирязев, давно уже покойники, то первый вопрос, который встает перед нами, это вопрос о том, так ли актуальна борьба для генерала Смутса и епископа Барнса с покойниками, что они подняли такой шум, а т. Тимирязев ополчился на их защиту?

Каков классовый смысл борьбы Смутсов, Барнсов и К^о против «викторианцев» и против них ли в действительности направлен удар всего идеалистического фронта? Вот вопрос, на который должен был бы ответить т. Тимирязев, не скупящийся на всяческие обвинения и инсинуации по части своих противников в СССР.

Тов. Тимирязев, потративши столько труда на конструирование своей статьи и всяческие необоснованные выпады против советских партийных и беспартийных физиков, совершенно просмотрел тот факт, что борьба всех идеалистических отрядов направлена по линии философии прежде всего против философии пролетариата — диалектического материализма. Говоря множество раз о «викторианцах», т. Тимирязев совершенно не понял, что линия, делящая фронт борьбы в области философии на два лагеря, проходит не между Барнсами, Смутсами и К^о, с одной стороны, и Максвеллом, Герцем, Больцманном и прочими «викторианцами» — с другой, а между всем лагерем буржуазной философии и лагерем философии пролетариата. Тов. Тимирязев не понимает того, что в современном капиталистическом обществе противостоят друг другу два основных класса — пролетариат и буржуазия, и что лишь исходя из анализа соотношения сил этих двух классов и конкретных форм их борьбы нужно подходить и к разбору борьбы на философском фронте. Он не понимает и того, что Смутсы, Барнсы и К^о, борясь против покойников — Максвелла, Больцманна и других, имеют в виду совсем не их, а тех живых материалистов, которые представляют враждебный им пролетарский фронт.

Но почему же, могут спросить нас, т. Тимирязев и его сторонники Смутсы, Барнсы и К^о говорят только о «викторианцах»? Мы на это отвечаем: лишь потому, что они говорят устами т. Тимирязева, что он сознательно обошел все выступления лагеря Смутсов, Барнсов и К^о против философии пролетариата.

Действительно, всякому, даже не профессору теоретической физики, известно, что вся поповщина всего буржуазного мира изо дня в день выступает против пролетарского мировоззрения, что в этом суть крестового похода, объявленного римским папой, в этом смысл его энциклик, в этом суть и смысл тех молитв, которые объявляла англиканская церковь во время наиболее острых моментов борьбы английских правящих классов с СССР, в этом смысл повседневной борьбы Смутсов и Барнсов.

Тов. Тимирязев, приведший кучу цитат о борьбе идеалистов с викторианцами, сознательно упустил все цитаты, не дал никакого указания на то, что весь смысл борьбы идеалистов заключается в борьбе с пролетарским движением.

Смутсы, Барнсы и К^о выступают против покойников Максвеллов, Больцманнов потому, что растет влияние коммунистических партий, растет сознательность пролетариата, растет опасность того, что сочинения

Максвеллов, Больцманнов и наука вообще, являясь орудием в руках марксистов, послужат к низвержению капиталистического строя¹⁾.

Только лишь в перспективе борьбы за диктатуру пролетариата можно понять суть борьбы современных идеалистов против материалистов XIX в. Но этого-то и не понял т. Тимирязев.

О Максвелле, Больцманне и т. д. он пишет не как об орудии в руках диалектического материализма, не как о силе, подчиненной пролетарскому движению, но как о самостоятельной силе, противостоящей идеализму. Поэтому т. Тимирязев в качестве учителей для нашей пролетарской молодежи по линии материализма рекомендует в своих двух выпусках «Философия науки» не Маркса, Энгельса и Ленина, а именно Максвелла, Больцманна и других непоследовательных материалистов второй половины XIX в.²⁾

В соответствии с этими взглядами т. Тимирязева на, так сказать, стратегию борьбы на философском фронте, на расстановку сил, на то, кто является главным противником идеализма на данном этапе, стоят взгляды т. Тимирязева и на теоретическую роль Больцманнов, Гельмгольцев и прочих «викторианцев». И по вопросу о теоретических взглядах «викторианцев» т. Тимирязев приходит к выводам, чуждым марксизму.

На странице 95 своей статьи он пишет: «Механицизм есть только вежливая форма для обозначения материализма. Это вовсе не механицизм в том смысле, как это понимаем мы, следуя указаниям Маркса, Энгельса и Ленина».

Посмотрим, действительно ли материализм «викторианцев» не есть механицизм и так ли понимали дело Маркс, Энгельс и Ленин.

Возьмем к примеру Гельмгольца, которого Тимирязев издавна считает и в философии материалистом. Гельмгольц в своей работе «О сохранении силы» в 1847 г. писал: «... Задача физического естествознания в конце концов заключается в том, чтобы свести явления природы на неизменные притягательные и отталкивательные силы, величина которых зависит от их расстояния. Разрешимость этой задачи есть в то же время условие для возможности полного понимания природы»³⁾.

Двадцать лет спустя Гельмгольц на съезде естествоиспытателей в Инсбруке говорил: «Если же движение есть первоначальное изменение, лежащее в основе всех других изменений в мире, то все элементарные силы суть движущие силы, и поэтому конечная цель естественных наук заключается в нахождении и изучении движений, лежащих в основе всех других изменений, а также причин, вызывающих эти движения, т. е. в сведении к механике»⁴⁾.

Как видим, совершенно определенные, не допускающие сомнений механистические взгляды.

Возьмем Герца. Он в предисловии к своим «Принципам механики» писал: «Все физики единодушны в том, что задача физики заключается в сведении явлений природы к простым законам механики»⁵⁾.

Тоже, как видим, совершенно не оставляющие сомнения механистические взгляды.

Возьмем наконец еще такого видного викторианца, как Максвелл. Вот что он писал в своей статье «О динамическом доказательстве молекуляр-

¹⁾ Было бы ошибкой думать, что современные физические теории даже в идеалистической трактовке не являются объектом нападок со стороны представителей фашистской и «демократической» диктатуры буржуазии. Теория относительности Эйнштейна и сам Эйнштейн могут быть этому примером.

²⁾ См. «Философия науки», «Физика», вып. 1-й и 2-й, Гиз, 1923 г.

³⁾ Гельмгольц, О сохранении силы, стр. 8, Гиз, 1922 г.

⁴⁾ «Философия науки», вып. 1-й, стр. 51, Гиз, 1923 г.

⁵⁾ «Бюллетень заочной консультации ИКП» № 7, стр. 29, 1931 г.

ного состава тел»: «Когда физическое явление может быть вполне описано как перемена конфигурации и движения материальной системы, то динамическое объяснение этого явления называется полным. Мы не можем представить себе, чтобы дальнейшее объяснение было необходимо, желательным или возможно, ибо как скоро мы знаем, что разумеется под словами конфигурация, движение, масса, сила, мы видим, что представляемые ими идеи так элементарны, что они не могут быть объяснены чем-либо иным»¹).

А вот как говорил Максвелл об элементарности основных представлений системы материальных частиц — молекул и атомов — во «Вступительной лекции по опытной физике»: «Я надеюсь доказать вам в течение нашего курса существование молекул как индивидуальных тел с определенными свойствами. Молекула в представлении ученых является телом, весьма отличным от тех, с которыми мы знакомы из опыта. Прежде всего ее масса и другие постоянные, определяющие ее свойства абсолютно неизменяемы; отдельная молекула не может ни расти, ни умирать, но остается неизменной среди всех изменений других тел, составляющую часть которых она представляет. Во-вторых, это не единственная молекула в своем роде, ибо имеется несчетное число других молекул, коих постоянные не приблизительно, но абсолютно тождественны с постоянными первой молекулы, и это безразлично, находятся ли они на земле, на солнце или на звездах. Я не решаюсь предсказывать, каким процессом эволюции философы будущего объяснят это тождество свойств такого множества тел, неизменных по величине и отстоящих иногда друг от друга на расстояниях, едва измеримых астрономами. Мой разум ограничен в способности умозрения, и я принужден верить, что эти молекулы были созданы такими от начала мироздания. Я также прихожу к заключению, что так как ни один из процессов природы, разнообразно действуя на различные молекулы, в течение веков не вызвал ни малейшей разницы между свойствами отдельных молекул, коих история соединения была различна, то мы не можем приписать их существования или тождества их свойств действию какой-либо из причин, которые мы называем естественными»²).

Как видим, здесь механицизм Максвелла сочетается уже с поповщиной, что тщательно скрывает т. Тимирязев, который хочет замазать основной факт, именно то, что и викторианцы и их противники являются фракциями одного и того же буржуазного лагеря и что т. Тимирязев становится целиком и полностью на позиции одной из этих буржуазных фракций.

Но вот что можно еще добавить о Максвелле и что бросает яркий свет на глубину «марксистского» анализа т. Тимирязева, всех и все сваливающего в кучу.

Максвелл, несмотря на его поповские «загибы», был крупным естествоиспытателем, в ряде отношений превосходившим и Гельмгольца и Герца. И этот естествоиспытатель представляет собой переходный тип к позднейшей эпохе. Он не просто механист, он более, чем оба упомянутых физика, математизировал физику. За недостатком места мы не будем приводить цитат, подтверждающих это положение; скажем лишь, что Максвелл был одним из тех, кто подготовил в дальнейшем «забвение материи» из-за математических уравниваний.

Более того, Максвелл по некоторым кардинальным вопросам естествознания защищал взгляды, чрезвычайно родственные тем, которые привели теперь физику к кризису. Достаточно будет в этом отношении указать на отношение Максвелла к учению о причинности. В известной книге «Материя и движение» Максвелл рассматривает механистическое учение о причинности

¹) Maxwell, Scientific Papers, Vol. II, p. 418.

²) Там же, p. 254.

и смешивает его, как это делают естествоиспытатели и теперь, с учением о причинности вообще как философским учением. Он формулирует представление естествоиспытателей о причинности так: «Небольшие изменения начальных условий производят лишь небольшие изменения в конечном состоянии системы»¹⁾ и добавляет к этому свое замечание: «Здесь скрыто молчаливое допущение, что законы природы можно формулировать лишь при условии устойчивости явлений; это ставит пожалуй некоторую границу всякому постулату всеобщего физического детерминизма, в какой например верил Лаплас»²⁾).

Уже здесь с полной очевидностью для каждого ясно, что Максвелл допускал «границу всякому постулату всеобщего физического детерминизма».

Но мы приведем для большей ясности еще одно место из другой работы Максвелла, где эти его взгляды выступают именно в той форме, как это имеет место теперь у физиков, отбрасывающих целиком учение о причинности и скатывающихся благодаря незнанию диалектического материализма в идеализм. В уже цитированной «Вступительной лекции по опытной физике» Максвелл писал: «Теория атомов и пустоты заставляет нас придавать большее значение учениям о целых числах и определенных пропорциях; но в применении динамических принципов к движению огромного числа атомов ограниченность наших способностей заставляет нас покинуть все попытки выразить точную историю каждого атома и довольствоваться определением среднего состояния группы атомов, довольно большой, чтобы быть видимой. Этот метод рассмотрения групп атомов, который я могу назвать статистическим и который в настоящем состоянии наших знаний является единственно пригодным методом изучения реальных тел, требует отказа от строго динамических принципов и обращения к математическим методам теории вероятности. Вероятно, важные результаты могут быть получены от приложения этого метода, до сих пор мало известного нам и непривычного. Если бы действительная история науки была иною и наиболее привычные нам учения должны были выражаться таким путем, то возможно, что мы сочли бы существование известного рода произвольности самоочевидной истиной, а учение о философской необходимости чистым софизмом»³⁾).

Как видим, к ужасу т. Тимирязева «викторианец» Максвелл превратился в «смутсонианца», т. е. в противника своей же собственной основной стихийно-материалистической позиции. И это т. Тимирязев, хорошо знающий сочинения Максвелла, замолчал, чтобы скрыть то обстоятельство, что между «викторианцами» и «смутсонианцами» нет непроходимой пропасти и что эта пропасть лежит лишь между диалектическим материализмом, указывающим естествоиспытателям путь от стихийного и непоследовательного материализма к материализму диалектическому, и идеализмом. Из приведенных примеров мы видим, что непоследовательный материализм сам по себе не способен, как это и указывал Ленин, выдержать натиск идеализма.

Вот взгляды трех викторианцев, не оставляющие никакого места для утверждения того, что они не были механистами. Но напрасно стали бы мы ожидать от т. Тимирязева указаний на то, что эти физики — механисты, что взгляды их непоследовательны и недостаточны для объяснения явлений, не укладывающихся в рамки механики. По Тимирязеву же «это вовсе не механицизм в том смысле, как это понимаем мы, следуя указаниям Маркса,

¹⁾ К. Максвелл, Материя и движение, Гиз, стр. 12.

²⁾ Там же.

³⁾ Maxwell, Scientific Papers. Vol. II, p. 253.

Энгельса и Ленина», по нему материализм викторианцев — синоним материализма вообще.

Несмотря на явную нелепость и антимарксизм этого утверждения т. Тимирязева, попробуем пояснить ему еще раз смысл его ошибки. Как оценивали Маркс, Энгельс и Ленин форму материализма, сводящего все явления природы к механике?

Ленин, излагая взгляды Маркса и Энгельса на эту форму материализма, подчеркивал в «Материализме и эмпириокритицизме», что она является ограниченной, недостаточной для правильного объяснения природы. Указывая на три черты ограниченности метафизического материализма, он писал: «Первая ограниченность (этой формы материализма.— А. М.): воззрение старых материалистов было «механическим» в том смысле, что они применяли исключительно масштаб механики к процессам химической и органической природы»¹⁾.

В этой оценке механистического материализма Ленин исходил, как видим, из взглядов Маркса и Энгельса. И действительно, в сочинениях Маркса и Энгельса мы находим подробный анализ сути воззрений и ограниченности метафизического, механистического материализма.

В «Диалектике природы» Энгельс показывает ограниченность этого материализма в отношении его к естествознанию. Уже в XIX в. механистический материализм стоял ниже уровня развития науки и не был в состоянии решить проблем, ставших перед естествознанием и в известной степени стихийно решенных им. Учение Дарвина, закон превращения и сохранения энергии в трактовке Майера, Грове, Фарадея, космогоническая гипотеза и т. д.— все эти открытия были ступенью, поднимавшей естествознание от механистического материализма к диалектическому. И Энгельс, опираясь на эти открытия, обосновал диалектико-материалистическое учение в применении к природе. Вместе с тем Энгельс подверг разносторонней критике как раз тех самых «викторианцев» (если отвлечься от сваливания т. Тимирязевым в кучу и Фарадея), которых теперь, три четверти столетия спустя, преподносит нам наш неумеренный критик.

Энгельс много раз в «Диалектике природы» подчеркивает ограниченность естественно-научного мировоззрения Гельмгольца, односторонность его методологии. Особенно подробно останавливается Энгельс на этой стороне дела в связи с законом сохранения и превращения энергии, т. е. в связи с основоположной работой самого Гельмгольца «О сохранении силы», опубликованной в 1847 г. По поводу этой работы Энгельс писал: «... В этом сочинении не находится ровно ничего нового для уровня науки в 1847 г., за исключением упомянутого выше математического — впрочем, весьма ценного—доказательства, что «сохранение силы» и центральное действие сил, действующих между различными телами какой-нибудь системы, являются лишь двумя различными выражениями одной и той же вещи, и, далее, более точной формулировки закона, что сумма живых сил и сил напряжения в некоторой данной механической системе постоянна. Во всем остальном вторая работа Майера от 1845 г. уже опередила это сочинение Гельмгольца. Уже в 1842 г. Майер утверждал «неразрушимость силы», а в 1845 г. он, исходя из своей новой точки зрения, сумел сообщить гораздо более гениальные вещи об «отношениях между различными физическими процессами», чем Гельмгольц в 1847»²⁾.

И Максвелла Энгельс оценивал в философском отношении не более высоко, чем Гельмгольца. Показав, что «понятие работы не развивается у

¹⁾ Ленин, Собр. соч., изд. 2-е, стр. 197.

²⁾ Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. XIV, стр. 540.

Гельмгольца и даже не определяется им», Энгельс добавляет: «Не лучших результатов мы добьемся у Клерк—Максвелла»¹⁾).

По поводу одного из виднейших «викторианцев», вызывающего у т. Тимирязева подобострастное преклонение, Энгельс писал в связи с той же проблемой закона сохранения и превращения энергии следующее: «В такой совершенно грубой форме ставятся рядом друг с другом обе противоречивых меры движения, причем не делается ни малейшей попытки объяснить это противоречие или хотя бы затушевать его. В книге обоих этих шотландцев мышление запрещено; можно производить только вычисления. Ничего нет поэтому удивительного, что по крайней мере один из них, Тэт, принадлежит к правовернейшим христианам правоверной Шотландии»²⁾). Мы видим, что Энгельс обвиняет Томсона, виднейшего «викторианца», как раз в том математизировании физики, которое в дальнейшем, как это и показал Ленин, привело физиков к скатыванию в идеализм.

Наконец приведем еще оценку Энгельсом одного из крупнейших физиков XIX в., Тиндаля, стоявшего намного выше «преподобных» Тэтов, защищаемых теперь т. Тимирязевым. 21 сентября 1874 г. Энгельс писал Марксу: «Я глубоко погружен в учение о сущности. Вернувшись с Джерсея, я нашел здесь речи Тиндаля и Гексли в Бельфасте, в которых снова обнаруживается неумение этих людей разобраться в вещи в себе и тоскливое искание спасительной философии. Это — после всяческих помех в течение первой недели — снова дало мне повод заняться диалектикой. Ограниченным естествоиспытателям можно рекомендовать только отдельные места большой Логики, хотя она значительно глубже проникает в диалектическую сущность вещей, изложение в Энциклопедии, напротив того, как будто приноровлено к этим людям, иллюстрации берутся большей частью из их области и очень убедительны, притом ввиду большей популярности изложения более свободны от идеализма; а так как я не могу и не хочу освободить этих господ от необходимости изучать самого Гегеля, то здесь настоящий клад; тем более, что старик выдвигает для них еще достаточно головоломных проблем, над которыми придется потрудиться»³⁾). И далее Энгельс отмечает, что Тиндаль оказался смелее всех иных «викторианцев», особенно Тэта, с которым и воевал Тиндаль.

Но как бы ни была высока оценка Энгельсом Тиндаля, он подчеркнул ограниченность его мировоззрения. Тов. Тимирязев, приведший в своей статье продолжение приведенной нами выше цитаты, не нашел мужества сказать, что Энгельс критически относился к мировоззрению Тиндаля. Это объясняется тем, что т. Тимирязев использует сочинения основоположников марксизма-ленинизма лишь для того, чтобы подыскать себе подходящую цитату для подкрепления своих взглядов или посрамления противников. Но он не дает себе труда усвоить эти взгляды основоположников.

Из всего приведенного выше ясно, что ни о каком отождествлении материализма вообще с материализмом «викторианцев» у Маркса и Энгельса не было и быть не могло. Утверждение т. Тимирязева, что взгляды «викторианцев» «не механицизм», не больше, чем злостная фальсификация марксизма-ленинизма и апологетика домарксистских, буржуазных форм материализма. Вместо Маркса, Энгельса и Ленина т. Тимирязев делает вождами философии буржуазных естествоиспытателей Гельмгольца, Герца и других «викторианцев».

Но т. Тимирязев не только делает вождами философии и естествознания «викторианцев», т. е. философов буржуазии эпохи либерализма, но

¹⁾ Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. XIV, стр. 559.

²⁾ Там же, стр. 553.

³⁾ Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. XXIV, стр. 442.

он обосновывает эту свою точку зрения. Он прежде всего вопреки Ленину, упрекавшему Плеханова и Деборина за то, что они не видят связи махистской философии с новейшим естествознанием, разрывает философию и естествознание и утверждает, что «эти (махистские.—А. М.) философские системы лежат неизмеримо далеко от производства самой науки, от того, чем руководится исследователь, открывающий новые факты, прокладывающий новые пути, по которым движется научная мысль»¹⁾.

Поэтому философские выводы из современной науки, по Тимирязеву, вопреки общеизвестным фактам делают те, «кто не работает над специальными задачами науки или кто от них оторвался»²⁾. «По счастью однако, — продолжает т. Тимирязев, — творцы современной науки в своих трудах давали и дают крайне ценные методологические указания, а в своих публичных лекциях и речах, произнесенных по разным поводам, в предисловиях к своим выдающимся специальным трудам или собраниям своих сочинений они дают нам ряд удивительно увлекательных общих картин современного состояния науки и возможных путей, по которым пойдет, по их мнению, научная мысль в будущем...»

Итак, с одной стороны, оторванные от науки философы, а с другой, творцы науки, указывающие пути для науки в будущем. Кто же эти указывающие пути для науки в будущем, т. е. в эпоху социализма? Это, по Тимирязеву, Винер, Бьеркнес, Гельмгольц, Больцманн, Максвелл и т. д., т. е. как раз те самые «викторианцы», которых он защищает в своей статье.

Уже здесь мы видим у т. Тимирязева такие утверждения, которые мы можем, с одной стороны, сопоставить с тем, что писали о естествознании Энгельс и Ленин, а с другой, с тем, что мы имеем в науке буржуазного общества на настоящий день.

Утверждали ли Энгельс и Ленин, что путь науки ближайшего будущего — это путь, указываемый Гельмгольцами, Максвеллами и «викторианцами» вообще?

Весь «Анти-Дюринг» Энгельса, «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина в целом посвящены доказательству того, что путь развития науки в ближайшем будущем — это путь развития на основе диалектического материализма, что эмпирическая, стихийно-материалистическая философия естествоиспытателей XIX и начала XX в. не способна вывести естествознание на такой путь, где были бы преодолены те затруднения, которые были детально вскрыты Энгельсом и Лениным.

Но позиция т. Тимирязева иная. Он полагает, что последовательное развитие философии естествоиспытателей эпохи либерализма — это и есть путь преодоления всех трудностей. Поэтому-то он и упустил в своем сборнике «Философия науки» и в своей статье из виду и Энгельса и Ленина, поэтому-то он слушателям пролетарских аудиторий преподнес вместо попытки продолжения дела Маркса, Энгельса, Ленина попытку продолжить дело Гельмгольцев, Максвеллов и «викторианцев» вообще.

Но как, спрашивается, т. Тимирязев дошел «до жизни такой»? Причина этого кроется в том, что он — апологет стихийности в развитии науки в противовес сознательной переработке ее на основе марксистско-ленинской теории, за что боролись Маркс, Энгельс и Ленин.

¹⁾ «Философия науки», вып. 1-й, стр. 3.

²⁾ Там же, стр. 4. Противоположность ленинской позиции можно видеть из следующей цитаты: «Реакционные поползновения порождаются самим прогрессом науки. Крупный успех естествознания, приближение к таким однородным и простым элементам материи, законы движения которых допускают математическую обработку, порождают забвение материи математиками» (Ленин, Собр. соч. изд. 2-е, т. XIII, стр. 251—252).

Вот что он писал в вводных статьях к уже цитированным сборникам «Философия науки». «В своей работе ученый-естественник, — поскольку он хорошо делает свое дело, — стоит, сам того часто не подозревая, на точке зрения самого последовательного материалиста, что нисколько не мешает ему приходить в ярость при одном упоминании слова «материализм», с жаром доказывать, что материализм давно опровергнут и всеми оставлен и что он-то во всяком случае никакого к нему отношения не имеет»¹⁾.

И далее: «Внимательно разбирая творения великих людей науки, мы сейчас же заметим, что материализм исследователя, и по большей части бессознательно, бывает по существу диалектическим, а не метафизическим в смысле Энгельса»²⁾.

Как видим, по Тимирязеву, путь к диалектическому материализму весьма прост: нужно лишь сидеть в лаборатории и заниматься наукой, можно даже поругивать материализм, и не успеешь заметить, как сделаешься диалектическим материалистом. Наоборот, «когда ученый отрывается от своей естественной почвы — от специальной научной работы, он перестает быть материалистом, так как у него больше нет к тому стимулов, и какой получается ужас: человек перестает понимать ту науку, которой он занимался!»³⁾.

Но вот вопрос: куда отнести Маркса, Энгельса и Ленина, которые не занимались естествознанием как профессионалы и не имели «стимулов» и все же писали о естествознании, более того, дали обоснование философского фундамента, на котором должна перестроиться наука? По Тимирязеву выходит... к числу «оторвавшихся»!

Нет надобности доказывать подробно, что программа, выдвинутая т. Тимирязевым, диаметрально противоположна высказываниям Энгельса в «Анти-Дюринге» и «Диалектике природы» и Ленина в «Материализме и эмпириокритицизме» и в других работах, что он отрицает нацело философию диалектического материализма.

Нет ничего удивительного, что когда в 1924 г. покойный т. Степанов выдвинул положение «марксист должен прямо и открыто сказать, что он принимает это так называемое механистическое воззрение на природу, механистическое понимание ее»⁴⁾, когда он подменил философию марксизма выводами из современного естествознания и взял под защиту буржуазных радикалов — Бюхнера, Фохта и Молешотта, то т. Тимирязев и К^о ухватились за это выступление т. Степанова. В свою очередь т. Степанов нашел поддержку у т. Тимирязева и у других механистов. Так получилась замена основоположников марксизма в области философии буржуазными радикалами — Бюхнером, Фохтом, Молешоттом, а в естествознании — Гельмгольцем, Герцем, Максвеллом и прочими «викторианцами».

Но «викторианцы» — материалисты, вопиют наши «викторианцы» Тимирязев и К^о, а вы нападаете на материализм!

В ответ на это возражение рассмотрим опять-таки, что по этому поводу писал Ленин, который как раз поднял знамя марксизма на борьбу с идеализмом в физике и естествознании вообще.

Ленин выступил на историческую сцену в период перехода капитализма в стадию империализма, в период начала идеологической реакции, поворота буржуазии «назад к Канту», «назад к Юму» и т. д. Эта идеологическая реакция сказалась и в естествознании в распространении среди естествоиспытателей махизма, неокантианства, неюмизма и т. д. Поэтому

¹⁾ «Философия науки», вып. 1-й, стр. 5.

²⁾ Там же, стр. 9.

³⁾ Там же, стр. 10.

⁴⁾ Герман Гортер, Исторический материализм, стр. 166, перевод, предисловие и заключительная статья И. Степанова, Москва, 1924 г.

Ленину пришлось бороться не только за дальнейшее развитие материализма как диалектического материализма, но и за отстаивание основной посылки материализма, заключающейся в том, что мир природы существует независимо и ранее человека и отражается в познании человека. В этой защите основной посылки материализма позиции диалектического материализма были общими и со стихийным естественно-научным материализмом и с ограниченным материализмом половины XIX в. Ленин подчеркивал, что по отношению к азбучным истинам материализма «никакой разницы между Марксом и Энгельсом, с одной стороны, всеми этими старыми материалистами—с другой, нет и быть не может»¹⁾.

С такой же ясностью Ленин подчеркивал неразрывную связь естественно-научного материализма с философским материализмом. Он самым решительным образом разоблачал и подчеркивал, что «этот факт облыжно замалчивают наши махисты, затушевывая или запутывая неразрывную связь стихийного материализма естественников с философским материализмом, как направлением, давным давно известным и сотни раз подтвержденным Марксом и Энгельсом»²⁾.

Но, защищая основные, азбучные положения материализма, Ленин никогда не принижал задач материализма до тех задач, которые ставили себе ограниченные материалисты XVIII и XIX вв., и до того положения, в каком находился стихийный естественно-научный материализм. Наоборот, как мы уже подчеркнули выше, Ленин помимо защиты азбучных истин материализма со всей ясностью неоднократно указывал на то, что задачи диалектического материализма не ограничиваются повторением азбучных истин материализма. Более того, он подчеркивал, «что современный материализм (т. е. материализм Маркса и Энгельса.—А. М.) неизмеримо более богат содержанием и несравненно более последователен, чем все предыдущие формы материализма»³⁾.

Точно так же и в отношении естественно-научного материализма, Ленин подчеркивал необходимость «подняться от метафизического материализма к диалектическому»⁴⁾ и «расширить естественно-исторический материализм до исторического материализма»⁵⁾. Именно в неумении естествоиспытателей «прямо и сразу подняться от метафизического материализма к диалектическому материализму» Ленин видел одну из причин скатывания естествоиспытателей в идеализм⁶⁾.

Ленин не ограничился однако этими, самими по себе совершенно ясными для всех, помимо т. Тимирязева, указаниями. Он и по отношению к тем проблемам, по которым шла борьба в физике, в период, когда он писал «Материализм и эмпириокритицизм», сделал ряд соответствующих указаний. Он подчеркивал: «Механика была снимком с медленных реальных движений, а новая физика есть снимок с гигантски быстрых реальных движений»⁷⁾; «не обязательна защита «механической» (почему не электромагнитной?) теории движения эфира»⁸⁾; «законы движения... материи отражает меха-

¹⁾ Ленин, Собр. соч., изд. 2-е, т. XIII, стр. 197.

²⁾ Там же, стр. 283.

³⁾ Там же, стр. 275.

⁴⁾ Там же, стр. 255.

⁵⁾ Там же, стр. 290.

⁶⁾ Приведем здесь еще одну выписку из Ленина. Рассматривая суть кризиса в естествознании, Ленин приводит следующие слова Рея: «Верили в чисто механическое объяснение природы; принимали, что физика есть лишь более сложная механика, именно молекулярная механика. Расходились только по вопросу о приемах сведения физики к механике, о деталях механизма» (там же, стр. 208).

⁷⁾ Ленин, Собр. соч., изд. 2-е, т. XIII, стр. 217.

⁸⁾ Там же, стр. 226.

мика по отношению к медленным движениям, электромагнетическая теория— по отношению к движениям быстрым... электрон относится к атому, как точка в этой книге к объему здания в 30 сажен длины, 15 ширины и $7\frac{1}{2}$ высоты (Лодж), он движется с быстротой до 270.000 километров в секунду, его масса меняется с его быстротой, он делает 500 триллионов оборотов в секунду,—все это много мудренее старой механики, но все это есть движение материи в пространстве и во времени»¹⁾.

Все эти указания Ленина стоят в теснейшей связи с теми его положениями, где он говорит, что недостаточно критиковать идеалистов феербахианских, по-плевановски отбрасывая идеализм а limine, не входя в разбор соответствующих проблем по существу, полагая, что «философский идеализм есть только чепуха с точки зрения материализма грубого, простого, метафизического. Наоборот, с точки зрения диалектического материализма, философский идеализм есть одностороннее преувеличенное, überschwengliches (Dietzgen) развитие (раздувание, распухание) одной из черточек, сторон, граней познания в абсолют, оторванный от материи, от природы, обожествленный. Идеализм есть поповщина. Верно. Но идеализм философский есть («вернее» и «кроме того») дорога к поповщине через один из оттенков бесконечно сложного познания (диалектического) человека»²⁾. Ленин, как видим, подчеркивает, что физический идеализм не просто наносное явление, а растет на основе новейших открытий и теорий естествознания.

Ничего этого т. Тимирязев не только не понял, но решительно отказывается понимать. Нужно ли говорить, что его взгляды находятся в резком противоречии с учением марксизма-ленинизма, что вся его позиция есть позиция антимарксистская, позиция, враждебная марксизму? Это ясно каждому, кто против извращения марксизма-ленинизма. Поэтому, как бы т. Тимирязев и К° ни кричали, что они, защищая «викторианцев», защищают материализм, никто им не поверит, так как успешная защита материализма в современных условиях классовой борьбы может быть осуществлена лишь с позиций диалектического материализма. И иного пути нет.

* * *

Как по отношению к решению физических проблем, так и по отношению к проблеме философии т. Тимирязев демонстрирует нам полную беспомощность и убожество. Но почему эта беспомощность и убожество сочетаются с такой воинственностью? Где корень непримиримости т. Тимирязева и его нежелания признать правильность постановления ЦК ВКП(б) в отношении механистов и в применении к нему самого документов, осуждающих механистов, опубликованных в «Правде» и «Большевике»? Тов. Тимирязев, как и другие механисты, ссылается на то, что его фамилия персонально не указана в постановлении ЦК ВКП(б). Но ведь «Правде» как ЦО партии дано право указывать конкретных носителей зла, и «Правда» в числе механистов указала и т. Тимирязева; то же и с «Большевиком». Ответим и на этот, последний вопрос, и для ответа проследим происхождение современных философских взглядов т. Тимирязева.

Нужно отдать справедливость т. Тимирязеву, что он имеет стойкость и упрямство в отстаивании своих взглядов. Его взгляды сложились не сегодня и даже не в 1924 г., когда началась борьба с механистами на философском фронте. Механистические убеждения т. Тимирязева имеют свой корень в

¹⁾ Ленин, Собр. соч., изд. 2-е, т. XIII, стр. 230.

²⁾ Там же, стр. 304.

более далеком прошлом, когда т. Тимирязев не только не имел отношения к марксизму, но даже и вообразить не мог, что он когда-либо будет писать в марксистских журналах и выступать «на защиту» марксизма. Все своеобразие настоящего выступления по сравнению со всеми предыдущими выступлениями т. Тимирязева на страницах марксистской печати в том и заключается, что он пытается марксистской фразеологией прикрыть свой старый багаж, ничего общего с марксизмом не имеющий. Покажем это на деле.

Возьмем например дореволюционный «энциклопедический словарь Граната». Тов. Тимирязев — сотрудник этого словаря и поместил в нем ряд статей. В этом словаре мы находим и биографию одного из «викторианцев» — Гельмгольца, написанную т. Тимирязевым.

Вот что мы читаем в этой биографии: «Герман Гельмгольц, знаменитый физик и физиолог, один из самых блестящих мыслителей в ряду тех, кто создал современное естественно-научное направление человеческой мысли, так резко отличающее XIX в. от всей предшествующей истории человечества»¹⁾.

Уже из этой цитаты видим, что т. Тимирязев выразителем наивысших достижений XIX в. в области естествознания считал не Роберта Майера в Германии, не Грове и Дарвина в Англии, как это полагал Энгельс, критически относившийся и к этим гигантам буржуазного естествознания, в том числе и к Дарвину, а механиста Гельмгольца.

«Изучение психической стороны акта зрения,—читаем мы дальше в той же статье,—привело Гельмгольца к весьма любопытным заключениям, изложенным в этюдах об основных аксиомах геометрии. Как эти этюды, так и рассеянные в других сочинениях, например во введении к курсу теоретической физики (составленном слушателем Гельмгольца уже после его смерти), общепhilософские замечания проникнуты истинно научным духом, отличающим мыслителя-экспериментатора, строящего свои теории и обобщения на незыблемой почве факта»²⁾.

Мы показали уже выше, какого характера свойственны Гельмгольцу «общепhilософские замечания, проникнутые истинно научным духом»!

Прочные механистические убеждения т. Тимирязева можно проследить и по другим его работам из дореволюционного периода. Эти убеждения т. Тимирязев продолжал пропагандировать и в послеоктябрьский период, но еще до той поры, когда он стал под знамена марксизма. Так, в его брошюрах «Что такое физика и какую пользу приносят физические инструменты» и «Что такое физика и чему она учит», появившихся в 1919—1921 гг., мы читаем: «Чем больше развиваются науки о природе, тем больше находят сходства между явлениями, которые изучаются в физике, и теми, которые происходят в живой природе, тем меньше вообще становятся различия между живым и неживым. Вот почему совершенно неправильно определять физику как науку о явлениях, происходящих в неживой природе, а это иногда еще и теперь делают».

Высказав свое убеждение, что биология сводится к физике, что нет различия между живой и неживой природой, т. Тимирязев дальше поясняет, почему создается в нас представление о разнообразии явлений природы. Он пишет: «Но почему же те явления, которые изучает физика, кажутся нам настолько непохожими друг на друга? Потому что они по-разному действуют на нас самих. Звуки мы слышим, свет мы видим, тепло и холод мы ощущаем. Но слух, зрение, осязание, чувство тепла и холода—все это различные, непохожие друг на друга ощущения, и вот поэтому мы и думаем, что

¹⁾ «Энциклопедический словарь Граната», т. XIII, стр. 109.

²⁾ Там же, стр. 112.

все, что производит различные, непохожие друг на друга ощущения, должно и само по себе сильно отличаться друг от друга. Таким образом, мы эти кажущиеся различия сами навязываем природе, потому что мы ее, так сказать, «измеряем на свой аршин», мы все явления разбиваем на группы по тем ощущениям, какие они в нас производят»¹⁾.

То же самое мы читаем и в другой брошюре. «Мы видим, — пишет т. Тимирязев, — как по мере того, как мы углубляемся в самый, так сказать, механизм физических явлений, в самую суть их, они не так уж сильно отличаются друг от друга, и то бросающееся в глаза разнообразие, которое поражает всякого, впервые задумывающегося над миром физических явлений, объясняется главным образом различием наших ощущений, вызываемых этими явлениями. Научное исследование показывает, что различны ощущения, а не то, что их производит»²⁾.

Итак, здесь снова мы видим утверждение об однородности, об однообразии физических явлений и теорию несоответствия ощущений физическим явлениям, вызвавшим их. Мир ощущений разнообразен, качественен, а мир физических явлений однообразен, количественен. Тов. Тимирязев, как видим, резко разрывает так называемые первичные и вторичные качества, и нет поэтому ничего удивительного в том, что он в восхищении от неокантианца Гельмгольца, воспитавшегося на взглядах «отца физиологического идеализма» — И. Мюллера. Но какое отношение эти взгляды т. Тимирязева имеют к современному, т. е. диалектическому материализму Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, к марксистско-ленинской теории отражения и к учению диалектического материализма о бесконечной сложности материи? Взгляды т. Тимирязева есть уступка скептицизму, идеализму в теории познания, — в лучшем случае гельмгольцевский «иероглифизм». И с этих позиций т. Тимирязев хочет воевать с махизмом!

К 1922 г. т. Тимирязев стал оформляться как приверженец марксистского учения. Но каким он пошел путем? Решил ли он пересмотреть свои старые, домарксистские взгляды? Нет, т. Тимирязев прихватил их с собой, идя к марксизму. Он решил приспособить марксизм для оправдания своих немарксистских взглядов. Этот путь т. Тимирязева особенно ярко сказался в двух его выпусках «Философии науки», опубликованных им в 1922/1923 гг. и уже цитированных нами выше. В них мы находим развернутую программу ревизии философского учения марксизма по вопросам естествознания. Она изложена в вводных статьях к этим выпускам «Философии науки».

В статье, предпосланной первому выпуску «Философии науки», ставится вопрос о том, что можно посоветовать прочесть по философии естествознания слушателю из пролетарской аудитории. И т. Тимирязев советует естествознания слушателю из пролетарской аудитории. И он советует читать — что бы вы думали? — «Анти-Дюринг» Энгельса или «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина? Нет! Он рекомендует для чтения нашему пролетарскому студенчеству тех самых «викторианцев», за которыми он шел до революции, за которыми он идет и теперь, 16 лет спустя после Октябрьской революции, не желая или не умея подняться до диалектического материализма Маркса, Энгельса, Ленина. Эти два сборника «Философии науки» т. Тимирязева являются прямым антиподом диалектического

¹⁾ А. Тимирязев, Что такое физика и чему она учит. Стр. 4, 5, 1921 г.

²⁾ А. Тимирязев, Что такое физика и какую пользу приносят физические инструменты. Стр. 64, 1919 г. В этой брошюре мы можем видеть, каких взглядов т. Тимирязев держался на историю науки и на «стимулы» научного творчества. На стр. 8 он писал: «Все развитие нашей науки мы можем рассматривать как непрерывное приспособление человека к запросам его ума и потребностям жизни».

материализма в «Анти-Дюринге» и «Диалектике природы» Энгельса и «Материализме и эмпириокритицизме» Ленина.

Из приведенной справки мы видим, что т. Тимирязев продолжает упорно отстаивать свои ошибочные философские взгляды, старый свой анти-марксистский теоретический багаж, не желая или не умея идти вперед от «викторианского», т. е. буржуазного, непоследовательного материализма к современному, диалектическому материализму, марксизму.

Прошло более десяти лет с той поры, как т. Тимирязев уже под флагом марксистской фразеологии выдвинул такую программу! И что же мы видим, оправдалась ли эта программа, оправдался ли прогноз, который давал т. Тимирязев, прогноз, согласно которому кризис естествознания должен быть преодолен на путях механицизма и иероглифизма Гельмгольца, Больцманна и других «викторианцев»? Что же мы видим в действительности? Преодолели ли буржуазные творцы науки стоящие перед естествознанием трудности? Ответ на это легко дать, взяв в качестве примера например Планка или Ленара. Планк, творец современной теории квант, не только не преодолел идеализма, идя воспеваемым т. Тимирязевым путем, но докатился до самой настоящей поповщины и до прислуживания фашизму. То же самое, но в еще более отвратительной форме, мы наблюдаем и у Ленара. А ведь это материалисты «викторианского» пошиба!

Теперь т. Тимирязев в его настоящей статье пытается говорить лишь о Масквелле и других «викторианцах», которые не дожили до современной бурной эпохи и не могли докатиться до того, до чего докатился Планк. Но почему же, спрашивается, их последователи оказались беспомощными преодолеть кризис современного естествознания?

Потому, отвечает Ленин, что «без солидного философского обоснования никакие естественные науки, никакой материализм не может выдержать борьбы против натиска буржуазных идей и восстановления буржуазного мирозерцания. Чтобы выдержать эту борьбу и провести ее до конца с полным успехом, естествознатель должен быть современным материалистом, сознательным сторонником того материализма, который представлен Марксом, т. е. должен быть диалектическим материалистом». А этого-то и не понимает т. Тимирязев, являющийся апологетом половинчатого, буржуазного материализма, апологетом механистического (и иероглифического) материализма в естествознании, который не в силах разрешить кризис современного естествознания, сторонником философов и естествоиспытателей эпохи буржуазного либерализма. Тов. Тимирязев упорно не хочет понять разницы между этим «викторианским» буржуазным материализмом и материализмом диалектическим.

Путь, избранный т. Тимирязевым в философии, есть путь буржуазный. А разрешения всех и всяческих кризисов буржуазного общества, в том числе и кризиса буржуазного естествознания нельзя достигнуть на почве буржуазных отношений и при помощи буржуазной идеологии. Разрешить кризисы буржуазного общества, в том числе кризисы буржуазной науки может лишь пролетарская революция, диктатура пролетариата, идеологическим же оружием ее является диалектический материализм, марксизм.

Неудивительно поэтому, что т. Тимирязев не видит и не хочет видеть того, что видят давно уже не только советские ученые, но и некоторые из буржуазных ученых, поворачивающих к диалектическому материализму. Вот что мы читаем в письмах Меллера, профессора Техасского университета, и Стройка, профессора в Кембридже, Массачузетс, САСШ. Первый пишет: «Не только работающие в области социальных наук, но и занимающиеся естественными науками имеют особые причины прославлять жизнь

Карла Маркса и воздавать уважение его памяти к 50-летию со дня его смерти, когда правильность его учения подтверждается больше, чем когда-либо. Ибо Маркс предвидел в своем учении о материалистическом понимании истории, что триумф революционного движения, которое он сам возглавлял, должен послужить прелюдией к освобождению безграничных человеческих и материальных сил для дальнейшего развития наук, естественных так же, как и социальных, и теоретических так же, как и прикладных, как главного орудия, при помощи которого в будущем может быть повышено благосостояние рабочих мира. Дialeктический материализм Маркса и Энгельса, заложивший непосредственные основы скорее рационального, чем «рационализированного», подхода к научным проблемам вообще, сможет тогда непосредственным образом действовать в дальнейшей работе науки. В этом отношении Маркс сознательно подготовлял путь для такого века науки, по сравнению с которым теперешнее состояние науки покажется варварским»¹⁾.

А вот что пишет профессор Стройк: «а) В применении к математике марксизм может привести к полному изучению ее классификации, ее внутреннего развития, внутренней связи ее предмета и оценке ее значения.

б) Марксизм делает возможным понимание сущности математики, которое может привести к усилению ее основ, к пониманию ее отношения к другим наукам, к пониманию соответствующего значения различных школ математического мышления и значения математики для общей концепции мира.

в) Марксизм делает возможной реальную историю математики, показывающую ее диалектическое развитие в истории путем связывания ее с социально-экономической структурой различных периодов...»

Эти выводы из своего письма профессор Стройк заканчивает:

«з) Социализм перенесет математику из области теории в область действия, область, которую она окончательно никогда не покидала, но отчуждение от которой она чувствует»²⁾.

Неправда ли, совершенно иная музыка, чем у «викторианцев», воспеваемых т. Тимирязевым?!

Мы видим, что линия механистов, представленная т. Тимирязевым, не есть партийная линия, а есть линия защиты буржуазной идеологии, защиты прямой, открытой. И не случайно, что механисты подвергли последовательной критике все основные положения материалистической диалектики. Не случайно, что механицизм стал теоретической базой правого уклона.

По отношению к т. Тимирязеву персонально нужно сказать, что все дело здесь в том, что он не только не отказался от своих старых взглядов, но более того, привнес их от своего прошлого, когда он еще не был марксистом, когда он еще не был большевиком и находился в орбите влияния либерализма.

Вот в этом обстоятельстве, которое т. Тимирязев не может отрицать, кроется гораздо более серьезный момент, чем все инсинуации, которые он нагромоздил в своей статье.

Вся суть безудержной антипартийной критики т. Тимирязева в том и кроется, что он нагромождением громких фраз и обвинений хочет прикрыть свою философскую позицию, которая ничего общего с марксизмом не имеет и является его старым багажом, заключающим в себе довольно прочные убеждения философа буржуазного радикализма.

В этом же обстоятельстве кроется объяснение и того, почему т. Тимирязев блокируется по линии теоретической физики с довольно реакционными

¹⁾ Сборник «Марксизм и естествознание», стр. 204, Партиздат, 1933 г.

²⁾ Там же, стр. 211.

элементами, почему он так резко разошелся с молодыми кадрами, почему он совершенно не способен хоть чем-либо пособить конкретно разобраться в проблемах современной физики.

В настоящее время по ряду причин, о которых мы уже говорили, для т. Тимирязева и для всей возглавляемой им группы стало невозможным далее отсиживаться. Не желая отказаться от своей ошибочной позиции и пойти по партийному пути, т. Тимирязев избрал путь самой огульной, безудержной, самой зашибательской, переходящей в антипартийную критики своих противников.

Отдадим же должное оценке и этой последней стороны статьи т. Тимирязева.

* * *

Быше мы показали, как критикует т. Тимирязев редколлегию журнала «П. З. М.». Мы видели, что он вместо признания своих ошибок и правильности постановления ЦК ВКП(б) от 25/I 1931 г. избрал объектом нападок не только линию, но и всю конкретную работу редколлегии, которую он игнорировал.

А теперь посмотрим, как т. Тимирязев выполняет ленинское указание о том, чтобы помогать стихийным и непоследовательным материалистам-естественникам найти путь к диалектическому материализму.

Возьмем академика А. Ф. Иоффе, материалиста по основной своей позиции. Тов. Тимирязев выхватывает одну цитату из первой части учебника физики Иоффе, где писалось, что если рассматривать весь мир как изолированную систему, то можно говорить об обесценении тепловой энергии, т. е. о тепловой смерти, и обвиняет автора в проповеди поповщины, в отказе от современной науки и попятном движении «лет на 60 назад».

Есть ли критика т. Тимирязева деловая и заслужил ли академик Иоффе обвинение в проповеди поповщины?

Возьмем хорошо известные т. Тимирязеву «Лекции по молекулярной физике» А. Ф. Иоффе, изданные в 1919 г. Вот что мы читаем в этих лекциях: «Тепловое движение — наиболее хаотический вид движения, поэтому энергия в предоставленной самой себе системе постепенно распределяется между молекулами в виде теплового движения. Обратный переход хотя и возможен с этой точки зрения, но подсчет показывает, что он крайне невероятен: на один случай, когда энергия упорядочилась бы сама собой, приходится неизмеримо большее число случаев, когда она, наоборот, рассеивается; поэтому только эти последние случаи мы и наблюдаем в природе»¹⁾.

Как видим, А. Ф. Иоффе признает и «обратный переход» тепловой энергии. Исчисление вероятности этого обратного перехода и есть доказательство, данное Смолуховским и Больцманном, недействительности вывода о «тепловой смерти». На точке зрения Больцманна и Смолуховского стоит и т. Тимирязев, ошибочно считающий эту точку зрения за марксистскую позицию по вопросу о тепловой смерти.

А вот как т. Тимирязев излагает взгляды Больцманна его же собственными словами в своем курсе «Кинетической теории материи». Рассмотрев теорему «Н» Больцманна и придя в восхищение от нее, т. Тимирязев пишет: «В курсе лекций по теории газов Больцманн еще более подробно, а по форме еще более последовательно изображает эту картину мира: «Можно себе представить мир как механическую систему, состоящую из огромного числа частиц и существующую неизмеримо долго. В сравнении с размерами этой системы ничтожна вся наша звездная система, а промежутки времени, изме-

¹⁾ А. Ф. Иоффе, Лекции по молекулярной физике, стр. 76—77, 1919 г.

ряемые необозримыми эпохами-эонами, будут малы по сравнению со временем существования вселенной. В этой вселенной господствует почти везде тепловое равновесие и как его следствие—смерть. Но то там, то здесь в небольших областях,—небольших, говоря относительно: они будут порядка нашего звездного мира (мы их будем называть индивидуальными мирами), — окажутся значительные отступления от термического равновесия и притом в течение промежутков, коротких по сравнению с величиной «эона». Число таких частей вселенной, для которых вероятность состояния возрастает, одинаково с числом тех, для которых она убывает. Для вселенной в целом оба направления времени невозможно отличить точно так же, как в пространстве нет ни верха, ни низа»¹⁾.

Как видим, учение Больцманна, приведшее в восхищение т. Тимирязева, не отрицает тепловой смерти для всей вселенной в целом и никакого решения о тепловой смерти по существу не дает. Поэтому академик А. Ф. Иоффе был лишь научно добросовестен, когда он изложил взгляды Больцманна так, как они есть в действительности, в отличие от т. Тимирязева, восхваляющего больцманновскую точку зрения.

Уже из приведенного ясно, что т. Тимирязев сам вместе с Больцманном заслуживает обвинения в поповщине. Однако позицию т. Тимирязева мы поймем и оценим по-настоящему лишь тогда, когда примем во внимание то, что он скрыл от своих читателей, что заставило ученых бросить разговоры о тепловой смерти. Заставили же их бросить эти разговоры не математические выкладки Больцманна и Смолуховского, основанные на механистических представлениях, а открытие таких форм энергии, которые оставили далеко позади себя то, что было известно на основе старой механики. Действительно, на основе кинетической теории материи и теплоты «викторианцем» лордом Кельвином (В. Томсон) был исчислен возраст солнца и солнечной системы и определен в 50 миллионов лет максимум. Эти исчисления оказались в полном противоречии с геологическими определениями возраста земли и в дальнейшем были отброшены, так как были открыты немеханические формы энергии — радиоактивность и превращение атомов вообще. По сравнению с этими процессами тепловые процессы оказались величиной ничтожно малой. Поэтому отпал и разговор о тепловой смерти вселенной. Вместе с тем на передний план в науке о вселенной выдвинулись не механические проблемы, а проблемы физики, химии и атомных превращений. На основе этих новых представлений в соответствии с экспериментальными данными возраст солнца стали определять в биллионы лет, причем вся проблема об эволюции вселенной встала на иные рельсы.

Спрашивается, какую ценность имеет обвинение т. Тимирязевым А. Ф. Иоффе в поповщине, когда сам т. Тимирязев стоит на позициях, так мало отличающихся от критикуемых, что с полным правом можно и его самого обвинить в поповщине?

И это обвинение тем более имеет основание, что т. Тимирязев, восхваляя Больцманна, не только некритически относится к его теории тепловой смерти для вселенной в целом, но также и к его методу, который в конце концов неизбежно приводит к признанию чудес. По Больцманну, хотя и с малой вероятностью, возможны самые необычайные явления. Так например, ставя чайник на лед, мы не ожидаем, что он закипит. А по Больцманну выходит, что хотя и с малой долей вероятности, но допустим и такой случай, когда чайник, поставленный на лед, закипит. На основе тысячевековой практики известно, что человеческий труп начинает разлагаться тотчас по-

¹⁾ А. К. Тимирязев, Кинетическая теория материи, стр. 94, 1923 г.

сле смерти, и это разложение через несколько дней при обычной температуре достигает уже весьма ощутимых размеров. Поэтому мы и считаем евангельскую сказку о Лазаре выдумкой. Но, исходя из больцманновских представлений, мы должны допустить, что хотя и с малой долей вероятности, но может случиться так, что Лазарь, пролежав несколько дней в могиле, может встать и т. д. Вот пара примеров, взятых из литературы, посвященной проблеме статистической механики, построенной на основе представлений Больцманна и Смолуховского, примеров, показывающих, что механистическое представление о случайности не спасает от поповщины ни в малейшей степени.

Тов. Тимирязев же это ограниченное механистическое представление старается выдать за марксистское решение вопроса и с этих позиций обстреливает своих противников. Поэтому мы и привели выше те данные, которые характеризуют истинную роль больцманновских представлений, чтобы показать, насколько легковесны доводы т. Тимирязева и насколько легкомысленно он бросает свои обвинения.

А вот второй, еще более яркий пример, характеризующий метод критики т. Тимирязева.

«Не отстают от Западной Европы (в проповеди идеализма и поповщины.—А. М.),— пишет т. Тимирязев в своей статье,— и наши люди науки и среди них на первом месте академик С. И. Вавилов». Далее т. Тимирязев приводит выдержку из популярной брошюры Вавилова «Глаз и солнце», где говорится между прочим следующее: «Если позвольте так выразиться, человеку удалось при помощи математики подняться выше самого себя, и надо ожидать, пока мы привыкнем к новым словам и новым фактам и начнем понимать то, что сейчас известно, но непонятно».

На основе этой выдержки из брошюры, в которой т. Тимирязев не мог найти ничего более подходящего для своих обвинений, он зачисляет материалиста Вавилова в первые ряды идеалистов. Тов. Тимирязев молчит о том, что брошюра Вавилова—неплохая популярная брошюра, что автор стоит и в ней на материалистической позиции. Но зато т. Тимирязев не скупится на обвинения.

Но верно ли и то обвинение, которое бросает т. Тимирязев Вавилову? Разве не факт, что современные физики при посредстве вычислений открывают такие вещи, которые они не понимают и понимать научаются лишь позднее, что уравнения нередко умнее математиков? Что это так, нетрудно убедиться из статьи самого т. Тимирязева. Парой страниц далее приведенной цитаты из Вавилова т. Тимирязев сам пишет об атомной теории, что она «основывается на непонятных постулатах Бора».

Спрашивается, помогает ли метод критики т. Тимирязева тому, чтобы направлять наших ученых по более правильному пути? Не производит ли огульная критика т. Тимирязева самого отталкивающего действия и не приносит ли она вред марксизму? Никакого иного ответа на эти вопросы кроме того, что т. Тимирязев оказывает медвежью услугу марксизму, что он отталкивает материалистов-ученых от марксизма, дать нельзя.

Безудержная и огульная критика т. Тимирязева распространяется, к сожалению, не только на отдельных лиц, но на всю основную массу советских ученых. Это видно из уже приведенной выше цитаты. Никакого конкретного разбора того, кто не «отстает» от Западной Европы, а кто идет в противоположном направлении мы не найдем у т. Тимирязева. Он всех валит в одну кучу и в своей ослепленности не видит различия между материалистами и идеалистами.

Но немалым лучше у т. Тимирязева подход и к критике идеалистов.

Если отвлечься от повторения т. Тимирязевым той критики идеалистов-физиков, которая уже была дана на страницах журнала «Под знаменем марксизма», то самому т. Тимирязеву принадлежат такие перлы, как например обвинение профессора Тамма в идеализме лишь на основе того, что Тамм в своей статье о Фарадее в «Успехах физических наук» посмел сказать о действительно имевшем место историческом факте. Тамм говорит о положительной роли учения, выдвинутого школой Шеллинга, — идеалиста, как подчеркивает сам Тамм, о всеобщей связи сил природы. На основе этих представлений Эрстед, Р. Майер и другие сделали свои открытия. Но какое дело т. Тимирязеву до исторических фактов, когда он имеет цитату из Гельмгольца, критикующего философию Шеллинга — Гегеля?

Нужно прямо сказать, что т. Тимирязев здесь игнорирует исторические факты ради своей безудержной критики.

Если в приведенном примере т. Тимирязев возводит на профессора Тамма, как и на ряд других критиков, незаслуженный поклеп, то как обстоит дело там, где он критикует действительно идеалистические ошибки профессора Тамма и других скатывающихся в идеализм физиков?

Действительно, утверждение профессора Тамма и других, что электромагнитные колебания распространяются без материального носителя и т. п., является идеалистическим. В подтверждение этого т. Тимирязев в своей статье приводит соответствующие цитаты. Действительно, в более ранних произведениях профессора Тамма мы находим идеалистические положения, отрицающие эфир как «носителя электромагнитных колебаний». Но т. Тимирязев умалчивает (хотя он это хорошо знает) о том, что профессор Тамм, по крайней мере на словах, отказался в позднейших работах от прежних своих утверждений. Если взять статью профессора Тамма о Фарадее, так неудачно подвергнутую уже критике т. Тимирязевым, то в ней мы читаем: «В более же широком философском смысле слова материей является всякая объективная физическая реальность, существующая во времени и пространстве. И в этом смысле не только свет, но и эфир — носитель физических свойств пространства — несомненно является материальным». Спрашивается, зачем, для какой цели т. Тимирязеву надо умалчивать об отказе профессора Тамма от его прежних ошибочных утверждений.

То же самое т. Тимирязев проделывает и с т. Гессеном. Тов. Гессен в отличие от т. Тимирязева в свое время публично отказался от своих неправильных, идеалистических утверждений, признал их ошибочными¹⁾ и, более того, частично исправил их. Так, по вопросу об эфире т. Гессеном была написана статья «Эфир», которая и появилась в свое время (почти два года тому назад) в 65-м томе «Большой советской энциклопедии» и в которой т. Гессен стоит на правильных позициях. Спрашивается, для чего нужен т. Тимирязеву фальсификация действительного положения по вопросу об идеалистических утверждениях профессора Тамма и т. Гессена?

Мы не будем останавливаться на дальнейших примерах искажений, фальсификаций и т. п., которые допускает т. Тимирязев в своей статье в отношении как советских, так и зарубежных ученых (например идеалистические утверждения Эйнштейна он называет «неудачей»; профессора Мизеса, известного своими работами по аэродинамике, он относит к борцам против техники и т. п.), как беспартийных, так и партийных. Остановимся лишь на нападках т. Тимирязева на пишущего эти строки, а также на тт. Гальперина и Маркова.

¹⁾ «За поворот на фронте естествознания», стр. 54—60, Соцэкгиз, 1931 г.

Тов. Тимирязев делает в своей статье попытку дать классовый анализ враждебного нам философского лагеря.

До каких геркулесовых столбов он при этом доходит и какими методами он при этом пользуется, можно видеть из следующего примера. Желая изничтожить пишущего эти строки как противника механицизма, он на стр. 121 своей статьи приводит цитату из книги пражского физика Ф. Франка «Закон причинности и его границы», где махист и представитель мелкобуржуазной идеологии Франк пытается ставить в один ряд мое отрицательное отношение к механистическим взглядам механистов на причинность с борьбой против причинности в о б щ е (а это большая разница, чего т. Тимирязев не хочет видеть, а тем более сообщить своим читателям) со стороны О. Шпанна. Приведя указанную цитату из Франка, т. Тимирязев настолько обрадовался, что по-детски (если бы только это не был прием для уловления простаков) прямо, без какого-либо размышления и аргументации уже выпаливает вывод: «Оказывается, что философ Гитлера О. Шпанн говорит то же самое (!?), что и наши марксисты». Вот и весь «классовый» анализ т. Тимирязева! Чего тут больше — «невинной простоты», упрощенства или злостного желания во что бы то ни стало очернить противников механицизма, трудно сказать, но во всяком случае и того и другого более чем достаточно.

Чтобы донять, к каким недобросовестным приемам при очернении своих противников прибегает т. Тимирязев, достаточно далее разобраться в приведенной цитате и в выводе т. Тимирязева из книги Ф. Франка. Франк, мелкобуржуазный идеолог, колеблется между двумя лагерями, отчасти сочувствует СССР и вместе с тем находится в контакте с социал-фашистскими идеологиями, в конечном же счете по существу является противником диктатуры пролетариата. Как всякому колеблющемуся мелкому буржуа, Франку кажутся одинаково неприемлемыми и диктатура пролетариата и диктатура буржуазии в ее фашистской форме. Отсюда у Франка и сотен других идеологов мелкой буржуазии механическое сопоставление и отождествление большевизма с фашизмом. Говорит ли это механическое сопоставление о том, что эти идеологи мелкой буржуазии правы? Нет! Но Тимирязеву до этого нет дела. Раз можно очернить своего противника, то он готов воспользоваться цитатой из работы мелкого буржуа, не разбирающегося в отличии диктатуры пролетариата от диктатуры буржуазии.

Но самое замечательное в попытке механиста Тимирязева «изничтожить» меня как его противника с помощью цитаты из Франка — это то, что Тимирязев молчит (а какое у него многословие, когда ему нужно огульно обвинить противников механицизма!) об оценке, данной Франком, взглядам механицизма, позиции самого Тимирязева и о том, как Франк расценивает постановление ЦК ВКП(б) о журнале «П. З. М.».

Тов. Тимирязев молчит о том, что Франк, сопоставляя меня со Шпанном, цитирует мою рецензию на «Медико-биологический журнал» и журнал «Естествознание и марксизм», где была помещена статья Серебровского «Антропогенетика». Тов. Тимирязев молчит о том, что цитата Франком передана более чем вольно. Наконец, т. Тимирязев молчит о том, что Франк и далее цитирует эту мою, по моему глубокому убеждению, совершенно правильную рецензию. Так, на стр. 121 своей книги Франк по поводу моей критики стремления Серебровского борьбу за металл, за уголь, за социалистическую перестройку земледелия и т. д. подменить борьбой за улучшение генофонда населения СССР приводит следующую цитату из моей рецензии: «Здесь грубейшая механистическая ошибка: сведение социологии к биологии, общественного к биологическому. Разве не классовый опыт пролетариата СССР, не энтузиазм масс, не правильная политика коммунистической

партии — залог выполнения пятилетки, поскольку мы говорим о населении»¹⁾. Франк эту цитату из моей рецензии сопровождает следующим резюме: «Отсюда видно, как далеко отстоит этот русский материализм от того, что принято обозначать материализмом у нас».

Итак, т. Тимирязев воспользовался крайне неудачной цитатой из Франка в надежде, что его инсинуациям поверят на-слово. А на деле оказалось, что он выступает против рецензии, которая правильно боролась за диалектический материализм и, к слову говоря, была встречена дебординцами в штывки (о чем я и писал в свое время в письмах в «Правду» и «П. З. М.»).

Но самое замечательное в тимирязевском изничтожении меня при посредстве цитаты из Франка это то, что Франк выступает решительным противником Ленина, но зато он стоит горой за Тимирязева, горой за тимирязевское понимание и трактовку постановления ЦК ВКП(б) о журнале «П. З. М.».

Франк полагает, что постановление ЦК ВКП(б) является постановлением, ограничивающим критику механицизма, признанием правоты механицизма. Более того, Франк в своей книге выступает за механистическое понимание явлений, защищая Тимирязева, но воюя с Лениным.

Вот что пишет Ф. Франк на стр. 120 своей книги: «Среди натур-философов марксистского направления в России и в настоящее время имеются очень многие, которые указывают на то, что и с диалектическим направлением материализма соединимо такое понимание, что явления в живых существах могут быть сведены к физико-химическим законам. Во главе их стоит известный физик А. Тимирязев. Но это направление подверглось в последние годы сильным нападкам. Его приверженцы, «механисты», расценивались часто почти как враги посподствующей социальной системы, так же как «идеалисты» и «махисты». Механистическое понимание расценивалось одно время как идеология правого крыла коммунистической партии, которое сопротивлялось быстрому проведению социалистической перестройки».

Таким образом, для Франка ясно то, что теперь т. Тимирязев отрицает, т. е., что он механист, более того, глава механистов и что механицизм — идеология правого уклона.

Но Франк понял не только философский смысл позиции т. Тимирязева, он выступает за Тимирязева, но против диалектического материализма, против Ленина.

В той части своей книги, где Франк рассматривает отношения махизма к материализму, он пишет (стр. 272): «Материализм, поскольку он высказывается в том смысле, что жизненные процессы могут быть сведены к физическим, является естественно-научной теорией и совершенно ничего общего не имеет с учениями школьной философии об истинном мире».

Признавая механицизм за научную теорию, Франк, наоборот, относит диалектический материализм к одной из разновидностей школьной философии или к числу таких течений, которые не в состоянии преодолеть школьную философию. Причину этого он видит в том, что Маркс, Энгельс и Ленин исходили из философии Гегеля.

На стр. 272—273 Франк пишет: «Развитие материализма в русской литературе часто показывает отход от классического «механического» материализма эпохи просвещения и сильное подчеркивание диалектической стороны «диалектического материализма», которое его снова сближает с философией Гегеля, из которой его Маркс и Энгельс произвели посред-

¹⁾ «П. З. М.» № 7—8, стр. 251, 1930 г.

ством подчеркивания материалистической стороны, причем они диалектику Гегеля перевели с идеалистического языка на материалистический».

Противопоставляя механистический материализм как научный диалектическому, Франк договаривается до того, что он диалектический материализм обвиняет в непоследовательной, недостаточной борьбе с... религией!

Впрочем и в этом пункте Франк поет ту же песенку, что и т. Тимирязев, так как последний, как и первый, в марксистском утверждении, что жизненные явления, будучи по существу едины, вместе с тем по своей форме отличны от физических и химических процессов, видит уступку витализму и идеализму вообще, т. е. поповщине.

Как видим, идеалист Ф. Франк блокируется с т. Тимирязевым.

И это не случайно. Не случайно то, что т. Тимирязев, щеголяющий радикализмом, когда он обрушивается на своих противников, на деле блокируется с реакционными элементами среди профессуры, выступает против молодых кадров и защищает те взгляды в области теоретической физики, которые отбрасывают науку на целое столетие назад.

Спрашивается теперь, чего стоит критика т. Тимирязева?!

Действительно, как оценить защитительный стиль статьи т. Тимирязева, где он одним махом, без каких-либо мотивов, возводит такие политические обвинения против своих философских противников? Действительно, чего стоят обвинения и в распространении волны идеализма в СССР, в влиянии яда в мозги строителей социализма и т. д. и т. п., если т. Тимирязев валит в одну кучу и оголтелых генералов Смутсов, и епископов Барнсов, и журнал «П. З. М.», и старых и молодых физиков, и партийных и беспартийных? Тов. Тимирязев не замечает того, что такого рода критикой он действительно помогает не партии, а тем, кто борется против партии, лагерю, враждебному социалистическому строительству. Ведь никто еще так не охаивал линию нашего журнала, как член его редколлегии т. Тимирязев, никто так огульно не обвинял работы совершенно различных органов и лиц, свалив их в одну кучу.

В заключение нашего рассмотрения методов критики, применяемых т. Тимирязевым, остановимся еще раз на его критике статьи тт. Гальперина и Маркова и обратим внимание нашего читателя на одну сторону вопроса, которую мы до сих пор оставляли без рассмотрения.

Как мы видели выше, тт. Гальперин и Марков утверждают, что идеалистические выводы Гайзенберга из соотношения неточностей совершенно не вытекают из него, что ни понятие причинности, ни наши представления о пространстве и времени не затрагиваются правильно трактуемым соотношением неточностей. Таков весь смысл статьи Гальперина и Маркова. Можно, как мы уже говорили, с этой точкой зрения не соглашаться, можно ее критиковать (к чему и призвала редакция), но нельзя не видеть того, что Гальперин и Марков выступают против идеалистических выводов Гайзенберга. А что делает т. Тимирязев?

Он утверждает, что Гайзенберг стоит к материализму ближе, чем Гальперин и Марков. Тов. Тимирязев начинает стр. 51 своей статьи утверждением: «Теперь, спрашивается, правы ли мы были, когда говорили, что эта точка зрения хуже всех остальных, приведенных нами» (т. е. и Гайзенберга и всех других идеалистов). И затем кончает свою VI главу вопросом: «А вот куда пойдут люди, которые лишали материю всех ее атрибутов и называют такой образ действия борьбой с идеализмом на основе марксистско-ленинской методологии? Куда они пойдут? Лучше не будем говорить об этом».

Мы тоже не будем об этом говорить, так как это является гаданием на кофейной, то бишь, цитатной гуще. А вот факт, что т. Тимирязев считает

себя более близким к Гайзенбергу, заслуживает нашего внимания уже сейчас. Ведь история борьбы партии с уклонами в области философии и политики показала, что еще совсем недавно правые блокировались с «леваками», а механисты с меньшевистствующими идеалистами.

Франк, Гайзенберг теоретически ближе т. Тимирязеву, чем товарищи по партии. Гальперин, Егоршин и другие теоретически более опасны, чем буржуазные философы-идеалисты, утверждает т. Тимирязев и повторяет свои давно уже высказанные мысли. Действительно, еще в статье-докладе «Поход современной буржуазной науки против материализма в области естествознания» от 1922 г. т. Тимирязев отрицал наличие кризиса науки в буржуазных странах и видел его у нас, в СССР. Он писал в своей статье: «Не то у нас; у нас появляется целый ряд книжек по естественным наукам, где в очень искусной, но, правда, беззащитной форме опровергается материализм». Теперь т. Тимирязев повторяет снова родственные мысли. Нетрудно видеть, что мы здесь имеем особую склонность со стороны т. Тимирязева смотреть через розовые очки на положение в буржуазных странах и особенно отрицательно относиться к тому, что происходит у нас. Получается полное извращение перспективы, полное непонимание действительного положения дела. Причина этого, как мы уже видели выше, кроется в том, что т. Тимирязев является апологетом «викторианцев», философов буржуазии эпохи либерализма.

В этом же кроется и причина той безудержной «критики», вернее, наскоков на противников механицизма, которые применяет т. Тимирязев.

На стр. 95 своей статьи он пишет: «Как можно руководиться лозунгом, что «в период реконструкции техника решает все», если со страниц научной литературы строителю социализма будут нашептывать: «Время техники прошло, наступила пора спекулятивного естествознания?»

«Против этих настроений в области науки нужна не менее ожесточенная борьба, чем против контрреволюционного троцкизма, против неверия в возможность построения социализма в одной стране, против неверия в силы рабочего класса, увлекающего с собою в строительство социализма основные массы крестьянства, и против всех и всяческих правооппортунистических ставок на самотек и «мирное вращение».

Но кто носители антитехнических настроений? Тов. Тимирязев, не долго думая, раскрывает нам современных антитехников! Против техники идут те, кто борется с механицизмом! Тимирязев пишет: «Это антитехническое течение чаще всего замаскировано видимостью борьбы с механицизмом, что необыкновенно прельщает наших меньшевистствующих идеалистов всех толков».

Итак, здесь уже ясно, что т. Тимирязев лозунги партии об освоении техники, о борьбе с оппортунизмом, с контрреволюционным троцкизмом направляет как лозунги борьбы не против троцкистов и оппортунистов, а против тех, кто ведет последовательную борьбу с контрреволюционным троцкизмом, механицизмом, меньшевистствующим идеализмом, ибо смешно было бы предъявлять это требование, как мы говорили, генералу Смутсу и епископу Барнсу!

Это нелепое положение однако не случайная обмолвка т. Тимирязева, а основной лейтмотив статьи: с одной стороны, троцкисты, оппортунисты, а с другой стороны, механисты, защищающие линию партии!

Если в начале своей статьи т. Тимирязев выдвигает это положение безлично, то в конце ее он прямо указывает «носителей зла». Подвергнув «критике» статью тт. Гальперина и Маркова и обнаружив в ней лишние материи ее существеннейших атрибутов, существеннейших и коренных свойств ее бытия, т. Тимирязев, намекая на «авторов статьи и их консуль-

тантов», пишет: «В политике такими фокусами никого не обманешь, кроме совершенно несознательных и темных людей. Смысл лозунга «Советы без коммунистов», которыми поднимали контрреволюцию в Кронштадте в 1921 г. Милоковы и К^о, кажется уже давно всем и каждому ясен. В самом деле, что останется от советов, если в них не будет коммунистов! А вот в философии, видимо, еще можно пробавляться такими фокусами...»

Мы тоже вместе с т. Тимирязевым спросим наших читателей и весь наш партийный и беспартийный актив: «Что останется от советов после того, как, скажем, появится еще одна статья, подобная статье гг. Гальперина и Маркова?». Мы не сомневаемся, что каждый мало-мальски знакомый с политтрамтой скажет, что т. Тимирязев неслыханным образом опощляет лозунги и решения партии, когда он помещение статьи в дискуссионном порядке по специальному вопросу приравнивает к выбрасыванию лозунга «Советы без коммунистов».

Но у т. Тимирязева совсем нет чувства юмора. Он не останавливается на том, что он написал, он доводит свои писания до логического конца. В конце своей статьи он пишет: «Однако сидеть, сложа руки, при таких симптомах также нельзя! А что делать — наша партия знает. Вспомните, что говорил т. Сталин на XVI съезде нашей партии о том, что надо сделать с троцкизмом и правым уклоном для того, чтобы вести развернутое наступление. Точно так же и в данном случае!».

Итак, и в данном случае с диалектическими материалистами как противниками механицизма, пытающимися овладеть современными физическими теориями, а также с рядом крупнейших советских ученых нужно поступить, как с троцкистами! А особенно с диалектическими материалистами — противниками механицизма! Все старания, всю статью т. Тимирязев посвятил тому, чтобы борьбу с механицизмом подвести под троцкизм! Но у т. Тимирязева нет не только чувства юмора, у него нет и понимания партийных документов. Он не понимает, что его узкая специальность еще не есть фронт строительства социализма в целом, что спутывание борьбы в области политики с борьбой например в зубодробительном деле есть пошлейшее упрощенчество и глупость. Поэтому мимо внимания т. Тимирязева прошла статья т. Стецкого «Об упрощенчестве и упрощенцах». Тов. Тимирязев не понимает того, в какое нелепое положение попала бы партия, если бы она шла путем т. Тимирязева и разыскивала в той или иной трактовке соотношения неопределенностей троцкизм или выбрасывание лозунга «Советы без коммунистов».

Однако т. Тимирязев, как мы видели, договорился до этого! Поэтому всю критику т. Тимирязева, поскольку она проникнута такого рода упрощенством и пошлятиной, как бы отдельные положения этой критики ни были верны, нужно отвергнуть как антипартийную, как искажающую пятое из шести условий т. Сталина.

* * *

А теперь подведем итоги рассмотрения статьи т. Тимирязева.

Маркс и Энгельс, а в новейшее время Ленин, продолжатель дела основоположников марксизма, обосновали задачи, которые стоят перед марксизмом-ленинизмом в области теоретического естествознания. Эти задачи заключаются в переработке всего буржуазного наследства в этой области на основе диалектического материализма; окончательном разгроме и изжитии пережитков идеализма и поповщины; в развитии пролетарского мировоззрения, указывающего ясные цели науке и обеспечивающего дальнейшее ее неограниченное, свободное от всех и всяческих кризисов развитие.

Возможность выполнения этих задач создана победоносным строительством социализма в СССР, завершением фундамента социалистической эко-

номики, ликвидацией враждебных пролетариату классов и успешной борьбой с остатками этих классов. В успешном экономическом строительстве под руководством партии и ее вождя т. Сталина мы имеем все необходимое для того, чтобы на основе невиданного роста исследовательских учреждений и работы в области естествознания и техники, на основе роста пролетарских кадров и поворота в сторону социализма основной массы специалистов сделать СССР ведущей страной и в области теоретического естествознания.

Что мы должны делать для осуществления этой задачи?

Прежде всего самым решительным образом бороться против отрыва теории от практики, против всех элементов, которые еще сопротивляются окончательному повороту теоретической науки на службу социализму.

В области теории естествознания эти враждебные социалистическому строительству элементы обнаруживают себя в различного рода идеалистических и поповских выступлениях, направлениях и течениях. Эти идеалистические и поповские течения являются отражением влияния враждебных пролетариату классов, еще стоящих у власти в капиталистических странах, и их остатков в СССР. Поэтому разоблачение классовых корней идеализма в естествознании — одна из первейших обязанностей марксистов — философов и естественников.

Эта борьба может быть успешно проведена лишь при условии, что большевистское теоретическое оружие — материалистическая диалектика — будет сохраняться во всей его чистоте, не искажаемое никакими уклонами и загибами, что будет даваться решительный, большевистский отпор всем и каждому, кто попытается подменить марксизм-ленинизм той или иной разновидностью буржуазной идеологии, как бы это прикрито ни делалось. Борьба на два фронта с уклонами от линии партии в теории и политике является законом нашего развития, залогом окончательной победы коммунизма и марксистско-ленинского учения.

Тов. Тимирязев однако вместо борьбы на два фронта, вместо беспощадного отпора буржуазной идеологии сам встал на позицию одного из буржуазных лагерей, на позицию «викторианцев», подменяя марксизм одной из разновидностей буржуазной идеологии. Поэтому он не понял ленинского анализа кризиса буржуазного естествознания эпохи империализма и проповедует борьбу с идеализмом в естествознании на основе механистического материализма, идеологии определенного крыла буржуазных естествоиспытателей. Поэтому он вместо признания руководящей роли марксистской теории пропагандирует преклонение пред стихийностью и эмпиризмом. Поэтому он не только не возглавляет научного движения в области физики, но противопоставил себя новейшей революции в естествознании и не способен решить проблем, выдвинутых этой революцией. Естественно, что т. Тимирязев, стоя на антимарксистских позициях, не способен, не может вести кадры правильным путем, что он противопоставил себя этим кадрам.

На примере статьи т. Тимирязева мы снова убеждаемся, что механицизм является одним из проявлений враждебной пролетариату идеологии, открытой проповедью идеологии «викторианцев», философов буржуазии эпохи либерализма. Новая попытка т. Тимирязева выдать свою борьбу с противниками механицизма за борьбу на основе партийных позиций немало не скрывает истинного лица механицизма и основного факта, что механицизм есть открытая проповедь подмены диалектического материализма в естествознании философией Гельмгольцев, Томсонов, Максвеллов и тому подобных буржуазных естествоиспытателей второй половины XIX века и начала XX века. Ни длительная борьба партии с механицизмом как методологией правого оппортунизма, ни решение ЦК ВКП(б) о борьбе на два фронта с механицизмом как главной опасностью на данном этапе и с мень-

шевиствующим идеализмом, ни последующая борьба партии в течение двух лет с этими двумя формами ревизии диалектического материализма ничему не научили т. Тимирязева. Попытка его прикрыть старую, механистическую, «викторианскую», иероглифическую буржуазную ветошь политическими лозунгами никого не может обмануть. Также не удастся т. Тимирязеву никого вести в заблуждение и затушевать основной факт, что его вылазка по существу направлена против ленинского этапа в развитии диалектического материализма и в развитии естествознания, против постановления ЦК ВКП(б) о журнале «П. З. М.», о борьбе на два фронта. Не удастся ему свести эти два фронта борьбы только к одному из них, именно к меньшевиствующему идеализму, как он это пытается протащить в своей статье, выдавая обветшалый механицизм и «викторианскую» философию за диалектический материализм Маркса, Энгельса, Ленина.

Статья т. Тимирязева еще раз указывает на необходимость усиления борьбы с механицизмом как буржуазной ревизией диалектического материализма, главной опасностью на данном этапе.

Вместе с тем необходимо усилить борьбу с другой формой ревизии марксизма-ленинизма — с меньшевиствующим идеализмом, с идеалистическим отрицанием ленинизма и в частности ленинского этапа в развитии марксистской философии и естествознания, с отрывом теории от практики социалистического строительства, с неумением заняться живым делом овладения наукой и действительной перестройки ее на основе диалектического материализма.

Лишь выполняя лозунг т. Сталина об овладении наукой и техникой, мы сможем превратить отряд марксистов-естественников и философов в действительно передовой отряд советских ученых, отряд, который сможет повести за собой всю основную массу научных работников по пути перестройки науки на основе марксизма-ленинизма, по пути ее невиданного расцвета.

Но овладение наукой невозможно путем поверхностного скольжения по науке, путем цитатных вывертов, пример чего мы имеем в статье т. Тимирязева. Лишь путем критического, марксистского овладения соответствующими современными научными теориями, лишь путем самостоятельного диалектико-материалистического решения проблем, выдвинутых современной наукой, мы сможем не только вскрыть идеализм, — что для нас мало, — но и окончательно разбить и добить его на той почве, где он черпает свои аргументы. Лишь при этом условии мы сумеем защитить диалектический материализм и сумеем продвинуть его дальше как революционную силу в истории развития науки и техники.

Нет никакого сомнения, что эта задача трудна, что она требует больших и упорных усилий в течение долгого времени, что на этом пути имеется много трудностей и подстерегает наверное немало ошибок, которые мы должны во что бы то ни стало суметь предотвратить, а допущенные — суметь по-большевистски своевременно и быстро исправить.

Чтобы облегчить преодоление трудностей и устранить эти возможные ошибки, мы должны развешивать беспощадную самокритику в своих рядах. Но нельзя однако допустить, чтобы эта самокритика превратилась в самооплевывание и самоуничтожение, нельзя допустить, чтобы под видом самокритики протаскивалась ревизия основ диалектического материализма, — на какой путь и встал т. Тимирязев. Эта «критика» направлена не на мобилизацию наших рядов на преодоление трудностей и ошибок, а на расшатывание, ревизию теоретических основ марксизма-ленинизма, она мобилизует враждебные нам ряды. Поэтому мы должны решительно бороться и против

извращений самокритики в стиле т. Тимирязева, против превращения ее в механистическую «критику» диалектического материализма.

Какие бы трудности ни стояли на нашем пути, какие бы ошибки ни делались на фронте естествознания, победа диалектического материализма в естествознании будет обеспечена только в борьбе за генеральную линию партии на два фронта как в теории, так и в практике социалистического строительства.

Под руководством ленинской партии и ее ЦК во главе с т. Сталиным в борьбе на два фронта против ревизионизма и оппортунизма побед социалистического строительства в СССР обеспечена решительно и бесповоротно!

От редакции

Печатаемые выше статьи т. Тимирязева и т. Максимова являются отражением обсуждения на редколлегии журнала «ПЗМ» положения, создавшегося в результате неучастия т. Тимирязева в работе журнала. Во время этого обсуждения полностью выявилась отрицательная позиция т. Тимирязева как к линии журнала в целом, так в особенности к разделу естествознания, занятая им с самого начала формирования настоящего состава редакции.

Вместо того, чтобы вместе со всей редколлекцией взяться за общую работу на основе постановления ЦК ВКП(б) о журнале «ПЗМ» от 25/I 1931 г. и документов, опубликованных в ЦО «Правда» и «Большевике», т. Тимирязев продолжал защиту своих старых, осужденных партией механистических взглядов.

Попытка т. Тимирязева и на данном этапе защищать механицизм встретила решительный и единодушный отпор редакции.

Публикуя статьи т. Тимирязева и т. Максимова, редакция «ПЗМ» призывает всех сторонников диалектического материализма к решительному отпору механицизму как главной опасности, так и меньшевистствующему идеализму. В то же время редакция «ПЗМ» призывает к участию в дальнейшем обсуждении основных теоретических проблем современной физики и естествознания на основе конкретных достижений и открытий науки. Лишь путем решительного отпора уклонам в области марксистской теории, лишь в процессе развернутого конкретного обсуждения основных проблем современного естествознания возможно двинуть вперед развитие диалектического материализма в применении к учению о природе.

Публикуя статьи т. Тимирязева и ответ т. Максимова, редакция полагает, что развернутая критика механицизма лишь укрепляет позиции марксизма в области естествознания и создает условия для еще большей консолидации марксистских сил.

Статья т. Максимова, написанная по поручению редколлегии «ПЗМ», полностью выражает мнение редколлегии по данному вопросу.

Джозеф Пристли, английский материалист XVIII века

(1733 — 1804).

Л. Ческис

13 марта настоящего года исполнилось 200 лет со дня рождения Джозефа Пристли, крупнейшего английского естествоиспытателя и материалиста XVIII в. Современная буржуазная философская мысль обошла это событие трусливым молчанием.

Учения смелых мыслителей и философов-материалистов, могущественно прокладывающих пути развития буржуазной науке и технике в героическую эпоху буржуазных революций, теперь могут лишь вызывать страх и ужас у «идеологов» одряхлевшего, умирающего буржуазного строя. Ученые лакеи реакционной империалистической буржуазии эпохи всеобщего кризиса капиталистической системы ищут спасения в фашизме, в разгроме науки и техники, в разгуле средневековой мистики и мракобесия. Они проклинают революционное прошлое буржуазной науки и буржуазной философской мысли, стараются замолчать, забыть творения великих своих предшественников.

Все лучшее и ценное в истории буржуазной науки и философии давно уже стало достоянием пролетариата. Он является единственным наследником предшествующего научного знания, всего прогрессивного и революционного в учениях великих мыслителей прошлого.

К числу блестящей плеяды мыслителей прошлого, давших много ценного для развития науки и материалистической философии, относится также Джозеф Пристли.

Джозеф Пристли представляет собою одну из самых замечательных и ярких фигур в истории науки и философии XVIII века. Будучи крупнейшим английским естествоиспытателем и философом-материалистом, он приобрел неувядаемую славу главным образом своими открытиями в области химии, открытиями, сделавшими целую эпоху в науке. Он работал одновременно в области электричества и оптики. Писал он также по вопросам истории, истории религии, теологии, педагогики, грамматики. Как философ-материалист Пристли вел большую полемику с д-ром Прайсом о материи и духе, свободе и необходимости. Он подверг основательной критике шотландскую школу «здорового смысла» и популяризировал «вибрационную теорию» ассоциации идей Гартли.

Пристли был не только теоретиком, но и крупным политическим деятелем своего времени. Как буржуазный революционер он неутомимо боролся за свободу совести, за веротерпимость, за политические свободы. Он защищал права североамериканских колоний против английской олигархии и с большим энтузиазмом выступал в защиту Великой французской революции в своих письмах к Эдмунду Берку. Несмотря на преследования, Пристли оставался непоколебимым в своих убеждениях и 60-летним стариком вынуж-

ден был эмигрировать из Англии в Америку. Таким образом Пристли занимает по праву видное место не только в истории науки и философии, но также среди борцов за буржуазные свободы.

Для правильного понимания специфического характера материалистической философии великого естествоиспытателя и экспериментатора Джозефа Пристли необходимо остановиться на классовом анализе социально-экономических условий Англии второй половины XVIII в.

Философская и политическая деятельность Пристли протекала во второй половине XVIII в. — в эпоху промышленного переворота, в период бурного роста английского капитализма и превращения сельского населения в пролетариат. [Процесс экспроприации крестьян заканчивался. Крутиное производство проникло также и в земледелие. На место независимых именов (мелких крестьян) стали мелкие фермеры, арендовавшие землю погодно. Началось систематическое расхищение общественных земель и грабеж государственных имуществ. Образовались крупные фермы, носившие название «купеческих» или «капитальных» ферм. «Эти факты,—пишет Маркс,—способствовали превращению сельского населения в пролетариат, его освобождению для промышленности»¹). В связи с этим Маркс цитирует известного д-ра Прайса, философа и политического деятеля, современника Пристли. «Если земля,—пишет д-р Прайс,—попадает в руки немногих крупных фермеров, то мелкие фермеры превращаются в людей, вынужденных добывать себе средства к существованию трудом на других и покупать все, что им нужно, на рынке... Выполняется, быть может, больше труда, так как больше принуждают к труду... Города и мануфактуры будут расти, потому что туда гонят все большее количество людей, вынужденных искать себе заработка. Вот те результаты, к которым неизбежно должна приводить концентрация ферм и к которым она действительно приводит в нашем королевстве в течение уже столь многих лет»²).

Этот младенческий период развития крупной промышленности был ознаменован «колоссальным, иродовским избиением младенцев. Фабрики рекрутируют своих рабочих, как и королевский флот своих матросов, при посредстве насилия (насильственной вербовки)»³). Для установления правильного соотношения между капиталом и рабочей силой, для превращения мануфактурных производств в фабричные порабощение и похищение детей стали необходимостью. И оно совершалось с такой беспощадностью, что привело в ужас даже буржуазных моралистов.

«В Дербишире, Ноттингамшире и особенно в Ланкашире,—цитирует Маркс одного буржуазного писателя,—недавно изобретенные машины были применены на крупных фабриках, построенных близ потоков, способных приводить в движение водяное колесо. В эти места, находящиеся вдали от городов, внезапно потребовались тысячи рабочих рук, и как раз в Ланкашире, неплодородном и до сего времени, слабо населенном, действительно оказалась эта потребность в увеличении населения. Особенно сильный спрос был на маленькие, проворные пальцы детей. Тотчас же вошло в обычай набирать учеников (!) из различных лондонских, бирмингемских и других приходских работных домов...» «Во многих фабричных округах, в особенности в Ланкашире, эти невинные, беззащитные создания, отданные во власть фабрикантам, подвергались самым возмутительным истязаниям. Их до смерти замучивали чрезмерным трудом... били, заковывали в цепи, подвергали самым изысканным и жестоким пыткам; истощенные голодом до последней степени, превратившиеся в скелеты, они зачастую плетью при-

¹) Маркс, Капитал, т. I, изд. 1932 г., стр. 582.

²) Там же, стр. 582—583.

³) Там же, стр. 608.

нуждались к труду... Иногда их доводили до самоубийства!»... «Прибыли фабрикантов были опомны. Это лишь разжигало их волчью жадность»¹⁾.

С 1740 г. в Порт-Гамптоншире например вводится система «выгонения пота» (sweating system) самого современного типа. Барыши капиталистов были огромны. Заработная плата взрослых рабочих была до невозможности низка, а эксплуатация детей и женщин была так бесчеловечна, что случаи самоубийства стали обычным явлением.

«С развитием капиталистического производства в течение мануфактурного периода общественное мнение Европы освободилось от последних остатков стыда и совести, — говорит Маркс. — Нации цинично хвалились всякой гнусностью, раз она являлась средством для накопления капитала»²⁾. «Если деньги «рождаются на свет с кровавым пятном на одной щеке», то новорожденный капитал источает кровь и грязь из всех своих пор с головы до пят»³⁾.

Но эта беспощадная и зверская эксплуатация не обошлась без протестов со стороны рабочих. Стачки стали очень распространенным явлением. В целом ряде отраслей образовались рабочие союзы, которые стали бороться за повышение заработной платы. Мы не говорим уже о других формах борьбы, как разрушение машин, убийства их собственников и т. п. Буржуазия стала проявлять свое реакционное лицо, испугавшись борьбы пролетариата.

Это реакционное лицо жадной до наживы буржуазии во второй половине XVIII столетия нашло свое отражение и в идеологии. В среде буржуазии господствуют таким образом в это время идеалисты Беркли и Юм. Но рядом с идеалистической философией мы имеем в лице Дж. Толанда и Джозефа Пристли представителей наиболее прогрессивного, радикального крыла английской буржуазии, представителей материализма. В философии они являются материалистами, но с религиозным теологическим привеском. В религии они являются представителями левых еретических течений, борцами против официальной религии, за свободу совести. В политике они примыкают к радикальным демократическим течениям, ведут борьбу за политические свободы, за право народа.

* * *

Мы попробуем в нашем очерке познакомить читателя с основными идеями Пристли в области философии, науки и политики. Но мы начнем с анализа его философских взглядов. Какова основная линия материалистической философии Пристли?

Пристли выступает в первую очередь против того представления о материи, которое господствовало в философии со времени Декарта. Материя в противоположность духу, сознанию рассматривалась как нечто инертное, неподвижное, мертвое. Основным свойством материи считалась непроницаемость, плотность. Между материей и духом этой философией вырылась бездна. Пристли задается целью реабилитировать, так сказать, материю. Материя определяется Пристли как «субстанция, обладающая известной силой притяжения и отталкивания. В зависимости от условий эта сила проявляется больше или меньше или совсем не проявляется». Таким образом, подобно Толанду, Пристли считает известную форму движения (притяжения и отталкивания) сущностью материи. Такая точка зрения на материю приводит его к материалистическому решению проблемы об отношении мышления к бытию.

¹⁾ Маркс, Капитал, т. I, стр. 608—609.

²⁾ Там же, стр. 609—610. Разрядка наша.—Л. Ч.

³⁾ Там же, стр. 610—611.

Пристли начал с сомнения в существовании двух противоположных субстанций — материальной и духовной. Сначала он формулировал свое положение очень робко. Уже в своей работе, где он подвергает критике философию «здравого смысла» шотландской школы, Пристли пишет: «Я скорее склонен думать, что человек не состоит из двух начал, столь существенно различных между собою, какими являются материя и дух, которые всегда изображаются не имеющими ни одного общего свойства, при помощи которого они могли бы действовать друг на друга. Одно из них занимает пространство, а другое не только не занимает ни малейшей, какую только можно вообразить себе, части пространства, но и не может иметь никакого отношения к нему. Поэтому, собственно говоря, дух мой находится в моем теле не больше, чем на луне. Я, скорее думаю, что весь человек единообразного состава и что свойство восприятия, как и другие способности, называемые духовными, являются результатом такой органической структуры, как структура мозга».

Точка зрения, которую Пристли, колеблясь, высказывает здесь, стала затем его убеждением, защите которого он посвятил свою основную работу по философии — «Исследования о материи и духе».

Он выступает решительно против общепринятого мнения, что материя и дух являются двумя субстанциями, ничего общего между собой не имеющими. «О первой из этих субстанций утверждают, что она обладает свойством протяжения, т. е. имеет длину, ширину и толщину, притом ей также свойственна плотность или непроницаемость, а следовательно и сила инерции. Другая субстанция определяется как субстанция, всецело лишенная протяженности, или отношения к пространству, так что она не обладает ни одним свойством, общим с материей. Поэтому она собственно не материальная, но обладает способностями восприятия, мышления и самодвижения». Все тела согласно этому распространенному взгляду принадлежат материальной субстанции, восприятие и мышление принадлежат духовной субстанции, ничего общего с первой не имеющих, но тесно однако связанной с ней. Пристли разбивает эти взгляды вдребезги. Во-первых, материя, говорит он, не является косной (inert) субстанцией. Силы притяжения или отталкивания ей присущи с необходимостью. Материя есть единая субстанция, обладающая протяженностью, с одной стороны, и силами притяжения или отталкивания, с другой стороны. Во-вторых, неверно, что дух всецело лишен протяженности. «Человеческий дух, — говорит Пристли, — до последнего времени мыслился как своеобразно присутствующий в теле и как обладающий с о б о б ы м д в и ж е н и е м вместе с ним».

Главным доводом в пользу утверждения, что материя косна и инертна и никакими силами не обладает, выдвигали учение о плотности и непроницаемости как основных свойств материи. Пристли приступает поэтому к анализу этих двух свойств и доказывает, что сами эти свойства свидетельствуют о том, что материя не инертна, а обладает силой отталкивания и притяжения. В самом деле, «сопротивление, на которое только и опирается наше мнение о плотности или непроницаемости материи, никогда не создается плотной материей, а обуславливается чем-то другим, совершенно различной природы, а именно — силой отталкивания, всегда действующей реально и на определенном расстоянии от того, что мы называем самым телом». Без силы притяжения, силы, которая всегда рассматривалась как нечто совершенно отличное от материи, не может существовать такой вещи, как материя. В самом деле, «всякое тело, поскольку оно является плотным и непроницаемым, должно необходимо иметь определенную форму или определенный вид. Не менее ясно и то, что ни одна такая оформленная вещь не может существовать, если составляющие ее части не имеют взаимного притяжения, будучи смежными или находясь на определенном расстоянии одна от другой. Поэтому наличие этой силы притяжения должно быть чем-то очень су-

существенным для действительного бытия всякой материи, раз никакая субстанция не может сохранить без этого никакой формы». Точно так же без силы отталкивания никакая непроницаемость тел не могла бы иметь места. Действительно, идея непроницаемости возникает из сопротивления, которое вызывается силой отталкивания, действующей на расстоянии от тела. Когда мы надавливаем рукой на стол и встречаем сопротивление, мы воображаем, что препятствием к прохождению руки через стол является плотная материя, из которой состоит стол. В самом деле, известно, что требуется огромная сила для того, чтобы наши пальцы пришли в соприкосновение со столом. Благодаря силам отталкивания, присущим и столу и нашим пальцам, они удерживаются на известном расстоянии друг от друга. Плотность и непроницаемость таким образом являются производными от тех основных сил, которыми обладает материя, но не являются основными свойствами ее.

Но отсюда вытекает очень важное обстоятельство. Раз единственное основание, в силу которого принцип мышления или ощущения считался несовместимым с материей, опирается на предположение, что непроницаемость является существенным свойством материи и что плотная протяженность является основой всех ее свойств, то весь аргумент в защиту нематериального мыслящего начала в человеке окончательно утрачивает свою силу. «Материя, лишенная того, что доселе называлось плотностью, так же совместима с ощущением и мышлением, как и та субстанция, которую мы привыкли называть нематериальной».

Но если всякая материя обладает протяженностью и силой притяжения и отталкивания, человек обладает еще особыми свойствами: «у человека есть способность ощущения, или восприятия, а также способность мышления». Эти способности не предполагают существования какой-то особой субстанции, а принадлежат той же самой субстанции, которая обладает протяженностью и силой притяжения и отталкивания, т. е. материи, но определенным образом организованной. «Эти свойства, принадлежащие человеку, всегда обнаруживались только в соединении с известной организованной системой материи. Поэтому они необходимы существовать в такой системе и от нее зависят. А так как способность мышления и определенное состояние мозга всегда сопровождают друг друга или как бы сопровождают друг друга, то следует заключить, что эта способность является свойством нервной системы или, вернее, мозга. Мозг таким образом является естественным местом мышления». Пристли устанавливает, как мы видели, что дух является свойством организованной материи и что мышление присуще мозгу. Таким образом по основному вопросу философии его ответ четко материалистический.

Если мы проанализируем содержание нашего мышления, продолжает Пристли развивать дальше свою мысль, мы увидим, что в душе нет ни одной идеи, относительно которой нельзя было бы доказать, что она возникла или на почве телесных чувств или как следствие чувственных восприятий. «Невозможно дальше понять, — говорит он, — как душа могла бы обладать запасом идей без такого именно тела, которым мы обладаем... Поэтому понятие о возможности мышления для человека вне организованного тела не только лишено всякой доказательности на почве реальных явлений, но и находится с ними в прямом противоречии».

Пристли останавливается чрезвычайно подробно на тех затруднениях, которые вытекают с неизбежностью из теории двух субстанций, не имеющих между собой ничего общего⁴⁾. Он совершенно правильно отмечает, что Декарт первым вырыл пропасть между материальной и духовной субстан-

⁴⁾ Следует отметить, что в своем обзоре и критике различных систем Пристли обходит молчанием систему Спинозы.

циями, не имея однако для этого достаточного основания. Отвечая на различные возражения против системы материализма, он доказывает, что, с одной стороны, беспристрастных явлений вообще быть не может и что, с другой стороны, нет никакого основания утверждать, что мысль не может возникнуть из материи. Говорят, что «мы не можем себе представить, как ощущение или мысль может возникнуть из материи, раз они совершенно отличны от нее и не имеют никакого сходства с фигурой или движением». Но это возражение, говорит Пристли, есть результат невежества. Как ни различны свойства ощущения и мысли от тех, которые обыкновенно приписываются материи, они тем не менее могут быть присущи этой материи, если только не будет доказано, что они абсолютно несовместимы одни с другими. Нет никакого видимого сходства между идеями зрения, слуха или запаха и т. д., и однако они существуют все в той же душе, которая обладает различными чувствами и способностями, приуроченными к ним. «Впрочем под принципом мышления я разумею только способность простого восприятия или же наше сознание о присутствии и действии ощущений и представлений». Базируясь на теории ассоциации идей, развитой Гартли, учеником которого он себя считал, Пристли утверждает, что раз допущена способность простого восприятия, «все частные явления ощущения и идей, т. е. их удержание, ассоциация и т. д., а также различные душевные способности, которые порождаются этими изменениями в наших ощущениях и идеях, каковы память, суждение, воля, эмоции и т. п.,—все это получит удовлетворительное объяснение на почве принципа вибрации, которая является модификацией материальной субстанции». Действительно, если вибрации в мозгу, говорит наш философ, сопровождают все наши идеи и являются их причиной, то при помощи ассоциации можно объяснить все явления человеческого духа и все, что мы обыкновенно называем операциями этого духа в отношении ощущений и идей всякого рода.

В согласии с гартлианской вибрационной теорией ассоциации идей наш философ представляет дело следующим образом: «Если две вибрации происходят в мозгу в одно и то же время, то они производят незначительное изменение одна в другой и частичка мозгового вещества будет вибрировать так, как если бы она находилась под воздействием двух импульсов в одно и то же время. Таким образом, раз будет вызвана одна из этих вибраций, то одновременно последует и другая вибрация, которая имела раньше место одновременно с ней». «Это в достаточной степени соответствует процессу вызывания одной идеи при помощи другой».

Пристли отдает себе ясный отчет в том, что одной механики недостаточно для объяснения сложного процесса мышления. Как крутный химик он знает о существовании более сложных законов материи, чем законы механики. Для объяснения процесса мышления не нужно прибегать к нематериальной субстанции. Этот сложный процесс можно объяснить вибрациями мозговой материи.

«Я не жду, — говорит Пристли, — что эта общая точка зрения на доктрину вибрации удовлетворит тех, кто привык рассматривать материальный предмет в самой грубой и самой общей форме, как если бы он был подчинен только законам пяти механических сил, каковое направление мысли преобладало более полувека тому назад. Таким образом врачи пытались объяснить природу болезни и действие лекарства только формой и весом частичек различных твердых и жидких тел и общими законами гидростатики».

«Но эта система была оставлена, так как мы познакомились с более тонкими и более важными законами материи, как они выступают в химических процессах. И так как мы теперь видим, что законы и способы действия простой материи бесконечно сложнее, чем мы воображали, то мы подготовлены к тому, чтобы допустить возможность, что масса материи, вроде мозга, создана творцом с такими исключительными силами в отно-

шении вибрации, что они должны быть достаточны для всех вышеупомянутых целей».

Мы видим таким образом, что Пристли как крупнейший химик пытался преодолеть некоторые недостатки механического материализма, поскольку последний хочет объяснить все сложные явления одними лишь законами механики. Но он тем не менее остается механистическим материалистом, поскольку он не понимает еще природу «как процесс, как материю, мыслимую в процессе исторического образования» (Энгельс). Он остается, как и французские материалисты, «механическим материалистом».

Многих смущает тот факт, говорит Пристли, что все разнообразие и богатство душевной жизни сводятся к такому простому и однообразному процессу. Но разве явления природы, которые обуславливаются тяготением, электричеством, менее разнообразны, менее сложны? «Чем больше мы познаем природу, тем более частные факты и частные законы мы можем сводить к простым и общим законам. И хотя в настоящее время многое кажется нам невозможным, в конце концов должен быть найден один великий, всеобъемлющий закон, управляющий материальным и интеллектуальным миром».

Пристли пытается внести возможно больше ясности и простоты в вибрационную теорию Гартли. Все душевные явления он сводит к способности памяти, суждения, эмоции и воли. Память есть результат ассоциации идей, полученных человеком при помощи внешних чувств. Мы не обладаем способностью вызывать по желанию любую идею, но мы можем вспоминать о какой-нибудь идее постольку, поскольку имеется связь, благодаря прежним ассоциациям, между ней и теми идеями, которые находятся теперь в нашей душе. В самых диких полетах фантазии, говорит Пристли, не встречается ни одной идеи, которая не была бы связана с каким-либо впечатлением или с какой-либо идеей, ранее существовавшей в душе. И то, что мы называем новыми мыслями, представляет собой только новые сочетания старых простых идей и разложение сложных.

Суждение рассматривается как «восприятие всеобщего согласия, или совершенного совпадения двух идей, или же восприятие отсутствия этого согласия и совпадения».

Эмоции являются в результате ассоциации определенной идеи с приятным или неприятным чувством, с которым она была раньше связана. Так, в отношении чувства страха опыт показывает, что ребенку это чувство неизвестно, пока он не испытает чего-либо неприятного для себя. После этого «неприятное представление, оставшееся в душе при воспоминании о полученной неприятности, ассоциируется с представлением об обстоятельствах, при которых получилась эта неприятность, и постепенно с тем только обстоятельством, которое является существенным в этом случае и на которое ребенок смотрит именно как на причину испытанной неприятности».

Сложные эмоции появляются вследствие того, что с одним и тем же обстоятельством ассоциируются разнообразные приятные или неприятные чувства, притом различные эмоции являются лишь модификациями страха и любви. Все наши эмоции таким образом «связаны с нашими интересами в отношении к нашим удовольствиям или неудовольствиям, что в достаточной степени подтверждается наблюдением».

Наконец воля есть модификация сильного желания, возникающего при представлении о приятном предмете, которым человек хочет овладеть. Воля определяется всегда мотивами, которые представляют собой идеи, ассоциированные с представлением об обстоятельстве, приятном для нас, т. е. доставившем нам удовольствие, или неприятном, т. е. доставившем нам неприятные чувства.

Пристли подвергает анализу сложные абстрактные идеи и старается доказать, что они имеют в своей основе ощущения. Чтобы объяснить идею

времени, пишет Пристли, достаточно остановиться на немногих, хорошо известных фактах. Именно впечатления, произведенные внешними предметами, остаются некоторое время в душе, причем это время различно в зависимости от силы и других обстоятельств впечатления. «Следы этих впечатлений, т. е. идеи, могут вызываться после вмешательства других родов идей через очень различные промежутки времени. Если я смотрю на какой-либо дом и потом закрываю глаза, то впечатление, произведенное на мою душу, не сразу исчезает. Я могу созерцать идею дома так долго, как мне угодно... Теперь эти же факты и тысячи им подобных неизбежно порождают идею длительности и последовательности, которые являются элементами нашей идеи времени».

Очень часто рассматривают идеи справедливости и несправедливости как простые идеи, не имеющие следовательно ничего общего с ощущением. Пристли доказывает, что эти идеи являются не простыми, а очень сложными и представляют собой результат сложных ассоциаций. «Идеи, связанные со словами «морально справедливо» или «морально несправедливо», точно так же далеки от того, чтобы быть на самом деле простыми, хотя связь (ассоциация) их частей стала столь глубокой и совершенной благодаря продолжительности времени, что при первом взгляде они обнаруживают видимость простоты. Всякий, кто присматривался к идеям детей, мог заметить, что идея о нравственной справедливости и нравственной обязанности создавалась постепенно и медленно, в связи с длинным рядом обстоятельств, и что прошло значительное время, пока они сделались вообще отчетливыми и совершенными». Если бы эти идеи были простыми, врожденными, то никак нельзя было бы объяснить эти удивительные различия в представлениях людей относительно объектов нравственной обязанности. «Если бы идея нравственной обязанности была простой идеей, возникающей благодаря созерцанию определенных действий или определенных чувств, то я не вижу, почему она не является столь же неизменной, как восприятия цветов или звуков». А ведь всем известно, что один человек может выполнять в качестве морального долга то, на что другой человек смотрит с отвращением и о чем он думает с угрызением совести. Не нужно думать, что врожденность идеи придает ей больше силы и значения. Ни один принцип, считающийся врожденным или природным, не может действовать с большей силой, уверенностью или более механически, чем тот принцип, относительно которого известно, что он является приобретенным. Способ их действия одинаков в первом и втором случае, и аргументировать тем, что сила нравственных принципов определяется простотой, врожденностью, нельзя.

Таким образом Пристли и в вопросах морали стоит на материалистической точке зрения и, несмотря на свои религиозные убеждения, признает с полной ясностью земное происхождение идеи о нравственности. Пристли в этом вопросе, как и в вопросе о свободе и необходимости, как мы это увидим дальше, развивает точку зрения Гоббса. Подобно своему великому предшественнику, он дает только психологическое объяснение морали, но не выясняет ее классового характера, классового содержания.

* * *

Пристли посвятил очень много внимания проблеме свободы и необходимости. Он совершенно правильно считал, что детерминизм вытекает с логической необходимостью из материализма. Поэтому работу о доктрине философской необходимости он представил как дополнительные разъяснения к своим исследованиям о материи и духе. «Если человек, — пишет он, — целиком материален, то нельзя отрицать того, что он должен быть механическим существом, так как все, относящееся к материалистическому учению, является фактически аргументом в пользу учения о необходимости, а раз это учение является прямым следствием теории материализма, то за-

щита этого следствия должна естественным образом сопровождать доказательство той посылки, из которой оно выводится».

Пристли указывает сам вполне основательно, что в основном Томас Гоббс дал уже ясное и последовательное изложение теории необходимости. Однако работа Пристли представляет большой интерес вследствие имеющегося в ней подробного, тщательного анализа этого вопроса и разбора всех возражений против этой теории. Притом следует отметить, что эта теория у него тесно связана с материализмом и с защищаемой им теорией ассоциации идей и является их логическим следствием.

Пристли с особой силой подчеркивает различие между «философской необходимостью» и роком, о котором говорили древние. Все, что встречается у древних по вопросу о необходимости, не имеет, согласно Пристли, ничего общего с современным понятием необходимости. «Их рок, — говорит Пристли, — радикально отличается от необходимости современных мыслителей». Действительно, хотя у них было представление о неизбежности конечного исхода известных вещей, но у них не было представления о необходимой связи между всеми предыдущими событиями и конечной целью. «И у них уже совершенно не было правильного представления о подлинном механизме духа, о влиянии, оказываемом мотивами на решения воли, о том, что весь ряд событий с начала мира и до окончания его представляет связную цепь причин и следствий». Пристли указывает, что учение о предопределении, проповедуемое христианством и магометанством, по существу мало чем отличается от учения древних о роке и тем более не имеет ничего общего с философским учением о необходимости. По мнению христиан и магометан, «божественное существо определяет, что известный ряд событий произойдет абсолютным образом, и оно же пускает в ход сверхестественные средства, необходимые для выполнения его намерений». Таков характер учения Кальвина, Лютера и других реформаторов, но такой же характер носит учение древних о роке.

Для того, чтобы дать правильный ответ на вопрос о свободе и необходимости, нужно иметь ясное представление о том, что мы обозначаем этими терминами. Пристли всецело присоединяется к тому определению свободы, которое мы находим у Гоббса. «Свобода — это отсутствие всех препятствий к действию, не заключающихся в природе и внутренних атрибутах самого действующего существа». Придерживаться теории детерминизма, по Пристли, — не значит отрицать за человеком свободу делать то, что он хочет. «Всякий человек обладает свободой обращать свои мысли к чему ему угодно, рассматривать доводы за или против какой-нибудь теории или положения и размышлять о них столько времени, сколько он сочтет необходимым. Точно так же он свободен ходить, где ему хочется, и делать все то, что могут делать его руки и другие члены его организма». Вопрос идет о том, свободен ли человек хотеть или же его хотение, его воля определены, детерминированы. Сторонники принципа необходимости утверждают, что существует некоторый неизменный закон природы для воли, как и для других способностей духа, как и для любой вещи в природе. Воля сама детерминирована; притом она никогда не определяется без некоторой причины или, вернее, без некоторого мотива выбора. А мотивы влияют на нас определенным и неизменным образом, так что всякое наше хотение или выбор постоянно регулируется и определяется тем, что предшествует ему.

Принцип необходимости вытекает из принципа причинности. Одинаковая причина вызывает всегда одинаковые следствия. Следовательно при одинаковых условиях и деятельность воли будет одинакова. Когда дело идет о решениях духа или случаях хотения либо выбора, то все предшествующие обстоятельства заключаются в состоянии духа (включая сюда все то, что относится к самой воле) и во взгляде на находящиеся перед нами вещи. «Никакое решение духа таким образом не может быть иным, чем оно было, раз

законы духа, как и законы природы вообще, таковы, что за одинаковым состоянием духа и взглядом на вещи должно постоянно следовать одинаковое решение, ибо, как мы видели, одинаковые причины вызывают всегда одинаковые следствия».

Причинность рассматривается Пристли как «одна из самых глубоких ассоциаций в человеческой душе». «Причина и действие вызывают (или внушают) друг друга с чрезвычайной быстротой во всех случаях». Это конечно не значит, что для Пристли, как и для Юма, причинность является субъективной категорией. Ибо ассоциация идей является следствием существования сложных вибраций, которые вызываются действием внешних предметов на органы чувств, в особенности на мозг. Сама «ассоциация причинности» лежит в объективной действительности.

Пристли формулирует свое понимание свободы очень четко и приближается к диалектическому пониманию единства свободы и необходимости. «Человек действительно сам добровольно делает свой выбор, но, делая его добровольно, он следует законам своей природы и неизменно делает его некоторым определенным образом. Допустить, что хотя бы наидобровольнейший выбор делается независимо от законов природы, так, что при наличии одинаковой склонности духа и степени этой склонности и одинакового взгляда на вещи мы могли бы добровольно выбрать в одно и то же время одну, любую из двух различных вещей, так же невозможно, как допустить, что какое-нибудь добровольное или механическое движение не зависит вообще от определенного закона или правила или что вообще какое-нибудь действие может иметь место без причины».

Анализируя акт выбора, Пристли приходит к заключению, что выбор определяется мотивами и что энергия, которая проявляется в данном выборе, определяется интенсивностью мотивов, а различные ассоциации идей определяют характер и силу мотивов. При одинаковом состоянии духа одни и те же мотивы вызывают одни и те же акты нашей воли. «Как бы ни рассматривать волю, — пишет Пристли, — с ходячей ли или с философской точки зрения, ясно, что решения ее управляются известными неизменными законами. Эти решения зависят от предыдущего состояния духа и от имеющихся у него в момент принятия решения представлений, так что ни в коем случае эти решения не могли бы быть иными, чем те, которые имели место».

Только принцип детерминизма, утверждает наш философ, дает основания для похвалы и порицания, для вознаграждений и наказаний, только он сообщает им известное практическое значение. Ибо цель, которую преследуют вознаграждение и наказание, заключается в том, что они становятся вследствие ассоциации идеи мотивами, определяющими в дальнейшем нашу волю, следовательно наши поступки. При допущении же произвольного действия, определения воли без мотивов, метафизической свободы воли нельзя оправдать существование похвалы или порицания, вознаграждения или наказания за определенные акты воли, ибо раз они ничем не были определены, они не являются чьей-либо заслугой. Пристли останавливается подробно на разборе этого вопроса. Именно здесь, полагает он, противники философской необходимости больше всего запутали вопрос. В доказательство существования метафизической свободы они выдвинули соображения, более всего говорящие как раз против них; они льют воду на мельницу детерминизма, а не свободы воли.

Мы уже упомянули о том, что Пристли с особой силой подчеркивал различие между детерминизмом и фатализмом. Он ставит вопрос таким образом: влияет ли вера в необходимость на поведение людей, а если влияет, то в какую сторону. Его ответ на этот вопрос, базирующийся на очень тонком анализе, показывает нам, что Пристли подошел к вопросу глубже, чем например Штаммлер, в начале XX века пользовавшийся известностью у ревизионистов и у русских ренегатов марксизма Струве и Булгакова. Штам-

млер ставил вопрос так: если социализм должен наступить с необходимостью вследствие развития внутренних тенденций капитализма, то незачем организовывать социалистическую партию, борющуюся за социализм. Разве не является нелепостью, говорил он, организация партии затмения луны? Штаммлер совершенно не имел понятия об общественной необходимости, которая как раз предполагает деятельность людей, их борьбу как одну из причин, определяющих необходимость социалистического переворота. Он сознательно сводил необходимость к фатализму. Этим он демонстрировал буржуазно-реакционный характер своей философии. Ведь Штаммлер является идеологом буржуазии эпохи империализма, идеологом класса, у которого нет уже будущего, класса, осужденного на гибель.

Пристли был идеологом прогрессивных элементов буржуазии в эпоху промышленного переворота, идеологом прогрессивных элементов класса в период его роста и расцвета. Он подошел правильно к решению этой проблемы. «Некоторые воображают себе, — пишет Пристли, — будто убеждение в том, что все человеческие поступки зависят от мотивов, влияющих необходимым образом на решения людей, так что ни один поступок и ни одно событие не могут быть иными, чем были или будут, повлечет за собой равнодушное отношение к своему поведению и к тому, что случается с ними в жизни. Это было бы действительно так, — возражает вполне правильно Пристли, — если бы их собственные поступки и решения не были необходимыми звеньями в этой цепи причин и следствий и если бы их успех или неуспех в жизни не зависел в строгом смысле слова от них самих. А раз это так, то убеждение, что их усилия добиться счастья будут иметь несомненный и необходимый результат и что ни одно хорошо обдуманное усилие воли не пропадет даром, не только не побудит их отказаться от этих усилий, но, наоборот, заставит их трудиться с удвоенной энергией».

Пристли весьма убедительно доказывает, что учение о необходимости не только не может проповедывать квиетизм, но, наоборот, оно может иметь очень благотворное влияние на тех, кто его придерживается. «Если как детерминист, — говорит он, — я перестаю порицать людей за их пороки лишь в самом абсолютном смысле этого слова, а в обычном смысле я продолжаю поступать, как другие люди (в самом деле, хотя они и поступают необходимым образом, но они ведь поступают под влиянием дурного и низкого характера, которого я должен остерегаться и предостерегать других, поскольку я люблю самого себя и других), я все же не могу, оставаясь верным своей точке зрения, не смотреть на них с нежностью и состраданием, которые должны иметь самое благотворное действие, ибо это побуждает меня самым серьезным и неутомимым образом пытаться исправить их, не отказываясь от своих усилий из-за оскорблений, отвращения или отчаяния».

* * *

Наше изложение философских взглядов Пристли показывает достаточно убедительно, что в основных вопросах он занимает материалистическую позицию. И по основному вопросу всякой философии — об отношении мышления к бытию — и по вопросу о свободе и необходимости Пристли дает в основном правильный материалистический ответ. Материя, по Пристли, не инертна, а обладает силой притяжения и отталкивания. Плотность и непроницаемость материи не свидетельствуют о ее косности, ибо они суть проявления силы притяжения и отталкивания. Дух, мышление, сознание не представляют отдельной субстанции. Мышление есть свойство материи при определенной системе ее организации. Оно — свойство мозга. Наши действия вызываются определенными мотивами и ими определяются. Свобода не противостоит необходимости. Делая свой выбор добровольно, он делает его необходимо определенным образом.

Правда, в первой своей философской работе, посвященной критиче-

скому анализу философии здравого смысла, Пристли склоняется к агностицизму и заявляет даже, что «внешний мир является только гипотезой для объяснения идей». Но он покидает скоро эту точку зрения и в своих последующих философских трудах отстаивает то положение, что идеи, т. е. мышление, являются свойством материи «с определенной системой организации». По вопросу о «строении материи» Пристли придерживается гипотезы Босковича и Митчеля, по которой материя «состоит из центров разнообразных притяжений и отталкиваний, распространяющихся бесконечно по всем направлениям и со всеми воздействиями друг на друга», но он определенно заявляет, что готов оставить эту гипотезу, если бы ему была указана другая, лучшая и более соответствующая фактам. Гипотезу Босковича он рассматривает лишь как наиболее приемлемую, наиболее способную объяснить «все явления природы», но он не намерен связать с ней судьбу своей доктрины. «Я не загромождаю своей доктрины, — пишет Пристли, — какими-нибудь трудностями, связанными с анализом строения материи. Относительно этого мы очень мало знаем и имеем недостаточно данных, чтобы аргументировать на этой почве».

Самое главное для Пристли в понимании материи — это разрушение того взгляда, что материя в противовес духу является чем-то инертным, косным. Сила притяжения и отталкивания составляет сущность материи, без них материя немыслима. Эта сила «не является чем-то сообщенным материи, но составляет в самом деле то, чем она является в действительности, так что без этих свойств материя превращается в ничто». «Этим путем, — продолжает он, — я не оставляю места популярному возражению против материальности человека, исходящему из понимания материи как чего-то плотного и косного, не могущего иметь способности ощущения и мысли».

Прежде чем перейти к критическому изложению политических взглядов Пристли, необходимо остановиться вкратце на объяснении того факта, что Пристли не только не боролся, как французские материалисты XVIII в., против религии, а наоборот, выступил в защиту религии против французских материалистов. Пристли искал в библии доказательств в пользу своих материалистических положений и опубликовал целый ряд писем к «философским неверующим» с защитой религиозных верований против атеизма. В истории философии мы имеем пример французского философа-материалиста XVII в. Пьера Гассенди, который пытался примирить материалистическую философию Эпикура с католической религией. Этот эклектизм Гассенди явился идеологическим отражением компромисса между народившейся тогда буржуазией и дворянством, компромисса, который имел место во Франции в первой половине XVII столетия. Англия является, как известно, классической страной компромиссов. Английская буржуазия никогда не была атеистической. В этом отношении и радикальное крыло буржуазии не представляет исключения. Фридрих Энгельс указывает, что «протестантские секты, которые доставили знамя и бойцов в борьбе против Стюартов, выставили также главные боевые силы прогрессивного среднего класса и еще сейчас составляют хребет «ветхой либеральной партии»¹⁾. Являясь идеологом прогрессивного меньшинства буржуазии, Пристли пытался примирить материалистическую философию, которую он выработал как крупнейший естествоиспытатель и химик, с теистическими убеждениями, характерными для английской буржуазии на различных этапах ее развития. Впрочем «теизм, — говорит Маркс, — по крайней мере для материалиста, есть не больше, как удобная и мягкая форма избавления от религии»²⁾.

* * *

Пристли, как мы отметили уже раньше, был политическим борцом, страстным защитником принципов Великой французской революции. Между

¹⁾ Энгельс, Анти-Дюринг, приложение, изд. 1929 г., стр. 380.

²⁾ Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. III, стр. 158.

его философскими и политическими взглядами имеется конечно тесная связь, которую необходимо выяснить.

Мы видели уже, что вторая половина XVIII столетия была периодом роста и консолидации английской буржуазии, периодом младенческого возраста крупной промышленности. Действительно в этот период мы имеем целый ряд крупных изобретений, которые совершили переворот в прядении и ткачестве и дали громадный толчок развитию рынка, развитию торговли и промышленности.

Достаточно назвать изобретения самолетного челнока Кея, самопрялки Уотта, прядильной машины Аркрайта, чтобы получить представление об этом перевороте. Результатом этих изобретений было то, что прядильное дело далеко опередило ткачество по производительности. У ткачей оказалось теперь много работы, а ручные прядильщики были почти совершенно вытеснены с рынка. Необходим был переворот в ткачестве, чтобы догнать прядильщиков. Этот переворот был произведен изобретением механического станка Картрайта. Изобретение Аркрайта лишило работы прядильщиков, а изобретение Картрайта уничтожило благосостояние чесальщиков. Но зато возможность накопления для буржуазии росла все больше и больше. Но не только текстильная промышленность сделала в это время крупный шаг вперед. К этому же периоду относится окончательное установление широкого применения паровой машины, благодаря изобретениям Уотта, что дало огромный толчок развитию машинного производства и следовательно крупной промышленности. Приблизительно в этот же период каменный уголь и кокс начинают заменять древесный уголь. В связи с этим стали применяться новые способыковки и прокатывания железа. Эти новые способы в свою очередь позволили увеличить в 12—15 раз выпуск железа. Таким образом был дан большой толчок развитию железной промышленности и тяжелой индустрии. В результате был построен и открыт целый ряд крупных железных заводов. Все это говорит за то, что капиталистический способ производства за вторую половину XVIII в. сделал большой шаг вперед в своем развитии. Производство росло очень быстро. Так например хлопчатобумажные ткани получили большое распространение. Если в 1776 г. ввозилось хлопка 4.764.589 ф., то в 1785 г. — 11.452.053 ф., а в 1789 г. — уже 32.576.013 ф. За 14 лет количество ввозимого хлопка увеличилось почти в 8 раз. Благодаря новым машинам получила возможность развиваться также и льняная промышленность¹⁾.

Английский буржуа, который не проявлял и раньше особой революционности, который всегда отличался почитательностью по отношению к своей аристократии, стал явно реакционным. Французская революция вызвала у него страх и возмущение. «Французская революция, — пишет Энгельс, — дала ему (английскому буржуа. — Л. Ч.) великолепный случай с помощью континентальных монархий разрушить французскую морскую торговлю, захватить французские колонии и уничтожить последние французские притязания на морское соперничество. Это было одним из оснований, почему он выступил на борьбу с нею. Вторым было то, что методы этой революции очень претили ему, — не только ее «проклятый» террор, но даже уже одна попытка ее довести до крайности господство буржуазии. Да и что бы делал на свете британский буржуа без своей аристократии, которая и манерами его обучила (манеры, достойные учителя!) и моды для него приобрела, которая доставляла ему офицеров для армии, этой охранительницы порядка внутри страны, и для флота, завоевывающего новые колониальные владения и новые рынки? Впрочем среди буржуазии было все же прогрессивное меньшинство — люди, интересы которых не очень влияли от ком-

¹⁾ См. «Общественная жизнь», английское издание И. Д. Грейя, т. V, стр. 276—277 и 406—492. Москва, 1898 г.

промисса. Это меньшинство, состоящее из мелкой буржуазии, относилось с симпатией к революции, но оно было бессильно в парламенте»¹). Вот к этому именно меньшинству и принадлежал Пристли, представителем его идеологии он и явился.

Но если в XVII столетии, накануне и во время английского «великого восстания», «протестантские секты, которые доставили знамя и бойцов в борьбе против Стюартов», представляли собой также «главные боевые силы прогрессивного среднего класса», то в XVIII столетии протестантские секты вербовались главным образом в среде прогрессивного меньшинства буржуазии, настроенного радикально, борющегося за расширение прав «народа», за более широкие политические права. Средний же класс в своем большинстве успокоился в лоне англиканской церкви и требовал, наоборот, целого ряда репрессивных мер против диссидентов и сектантов. Весьма интересно, что эти представители демократической буржуазии, борющиеся в рядах сектантов за свободу религиозных исповеданий, за свободу совести, за политические права народа, были одновременно материалистами, защитниками материалистической философии. Таким был Джон Толанд в первой половине XVIII в., таким был Джозеф Пристли во второй половине XVIII столетия.

Из политических работ Пристли заслуживают особого внимания «Опыт об основных принципах государственного управления и о природе политической и гражданской свободы» и «Письма к Эдмунду Бэрку». В первой работе Пристли излагает свои взгляды на государство и на права народа, во второй он подвергает основательной и резкой критике взгляды Бэрка на Французскую революцию.

Эдмунд Бэрк был продажным писателем и влиятельным членом парламента. Во время англо-американской войны он занимал либеральную позицию, выступал с оппозицией против политики правительства. Но во время Французской революции он занял весьма резкую позицию по отношению к ней и выступил в печати с памфлетом-пасквилем, направленным против этого величайшего всемирно исторического события.

Вот как Маркс характеризует этого буржуазного политика, «этого рыночного торговца ужаснейшими политическими изворотами»: «Этот литературный лакей, находясь на содержании у английской олигархии, разыгрывал роль романтика по отношению к Французской революции, а в начале осложнений в Америке, состоя на содержании североамериканских колоний, с таким же успехом выступал в роли либерала против английской олигархии; в действительности же он был самым ordinарным буржуа: «Законы торговли суть законы природы, а следовательно законы самого бога». Нет ничего удивительного в том, что он, верный законам бога и природы, всегда продавал себя на самом выгодном рынке!»²).

Политические взгляды Пристли чрезвычайно интересны. В его письмах к Бэрку слышатся раскаты Французской революции. Он защищает ее принципы с большой искренностью и убежденностью. Он провозглашает право народа на восстание и требует свержения тиранов. Но Пристли не понимал конечно классовой сущности и действительного характера государства и государственной власти. Он ставит государственной власти задачу содействовать счастью всех людей в настоящем и его росту в будущем. Без общества, говорит Пристли, прогресс невозможен; при обществе мы имеем вследствие разделения труда накопление опыта и следовательно рост знаний; так как знание — сила, то общество приобретает все больше и больше силы для господства над природой. «Природа со включением в нее всего материального достоинства и ее законов будет в большей степени находиться под

¹) Энгельс, Развитие социализма от утопии к науке. Предисловие к английскому изд. Соцэкгиз, 1931 г.

²) Маркс, Капитал, т. I, стр. 610, прим. 248.

нашей властью. Люди сделают свое положение в этом мире более счастливым и более способным доставлять счастье другим людям». Принципы управления должны быть рассматриваемы, стало быть, под углом зрения их содействия счастьем людей. Так как общество многочисленно, притом люди живут на очень далеком расстоянии друг от друга, они не могут собираться очень часто, чтобы сообща решать все вопросы. Необходимо выделить «депутатов или общественных исполнителей, уполномоченных действовать от имени всего общества. В государстве с большой территорией, где невозможно всем собираться, чтобы решать все дела, вся власть общества должна неизбежно и почти что безвозвратно быть передана в руки этих депутатов». Но эти депутаты должны действовать для блага всего общества. Мнение депутатов должно рассматриваться как мнение всего государства, когда нет другого способа выразить мнение всего общества. Исходя из этих общих принципов относительно роли и задач государства или, правильнее, правительства, Пристли различает два вида свободы: политическая и гражданская свобода. Политическая свобода «состоит в праве, которое члены государства удерживают за собой, занимать общественные должности и в праве голосовать за тех, которые должны занимать эти должности. Что касается гражданской свободы, то я определил бы ее так: это — право на свои собственные действия, которое члены государства сохраняют для самих себя и которое не может быть нарушено никакими уполномоченными депутатами». Политическая свобода — это право на управление государством, гражданская — право управлять собой и своими делами в известных рамках.

Так как все люди живут в обществе для своей взаимной пользы, то благо и счастье большинства членов известного государства должны быть главным мерилom; право на власть, право на собственность и другие права и обязанности, существующие в обществе, должны быть рассматриваемы с точки зрения общественного блага.

Пристли в своей защите политической свободы выступает только как умеренный либерал и не идет дальше. Он заявляет, что не придерживается того мнения, будто «благо человечества требует состояния самой совершенной политической свободы». Только лица, обладающие большим состоянием, как полагает Пристли, могут достигать высших должностей в правительстве, ибо они обладают необходимым знанием и больше заинтересованы вследствие их богатства в судьбе своей страны. Но как представитель прогрессивных элементов буржуазии, он высказывается за политическую свободу и для групп с умеренным состоянием. «Лица, — пишет он в своем «Опыте о государственном управлении», — родившиеся в семье с умеренным достатком, обыкновенно получают лучшее воспитание, следовательно обладают более широким умом и поэтому во всех отношениях действительно более независимы, чем те, которые родились в очень богатой семье». В этих взглядах Пристли так же, как и во взглядах его на наследственную власть, проявляется буржуазная ограниченность. Он не только не понимал классового характера государства, но считал, что только буржуазия (в ее различных слоях) способна управлять государством в интересах всего общества.

Пристли высказывается против тирании, против злоупотреблений властью; он негодует против тех слуг народа, которые, забывая своих господ и интересы этих господ, преследуют только свои собственные интересы и которые, вместо того, чтобы думать, что они существуют для народа, воображают, что народ существует для них. Он признает право народа на восстание. «Мы можем сказать без всякого исключения, что во всех случаях враждебной оппозиции правительству право остается на стороне народа и что только очень большое угнетение могло побудить его к таким отчаянным мерам». Раз он к ним прибег, — право на его стороне. В самом деле, можно считать «вполне законченным, легальным и конституционным правительством только хорошее правительство или такое, которое достаточно

заботится о счастье подвластных. Если же у него недостает этой существенной черты относительно истинной цели и задачи всякого гражданского управления, то никакое другое свойство и никакой другой титул, которым его награждают, не может защитить его от благородной атаки доблестного и смелого патриота». «Почему, — спрашивает Пристли, — нужно смотреть на человека, который извлек лишь выгоду из своего положения как короля или правителя, нарушая свободу граждан и законы своей страны, иначе, чем на чужеземного завоевателя? Его преступление гораздо более тяжелое, так как он назначен быть стражем закона и свободы, а он их ниспровергает, вместо того чтобы их с особой силой защищать». Вот почему Пристли считает, что свержение тиранической власти, которая выступает против свободы и прав народа, является не только правом, но и обязанностью истинного патриота.

Пристли уделяет много внимания вопросу о гражданских свободах и следовательно вопросу об объеме и форме власти и управления. И тут он высказывает целый ряд очень здоровых мыслей, характерных для идеолога левого крыла буржуазии, борющегося за демократизацию того политического строя, при котором старые привилегии не только не уничтожены, но играют еще очень важную роль. Из-за недостатка места мы на них здесь останавливаться не будем.

Особенно большой интерес представляют письма Пристли к Бэрку в защиту Французской революции. Помимо того, что они написаны с большим искусством и обнаруживают искреннюю приверженность принципам демократии, мы в них находим целый ряд чрезвычайно важных мыслей, рисующих Пристли как дальновидного политика, угадывающего тенденции дальнейшего развития общества и понимающего, что революция, хотя и требует иногда известных «издержек производства», в результате всегда способствует прогрессу общества.

Самый факт восстания народа является доказательством необходимости этого восстания и следовательно его оправданием. «Весь народ, — пишет Пристли, — не восстанет раньше, чем угнетение не достигнет крайней степени... Сила установившегося правительства, в особенности когда оно состоит из немногих лиц и имеет в своем распоряжении большую и постоянную армию, почти безгранична. Таким образом многие народы переносят спокойно всякие бедствия, не делая никаких попыток к облегчению... Поэтому всякий раз, когда мы видим, что весь народ или большинство его встает, как один человек, против старого правительства и низвергает его, мы можем с уверенностью сказать, что народ поступил хорошо» (разрядка моя.—Л. Ч.). Если новые формы правительства несовершенны, это не беда. «Если народ хорошо осведомлен о положении вещей, то он может воспроизвести различные эксперименты чад новыми формами управления без значительных неудобств. И если он и начнет с какой-нибудь несовершенной формы, он может в конце концов усвоить форму, вполне совершенную» (разрядка моя.—Л. Ч.).

В своей критике взглядов лакея олигархии г-на Бэрка Пристли разбирает шаг за шагом все доводы последнего против Французской революции и едко высмеивает его романтику. Он приводит весьма характерное место из писаний Бэрка, где последний по-лакейски идеализирует феодальные отношения.

«Никогда, — пишет Бэрк, — мы не увидим больше того благородного отношения к положению и полу, того исполненного гордости подчинения, того полного достоинства повиновения, той субординации сердца, которые в самом рабстве сохранили дух возвышенной свободы». Весьма характерен ответ Пристли на эту тираду. «Это, — пишет Пристли, — быть может самое

замечательное место во всем вашем сочинении, но мне кажется, что при большой словесной пышности оно содержит очень мало мыслей и некоторые из них внутренне не согласованы и абсурдны. Чувства людей несомненно бывают так различны в зависимости от различия воспитания и от разнообразия чувств, которые мы сознательно культивируем в себе в течение жизни, что то положение, которое вызывает у вас мысль о гордости, пробуждает у меня мысль о низости. По моему мнению, вы гордитесь тем, чего вы должны были бы стыдиться, ибо вы поклоняетесь, как идолу, отдельному существу и через это унижаете себя».

Пристли не понимал конечно роли и значения религии как орудия угнетения в руках господствующего класса. Он оперирует вообще понятием народа, не понимая еще классового характера общества. Однако его борьба за отделение церкви от государства имела для того времени большое прогрессивное значение. «Я смотрю,—пишет он в своем XI письме к Бэрку,—на религию, как на вещь, которая не требует никакого гражданского установления. Я убежден, что такое учреждение является обременением для государства и в высшей степени неблагоприятно для его свободы». Это демократическое требование имело важное значение для развития буржуазного общества, но буржуазия неспособна была его осуществить, ибо она превратила религию в сильнейшее оружие против рабочего класса и пользуется этой «своего рода сивухой» для того, чтобы можно было держать массы в подчинении.

Пристли был большим оптимистом и утопистом. Он верил, что люди найдут тот образ правления, при котором прогресс будет обеспечен. «Вместе с широким преобладанием,—пишет Пристли,—истинных принципов гражданского управления мы должны ожидать уничтожения всяких национальных предрассудков и вражды и установления всеобщего мира и благожелательности между всеми народами!» Не будет больше места для войн, которые были «разорительными и гибельными». Мысль об отдаленных владениях будет даже подвергаться насмешке. «Ни одна часть Америки, Африки и Азии не останется в подчинении у какого-нибудь европейского государства». Когда люди поймут природу и способ выполнения всех гражданских обязанностей, то власть и преимущества, связанные с ней, не смогут оказаться достаточным поводом для войны (гражданской). «Во всех спорах и разногласиях господином окажется разум, и он положит конец как гражданским, так и внешним войнам. Царство разума всегда будет царством мира». Таким образом, надеется наш мыслитель и борец, наступит то счастливое состояние, «которое так отчетливо и так много раз предсказывали пророки более чем две тысячи лет тому назад: прекратятся войны во всех концах земли, люди перекуют свои мечи, забрала и свои копы на серпы. Народ не будет больше восстанавливать на народ, и народы не будут больше учиться воевать». Пристли конечно не понял, что уничтожение войн невозможно в буржуазном обществе; оно может быть осуществлено лишь в результате «гражданской войны», в результате свержения буржуазного общества, при котором войны неизбежны. Он не шел дальше буржуазного пацифизма. Но для того времени его взгляды были революционными.

Эти свои радикальные взгляды Пристли пропагандировал не только в своих книгах, он их провозглашал также с амвона по воскресеньям перед своей конгрегацией. Эдмунд Бэрк, кому были адресованы письма в защиту Французской революции, выступил в палате общин против Пристли, обвиняя его в том, что он агитирует за революцию и за восстание. В кругах правительства и короля эта проповедь радикальных идей вызвала большое недовольство. Такие взгляды например, что король является слугой народа и что в случае превращения из слуги в тирана, который защищает только свои личные интересы, народ имеет право наказать его как врага народа, были конечно не по душе правящей клике. Его взгляды на взаимоотношение меж-

ду церковью, религией и государством, его борьба против ограничительных законов по отношению к диссидентским группам и сектам вызвали против него ярость духовенства.

Пристли прекрасно знал конечно, что его взгляды не пользуются особой симпатией у местной власти и в высших сферах. Но он мужественно их защищал; он считал, что завоеванное народом право на свободу слова и печати должно быть использовано в интересах народа и от этого права никто не должен отказываться. Впрочем ему недолго пришлось ждать расплаты. Его письма к Э. Бэрку вышли в свет в Бирмингеме в начале 1791 г., а в июле этого же года, в годовщину взятия Бастилии, когда группа «друзей Французской революции» отпраздновала это знаменательное событие, дом, библиотека, лаборатория Пристли были подвергнуты полному разгрому толпой разъяренных черносотенцев не только при потворстве, но и при прямом содействии духовенства и местной власти. Пристли и его семья должны были бежать, чтобы спасти свою жизнь. Реакционеры и попы торжествовали победу. Король не без удовольствия узнал про эти позорные факты. Он писал по поводу этого погрома в Бирмингеме своему министру: «Я могу только поразоваться, что Пристли пострадал за учение, которое он и его партия распространяли и которое народ видит в его настоящем свете; но, — добавляет он фарисейски, — я не могу признать тех грубых способов, которые они применяли для выражения своего недовольства...». Это циничное заявление в комментариях не нуждается. И только потому, что имя Пристли как великого естествоиспытателя пользовалось большой известностью не только в Соединенном королевстве, но и за границей, правительству пришлось для вида выплатить ему, как невинно пострадавшему, 2,5 тысячи фунтов. Но оно конечно не только ничего не сделало для того, чтобы помочь Пристли устроиться в Лондоне, но всячески этому препятствовало. Пристли пришлось эмигрировать в Америку.

* * *

Как в философии и политике Пристли выступал новатором, человеком, придерживавшимся радикальных идей, так и в области естествознания он был величайшим исследователем, хотя иногда и совершал теоретические промахи. Так, он до последних дней своих защищал теорию флогистона, несмотря на то, что практически, своими многочисленными открытиями в химии, он совершил действительный переворот в науке, а открытием кислорода нанес этой устаревшей теории смертельный удар. Энгельс говорит про Пристли очень метко, что он не распознал истины, хотя и «упирался в нее лбом». «Подобно бесконечности познаваемого вещества, — говорит Энгельс, — которое состоит из одних лишь конечностей, так и бесконечность абсолютного познающего мышления складывается из бесконечного количества конечных человеческих голов, которые одновременно или последовательно участвуют в этой бесконечной работе познания, совершают практические и теоретические промахи, исходят из неудачных, односторонних, неверных посылок, идут неверными, кривыми, ненадежными путями и часто даже не распознают истины, хотя и упираются в нее лбом (Пристли)»¹⁾.

Пристли был гениальным практиком; он сделал много выдающихся открытий в области эмпирического естествознания, которые сделали эпоху. Интересно отметить, что его открытия в области химии, в особенности открытие различных газов, совпали с периодом больших изобретений, сделавших революцию в промышленности, как например изобретение Аркрайта, Уотта и др. Развитие техники и производительных сил вызвало к жизни целый ряд изобретений, отвечающих назревшим потребностям.

¹⁾ Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. XIV, стр. 354.

Не занимаясь специально вопросами методологии и теории науки, Пристли высказал в своих работах по естествознанию целый ряд интересных и ценных мыслей, на которых мы здесь вкратце остановимся.

Будучи главным образом выдающимся экспериментатором, Пристли тем не менее отлично понимал значение научной гипотезы как необходимого момента в развитии научных истин. Пристли посвятил целую главу в своей книге «Эксперименты и наблюдения над различными видами воздуха» вопросам теории и разбору различных гипотез и высказал там целый ряд методологических соображений, которые являются важными и чрезвычайно интересными. «Теория и эксперимент, — пишет Пристли, — неизбежно идут рука об руку, причем всякое движение вперед связано с принятием некоторой специальной гипотезы, которая представляет собой только догадку относительно обстоятельства или причины некоторого действия природы. Следовательно самыми смелыми и самыми оригинальными экспериментаторами являются те, кто, предоставляя свободу своему воображению, допускают сочетание самых далеких друг от друга идей. И хотя многие из этих идей впоследствии окажутся дикими и фантастическими, другие из них смогут повести к величайшим и капитальнейшим открытиям». Пристли остается в общем верен своей общей теории ассоциации идей и при изучении роли и значения гипотез. Последние для него являются лишь результатом сочетания разнообразных идей. Но, признавая роль гипотезы для развития науки, он избегает больших обобщений и новых гипотез. Так например приступая к изложению некоторых гипотез в упомянутой нами выше книге, он пишет: «Я начинаю опасаться, как бы мне, после того как я выступал в качестве сухого экспериментатора, не оказаться вместе с некоторыми из моих читателей в противоположной роли мечтательного теоретика». Свои собственные соображения он называет скромно только намеками.

Пристли понимает также роль абстракций для познания явлений природы. «Во всякой науке, — пишет он, — мы сначала идем от частного к общему. Природа открывает нам только частное. Все общие положения и все общие понятия представляют собой искусственные вещи, придуманные для облегчения нашей деятельности представлений и памяти. Именно при их помощи мы понимаем вещи более ясно, а также ожимаем наибольшее количество знаний в самые тесные рамки». Но в понимании абстракции он не выходит из рамок эмпиризма. Единства общего и частного или особенного, их взаимопроникновения он не видит и не понимает. Поэтому он рассматривает общее как искусственный способ для облегчения нашей деятельности представлений и памяти.

Пристли указывает также на роль практики в нашем познании. «Истинный философ-натуралист, зная, каков будет результат от помещения всякой вещи данной системы во всякие обстоятельства, становится господином над всеми силами природы и может применять их ко всяким целям, полезным для жизни. Таким образом знание, по замечанию лорда Бэкона, становится силой». Он таким образом правильно подчеркивает значение знания для практики, хотя не понимает единства теории и практики.

Мы уже видели при изложении теории ассоциации идей Пристли, что последний рассматривает аналогии как одну из самых важных ассоциаций. Благодаря аналогии, разъясняет он в своей работе «История и настоящее состояние электричества», мы в состоянии установить известные закономерности при определенных условиях; благодаря аналогии мы наталкиваемся на гипотезы, которые позволяют нам, если мы ими умеем пользоваться как следует, делать большие открытия. Ибо в каждом эксперименте, в котором есть какой-либо план, все делается для того, чтобы установить какую-нибудь гипотезу. Ведь гипотеза представляет собой только антиципированную

идею события, поскольку допускается возникновение его из определенных обстоятельств, относительно которых предполагается, что они произвели то же самое или подобное действие в других случаях. Таким образом Пристли устанавливает рамки для гипотезы и выясняет роль, принадлежащую экспериментатору при выработке гипотез. Но он идет дальше. Он понимает противоречивый характер взаимодействия эксперимента и гипотезы при выработке научной теории и формулирует свои идеи по этому вопросу довольно ясно. «Гипотезы, — говорит Пристли, — поскольку они рассматриваются только как таковые, ведут людей к разнообразным экспериментам в целях большего уточнения этих гипотез. Из этих экспериментов вытекают новые факты, которые содействуют исправлению гипотезы, которая послужила толчком к их обнаружению. Исправленная таким путем теория способствует открытию большого количества новых фактов, которые, как и раньше, делают теорию еще более близкой к истине. В таком прогрессирующем состоянии или при методе приближения дело остается до тех пор, пока, — как мы можем надеяться, — мы не откроем всех фактов и не создадим еще более совершенной теории относительно их. Под этой совершенной теорией я понимаю систему предложений, точно определяющих все обстоятельства каждого явления, отдельное действие каждого обстоятельства, способ его действия».

Мы видим таким образом, что Пристли вполне материалистически изображает путь развития научного познания и правильно оценивает роль гипотезы и эксперимента в области развития естествознания.

Однако сам Пристли, открыв кислород, «не знал, — как говорит Энгельс, — что оказалось у него в руках. Он оставался в плену флогистических категорий, которые он нашел у своих предшественников. Элемент, которому суждено было опровергнуть все флогистические воззрения и революционизировать химию, пропадал в его руках совершенно бесплодно». Только Лавуазье, руководясь этим новым фактом, пересмотрел всю флогистическую химию и таким образом совершил переворот в химической науке. Пристли остался верен принципам Ньютона, который ставил определенные рамки для гипотезы и который заявил, что «*Hypothesae non fingo*».

* * *

Наше изложение основных идей Пристли в области философии, методологии естествознания и политики показывает, что среди философов Англии XVIII в. Пристли принадлежит одно из первых мест. Особенно важным является тот факт, что Пристли в своей философии продолжает линию великих материалистов Англии XVII в. В то время как Беркли и Юм пошли от сенсуализма Локка к субъективному идеализму, Пристли, как говорит Маркс, «разрушил последние теологические рамки локковского сенсуализма»¹⁾. В то время как эмпиризм Бэкона и Гоббса выродился в философии Юма в феноменализм и скептицизм, философия Пристли представляет собой продолжение материалистической линии эмпиризма. В то время как ассоциационная теория Юма имеет психологическую основу и таким образом уживается с его феноменализмом, теория ассоциации идей Гартли и Пристли примыкает к принципиальным воззрениям Гоббса, у которого теория познания базируется на том положении, что все сочетания, составляющие содержание душевной жизни, рождаются по определенным законам из ощущений и чувствований, которые вызываются движением внешнего тела и его давлением на наши органы чувств. Гартли пустил в обращение употреблявшийся уже Локком термин «ассоциация» в применении к тем процессам, путем которых из элементов сознания возникают новые образования психической жизни. Следуя

¹⁾ Коллинс, Додбаль, Ковагд, Гартли и Пристли разрушили последние теологические рамки локковского сенсуализма. Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. III, стр. 153.

за Гартли, он пытался провести последовательно принцип психического механизма, притом посредством тесной связи, допущенной им между психологическими и физиологическими процессами (вибрационной теории), он подвел материалистическую базу под эту теорию. Пристли полагал, что каждому психологическому процессу соответствует определенное телесное движение, и сообразно с тогдашним состоянием физиологии искал последнее в вибрациях мозговой и нервной субстанции. Простым вибрациям (колебаниям) должны соответствовать такие же простые психические процессы, сложным — сложные. Когда в ассоциациях в одно целое соединено несколько психических элементов, это психологическое соединение соответствует определенному сочетанию мозговых колебаний. Таким образом Пристли проводит вибрационную теорию Гартли до самых крайних материалистических выводов. Притом он с самого начала признал детерминизм, как мы это видели в нашем изложении, в его полном объеме.

Пристли критикует также непоследовательность Локка, заключающуюся в том, что он признает существование духовной субстанции. Вместо рефлексии, которую Локк сделал основанием психологии, Пристли ставит вибрации нервной системы (мозговой материи) и рассматривает таким образом дух, психическую жизнь, как функцию мозга организованной материи. В этом отношении и французские материалисты не пошли дальше него. Мы уже указали на теизм Пристли, который уживался у него с материализмом. В этом отношении французские материалисты были более последовательны, чем Пристли. Но теизм был у последнего «не больше, как мягкая форма освободиться от религии» (Маркс).

Пристли таким образом продолжает линию английского материализма XVII в. Вместе с Толяндом он является самым видным материалистом Англии XVIII в. В методологии естествознания он продолжает дело Бэкона и Ньютона, и своими гениальными открытиями в области химии — открытием кислорода — он позволил Лавуазье совершить переворот в химии, с которым Энгельс сравнивает лишь переворот, произведенный марксовым открытием прибавочной стоимости.

Наш анализ основных идей Пристли показывает, что он является идеологом прогрессивного меньшинства английской буржуазии второй половины XVIII столетия.

Но английская буржуазия (также в лице своего «прогрессивного» меньшинства) хотя и проявила в XVIII столетии большую активность, предприимчивость, накапливала опыт, знания и капитал, но большим творчеством уже не отличалась. Дух творчества иссяк. То же мы видим у Пристли: он проявил огромную энергию, проделал огромное количество экспериментов, накопил опыт и знания, сделал много чрезвычайно важных открытий в области химии, еще очень молодой науки в то время, но переворот в химии совершил не он, а Лавуазье. Напрасно вы будете искать у Пристли новых крупных обобщений, которые толкнули бы вперед науку, открыли бы перед ней новые горизонты; он остается в плену флогистонной теории.

Пристли представлял все, что было жизнеспособного, прогрессивного в буржуазии. Но для буржуазии Англии второй половины XVIII в. период революции мысли прошел, и поэтому даже ее радикальные элементы были ограничены в своем движении вперед и не могли выйти из рамок, которые были поставлены их классом.

У истоков эмпиризма

(Философия Мишеля Монтэня)

В. Пиков

28 февраля 1933 г. исполнилось 400 лет со дня рождения виднейшего французского мыслителя XVI века Мишеля Монтэня. Если даже придерживаться довольно распространенного мнения, что он, как скептик, не внес никакого положительного вклада в научное мировоззрение, то нельзя, однако же, не признать за ним видной роли в борьбе со схоластической философией и теологией и влияния, оказанного им на современные ему и более поздние поколения философов. В этом небольшом очерке мы попытаемся дать краткую характеристику его мировоззрения в связи с соответствующими культурными течениями эпохи и выяснить, в чем состоит его историческое значение.

Распад феодализма и рост экономического и политического значения буржуазии, начавшиеся в Италии, в течение XV и XVI столетий, становятся характерным явлением также и для северных стран: Германии, Франции, Голландии и Англии. Оппозиция прогрессивных элементов общества политическому режиму средневековья столкнулась здесь прежде всего с важнейшей опорой его, с владычеством католической церкви, и выразилась в церковной схизме, в секуляризации земель и имущества католической церкви, а наряду с этим не менее ярко, чем в Италии, в секуляризации науки и искусства.

Дряхлеющее здание римской теократии подмывалось двумя общественными движениями: религиозной оппозицией, реформистскими стремлениями, выдвинувшими таких лиц, как Лютер, Кальвин, Цвингли, Социн, Сервет, и светской оппозицией, носящей обычно название гуманизма, возглавляемой целым рядом талантливых публицистов, поэтов, философов и ученых, где наряду с именами Петрарки, Бокаччио, Телезио, Патрици, Эразма, Рейхлина, Гуттена и Рабле можно смело поставить также и имя Монтэня. Характерными чертами, сближающими эти движения, является их более или менее ясно выраженная враждебность к идеологическому гнету католицизма, культ индивидуализма, аргументация к природе, к опыту, чем и можно объяснить увлечение передовых представителей тогдашнего общества античной наукой и искусством. Эту черту можно заметить даже у вождей церковной реформации. Известная книга Жана Кальвина «Наставление к христианской вере», отбрасывающая схоластический метод аргументации и взамен его применяющая рациональный и психологический, может служить достаточным подтверждением этого факта. То же самое можно сказать о поведеньях Лютера, Цвингли и других деятелей реформации. Уже Данте в своей «Божественной комедии» отразил новые веяния против религиозного мировоззрения, отдавая, правда, еще большую дань средневековью. В произведениях его младшего современника, Петрарки, довольно ясно намечаются основные черты новых культурных веяний, а именно: оппозиция средневековому религиозному мировоззрению и отрешенной от жизни схоластической

философии, сближение христианской этики с этикой греческих стоиков, искание опоры в классической древности, жизнерадостность, лиризм и индивидуализм. Но в качестве выразителя новых общественных настроений несравненно резче выступает его современник Бокаччио. Не говоря уже о том, что его знаменитый «Декамерон» является совершенно открытой насмешкой над католическим духовенством, его антиаскетическое жизнерадостное настроение, которым веет от каждой страницы этой книги, гедонизм, культ всесторонне развитой личности, широко пользующейся всеми дарами природы, защита поэзии от нападок богословия и монахов выдвигают его на первое место среди ранних представителей буржуазной светской литературы. Несколько позднее художественная литература уже совершенно освобождается от церковного гнета, приобретает чисто светский характер, изображая быт и политическую жизнь, отличающуюся в эту эпоху очень бурным характером, а следовательно богатством материала для художественного ее отображения. В XVI веке наиболее благоприятная для нее обстановка создается в северных странах, затронутых католической реакцией, начавшейся вскоре после реформационного движения, слабее, чем южные. Во Франции и Германии средневековые мистерии и повествования о жизни святых вытесняются комическими пьесами, фарсами, лирическими поэмами, рыцарскими романами, баснями и сказками, в которых зачастую высмеиваются церковь и власти; в остроумных памфлетах, направленных против тупого и косного духа средневековой учености, а иногда и прямо против учения церкви. Бокаччио пользуется популярностью даже среди аристократических, правящих кругов. Королева Маргарита Наваррская пишет в подражание ему «Гептамерон», покровительствует Деперье (Des Periers), автору многочисленных новелл и скандальной пьески «Кимвал мира», и целой группе модных светских поэтов и гуманистов. Франция же выдвинула таких писателей, как Рабле, автора «Гаргантюа и Пантагрюэля», изложившего в этом сочинении целую систему новых воззрений, совершенно чуждых духу католицизма, воззрений, в которых эмансипация от средневековых авторитетов и религии, казалось, доходила уже до кульминационного пункта. Расцвет изобразительных искусств вполне гармонирует с господствующими настроениями, с общим увлечением творчеством античных мастеров; и живопись, еще не освободившаяся от традиционной религиозной тематики, носит на себе тем не менее яркую печать жизнерадостности, характеризующей эти настроения.

Параллельно со всем этим выдвигаются новые политические теории. В лице Николо Макиавелли выступает защитник твердой светской власти, трезвый буржуа-делец, видящий в христианстве вред, поскольку оно отвлекает верующих от интересов этого мира в помыслы о потустороннем мире, требующий уважения не только к искусству, но также и к подвигам древних, которые, по его мнению, должны служить всему человечеству образцами смелости, предприимчивости и энергии. Жан Боден высказывается за религиозный индифферентизм государственной власти и развивает новую теорию права, давая ему историческое обоснование в противовес средневековым теологическим обоснованиям. Альтузий исторически обосновывает суверенитет народа и его право устранять негодных правителей.

Борьба за светскую науку выразилась в обильной литературе, направленной против схоластической учености, в новых переводах и в исправлении старых переводов сочинений античных философов и, наконец, в возбуждении философских проблем, которые была не в силах разрешить теология. Лоренцо Валла пишет трактат «De voluptate», в котором доказывает, что наслаждение составляет цель жизни, и теоретически отрицает аскетизм, в «De professione religiosorum», где подвергает резким нападкам институт монашества и целибат, «De libro arbitrio», где доказывает неразрешимость проблемы богооправдания. Помпонаций в трактате «De immortalitate animae»

пишет о недоказуемости бессмертия души. Вивес разрушает теорию богословов о нематериальной, бессмертной душе. Телезио и Бруно развивают принципы натурфилософии и высказывают новые космологические воззрения, математически обоснованные, систематизированные в учениях Галилея Кеплера и Коперника. И наконец в лице Санхеца, Монтэня и Шаррона выступают мыслители, отражающие в своей философии хотя и различные, но соответствующие своей эпохе общественные и классовые настроения.

Как выразитель определенных классовых настроений Монтэнь рисуется с наибольшей отчетливостью конечно при рассмотрении его политических взглядов, дающих вполне достаточный материал для его характеристики с этой стороны.

Если представление о Монтэне как о философе-скептике можно считать правильным, то из круга его скептических воззрений необходимо исключить лишь его политические воззрения, так как он высказывал их в достаточно утвердительно, категорическом смысле. Что он был убежденнейшим сторонником существующего государственного режима, противником всяких новшеств, в этом не может быть никакого сомнения. С восторгом отзываясь например о своем рано умершем друге Ла Боэси (La Boétie), написавшем неизвестную в свое время политическую брошюру «Contre un, ou discours sur la servitude volontaire», он тем не менее строго порицает его за политические убеждения, за восхищение античной гражданской свободой. Жестокие распри церковных партий, политические авантюры, религиозные войны, гонения и бешеная католическая реакция, знаменующие собою вторую половину XVI века, сделали Монтэня защитником веротерпимости, а в то же самое время непоколебимым консерватором и пессимистом. Он утвердился в мысли, что даже к самым лучшим человеческим намерениям примешиваются дурные страсти, а поэтому все человеческие усилия улучшить существующий государственный строй должны остаться бесплодными.

По мнению Монтэня, лучшим доказательством малоценности всех человеческих достижений являются идеи лучшего государственного устройства, когда они проводятся в жизнь в виде новых законов, а поэтому он считает бессмысленным изменять существующие законы, как бы они ни были плохи. Он утверждает, что государственные законы неизбежно должны заключать в себе некоторую долю несправедливости, и одобряет Платона, который сравнивал людей, пытающихся ее устранить, с теми, кто задается целью отрубить голову у гидры¹⁾. В спорах о лучшем общественном строе и о лучших законах Монтэнь видит лишь словесные упражнения вздорных спорщиков, вся жизнь которых проходит в разжигании ничтожных страстей и бесплодных диспутов, и которые ни на что кроме этого непригодны²⁾. Самым лучшим государственным устройством и лучшими законами для всякой страны он считает те, к которым она привыкла, а поэтому все человеческие усилия, направленные на их изменения, приносят одни только бедствия, ибо «государство подобно зданию, состоящему из различных частей, соединенных таким образом между собою, что невозможно тронуть и одну из них без того, чтобы это не отразилось на всем строении»³⁾. Даже «самый лучший повод для новизны», по мнению его, «представляет большие опасности»⁴⁾. Он утверждает, что процветание и гибель государств зависят не от людей, а от высших сил, непостижимых для человеческого ума, а поэтому люди могут оставить о них всякое попечение.

Высказывая подобные мысли, Монтэнь немногим возвышается над политическим кругозором своей среды, и его пессимистический тон вполне

¹⁾ Montaigne, Essais vol. IV, l. III, ch. XX, p. 503.

²⁾ Ibid., ch. IX.

³⁾ Montaigne, Essais, l. I, ch. XII.

⁴⁾ Ibid., ch. XXII

гармонирует с современными ему политическими настроениями той общественной группы, к которой он принадлежал.

Нетрудно найти источники этого настроения. Грандиозные события эпохи Возрождения и реформационных войн до самых основ потрясли европейские государства. Начавшись бурным брожением третьего сословия и среднего дворянства, объявлением войны теократическому режиму Рима и секвестированием имущества католической церкви, они закончились к этому времени в странах Средней и Северной Европы церковным и более или менее ясно выраженным политическим обособлением этих стран. Эти внешне незначительные результаты были в действительности очень важным по своим последствиям историческим моментом экономического развития западноевропейских государств, так как распад феодальной хозяйственной системы, стеснявшей это развитие, использование огромных богатств, находившихся в руках католической церкви, и усиление светской власти ускорили процесс обогащения и политического усиления торгово-капиталистического класса. Оппозиционные элементы общества, частично удовлетворившиеся достигнутыми результатами, более всего нуждались теперь в твердой светской власти, которая могла бы положить конец религиозным гонениям, войнам и католической реакции, нарушавшим нормальное течение хозяйственной жизни. Совершенно очевидна и связь этих обстоятельств с требованиями государственной веротерпимости, религиозного индифферентизма, как это можно видеть в учениях Гроция и Бодена, а с другой стороны, с желаниями в среде буржуазии закрепить достигнутые результаты, с отвращением к новшествам, с аполитичностью. Консерватизм и аполитичность являются характерной чертой французской буржуазии XVI века, и дворянин Мишель де-Монтэнь, имевший ближайших предков в числе богатых купцов, крупных буржуа, в своих политических взглядах был тесно связан с этой средой.

Несравненно больший интерес представляют другие его воззрения, которые при всех их отрицательных сторонах дают право считать его одним из самых замечательных людей этой эпохи. Даже чисто внешние особенности его сочинения — язык и манера изложения — заслуживают внимания исследователя. До Монтэня в философской литературе безраздельно господствовала латынь. Монтэнь заменяет ее живым французским языком и довольно часто прибегает даже к простонародным провинциальным терминам. «Слова должны служить и повиноваться мне, и если французское слово не годится в данном случае, то пусть его место займет гасконское»¹⁾, — говорит он тем, кому эти вольности могут прийтись не по вкусу. «Любимая мною речь — это простая, наивная речь, одинаковая как в устах, так и на бумаге... Не педантическая, не богословская, не адвокатская речь, а скорее солдатская»²⁾. Он скорее будет пользоваться языком парижского рынка, чем языком ученых.

Само содержание его книги резко отличается от всего того, что писалось в этой области до него и при нем. В угрюмую обитель средневековой учености, загроможденную пыльными фолиантами, отделенную толстыми стенами от всех живых событий, он открывает окно, в которое врываются голоса природы и отзвуки живой исторической действительности. Его метод изложения был оригинальной новинкой, оказавшей большое влияние на следующее поколение философов, особенно на Бэйля и Декарта. Он не учит уже открытым истинам, а лишь повествует о самом себе, собирая в своей книге материалы из опыта своей довольно разнообразной и богатой впечатлениями жизни. Слова Монтэня «книга единосущна своему автору» относятся к нему самому. Его книга — яркое изображение его живой, подвижной, впечатлительной натуры. Она является самым лучшим портретом, самой лучшей характе-

¹⁾ Montaigne, *Essais*, I. III, ch. V.

²⁾ Montaigne, *Essais*, I. I, ch. XXV.

ристикой Монтэня. Никакие исследования его жизни и творчества не могут дать такого живого, художественного изображения его личности, какое он сумел дать сам в своих очень удачных «Опытах».

Перед читателем рисуется тихий уголок, где протекла вся жизнь философа,—замок Монтэня около городка Перитора, приобретенный поколениями почтенных буржуа, его предками, где маленький Мишель вместе с родителями изучает латинский язык, зачитывается Виргилием и Лукрецием. Затем уже взрослым он предстает перед читателем в виде наивно-самодовольного эпикурейца, удалившегося от почетной, но хлопотливой должности мэра Бордо, которую некогда занимал его отец, в свой родовой замок, где он ведет жизнь счастливого отшельника, наслаждающегося в одиночестве чтением книг и размышлениями. Он подробно рассказывает о своих физических особенностях, о любимых кушаньях, о том, как он переносит мучающую его болезнь, о своих ошибках молодости, о причинах своей женитьбы, о том, какие ему нравятся женщины, о характере его ближайших предков, которыми он гордится, и, по словам Лансона, показывает наивно-ребяческое тщеславие, тщеславие Журдена, разбогатевшего буржуа, получившего звание дворянина¹⁾.

Он не скупится также и на описание своих душевных качеств, одинаково откровенно говоря и о достоинствах и о недостатках. Ему нравятся Плутарх и Сенека, потому что знания, которых он у них ищет, даются в отрывочных изложениях и не требуют долгой, утомительной умственной работы, к которой он, по его словам, неспособен²⁾. «То, что я говорю здесь,—признается он читателю,—одни лишь бредни человека, получившего в детстве самое поверхностное знакомство с науками и удержавшего только общие и смутные очертания их, понемногу от всякого предмета и ничего цельного, на французский лад»³⁾. И поэтому он предлагает свои «бесформенные и шаткие фантазии так же, как делают те, которые выдвигают для школьных диспутов спорные вопросы, не для того, чтобы установить истину, а для того, чтобы отыскать ее»⁴⁾. «Я сам предмет своей книги. Я буду лучше говорить о себе, чем о каком-нибудь другом предмете. Это — моя метафизика и физика моя» — предупреждает он тех, кто будет искать у него обычных тем для философствования.

Этот эгоцентризм, составляющий сущность его философии, так же как и его своеобразный литературный стиль, находится в неразрывной связи с особенностями переживаемого им исторического момента. Его книга представляет собою как бы исповедь эпохи, отвергнувшей старые идеологические устои, ищущей моральной опоры в правильной оценке человеческих способностей и обращающейся для своих исследований в лице его к самому близкому и доступному для изучения объекту, к собственной личности, к я.

Аналогичная политическая обстановка в конце XVIII века, накануне Великой революции, сопровождалась такими же общественными настроениями, и «Исповедь» Руссо, как и «Опыты», была далеко не случайным произведением. Ниже будет показано, что близкое родство Монтэня и Руссо не ограничивается их сходством только в этом отношении.

Но Монтэнь говорит и не только о себе. Его книга, по выражению Э. Фагэ, касается «всех времен и всех мест»⁵⁾. Это пестрый ковер с затейливо вышитыми на нем фигурами различных полководцев, философов, писателей и царей, причудливо сплетающимися с современными им историческими

¹⁾ Г. Лансон, История французской литературы, т. I, глава о Монтэне.

²⁾ Montaigne, Essais, I. I, ch. X.

³⁾ Ibid., ch. XXV.

⁴⁾ Ibid., ch. LVI.

⁵⁾ E. Faguet. Histoire de la littérature française, v. I, p. 298, Paris, 1905.

событиями. Здесь можно найти и мысли о том, что философствовать значит учиться умирать, обстоятельные описания церемоний при свиданиях королей, педагогические наставления, рассказы о людоедах, поучения об умеренности, доказательства недостоверности наших суждений, размышления об обычае одеваться, об уединении, о сне, о мнении, что пот Александра Македонского имел приятный запах, об отеческой любви, о пьянстве, о почтовых голубях, о величии Рима, о лени, о гневе и т. п. и т. п. И в этом громадном ворохе всевозможных описаний и поучений, отличающихся подчас наивной откровенностью выражений, перед глазами читателя то тут, то там мелькают оригинальные мысли, остроумные словечки, дающие при подробном ознакомлении с содержимым этого вороха довольно цельную и яркую картину мировоззрения Монтэня.

Остановимся на его философских и религиозных воззрениях. Прежде всего бросаются в глаза его едкие замечания по поводу учености и ученых, преклоняющихся перед авторитетами Аристотеля, а вместе с этим его насмешливая критика учений древних философов. В этом отношении он зашел далеко вперед даже по сравнению с большинством своих современников, нередко отрицавших авторитеты церкви для того, чтобы подчиниться авторитетам древности. Учения древних философов являются для него материалом при создании круга воззрений, совершенно чуждых всякому догматизму. Они служат почвой, в которой коренится колючий куст его скептических выводов, касающийся своими ветвями того, что он заботливо старается оградить от них, а именно — религии. Особенно резким нападкам с его стороны подвергается Аристотель — «царь догматизма» и схоластики. Такое же подчас несправедливое отношение к Аристотелю можно отметить у Санхеца, у Рамуса, написавшего против него особый трактат, у Агриппы и у Франческо Патрици, страстного поклонника Платона, доказывавшего, что все хорошее, что имеется в системе Аристотеля, заимствовано им у Платона, а все дурное — его собственное.

Такое же или даже еще более неприязненное отношение к Аристотелю наблюдается у Телезио и Бруно. Если общая черта, присущая этим мыслителям, заключается в их непримиримой враждебности к аристотелизирующей схолистике и в провозглашении ценным источником познания опыт, живую природу, то Монтэнь является их ближайшим единомышленником, так же, как в своем скептицизме — собратом Агриппы, написавшего «*De incertitudine scientiarum*», и Санхеца, написавшего «*Quod nihil scitur*». Относительно скептицизма Монтэня существуют довольно разнообразные мнения. Но повидимому из них правы лишь те, которые усматривают в нем не абсолютный, всеотрицающий скептицизм, а скептицизм лишь по отношению к установившимся некритическим воззрениям, к общепризнанным истинам его времени, опирающимся на авторитет Аристотеля и других философов древности, скептицизм, провозглашающий утвердительно только *ignotamus*, но не *ignorabimus*. Его слова «Философия есть лишь софистицирующая поэзия»¹⁾ относятся не к философии вообще, а только к философии его времени. Ставя границы познанию, он стремился поколебать доверие к отвлеченному рассудочному познанию и указывал на природу, как единственный источник мудрости.

«Древние философы объяснили нам происхождение и строение вселенной, природу человеческой души, цели мира и дали нам превосходнейшие учения о морали, но почему их учения так разнообразны и так противоречат друг другу? — задается он вопросом. — Истина имеет один вид, а ложь может быть бесконечно разнообразной. И разнообразие их мнений доказывает, что они ложны». Это объясняется, по мнению Монтэня, тем, что они слишком

верили в силы своего разума и возлагали на него слишком большие надежды, считая, что он способен постичь и объединить в стройную систему всю беспредельную сложность свойств природы. Он приводит бесчисленное множество таких учений о строении мира и о первовеществе, из которого он образовался, чтобы показать «бесконечную путаницу мнений и учений, порожденную этим прекрасным человеческим разумом благодаря его прозорливости и достоверности»¹⁾.

«Прославленный Аристотель,—рассуждает он далее,—брал, например, в качестве основы мира три принципа: материю, форму и ограничение. Ограничение же является чисто отрицательным и отвлеченным принципом, пустой мнимостью, а поэтому — очевиднейшая нелепость брать его в качестве создающего начала; но никто не осмеливается говорить об этом из раболепства перед авторитетом Аристотеля. Поразительно остроумная атомистическая механика Эпикура страдает очень существенным недостатком: ей недостает первоначального толчка для того, чтобы отвесно падающие атомы могли столкнуться и образовать своим соприкосновением тела. Сколько он ни старался произвести этот толчок, его усилия были тщетными. Зенон пытается сделать мир разумным очевидно посредством софизма» и т. д. и т. п.

Рассматривая эти учения, Монтэнь склоняется в конце концов к мнению, что такие философы, как Эпикур, Платон и Пифагор, конечно сами не верили в свои атомы, идеи и числа. Они были слишком умны для этого и показывали эти находки лишь потому, что у них «субтильная» внешность и при всей их ложности — устойчивость против возражений²⁾. Платон сам говорил, что «для пользы людей иногда бывает необходимым их одурачивать». Таким образом, все философские представления о вселенной один только «бред и фантастическое безумие». Цицерон, утверждавший, что нельзя высказать ни одной нелепости, которая не была бы уже высказана каким-нибудь философом, был прав. Все эти учения Монтэнь считает необходимым тщательно взвешивать, а не принимать безоговорочно на веру, и в особенности те, которые пользуются небольшим доверием, ибо «убеждение в достоверности есть вернейшее свидетельство недостоверности».

Удивляется он также разнообразию мнений философов о природе человеческой души, не упуская при этом случая подтрунить над «энтелехиями» Аристотеля. Особенно поражают его нелепые предположения философов об ее местонахождении в человеке. Учение Платона о душе Монтэнь называет «поэтическими тучами», так как он совершенно ничем не доказал, что она существует до рождения человека, и что наше познание есть лишь воспоминание, анамнезис. Эпикур и Демокрит были правы лишь в том, что считали душу всецело подчиненной физическому состоянию человека, вплоть до ее существования. Здесь Монтэнь уже затрагивает очень щекотливый для религии вопрос — о бессмертии души — и почти целиком присоединяется к мнению, высказанному Помпонацием, что это невозможно доказать и что все доводы разума приводят человека к отрицанию ее бессмертия. «Самые упорные догматики,—оправдывался он,—в этом месте вынуждены... скрываться в тени Академии, ибо никто не знает, что думал об этом Аристотель... который укутался тучей слов и темных, неясных понятий и оставил своим ученикам в наследство столько же споров по этому вопросу, сколько по вопросу о материи»³⁾. В заключении к критике мнений философов о том, куда уходит душа после смерти человека, Монтэнь насмешливо восклицает: «Вот прекрасные, заслуживающие доверия истины, которые мы можем извлечь из

¹⁾ Montaigne, Essais, I. II, ch. XII.

²⁾ Ibid.

³⁾ Ibid., I II, ch. II.

человеческой науки о душе!» И ему тоже остается только скрыться в тени... откровение, которое, по его мнению, одно может дать уверенность в том, что человеческая душа бессмертна, и уже не естественным, научным, а сверхестественным путем. К этой спасительной тени он будет прибегать довольно часто, как это будет показано ниже. Столь же шаткими представляются ему и знания ученых о человеческом теле, так как они не могут объяснить самых простых явлений, которые в нем происходят, и это является для него еще лишним подтверждением ненадежности человеческих суждений и бесплодности попыток человека постичь сокровенные тайны вселенной путем разума. «Человеческий разум так слаб и так слеп, что нет ни одной настолько ясной истины, которая была бы для него достаточно ясной»¹⁾ — в отчаянии заявляет Монтэнь. Разум является для человека опасным и непрочным орудием. Ученые лишь делают вид, будто они что-то знают. На примере догматиков можно убедиться, что «большая часть их лишь для вида старается придать своему лицу выражение уверенности и не столько для того, чтобы убедить нас, сколько показать, как далеко они ушли в своей погоне за истиной»²⁾. Они укутываются в мантии учености и говорят мудреные слова, которыми они оперируют, «как фокусники монетой, чтобы не обнаружить всей ложности их искусств, за что их охотно награждает человеческая глупость». «Только темнотой своего языка Гераклит добился почитания со стороны поверхностных людей, ибо у глупости вызывают почтение и восхищение лишь мысли, скрывающиеся под таинственными словами»³⁾. «Философы преподносят нам не то, что существует или в чем они убеждены, но те изготовления свои, которые могут привлечь лишь красотой своей внешности, подобно женщинам, вставляющим себе зубы из слоновой кости, когда у них недостает естественных»⁴⁾. И учение Аристотеля, этого бога схоластики, предписания которого сделались предметом такого же почитания, как законы Ликурга в Спарте, не менее ложно, чем учение всех других философов.

На разуме же богословы пытаются обосновать религию, но вынуждены на каждом шагу убеждаться в том, что и здесь он является для них плохим руководителем. Разум может служить религии лишь в качестве вспомогательного, а не главного средства для постижения ее таинств. «Одна только вера может прочно и глубоко постичь высочайшие таинства нашей религии»⁵⁾ — заявляет Монтэнь в апологии книги некоего Раймонда Себона «*Theologia naturalis*».

Апология эта имеет очень странный характер. Выразив сначала восхищение талантами ее автора, Монтэнь вдруг делает замечание: «Он ставит перед собой очень смелую и трудную задачу, ибо он берется естественными человеческими средствами утвердить и удостоверить перед атеистами все основы христианской религии». Здесь Монтэнь круто поворачивает на новую дорожку. От критики авторитетов и древних философских систем он переходит к защите религии, беря своим девизом слова апостола Павла: «Погублю мудрость мудрецов и разум разумных отвергну». Он отбрасывает ненадежные теологические подпорки религии и хочет укрепить ее исключительно чувством смиренной, отрекшейся от «суетной светской мудрости» веры.

Такой способ защиты религии применялся еще до Монтэня и будет применяться после Монтэня. «Неисповедимость путей божиих», изречения апостола Павла были постоянным прикрытием богословов от непреодолимых для них доводов суетной светской мудрости. Еще Тертуллиан апеллировал

¹⁾ Montaigne, *Essais*, I, II, ch. XII.

²⁾ Ibid.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ Ibid.

⁵⁾ Ibid.

к сверхразумности религиозных таинств и считал самой прочной и самой истинной верой ту, которая смиренно склоняет голову перед нелепыми с точки зрения человеческой логики вещами. Среди таких же защитников религии мы видим близкого друга Монтэня—Шаррона, несколько позднее—Паскаля, Гюэ (Huet), Ламот Левайе (La Mothe le Vayer) и наконец Бэйля, дошедшего в своем усердии в этой роли до карикатурности.

И в этой «апологии» «Естественной теологии» Раймонда Себона Монтэнь именно и ставит своей задачей разбить все надежды на всякие «естественные теологии», выражаясь его словами: «принизить и повергнуть ниц гордость и надменность человека; дать ему почувствовать его беспомощность, суетность и ничтожество; вырвать из его рук хрупкие орудия его разума; заставить его преклонить голову и грызть землю из страха и благоговения перед божьим величием». Ученые гордятся своими знаниями, «но большая часть того, что мы знаем, есть лишь ничтожно малая частица неизвестного для нас»—так начинает Монтэнь приводить свою угрозу в исполнение. Пуганица и разброд их мнений дают нам право думать, что пирронисты, выдвинувшие единственный ответ на все вопросы: *ἔλεγχω* (воздерживаюсь от суждения), были лучшими философами, ибо лучше совсем воздержаться от попыток узнать что-нибудь, чем влезать в болото всех тех вымыслов и ошибок, которые породила человеческая фантазия. Выберите самое лучшее мнение, и все-таки вы будете вынуждены сотни и сотни раз защищать его от возражений. Даже Аристотель, царь догматиков, говорил, что многознание приводит к сомнению, а Пиррон высказал величайшую истину своим мнением, что «философствовать—значит сомневаться». Все наши суждения целиком зависят от состояния нашего организма, которые постоянно меняются, и единственный источник нашего познания—чувства. Они—альфа и омега всего, что мы способны постичь, но и они обманчивы: древние скептики доказали это на бесчисленных примерах. Таким образом «нельзя высказать ничего достоверного о вещи и на основании тех свойств ее, о которых нам говорят чувства».

Нет ничего достоверного, ибо все вещи подвержены постоянному изменению. Разум, ищущий в них постоянного существования, становится втупик, не будучи в силах найти в них ничего устойчивого, пребывающего, «ибо все либо становится, но еще не существует, либо начинает умирать прежде, чем родилось». Еще древний Гераклит учил о вечном непрерывном течении всех вещей. Далее Монтэнь доказывает субъективность всех наших восприятий, представлений и относительность понятий. Каждый человек воспринимает одну и ту же вещь по-своему. Сами по себе вещи может быть и имеют определенный вес, форму, меру и другие свойства, но наша душа, воспринимающая их, видоизменяет их так, как ей заблагорассудится. Смерть страшна Цицерону, желанна Катону, безразлична Сократу. Здоровье, рассудительность, знание, богатство, красота и все, «что противоположно этим вещам, совершенно видоизменяется в своей ценности у разных людей, ибо у нас нет общих установленных вкусов, правил и форм для подобных вещей. Каждый из нас господин самого себя»¹⁾.

Таким образом все наши знания—бред самомнения. Мы ничего не знаем. «Наше бодрствование является более сном, чем наш сон. Наша мудрость безумнее безумия. Наш сонный бред является более достоверным, чем наши рассуждения»²⁾. Монтэнь не соглашается с мнением, что «наука есть мать всех добродетелей, а невежество—пороков». Он скорее склонен думать наоборот, ибо «простые и непобознательные умы более покорны церкви и

¹⁾ Montaigne, *Essais*, I. I, ch. 2.

²⁾ Montaigne, *Essais*, I. II, ch. XII.

государству», ибо «невежественная душа — это «чистая бумага, готовая воспринять любое начертание перста божия». Последние пределы знания граничат с пороком. «*Chi troppo s'assottiglia si oscavezza*» — сказал Петрарка (слишком утонченные ломаются). Первый грех был совершен человеком из жажды познания, которое обещал ему дьявол: *eritis sicut dii scientes bonum et malum*. Сирены, хотевшие заманить к себе Одиссея, обещали ему дар всезнания. Науки принесли в мир более бедствий, чем радостей. Жители Нового света были счастливее нас, ибо не имели ни наук, ни законов. Наши знания не могут сделать нас добродетельными и не могут привести нас к истинному общению с богом, а поэтому теология, пытающаяся доводами разума доказать бытие божие и постичь его природу, — ложная наука. Никаких доказательств бытия божия не нужно, продолжает Монтень свои рассуждения, ибо все вещи носят на себе печать их создателя, и только наша глупость мешает нам это видеть. Бесполезны также и попытки богословов постичь природу божью, ибо бог противоразумен. «*Melius scitur Deus nesciendo*» — сказал блаженный Августин (бог лучше познается в неведении). Все свойства, которые они ему приписывают, — человеческие свойства, а Монтень предпочитает лучше поклоняться солнцу, змеям, собакам, быкам, чем богу в человеческом образе. И показав бесконечное разнообразие представлений о боге у разных философов, он насмешливо заявляет богословам: «Можете гордиться своей философией и хвалиться, что сделали счастливое открытие, смотря на эту сумятицу стольких философских умов!». Богословский скептицизм Монтэня резко затрагивает также и вопрос о бессмертии души, о чем уже было упомянуто выше. «Мы не можем в совершенстве постичь этих высоких божьих обетов, если только можем их постигать вообще, — говорит он в заключение по поводу райских блаженств, ожидающих согласно учению церкви праведников, — воображать их невообразимыми, невыразимыми, непостижимыми и совершенно непохожими на все то, что дает нам наш жалкий опыт»¹⁾.

Нет нужды излагать здесь все мысли, высказанные им относительно богословия. Приведенных здесь мыслей уже вполне достаточно для того, чтобы понять, какую позицию занимал он по отношению к нему и какую роль он сыграл в качестве защитника религии посредством отрицания теологии, категорически запрещающей разуму заглядывать в ее сокровенные глубины и предлагая «либо совсем подчиниться авторитету церкви, либо совсем освободиться от нее»²⁾. Непознаваемость природы божьей, недоказуемость бытия божия и бессмертия души делают совершенно ненужной теологию, и философия, если она только возможна, уже не может быть служанкой религии. Вот к чему сводятся стремления Монтэня обосновать религию на новых началах. Но в таком случае философия, уволенная от обязанностей доказывать бытие божие и определять его свойства, должна служить другим побуждениям человека и следовательно приближаться к интересам этого прешного мира. Вот другой вывод, к которому Монтень шел с неуклонной последовательностью, хотя он и не отдавал себе в этом ясного отчета.

Выше было уже указано, что основное идеологическое течение, характеризующее эту эпоху, выразилось в стремлении к эмансипации наук и искусств от служения церкви, а поэтому и Монтэня, сладко почившего «на мягкой подушке сомнения», необходимо отнести к числу передовых представителей этого течения.

Показывая постоянное противоречие философских систем опыту, природе, а также и друг другу, Монтень отрицает за человеком право философствовать. Подтверждением этому может служить любая страница его «Опы-

¹⁾ Montaigne, Essais, I. II, ch. XII.

²⁾ Montaigne, Essais, I. I, ch. XXV.

тов», где он постоянно издевается над учеными, «более мучающимися своими мнениями о вещах, чем самими вещами»¹⁾, над изобретателями новых слов, над ораторами и говорит о «мудрости матери-природы». Он хочет сделать философию из воспитательницы схоластов, надрывающихся в пустых словопрениях, мудрой наставительницей для тех, кто хочет счастливо прожить свою жизнь и мужественно умереть. «Очень жаль,—говорит он,—что в нашем веке дошло до того, что философия, даже для людей разумных, одно лишь пустое, призрачное название, которое не находит для себя никакой цены ни в делах, ни в убеждениях. Я думаю, что причина этого—здоровые споры, которые препятствуют доступу к ней. Совершенно напрасно изображать ее.. со страшным, нахмуренным лицом и со сдвинутыми бровями. Кто скрыл ее от меня под этим отвратительным, бледным и притворным образом? Нет ничего более веселого, игривого, резвого и даже, скажу более, шаловливого. Она проповедует лишь радость и веселие. Грустное и испуганное выражение доказывает, что не тут она обитает... Самый верный признак мудрости—постоянное хорошее расположение духа, состояние, такое же ясное и безмятежное, как тихое звездное небо. Лишь «barocco» и «baralipton»²⁾ делают своих «сообщников грязными и закоптелыми, а отнюдь не философия. Они знакомы с ней лишь по наслышке»³⁾. Если философия не может дать нам действительного познания мира, в котором мы живем, то она по крайней мере должна научить нас хорошо, прожить свою жизнь и умереть. И Монтэнь преобразует платоновское учение о философии как «искусстве умирания», постепенного отрешения от ничтожных радостей этого мира с познанием их мимолетности в своеобразный стоический эпикуреизм, где нет и тени платоновского и христианского пессимизма. Выработав с помощью скептицизма своеобразный вид атараксии, делающей его нечувствительным к страстям, нарушающим спокойствие духа и мирное наслаждение радостями жизни, он тесно сближается здесь с языческой моралью, моралью Эпикура и Сенеки, и совершенно отрешается от христианской этики. В этом заключается связь его теоретических воззрений с практической философией. Его этика — учение о счастье, и основа этого счастья—физическое и душевное благополучие. «Книги интересны,—говорит он,—но если от общения с ними мы теряем веселость и здоровье, наше лучшее достояние,—бросим их. Я принадлежу к тем, которые думают, что плоды их не могут сравняться с этой потерей»⁴⁾. Мышление для него является видом игры, приятным препровождением времени, но не делом, ради которого можно убивать свое здоровье. Счастливое ничегоневедение лучше трудных, изнуряющих исканий истины, тем более, что многознание не уменьшает, а только увеличивает сомнения. «Неведение и нелюбопытность—мягкая подушка для здоровой головы».

И наконец еще одна черта его — преклонение перед природой — может служить очень уместным дополнением к предлагаемому здесь его портрету. Ученые зарылись в аристотелевские трактаты и даже не догадываются о том, что они закрыли глаза на богатейший источник мудрости, надеясь отыскать ее в книгах. «Кто представляет себе так же ясно, как на картине, величественный образ нашей матери-природы,—говорит он,—кто читает на ее лице такое полное, постоянное разнообразие, кто смотрит не на себя только, но и на целое царство ее, тот один ценит вещи сообразно с их истинным величием»⁵⁾. Посвятив много страниц описаниям умственных способностей животных, в чем кстати сказать Монтэнь выступил против общепринятых

¹⁾ Montaigne, Essais, I. I, ch. XL.

²⁾ Виды силлогизмов, получившие эти названия от условных буквенных обозначений терминов. — В. П.

³⁾ Montaigne, Essais, I. I, ch. XXV.

⁴⁾ Ibid., ch. XXXVIII.

⁵⁾ Там же, ch. XXII.

мнений, полагающих непреходимую границу между человеком и животными. Он утверждает, что природа как добрая мать руководит ими в их жизни и они, подчиняясь ей, счастливее, чем люди с их надменным разумом, пытающимся понять ее и подчинить ее себе, что человек в действительности «без всяких привилегий и послаблений» подчинен естественным законам, и его несчастья проистекают именно от того, что он благодаря своим наукам и искусствам оторвался от нее. В этих мыслях заключается призыв к отречению от культуры, к возврату в лоно природы, к простой и естественной жизни, тесно сближающий Монтэня с более поздним его соотечественником Руссо, который развил его воззрения в обоснованную теорию. В это время Европа только что начинала знакомиться с жителями Нового света, и в их жизни Монтэнь ищет подтверждения своим отрицательным воззрениям на современное ему общество. Он противопоставляет в их лице свободных, счастливых детей природы испорченному культурой, угнетаемому несправедливыми законами и имущественным неравенством европейцу, рисуя их быт в таких радужных красках, перед которыми бледнеют подобные же картины Руссо. «Естественные законы, не извращенные людьми, повелевают им в полной чистоте,—говорит он.—Мне кажется, что счастье этих народов превосходит не только все самые пленительные картины «золотого века», созданные поэзией, и пылкие мечты ее о человеческом счастье, но даже высшие требования и цель самой мудрости: никто до сих пор не мог представить себе такую чистую, полную простоту и наивность, которую мы уже не в мечтах, а в действительности встречаем среди этих народов. У них нет наук и искусств, нет чиновников и властей, нет слуг, богатств и бедности, нет договоров, наследств, разделов, нет никаких занятий кроме праздных... Самые слова, которые обозначают ложь, измену, притворство, скупость, зависть, клевету, прощение, им незнакомы. Насколько идеальная республика Платона далека от их совершенства! Это—*virī a diīs recentes*—люди, только что вышедшие из рук богов»¹⁾.

Идеализируя этих «*virī a diīs recentes*», Монтэнь скрыто выступает против существующего общественного строя. Это видно например в его рассказе о трех индейцах, привезенных в Европу. По его словам, пленников поразило в жизни европейцев особенно то, что они «заметили среди нас людей богатых и пресыщенных всевозможной роскошью, тогда как остальная часть народа состояла из бедняков, истощенных голодом и нищетою; и они находили в высшей степени странным, что бедная часть народа добровольно терпит подобную несправедливость, не кидается на богатых, не поджигает домов»²⁾. Он объясняет долговечность бразильских дикарей тем, что они живут «в чудной простоте и невежестве, без науки, без законов, без правительства, без религии»³⁾. При этом его не смущают даже сильно преувеличенные представления об их кровожадности, рассказы об их каннибализме. «Не больше ли варварство,—спрашивает он,—поедать живых людей, разрывая на части орудиями пыток члены, полные чувствительности, сжигать несчастного на медленном огне, давать его связанного на с'едение свиньям и собакам... что у нас делается на глазах не между старинными врагами, но между соседями и согражданами и, что хуже всего, во имя благочестия и религии?»⁴⁾. Нет ничего удивительного в том, что при своих симпатиях к первобытному «естественному человеку» Монтэнь очень часто превозносит мудрость простого народа и восхищается народной поэзией.

¹⁾ Montaigne, Essais, I, I, p. 309.

²⁾ Ibid., p. 332. Разрядка наша.—В. П.

³⁾ Ibid., I, II, p. 350.

⁴⁾ Montaigne, Essais, I, I, p. 314.

Останавливаясь на этих воззрениях Монтэня, невольно приходится обращать внимание на сходство общественных условий, при которых возникли подобные учения. Неизбежный и характерный для них призыв к возврату в прошлое, к первобытному состоянию, стремление повернуть «колесо истории» в обратную сторону так или иначе отражают настроения общественных групп, недовольных существующим строем и в то же время бессильных изменить его в желательном направлении.

Древний Гезиод был поэтом крестьянства, натурального хозяйства, разлагавшегося под влиянием роста капиталистических отношений; Монтэнь, как это уже было сказано выше, отражал настроения крупной буржуазии, вынужденной примириться с могучими еще пережитками средневекового социального строя, с господством дворянства и духовенства; Руссо был представителем мелкой буржуазии, едва лишь прозревавшей зарю революции, и наконец русское толстовство неразрывно связано с эпохой кризиса помещичьего хозяйства в России.

Рассмотрев в основных чертах идеи, высказанные Монтэнем, необходимо признать, что все они, будучи в целом строго координированы друг с другом, выдвигают его как яркого, оригинального мыслителя, неизбежно оказавшего огромное влияние на дальнейшее развитие научного мировоззрения, и следовательно как выдающегося выразителя прогрессивных стремлений своей эпохи. Его философский скептицизм был тараном, потрясшим столбы, на которых покоилась религия, а положительное значение его в этом отношении состоит в том, что своим неутолимимым стремлением дать ответ на вопрос «Que sais je» он пробудил в философии критический дух и внес в нее свежую струю. Оспаривать его положительное историческое значение невозможно, даже принимая во внимание все те крайности, в которые он впадал при своем недоверии к познавательным способностям человека. Отрицая возможность чисто отвлеченного познания и достоверность всех метафизических построений, он, правда довольно неуверенно, выдвигал для философии новый базис — опыт. Как в практической философии он провозглашал руководителем человека естественное влечение, чувство, так и в теоретической он провозглашал единственным средством познания естественное орудие — чувство или, точнее, ощущение. Таким образом от отрицания теологии и метафизики он шел к сенсуализму и эмпиризму, беря эти термины в самом широком их значении. В этом состоит основная заслуга Монтэня в развитии научного мировоззрения, заслуга, которая дает право по достоинству оценить его историческое значение.

Буржуазная этнография и вопрос о первобытном коммунизме

А. Золотарев

В настоящей статье мы, не задаваясь целью рассмотреть всю совокупность вопросов о первобытно-коммунистической формации, ставим себе определенную задачу — показать, как современная буржуазная этнография извращает вопрос о первобытном коммунизме.

Буржуазная наука, десятилетиями накапливая материал по вопросу о первобытном обществе, в то же время всячески стремилась его извратить и затемнить те выводы, которые сами напрашивались при его изучении. Если первоначально это искажение фактов, вызванное классово апологетическими соображениями, протекало более или менее бессознательно и драпировалось в тогу академической «беспристрастности» и «объективизма», то в наше время великих классовых битв буржуазная и клерикальная наука все с большей откровенностью демонстрирует классовое лицо своих «теорий». «Наиболее жгучие вопросы современности, — пишет автор клерикальной сводной работы по истории каменного века, — стоят в ближайшей связи с доисторическими исследованиями. Начало и сущность права, семьи, государства, собственности, искусства, религии — их происхождение и их ценность; взаимные отношения языка, расы и культуры; закономерность, значение, цель происходящего вообще — все это только часть тех проблем современности, которые не могут получить действительно глубокого обоснования без доисторических исследований»¹⁾. Политическая роль доисторических исследований настолько ясно сознается буржуазией, что этнография и археология являются едва ли не самыми модными гуманитарными науками Европы и Америки, а их литература по количеству ежегодно публикуемых изданий стоит почти вне конкуренции. Буржуазно-клерикальные и социал-фашистские «ученые» используют эти горы материалов для подтверждения своих расово-националистических претензий, для подведения «научного» базиса под шовинистические стремления и в первую очередь для борьбы с коммунизмом. Достаточно назвать хотя бы работы клерикальной венской школы, прямо заостренные против коммунизма.

Марксистско-ленинская теория дает нам отточенное оружие для достойного отпора классовому врагу и на этом фронте. Ленин и Сталин, восстановив подлинное содержание марксистской диалектики и марксистского учения об общественных формациях и дополнив их результатами самостоятельных исследований, создали твердую базу для борьбы с буржуазной и социал-фашистской «доисторией» и этнологией. Но к проработке накопленного фактического материала на основе этой методологии мы только приступаем. В настоящей статье я попытаюсь доказать, что марксистско-ленинское учение о первобытном коммунизме целиком подтверждается данными современной этнографии.

¹⁾ Mengnin, Weltgeschichte der Steinzeit, Wien, 1931, S. 8.

I. Буржуазная наука о первобытном коммунизме

Путешественники XVIII в., находившиеся под влиянием эгалитарных идей, видели в жизни примитивных народов конкретные иллюстрации к руссоианским взглядам. В борьбе за «всеобщее равенство», столь необходимое для молодой буржуазии, первобытные народы использовались в качестве примеров, доказывающих естественность «всеобщего равенства».

«Твое и мое, холодные слова, как называет их Иоанн Златоуст, еще неизвестны этим дикарям,—говорит Шарлевуа о североамериканских индейцах.—Та заботливость, с которой они относятся к сиротам, вдовам и калекам, гостеприимство, проявляющееся у них в таких привлекательных формах, суть лишь последствия того присущего им убеждения, что у людей все должно быть общее»¹⁾. «Дикари не знают ни моего, ни твоего, ибо у них, что принадлежит одному, принадлежит всем» — подтверждает Лафонтен²⁾. Лафито целиком соглашается с этим, добавляя, что если во время охоты один достаточно снабженный клан краснокожих встретит другой, менее удачливый, то члены первого клана великодушно делятся своей добычей с членами второго, не ожидая, чтобы их об этом попросили³⁾. И даже наш отечественный исследователь Степан Крашенинников, отзывающийся о камчадалах не иначе, как с отвращением («в житии гнусны... о боге, пороках и добродетелях имеют развращенное понятие. За вящее благополучие почитают об'ядение, праздность и плотское совокупление...»), все же отмечает: «Впротчем было между ими равенство; никто никем повелевать не мог, и никто сам собой не смел другого наказывать»⁴⁾.

Первобытно-коммунистические черты в жизни первобытных народов настолько бросались в глаза, что указаниями на них переполнена вся этнографическая литература XVIII и первой половины XIX вв. Под давлением этих фактов Г. Шурц, отнюдь не отличавшийся радикальностью своих взглядов, еще в 90-х годах прошлого столетия признал существование коммунистических черт в общественной жизни первобытных народов⁵⁾. Наиболее добросовестные из буржуазных исследователей, хотя бы отчасти считавшиеся с фактами, до самого последнего времени признавали существование первобытного коммунизма. Так, за первобытный коммунизм высказался Риверс⁶⁾, а Бушан, описывая папуасов, прямо заявил: «У них всюду господствует коммунизм»⁷⁾.

Морган блестяще развил и обосновал фактами теорию первобытного коммунизма. По справедливому замечанию М. О. Косвена⁸⁾ его малоизвестная книга «Hous and Hous Lite of American Indians» представляет собой единственный в мировой литературе специальный трактат о первобытном коммунизме. Но Морган писал в Америке второй половины XIX в., Америке бурного расцвета капитализма. Американская буржуазия еще не осознавала опасности, которую несет рост рабочего класса, не поняла, что капитализм сам роет себе могилу. «Относительная прогрессивность» американской буржуазии того времени и позволила Моргану не только правильно обобщить ряд фактов, но и «по-своему заново открыть материалистическое понимание истории», т. е. по существу дела перешагнуть границы буржуазного мировоззрения вообще.

¹⁾ Charlevoix, Histoire de la Nov. France (Journal d'une voyage, vol. I, 11), цит. у Летурно, Эволюция собственности, СПб, 1875 г., стр. 57.

²⁾ «Voyage de Lafonten», II, стр. 105—106, цит. у Летурно, стр. 57.

³⁾ См. Летурно, стр. 57.

⁴⁾ Крашенинников, Описание Земли Камчатки, 1786, ч. 2-я.

⁵⁾ Шурц Г., История первобытной культуры, Москва, 1923 г., т. I, стр. 123.

⁶⁾ Rivers, Social Organisation, London, 1926.

⁷⁾ Buschan, Illustrierte Völkerkunde, B. III, S. 8.

⁸⁾ См. его статью «Морган» в «Сов. этнографии» № 2, 1932 г.

Но по мере приближения капитализма к неизбежному концу и обострения классовой борьбы все с большей отчетливостью вырисовывался апологетический характер буржуазной науки, все яснее выступала ее классовая целеустремленность. Стремясь во что бы то ни стало «доказать» вечный и естественный характер буржуазной собственности, «обосновать» неизбежность ее существования, буржуазная наука об'являет крестовый поход против первобытного коммунизма. Уже Липперт¹⁾ в завуалированной форме высказывает идею об индивидуальном искании пищи, последовательно развитую и тем самым доведенную до абсурда Карлом Бюхером²⁾. Правда, это положение Бюхера сурово осуждается целым рядом буржуазных ученых, но проистекает это не из симпатии последних к теории первобытного коммунизма, а из того, что Бюхер утрировал до карикатуры основной прием буржуазной истории—изучение первобытного общества сквозь очки современности. Нетрудно показать, что Бюхер далеко не одинок. «На цивилизованного наблюдателя,—пишет например Даргун,—первобытная организация производит часто впечатление коммунистической, хотя в действительности она так же атомистична, как и наша современная». «Жизнь народов,—продолжает он,—начинается с несвязности и свободы индивида, ведет далее к многообразным формам строгой зависимости и возвращается наконец к всеобщей гарантированной свободе»³⁾. Таким образом Даргун с наибольшей четкостью формулирует диаметрально противоположную марксистской схему исторического процесса: полная свобода индивидов (первобытное общество) — многообразные формы зависимости (феодализм) — свобода индивида (буржуазный строй).

Вильгельм Копперс также ищет у истоков общественного развития семью, представляющую собой «естественный, сильнейший и постоянно свежий, никогда неисчерпываемый источник взаимной симпатии»⁴⁾. В другом месте он пишет: «Семья как социальный союз (мужчина, женщина и ребенок) представляет собой хозяйственное единство, присмотревшись к которому ближе мы найдем, что представления о первобытном коммунизме, равно как индивидуальном искании пищи, одинаково несостоятельны и что факты говорят не о первом и не о втором, но совсем о третьем (?), о вполне нормальном семейном коммунизме первобытных народов»⁵⁾. Нетрудно догадаться, что этот «нормальный» «семейный коммунизм» рисуется Копперсом по образу католического святого семейства. А раз это так, раз, по мнению Копперса, в первобытном обществе мы находим вполне добродетельную семью, построенную на принципах взаимной симпатии, сообща владеющую своей частной собственностью, которая охраняется демократическим правительством, то естественно ожидать, что мы столкнемся там с господством обычных норм здравого буржуазного разума.

Что касается «фактов», на которые ссылается Копперс, то они меньше

¹⁾ Ю. Липперт, История культуры, СПб, 1894 г.

²⁾ К. Бюхер, Очерк возникновения народного хозяйства (несколько изд.). Его же, Экономический строй первобытных народов, СПб, год не указан. Критику см. у Плеханова, Письма без адреса, Собр. соч., т. XVII.

³⁾ Dargun, Ursprung und Entwicklungsgeschichte des Eigenthums, Zeitschrift f. vergleich. Rechtswissenschaft, 1883.

⁴⁾ Schmidt und Koppers, Völkern und Kulturen, 1925, S. 346.

⁵⁾ Koppers, Die Anfänge des menschlichen Gemeinschaftslebens in Spiegel der neuen Völkerkunde, 1921, S. 90. Цитируемая работа Копперса, вообще говоря, заслуживает более внимательного разбора в нашей печати. Рассчитанная на широкого читателя, она немало места уделяет борьбе с социализмом вообще и Энгельсом в частности. Целая глава посвящена «критике» Моргана и Энгельса, и немало критических замечаний разбросано по всей книге. Эта книга представляет собою как бы политическое «credo» культурно-исторической школы, фашистское лицо которой выступает с полной определенностью. См. по этому поводу—А. Золотарев, «Кардинал Шмидт и Отмар Шпанин», сообщения ГАИМК № 1—2, 1932 г.

всего говорят о «нормальном семейном коммунизме». Из числа всех известных отсталых народов католическая школа считает «наиболее примитивными» пигмеев и негроидов, обитающих в Центральной Африке, Южной Азии, на некоторых островах Зондского архипелага и Новой Гвинеи. У них якобы существует моногамная семья, сильно развито представление о частной собственности, вера в единого бога и необычайно «высокая», чисто католическая мораль. Именно эти племена пигмеев, не знающих камня, живущих еще в «деревянном веке», по мнению Копперса и его единомышленников, рисуют действительную картину жизни первобытного человечества. В дальнейшем движении их культура соприкасается с «вторичными» и «третичными» кругами и теряет свой первоначальный этический и моральный характер¹⁾. На сведениях, почерпнутых из жизни этих племен, Копперс и К^о строят свою теорию первобытной моногамии и изначальной частной собственности. К сожалению, информация об этих племенах не выдерживает критического анализа. Она целиком принадлежит перу католических миссионеров, преднамеренно и сознательно искажающих факты. Те немногие истинные сведения, которые можно выпарпать из груды миссионерской лжи, говорят против столь расхваленной католиками «примитивности» пигмеев. Последние обладают сложным луком, знакомы с железом, давным-давно находятся в сношении с окружающими их неграми и в эпоху «нового царства» даже попадали ко двору египетских фараонов²⁾. Неупотребление ими камня объясняется не тем, что они не дошли до его употребления, а тем, что камень отсутствует в тропических лесах, служащих им убежищем. Наконец необходимо отметить, что миссионер Шебеста, совершивший в 1927—28 г. на средства римского папы экспедицию в Центральную Африку, вынужден был признать существование у пигмеев развитого родового строя³⁾ и этим раз навсегда разрушить легенду об их абсолютной примитивности. Исходящие от миссионеров сведения не позволяют обрисовать социальный строй и производственные отношения пигмейских племен, но наличие родового строя гарантирует отсутствие всякой собственности и моногамной семьи и заставляет предполагать существование родового коммунизма. Такова цена «фактов», говорящих за «нормальный семейный коммунизм».

Другой догмой буржуазной науки является теория вечности государства. Так, Лоуи определенно говорит о государстве как о внутренней организации общества, от этого общества неотделимой. Повдермарке, Кнабенганс, Турнвальд⁴⁾ усматривают государство у австралийцев, а пресловутый Вильгельм Копперс прямо ставит в вину эволюционистам то, что они «рассматривали первобытное человечество не только как бессемейное (Familienlose), но и безгосударственное (Staatlose)», в то время как «семейный союз и образует совершенно ясно первобытное государство (Urstaat)». «Во главе его стоит обычно свободно выбираемый вождь. В назначении своих «чиновников» он связан с советом старейших групп. Он отнюдь не является абсолютным вождем, но скорее должен быть рассматриваем как *primus inter pares*». «Таким образом мы видим, что в первобытном государстве господствует демократический дух»⁵⁾.

¹⁾ Schmidt P. W., Die Stellung der Pygmäenvölker, Stuttgart, 1910.

²⁾ Тураев, История древнего Египта, 1923 г.

³⁾ Schebesta, Meine Forschungsreise zu den Pigmäen, Ethnolog. Anzeiger, B. III, K. I, 1932.

⁴⁾ Lowie, The Origin of State, N. J. 1926; Powdermarke, The Leadership in Australia. «The Economic Journal» № 23, 1928; Knabenhans, Die politischen Organisation bei den Australian Eingeboren, 1919; Thurnwald, Entstehung vom Familie. Blätter für vergleichenden Rechtswissenschaft—und Volkswirtschaftslehre, 1931;

⁵⁾ Koppers W. Die Anfänge des menschlichen Gesellschaftsleben, 1921; см. также Schmidt und Koppers, Völker und Kulturen, 1925; B. Malinowsky, Sex and Repression in Savagery Society, London, 1927.

Копперс всячески обходит то, что государство есть продукт непримиримости классовых противоречий, возникающий и исчезающий на определенной ступени развития общества. Стремясь доказать вечность капитализма, он, естественно, старается доказать вечность государства, причем он совершенно не учитывает, что от главы семьи до главы государства так же далеко, как от случайного вождя примитивной группы, власть которого не основана ни на экономическом, ни на политическом принуждении и не простирается дальше обусловленного его личными качествами влияния, до абсолютного диктатора Италии, опирающегося на экономическую и политическую силу господствующего класса. Смазывая эти различия, Копперс явно стремится оправдать существование классового общества. С этой же целью он утверждает, что в начале всего общественного развития стоит семья, эта «колыбель всего общественного развития человечества». В этом не сомневается и другой модный буржуазный социолог, Б. Малиновский, который утверждает, что семья в ее моногамной форме заимствована человеком из животного царства как базирующаяся на вечных биологических законах. Поэтому «в первобытном обществе индивидуум строит все свои связи по типу отношений к отцу и матери, брату и сестре». «Семья есть колыбель человеческой культуры»¹⁾, и в этой колыбели покоится основа буржуазного общества — частная собственность. Не только Копперс, но и Кунов твердо убежден, что «уже на самых низких ступенях хозяйственного развития мы находим идею собственности весьма ярко выраженной. Разница против позднейших ступеней заключается исключительно (разрядка моя.—А. З.) в том, что тогда на низкой ступени развития дикарь обладал лишь немногим и весьма мало мог приобрести такого, что можно было бы назвать собственностью»²⁾. Разница, как видим, чисто количественная. Зато апология капитализма принимает здесь вполне выраженный качественный характер. В этих высказываниях Кунов плетется в хвосте буржуазных ученых типа украинского академика Грушевского, открывшего уже после революции «чувство частной собственности» у животных и заключившего из этого, что коммунисты, уничтожая собственность, действуют «природе вопреки, наперекор законам».

Конечный результат совместных усилий ученых различных стран сводится к тому, что привычные отношения буржуазного общества переносятся в глубь времен, где и учреждается царство буржуазного разума и порядка. «Нет ничего характернее для буржуа, как перемещение черт современных порядков на все времена и народы» — писал Ленин. Этим путем буржуазная наука борется с социализмом, — таков объективный смысл полемики против первобытного коммунизма.

II. Г. Кунов и первобытный коммунизм

Эволюция II интернационала к социал-фашизму не есть продукт нескольких последних лет. Идеиные истоки ее следует искать в работах более раннего периода социал-демократии. Каутский допускал прямые отступления и извращения марксизма в наиболее прогрессивный период своей деятельности. Его «антипод» Генрих Кунов в сущности никогда не был марксистом, в настоящее же время он просто плетется, как верный лакей, по следам наиболее реакционной части буржуазных ученых. Все его теоретические работы по философии, в особенности по историческому материализму, представляют собой подкрашенную цитатами из Маркса и Энгельса разновидность буржуазного позитивизма, смесь вульгарного материализма и идеализма в истории, ничего общего не имеющую с диалектическим материализмом. Особенно ярко это проявляется в работах о первобытном обществе, где Кунов, слышу-

¹⁾ B. Malinowsky, *Sex and Repression in Savagery Society*, L., 1927.

²⁾ Г. Кунов, *Первобытный коммунизм*, изд. «Пролетарий», 1926 г., стр. 57.

ций большим знатоком фактического материала, выступает со своей собственной точкой зрения, со своими взглядами и гипотезами, ежеминутно выставляя напоказ свою «профессорскую» начитанность, и небрежно третирует Маркса и Энгельса как «недоучек» в этой области. «Как Маркс, так и Энгельс повидимому весьма мало занимались или вовсе не занимались изучением различных форм этих древнейших оседлых поселений в различных частях света»¹⁾, — пишет Кунов, умышленно обходя многочисленные свидетельства глубокого интереса, проявляемого классиками марксизма к этому вопросу. «Когда Маркс и Энгельс впоследствии познакомились с работой Л. Г. Моргана о лиге ирокезов и с его «Древним обществом», — продолжает он, — то эти работы все же не побудили их к исследованию первобытных форм общности и хозяйства. Этому нельзя не удивляться, ибо как раз они, как коммунисты, должны были заинтересоваться наличием некоторых коммунистических черт в первобытной хозяйственной жизни»²⁾. Действительно, подобному заявлению нельзя не удивляться, ибо Генриху Кунову великолепно известно то внимание и интерес, с которыми основоположники марксизма отнеслись к Моргану. «Нижеследующие главы, — писал Энгельс в предисловии к 1-му изданию «Происхождения семьи», — представляют собою в известной мере выполнение завещания. Не кто иной, как сам Карл Маркс, намеревался изложить результаты исследований Моргана в связи с данными своего — в известных пределах я могу сказать нашего — материалистического исследования истории и тем дать возможность понять все их значение. Энгельс в вышеуказанном труде блестяще выполнил то, что смерть помешала сделать Марксу».

Однако это не останавливает зарвавшегося «критика». Пустив «глубокомысленное» филистерское замечание о том, что «было бы наглостью требовать от них (т. е. от Маркса — Энгельса. — А. З.) больше того, что они совершили и могли совершить»³⁾, он продолжает, кичась своей эрудицией, противопоставлять «устаревшим гипотезам Моргана — Энгельса» «плоды» своих «новейших исследований». Но при ближайшем рассмотрении оказывается, что все они вместе взятые не стоят и строчки великого труда Энгельса, этого, по словам Ленина, «основного произведения научного социализма, в котором проверено и взвешено каждое слово».

На деле же в своих многочисленных трудах Кунов тщетно пытается раскрасить на марксистский лад «нищенскую эклектическую похлебку» позитивизма. Выпячивание на первый план экономического фактора нисколько не спасает Кунова, ибо как всякая однобокая, безжизненная концепция оно приводит к идеализму и эклектизму. В то же время оно связано с ярко выраженным антиисторизмом. Ни один социальный институт у Генриха Кунова не возникает и не развивается как новое явление. И частная собственность, и моногамная семья, и государство, по мнению Кунова, изначально и все их развитие состоит в простом количественном увеличении их социальной роли и значимости. Здесь особенно ярко вскрывается классовая подоплека куновской методологии.

Еще в 1897 г. Кунов выступил со статьями о материнском праве⁴⁾, в которых подверг ревизии взгляды Энгельса на первобытное общество⁵⁾.

¹⁾ Г. Кунов, Марксова теория исторического процесса, общества и государства, т. II, стр. 77, изд. 1930 г.

²⁾ Там же, стр. 78.

³⁾ Там же, стр. 78.

⁴⁾ «Neue Zeit», XVI (1891), XIX (1901).

⁵⁾ Эти статьи были благосклонно встречены социал-демократической печатью. «В Европе, — писал Плеханов, — к числу сочинений, основывающихся на исследованиях Моргана, нужно отнести прежде всего ценные исследования нашего немецкого

Подчеркивая тесную связь материнского права с мотыжным земледелием, Кунов тем самым рассматривает его как один из вариантов исторического процесса, лишая его всеобщности и обязательности, на которой настаивал Энгельс. На самом деле, если предположить, подобно Кунову, плетущемуся в хвосте у Гроссе и прочих «опровергателей» марксизма, что своим происхождением материнское право обязано удельному весу женского труда при мотыжном земледелии, то тем самым мы допускаем, что оно существовало только у народов, практиковавших когда-либо эту форму хозяйства.

Но, во-первых, совершенно невозможно допустить, чтобы самоеды, остяки, коряки, чукчи, юкагиры, эскимосы, атапаски и ряд других северных народностей когда-либо были знакомы с земледелием; а между тем у юкагиров, у эскимосов и даже у чукчей¹⁾ находятся в изобилии следы материнского права, выросшего очевидно на каком-то ином базисе. Во-вторых, ни австралийцы, ни калифорнийцы, некоторые племена которых являют нам картину вполне развитого «материнского права», еще не дошли до земледелия и стоят на ступени так называемого усложненного собирательства. Все эти факты заставляют отвергнуть куновское объяснение возникновения материнского права из мотыжного земледелия как несостоятельное и до появления специальных исследований ограничиться положением Энгельса: «поскольку существует групповой брак, происхождение может быть установлено лишь с материнской стороны, а потому признается только женская линия»²⁾.

Не решаясь прямо признать приоритет отцовского права, Кунов делал существенные уступки сторонникам этой реакционной теории. В позднейшей работе «Происхождение брака и семьи» (1912—13 г.) он прямо утверждал: «Еще сомнительно, везде ли на определенной ступени развития из происхождения по отцовской орде произошло происхождение по матери, или переход к женской линии у многих народностей совершался дольше, чем у других, или отдельные народности на пути своего развития вообще миновали матриархальный период». «При особенных обстоятельствах матриархата могло совсем не быть или же матриархальный период мог продолжаться сравнительно немного времени»³⁾.

Это как раз есть та точка зрения, на которой настаивают непримиримые враги марксизма и коммунизма—венская католическая «школа св. Гавриила». Еще Эрнест Гроссе, выступивший со своим учением о связи форм семьи с формами хозяйства, пытался опровергнуть Энгельса, дискредитировав в первую очередь учение о материнском праве. Импонируя многим своей предполагаемой близостью к марксизму (экономический фактор (!), Гроссе стал духовным отцом реакционнейшей культурно-исторической школы кардинала Шмидта, что засвидетельствовано в трогательных выражениях редакцией «Festschrift gewidmet Schmidt» (Wien, 1928).

«Согласно материалистическому пониманию истории, — пишет Энгельс, — в историческом процессе определяющим моментом в конечном счете является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего не утверждали. Если кто-нибудь это положение

товарища Г. Кунова о системах родства у австралийских негров, об общественном строе в Мексике и в государстве инков и наконец о матриархате в связи с развитием производительных сил у «диких племен». 1-е примечание к «Л. Фейербаху».

¹⁾ См. Jachelson, The Jukaghieren und Jukaghirized Tungus. Максимов А., Из истории семьи у русских инородцев, Богорас, The chukchee, 1904—1909.

Богораз сам указывает на наличие у чукчей двух типов брачно-групповых отношений: одного, идущего по отцовской, другого по материнской линиям, причем последний справедливо рассматривается им как древнейший.

²⁾ Энгельс, Происхождение семьи, стр. 41.

³⁾ Г. Кунов, Происхождение брака и семьи. Москва, 1923, стр. 89—90.

извратит в том смысле, что будто экономический момент является единственным определяющим моментом, тогда утверждение это превращается в ничего не говорящую абстракцию, бессмысленную фразу»¹⁾. В этих словах Энгельс предупреждает от сползания к экономическому материализму. Но охотников извращать учение Маркса именно в этом направлении оказалось более чем достаточно, и «экономическая интерпретация истории»²⁾ нашла себе широкое распространение среди буржуазных и социал-фашистских ученых. В этнологии его расцвет связан с антиморгановской реакцией, выполнявшей классовый заказ буржуазии: обосновать вечность капитализма, опровергнуть теорию Энгельса о первобытном коммунизме, групповом браке и происхождении семьи. Поскольку борьба с чисто идеалистических позиций была явно безнадежна, постольку на сцену выступил позитивизм в его различных вариантах, среди которых особенным успехом, наряду с дюркгеймовским социоморфизмом пользовался кое-что позаимствовавший у марксизма «экономический материализм».

Гроссе, Гильденбрант, Копперс и Шмидт, Селигман и другие усиленно подчеркивают экономическую обусловленность различных социальных институтов, затушевывая путем гипостазирования экономического «фактора» диалектику общественных отношений³⁾. Например Копперс в одной из своих последних статей, обсуждая вопрос об игрищах у южно-китайского племени Лоло, решительно отрицает возможность их интерпретации как пережитка группового брака, подчеркивая их непосредственную, обусловленную характером китайского земледелия экономическую детерминированность⁴⁾. Точно так же проф. Преображенский, полемизируя с теорией группового брака, утверждает, что «пережитки его в Австралии не могут рассматриваться как пережитки более широких половых отношений более древней формации, но по своей экономической характеристике мыслимы лишь как исторически сложившийся институт на почве такого общества, где уже начали появляться первые признаки экономической и социальной дифференциации»⁵⁾. Во всех этих случаях путем подчеркивания эмпирически данной экономической зависимости пытаются снять историческую последовательность, отвлечься от изучения подлинной диалектики общественных отношений.

Копперс, который гораздо увереннее Кунова связывает происхождение материнского права с мотыжным земледелием, отчетливо формулирует взгляд на материнское право как на случайный эпизод исторического процесса. «Как материнское право, так и тотемизм,—пишет он,—в конце концов в общеисторическом смысле представляют собою просто эпизоды, так что вовсе не все человечество было матриархально организовано, не говоря уже о тотемизме»⁶⁾. В то время как Энгельс, опирающийся на всю совокупность фактов, рассматривает материнское право как необходимую «естественно выросшую» ступень общеисторического процесса, для Кунова и Копперса

¹⁾ Письма Маркса и Энгельса, стр. 363, изд. 1923 г.

²⁾ См. Seligman, *The Economic Interpretation of history*, 2 Ed., 1924.

³⁾ Рецензируя последнюю книжку Туривальда, Копперс пишет: «Туривальд обнаруживает удивительную логику, уверяя, что применение известного принципа Гроссе — «освещение культуры при помощи формы хозяйства» — является материализмом. Во всяком случае было бы странно рассматривать каждую ошибку как материализм», *Anthropos*, 1932, Н. 1—2, S. 332.

⁴⁾ Koppers, *Die Frage des Mutterrechts und Totemismus in alten China*, *Anthropos*, 1930.

⁵⁾ П. Я. Преображенский, К вопросу о природе брачно-групповых отношений в Австралии. Труды Этнографо-археологического музея 1-го МГУ, 1927, стр. 8.

⁶⁾ Koppers, *Die Frage des Mutterrechts* ..etc.

это лишь случайный эпизод, вызванный к жизни действием локально-экономических причин. Подобная трактовка материнского права станет вполне понятной, если мы вспомним слова Бебеля: «Признание материнского права означало коммунизм, равенство всех; появление отцовского права означало господство частной собственности и вместе с тем угнетение и порабощение женщин»¹⁾.

Выполняя в борьбе с теорией первобытного коммунизма свой «социальный заказ», буржуазная этнология стремится скомпрометировать теорию материнского права и группового брака, являющихся необходимыми ингредиентами первобытного коммунизма. Кунов например пришел к заключению, что «эти так называемые групповые браки являются побочными образованиями, которые в истории семьи играли совсем второстепенную роль»²⁾. Ограничив роль материнского права и группового брака, Кунову оставалось признать вообще «несостоятельность» взглядов Энгельса и Моргана на первобытное общество, что он и сделал в работе «Марксова теория исторического процесса, общества и государства». «Этот разодетый и напояженный первобытный коммунизм «Комментариев», — писал он там, — есть не что иное, как чистая фикция»³⁾. В ряде специальных статей он пытался разбить понятие первобытного коммунизма⁴⁾. Наконец в 1926 г. он выпустил I том «Всеобщей истории хозяйства», в котором дал позитивное изображение первобытного общества, направленное против взглядов Маркса—Энгельса.

Таким образом, начав в 90-х годах прошлого столетия с ограничения роли матриархата и группового брака, с критики «частных ошибок» Моргана—Энгельса, Кунов пришел к отрицанию первобытного коммунизма, к антимарксистской, вульгарно-экономической теории первобытного общества. Разумеется, этот процесс не был результатом логической филиации идей в профессорской голове. Общее поправление социал-демократии, постепенное превращение ее в третью партию буржуазии, наконец прямая ее фашизация—все это требовало коренного пересмотра теоретических установок, радикальной очистки от «пережитков» марксизма и подчинения науки интересам защиты буржуазии.

Для этой последней цели Кунов не брезгает никакими средствами. На протяжении многих страниц он кичится своим «новейшим этнологическим материалом», но когда доходит до дела, то от материала не оказывается и следа. Более того, весь известный нам новейший этнологический и археологический материал говорит п р о т и в Кунова, за теорию первобытного коммунизма.

Присмотримся внимательно к «аргументации» Кунова: «У какого из примитивных народов домохозяйственный инвентарь и особо важные средства производства, хижина, домашний скот и орудия труда находятся в общей собственности, т. е. так, чтобы отдельное лицо могло пользоваться ими только с согласия и одобрения общества (это значит: племени или деревенской общины)?» — спрашивает он. И тут же отвечает, что «первобытный коммунизм есть просто фикция»⁵⁾. С чрезвычайной тщательностью, местами даже педантизмом Кунов пытается доказать, что такого состояния общества, когда «все принадлежало всем», нигде не было, что все сообщения этнографов о коммунизме первобытных племен суть продукт поверхностного знакомства с предметом или предвзятого подхода к нему и что «в пользу гипотезы первобытного коммунизма упомянутые сообщения не говорят ровно ничего».

¹⁾ А. Бебель. Женщина и социализм, стр. 61.

²⁾ Г. Кунов, Происхождение брака и семьи, стр. 131.

³⁾ Г. Кунов, Марксова теория исторического процесса, стр. 79.

⁴⁾ Русский перевод под названием «Первобытный коммунизм», Москва, 1923 г.

⁵⁾ Кунов, Марксова теория исторического процесса, т. II, стр. 79.

С известной последовательностью из них вытекает лишь тот факт, что в ходе культурного развития в некоторых (!) местах создались кое-какие (!) коммунистические институты и что они иногда (!) приобретали довольно большое значение в хозяйственной жизни»¹⁾.

Это вынужденное признание «кое-каких коммунистических институтов», создавшихся в «некоторых местах», сделано под давлением фактов, не желающих укладываться в прокрустово ложе социал-фашистской теории. Чтобы спасти положение, Кунов прибегает к прямому подлогу. Он подчеркивает, что в первобытном обществе не только «все не принадлежит всем», но что, напротив того, там господствуют вполне рафинированные отношения собственности, что там не только нет всеобщего равенства, но существуют конституированное разделение труда, противоположность полов и подчиненное положение женщины, что, наконец, и в пище существует всеобщее неравенство и что коллективному производству там принадлежит второстепенная роль.

«Весь первобытный коммунизм тасманийцев, — говорит он, — состоит следовательно в том, что свои охотничьи участки они рассматривали как общую собственность, и охотника, возвратившегося с большей добычей, они заставляли (?) уступить часть в пользу остальных членов орды. Можно это считать весьма важным мероприятием, ибо при помощи этого коммунизма распределения достигалось, что некоторые слабые и старые члены орды не помирали с голоду в то время, как у других было изобилие, но этот обычай был вызван не естественными чувствами общности и равенства, как об этом рассказывается в утопических (!) коммунистических произведениях, а давлением голодающих»²⁾.

«Правда (!), у австралийцев мы находим род потребительного коммунизма. Счастливый охотник должен отдать орде часть своей охотничьей добычи. Но и в этом случае не все члены орды без различия имеют одинаковое право на мясо и рыбу, а только определенный круг родственников».

«Таким образом неоднократно выставлявшиеся старыми авторами (т. е. Марксом—Энгельсом.—А. З.) утверждения, будто в первоначальных человеческих обществах господствовал всеобщий коммунизм, т. е. будто всем членам общественного объединения или орды сообща принадлежали все имеющиеся налицо предметы, ошибочны» — заключает Кунов³⁾.

Совершенно очевидно, что Кунов спорит против им же самим сконструированного и подsunутого Марксу—Энгельсу понятия первобытного коммунизма. Полемизируя против «утопического социализма», Кунов старается дать понять, что между этим последним и марксизмом никакой разницы нет, после чего ему уже без труда удастся одержать победу над «напоманной фикцией коммунизма». Под первобытным коммунизмом он понимает такой строй, при котором «все принадлежит всем». Но ни Маркс, ни Энгельс никогда не вкладывали в понятие «коммунизм» подобного абстрактно утопического содержания. Первобытным коммунизмом они называли общественный строй, экономическая структура которого характеризовалась следующими признаками:

1) В этом обществе нет классовой дифференциации, что обусловлено в первую очередь коллективным производством и 2) основанным на нем коллективным владением важнейшими средствами производства, т. е. в нем осуществлено первоначальное единство производителя со средствами производства; 3) все трудоспособные члены общества участвуют в производ-

¹⁾ Г. Кунов, Всеобщая история хозяйства, т. I, стр. 4.

²⁾ Г. Кунов, Первобытный коммунизм, стр. 21.

³⁾ Кунов, Всеобщая история хозяйства, т. I, стр. 274.

ственном процессе; 4) широко практикуются различные формы коллективного распределения и потребления продуктов.

Выдуманно ли такое общество? Конечно нет. В столь общих чертах намеченные признаки характерны для всего доклассового общества, обладающего первобытно коммунистической структурой.

Правда, изображая его развитие в своей «Всеобщей истории хозяйства», Кунов тщательно обходит моменты коллективного производства, не только не давая их анализа, но тщательно умалчивая о них во всех тех случаях, где это только возможно. И тем не менее он сплошь и рядом вынужден констатировать их наличие.

Например на стр. 33 он пишет об австралийцах: «Как только кто-нибудь из них увидит более или менее крупного зверя, он сейчас же уже совместно с несколькими товарищами начинает охоту...».

На стр. 73: «Охота на лося и оленя предпринимается небольшими группами охотников». «У некоторых племен в большом ходу и охотничьи облавы...» — пишет он о калифорнийцах.

Таким образом сам Кунов вынужден признать не только наличие коллективных процессов труда у охотников-собирателей, но и их большое значение. И действительно, на протяжении всего первобытного периода мы встречаемся с широко практикуемыми формами коллективного производства. Примеры подобных институтов хорошо известны, стоит только обратиться к книгам Зибера и Крживицкого. Поэтому мы ограничимся лишь рядом дополнительных иллюстраций. «В широких реках Австралии, — говорит Эйр, — где вода низка и чиста, партии туземцев, от сорока до пятидесяти человек каждая, ловят рыбу копьями из твердого дерева около шести футов длиной и с острыми наконечниками. Образуя из себя широкий полукруг, они погружаются одновременно в воду со своим оружием и остаются под ней довольно долго... Точность, с которой они занимают свои относительные положения, ловкость и порядок, с которыми они ныряют в воду, поистине удивительны для того, кто присутствует при этом впервые»¹⁾. В Австралии же практикуется коллективная охота на кенгуру, в которой принимают участие туземцы нескольких соседних орд. Толпа женщин и детей гонит с криком и гиканьем животных на цепь охотников²⁾. Туземцы Ориноко коллективно охотятся на диких свиней, в этом занятии участвуют все мужчины во главе с вождем³⁾. Такие же охоты на диких свиней, но с участием целых селений и поджогом травы устраиваются в Новой Гвинее⁴⁾. Коллективно производилась и организовывалась охота за буйволами в Сев. Америке. По словам Кэтлина⁵⁾, манданы выезжали на такую охоту всем мужским составом. У Омаха охотой руководили специально назначенные лица, по сигналу которых все мужчины племени выезжали в степь, разбивались на две колонны и окружали стадо буйволов⁶⁾. Подобные формы коллективного труда преобладают у всех охотничьих народов.

Но теснейшая спаянность личности с коллективом в процессе коллективного производства первобытно-коммунистического общества объясняется, как отмечает Маркс, не обобществлением средств производства, а слабостью обособленной личности. «Этот первобытный тип кооперативного или коллек-

¹⁾ E. Eyre, Journal of expeditions of discovery into Central Australia, L. 1545, v. II, p. 245.

²⁾ См. Grey, Journal of two Expeditions, vol. II; B. Smith, The Aborigines of Victoria, L., 1878.

³⁾ Kox-Grünberg, Zwei Jahre bei den Indianer, N. W. Brasiliens, 1923, S. 68.

⁴⁾ Кунов, Всеобщая история хозяйства, т. I, стр. 274.

⁵⁾ Catlin, Illustration of Manners etc. of the North American Indians, v. I, p. 251—4, L. 1841.

⁶⁾ Dorsey, Omaha Sociology, 13 Annual Reports Bureaux of Am. Ethnol., p. 283—287.

тивного производства был, разумеется,—пишет Маркс,—результатом слабости обособленной личности, а не обобществления средств производства»¹⁾.

Более развиты непосредственно кооперированные формы труда у народов земледельческих. Мотыжное и подсечное земледелие еще в большей степени, чем охота, требует координации трудовых усилий²⁾. У индейских племен нижнего Миссури «работа производится сообща. Монтэю установил, что каждая деревня собирается и после всеобщего танца и следующего за ним праздника мужчины и женщины отправляются на землю вождей и полдня обрабатывают ее, засевая или собирая жатву. Посев растений, пишет Де-ла-Венте, делается всегда сообща. Сегодня вся деревня работает для одного, завтра для другого и так, пока вся работа не будет выполнена»³⁾. Николай Де-ла-Розо сообщает о горных индейцах Колумбии, что если кто-либо хочет очистить от леса участок земли для посева, то он заготавливает запас пищи и созывает всех своих соседей, работающих сообща. По окончании работы начинаются пир и танцы⁴⁾. В Меланезии мужчины сообща очищают лес тем же способом, что и индейцы, оставляя прочие работы на долю женщин⁵⁾. Обычно коллективно не только вырубается лес, но строятся лодки и хижины. Болиндер пишет об индейцах Колумбии: «В постройке хижины принимают участие все, кто только может. Вождь руководит всем. Тот, кому строят хижину, должен угостить помощников не только питьем и едой, но и агавовым пивом»⁶⁾. Такие же коллективные постройки хижин и лодок отметили Турнвальд на архипелаге Бисмарка⁷⁾, Малиновский на Тробрианде⁸⁾, Лютке у каролинцев⁹⁾.

Все это показывает, что на основе коллективной собственности и коллективного труда развивается коллективное потребление, т. е. тот самый «потребительский коммунизм», «коммунизм нужды», существование которого со скрежетом зубным вынужден был признать Кунов (см. выше).

Так например, если австралиец племени Нарриньери убил эму, то он поджаривает его и снимает шкуру. Старейший мужчина относит его при помощи юношей на защищенное место недалеко от лагеря, к которому не смеют приближаться женщины и дети. Старик разрезает птицу по строго установленным правилам, затем куски приносятся в лагерь и раздаются всем присутствующим там мужчинам, женщинам и детям. Лишь некоторые части, считающиеся священными, могут есть только старики¹⁰⁾. Точно так же у Мининга пища делится всегда поровну между всеми присутствующими, причем никто не дотронется до мяса, пока убивший не получит своего куска. Женщины получают наравне с мужчинами, а дети наделяются обоими родителями. То же самое наблюдается у племени Гуридыч-мара¹¹⁾, у охотников юго-западной Виктории. Ольдфильд пишет об австралийцах: «Если между 8—10 людьми делится эму, кенгуру или пес, то раздел производится старейшим, оставляющим себе лучший кусок. Но никто по получении своей порции

¹⁾ «Архив М. и Э.», т. I.

²⁾ См. Третьяков, Подсечное земледелие в Восточной Европе, Известия ГАИМК, т. XIV, вып. 1-й.

³⁾ Swanton L., Indian Tribes of the Lower Misisipi-válley, 430. Bulletin Bureau American Ethnology, p. 47.

⁴⁾ G. Bolinder, Die Indianer der tropischen Schneegebirge, Stuttgart, 1928, S. 113.

⁵⁾ R. Thurnwald, In Bismarkarchipelag und auf den Salomoinse, Z. f. E. 1910, S. 116.

⁶⁾ G. Bolinder, Ibid., S. 113.

⁷⁾ R. Thurnwald, Ibid., S. 119.

⁸⁾ B. Malinowsky, Argonauts of the Western Pacific, L. 1922, p. 1286.

⁹⁾ F. Lütke, Voyage autour monde, Paris, 1863, III, цит. по Зибору, стр. 53.

¹⁰⁾ A. Howitt, Native Tribes of S. East Australia, L. 1904, p. 763.

¹¹⁾ Там же, p. 762.

не взвешивает ее и не высказывает недовольства, но быстро направляется к огню, чтобы поджарить ее. Никогда не бывает никаких ссор между ними, как это обычно случается с белыми в период нужды»¹⁾. Негритосы Люцена живут в совершенной общности имущества²⁾. Перед едой каждый негритос обязан несколько раз прокричать громко, приглашая всякого, кто случайно окажется по близости и может быть нуждается в пище. Обычай этот соблюдается так строго, что нарушение его, по словам Миклухи-Маклая, наказывается смертной казнью³⁾. Сен-Клэр говорит о ботокудах, что по возвращении с охоты их предводитель распределяет добычу, причем если количество дичи ограничено, то они ничего не получают. Часто и сам предводитель не затрагивается до своей дичи, отдавая ее группе⁴⁾. Эренрейх подтверждает, что в отношении предметов питания у них господствует строжайший коммунизм. У индейцев Ориноко при разделе убитого тапира вождь послал кусок даже в соседнюю «молоку» (большой родовой дом)⁵⁾. Штернберг констатировал потребительский коммунизм у гиляков. Не делиться съедобным, не угощать считается у них грехом. Более того, если у гиляка неудачен был рыбный лов и ему нечем питаться, то он переселяется со всей своей семьей к родичам, которые его содержат. Пока у кого-нибудь из родичей есть пища, гиляк будет сыт⁶⁾. Вениаминов пишет об алеутах: «Искони между алеутами водится, что во время недостатка пищи они делятся между собой всем, что могут достать. Например упромысливший рыбу делит ее между всеми, кто только имеет нужду... Если он при разделе не вспомнит кого-либо и если этот забытый приходит к нему после раздела, то уделяет ему из своей части»⁷⁾. Кэтлин сообщает о мандахах: «Всякий, кто голоден, имеет право снять с огня горшок и есть, сколько ему захочется, независимо от того, принадлежит ли он к тому самому дому или к другому дому той же деревни. Такой обычай встречается у всех этих североамериканских индейцев, и я сомневаюсь в том, что цивилизованный мир имеет в числе своих институтов систему, которую можно было бы назвать более приятной и благодетельной в самом истинном смысле этих слов. Каждому мужчине, каждой женщине и каждому ребенку разрешается входить в любую хижину, хотя бы в хижину вождя племени. А когда он голоден, ему разрешается и есть там, если только его принуждают к этому несчастье и бедность»⁸⁾. Охотники Северной Америки и Новой Гвинеи, возвращаясь домой с обильной добычей, устраивают пиршество, в котором участвуют нередко все взрослые обитатели деревни⁹⁾.

Описание подобных обычаев может занять десятки, а может быть и сотни страниц. Но мы ограничимся приведенными примерами. Все они говорят об одном. Человек первобытно коммунистической формации делится продуктами своего труда со своими соседями, ибо соседи делятся с ним. Только при наличии подобной взаимопомощи возможно существование общества, покоящегося на столь низком уровне развития производительных сил. Раздел

¹⁾ Oldfield, The Aborigines of Australia. Transaction of Ethnol. Society of London, 1865.

²⁾ Кунов, Первобытный коммунизм, стр. 37.

³⁾ Miklucha-Maklai, Ausland, 1883.

⁴⁾ Кунов, Первобытный коммунизм, стр. 36.

⁵⁾ Кох-Grünberg, S. 48.

⁶⁾ Штернберг, Гиляки, Этнограф. обозрение, кн. 63, стр. 113.

⁷⁾ Вениаминов, Записки об островах Уналашкинского отдела, 1840 г., ч. 2-я, стр. 56.

⁸⁾ Catlin, loc. cit., v. I, p. 200.

⁹⁾ См. P. Radin, The Winnebago Tribes, 37. Annual Reports of B. A. E., p. 119; Dorsey, Omaha Sociology, p. 202; Кунов, Всеобщая история хозяйства, т. I, стр. 303.

добычи между всеми присутствующими, обычай гостеприимства, коллективные трапезы — все это вместе взятое обеспечивает первобытному человеку более или менее сносное существование. Чувство взаимной обязанности, чувство тесных связей с сочленами своего коллектива покоится в первую очередь на коммунистическом способе производства, на невозможности индивиду жить и действовать в одиночку.

III. Первобытный коммунизм как общественная формация

Классиками марксизма установлено, что частная собственность на средства производства возникла лишь на определенной ступени развития производительных сил и уничтожается пролетарской революцией. В первобытном, доклассовом обществе частной собственности не существовало. «История показывает нам коллективную собственность (например у индусов, славян, древних кельтов и т. д.) как первоначальную форму, которая под видом общинной собственности еще долго играет значительную роль»¹⁾. Буржуазные ученые, напротив, всячески стараются доказать вечное существование частной собственности. За ними плетутся теоретики социал-фашизма — Каутский и Кунов. Правда, Каутский под влиянием Энгельса признал существование первобытного коммунизма²⁾. В своем «Materialistische Geschichtsauffassung» он даже вступает по этому вопросу в полемику с Куновым³⁾. Но первобытный коммунизм, который защищает Каутский, — это «коммунизм» совершенно особого рода. «Частная собственность на орудия труда, — говорит он, характеризуя возникновение классов, — по видимому существовала с испокон веков. Первоначальные орудия были однако так просты, что каждый легко мог добыть их себе. Это изменяется с разделением труда»⁴⁾. Под видом защиты первобытного коммунизма Каутский протаскивает идею о вечности собственности. Его соратник Кунов не нуждается в подобных «фиговых листках». Он прямо декларирует: «Делают грубую ошибку те, кто, опираясь на учение о первобытном коммунизме, полагает, что частной собственности первоначально вообще не было или по крайней мере собственным считалось только то, что человек носит на собственном теле... Из числа современных (разумеется, буржуазных. — А. З.) этнологов, занимавшихся первобытной собственностью, нет ни одного, который стал бы утверждать, что... на первых ступенях развития отсутствовала частная собственность»⁵⁾.

Кунов пытается здесь обмануть читателя. В действительности целый ряд современных буржуазных этнологов под давлением фактов вынужден признать, что в начале общественного развития стояла коллективная, а не частная собственность.

Так ученик кардинала Шмита, клерикальный этнолог Юлий Липс писал в юбилейном сборнике в честь своего учителя: «Эта индивидуальная собственность ограничена несущественными и бесценными для орды предметами. Для орды ценно обеспечение всего того, что составляет совокупность поддерживающих существование условий, и в первую очередь земля и территория, а вовсе не бумеранг, копье, лук со стрелами, которые могут быть в любое время сделаны заново»⁶⁾.

¹⁾ Маркс, Введение к критике политической экономии.

²⁾ Каутский, Предисловие к книге Сальвиоли «Капитализм в античном мире».

³⁾ Kautsky, Materialistische Geschichtsauffassung, B. I. S. 798.

⁴⁾ Каутский, Соч., т. I, стр. 284.

⁵⁾ Cunow, Allgemeine Wirtschaftsgeschichte, B. IV, S. 414, Berlin, 1931.

⁶⁾ Lipps, Die Anfänge des Rechts am Boden etc., Testschrift gewidmet Schmidt,

На протяжении всей истории первобытного общества земля находится в коллективной собственности. По справедливому замечанию Лавелэ, «общинность земель дает очень крепкую основу первобытным обществам, она поддерживает равенство и образует тесный союз между всеми членами клана. Она обеспечивает всем им частную независимость, делая всех собственниками»¹⁾.

Земля составляет единственную невоспроизводимую категорию, от обладания которой зависит самое существование орды. Напротив того, бумеранги, копыя, топоры, якобы составляющие «частную собственность», легко могут быть воспроизведены вновь, и поэтому существование орды как производственного коллектива в значительно большей степени зависит от обладания землей, чем от обладания ими. «Общая собственность на землю, — говорит Маркс, — образует естественную основу коллективного производства и присвоения»²⁾. Известно, что первобытные человеческие группы в поисках пищи придерживаются определенного плаца. Уже у тасманийцев каждая орда кочует по определенной территории, границы которой хорошо установлены. То же самое мы находим у всех охотничьих племен — австралийцев, веддов, ботокудов, огнеземельцев, бушменов и т. д. У каждого из них орда владеет сообща территорией, переход границы которой со стороны чужака рассматривается как повод к столкновению.

Правда, у ряда старых авторов — Керра, Коллинза, Даусона, Грея, Эйра, Гильдебранда — мы найдем указания, согласно которым австралийцы знают частную собственность на землю. Но Малиновский³⁾ и сам Кунов⁴⁾ убедительно доказали, ссылаясь на показания многочисленных и более авторитетных исследователей, что Грей, Коллинз, Даусон и другие ошибаются, приписывая австралийцам частную собственность на землю. Целый ряд этнографов (Гоуитт, Камерон, Пальмер, Спенсер, Гиллен, А. Броун, Ж. Броун, Файзон и др.), проводивших помногу лет среди австралийцев, не обнаружил у них частной собственности на землю. Таким образом вопрос об изначальности коллективной собственности на землю не возбуждает сомнения.

Но Кунов пытается отыгаться именно на бумерангах, луке со стрелами, копьях и других предметах; по его мнению, они всюду находятся в частной собственности. Действительно, каждый член первобытной орды употребляет свои «собственные» орудия труда — копье, лук, бумеранг, которыми в большинстве случаев не пользуются другие члены орды. На этом основании большинство буржуазных этнологов в трогательном единении с Куновым утверждает о существовании частной собственности на орудия труда.

На самом деле ни о какой материальной обособленности производителя в первобытном обществе не может быть и речи. «Институт наследства, — писал Ленин, — предполагает уже частную собственность, а эта последняя возникает только с появлением обмена. В основании ее лежит зарождающаяся уже специализация общественного труда и отчуждение продуктов на рынке. Пока например все члены первобытной индейской общины вырабатывали сообща все необходимые для них продукты, невозможна была и частная собственность. Когда же в общину проникло разделение труда и члены ее стали каждый в одиночку заниматься производством одного какого-нибудь продукта и продавать его на рынке, тогда выражением этой материальной обособленности товаропроизводителей явился институт частной собственности. И частная собственность и наследство — категории таких общественных по-

¹⁾ Лавелэ, *Первобытная собственность*, СПб, стр. 103.

²⁾ «Архив М. и Э.», т. I, стр. 275.

³⁾ Malinowsky B., *The family among Australian Aborigines*, London, 1913.

⁴⁾ Кунов, *Всеобщая история хозяйства*, т. I, стр. 47 и дальше.

рядков, когда сложились уже обособленные, мелкие семьи (моногамные) и стал развиваться обмен»¹⁾.

Каждый член орды или рода действует одним копьем или одним бумерангом, но сам он является лишь атомом, тесно связанным с общественным целым, от которого он целиком зависит. Свой бумеранг он не может продать, при его помощи он не может обособиться от орды или рода. Само существование человека возможно только в рамках коллектива. «Само собой разумеется, — говорит по этому поводу В. Равдоникас, — что нанесение удара копьем во время охоты есть акт отдельного охотника, и в этом смысле данное орудие может считаться предназначенным для индивидуального пользования. Но вся суть вопроса в том, что самая возможность поражения крупного животного крайне примитивным копьем осуществляется, как правило, в условиях коллективной охоты. Зверя нужно выследить, зверя нужно окружить или загнать в удобное для охоты место, наконец, одним ударом весьма несовершенного копья не убьешь такого зверя, как первобытный бык, зубр, дикая лошадь или северный олень; необходимо было нанесение многих ударов и не одним копьем, но камнями, дубиной и т. д. Все это может выполнить конечно только коллектив, т. е. первобытная коммунистическая община. Чем же примитивнее орудие труда, тем в большей степени в условиях первобытно-коммунистических оно предназначено в конце концов для коллективного пользования, тем в большей степени оно заставляет людей соединяться друг с другом, чтобы компенсировать во взаимной помощи, в коллективном труде ту слабость обособленной личности первобытного человека, о которой говорил К. Маркс»²⁾. Ни о какой материальной независимости индивида, а следовательно ни о какой частной собственности в первобытном обществе говорить не приходится.

Последователь Кунова П. Кушнер возражает на это: «Никакой частной собственности в первобытном обществе не существовало, об этом не может быть спора между марксистами. Но из этого правильного положения нельзя выводить другого (неправильного) положения о коллективном пользовании орудиями труда»³⁾. Но если не существовало ни частной, ни коллективной собственности, то очевидно не существовало и общества, ибо, по словам Маркса, «ни о каком производстве, а следовательно ни о каком обществе не может быть речи там, где не существует никакой формы собственности»⁴⁾. Кушнер, задним числом пытающийся протащить идею вечности частной собственности, не отделаётся тут ни словечком «пользование», ни ссылками на то, что «только из принадлежности отдельных орудий отдельным лицам мог возникнуть похоронный обычай класть в могилу вместе с умершими орудия труда»⁵⁾, обычай, порожденный первоначальным «единством между рабочим и средствами производства»⁶⁾, которое характеризует всю первобытно коммунистическую формацию общества. Это единство выражается в коллективной организации производства, в теснейшей взаимосвязанности отдельных членов рода между собой, наконец в непосредственной связи производителя с орудиями труда, которую Кушнер умудряется истолковать как «аргумент» против первобытного коммунизма. Между производителем и

¹⁾ Ленин, Что такое «друзья народа», т. I, стр. 72.

²⁾ Равдоникас, О сущности развития доклассового общества, Сообщения ГАИМК, № 5—6, 1932.

³⁾ Кушнер, Предисловие к книге Гуковского и Трахтенберга «Очерк истории докапиталистического общества», 1931, стр. VII.

⁴⁾ Маркс, Введение к критике политической экономии, стр. 20.

⁵⁾ Кушнер, Предисловие к этой же книге Гуковского и Трахтенберга, стр. VII.

⁶⁾ Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. III, 1923 г., стр. 329.

средствами производства тут еще не стал собственник: каждый владеет тем, чем пользуется и что он производит; но отдельный индивид не в состоянии обособиться от общества, приобрести хотя бы видимость материальной независимости. Энгельс, характеризуя базис родового строя, писал: «Разделение труда чисто естественного происхождения; оно существует лишь между полами. Мужчина ведет войну, идет на охоту и рыбную ловлю, добывает пищу в сыром виде и необходимые для этого орудия. Женщина работает на дому и занята изготовлением пищи и одежды, варит, тклет, шьет. Тот и другой являются хозяевами каждый в своей области: мужчина в лесу, женщина в доме. Каждый является собственником изготовленных и употребляемых им орудий: мужчина—оружия, охотничьих и рыболовных принадлежностей, женщина—домашней утвари. Домашнее хозяйство ведется на коммунистических началах для нескольких, часто многих семей»¹⁾. Описанная Энгельсом система первобытно-коммунистических отношений выражается также «в первобытном представлении об относительном равенстве»²⁾.

Все члены общины или орды равны именно как ее члены, хотя отсюда не следует, что они являются носителями одинаковых прав и обязанностей. Все они так или иначе участвуют в процессе производства. Достигнутый уровень развития производительных сил настолько незначителен во всем доклассовом обществе, что отсутствуют какие-либо предпосылки для выделения социальной группы, стоящей вне процесса производства. Поскольку же все члены общества вовлечены в производительную деятельность, постольку немислимо возникновение отношений подчинения и господства, покоящихся на основе эксплуатации и частной собственности, невозможно возникновение частноправовых отношений. Функцию права здесь выполняет обычай. В первобытно-коммунистическом обществе, по словам Ленина, «не видно признаков существования государства. Видим господство обычаев, авторитет, уважение, власть, которой пользовались старейшины рода». «Но было время, когда государства не было, когда держалась общая связь, само общество, дисциплина, распорядок труда силой привычки, традиций, авторитетом или уважением, которым пользовались старейшины рода или женщины, в то время часто занимавшие не только равноправное положение с мужчинами, но даже нередко и более высокое, и когда особого разряда людей—специалистов, чтобы управлять, не было»³⁾.

Общественное мнение следит за выполнением законов. Так например, если австралиец нарушил экзогамный запрет, вступив в связь с женщиной запрещенного рода, то его ждет либо смерть, либо удар копыя в ляжку. Если ему удастся бежать, его преследуют, если ему удастся избежать преследования, то ему всю жизнь придется опасаться встречи со своими соплеменниками. Если австралиец оскорбит кого-либо, вступив в связь с его женой, то он подвергается наказанию, налагаемому советом стариков. Не приводя дальнейших примеров, можно сказать, что между членами первобытной общины или орды господствует относительное равенство.

Это равенство не следует понимать конечно в абстрактном смысле буржуазной социологии, особенно в смысле абсолютной уравниловки мелкобуржуазных теоретиков. Здесь речь идет о равенстве людей, обусловленном недифференцированностью процесса производства, отсутствием эксплуатации, привязанностью индивида к родовым узам. Тот факт, что мужчина потребляет в большей степени мясную, а женщина растительную пищу, что старшему поколению достается лучшая часть, что добыча делится не на геоме-

¹⁾ Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 160.

²⁾ Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 61.

³⁾ Ленин, Лекция о государстве.

трически равные части, а нередко в зависимости от участия в трудовом процессе, конечно не дает права отрицать, подобно Кушнеру (см. цит. предисловие, стр. VIII), существование первобытного равенства. Нельзя забывать, что каждой эпохе свойственно свое понимание равенства. В то время как для буржуазии XVIII века равенство означало уничтожение феодальных привилегий, для современного пролетариата оно означает уничтожение классов и торжество коммунизма, но вовсе не абсолютное равенство всех и во всем. Для первобытного общества это прежде всего родовое, внутриобщинное равенство, при котором все относятся друг к другу как равноправные члены одной и той же производственной группы. Вождь еще не стоит вне группы или над ней, не выделяется как собственник больших богатств, он только руководитель и участник производственного процесса, исполнитель обычаев и воли племени. Он еще не эксплуатирует своих соплеменников, и власть его ограничена в сущности рамками той необходимости, которую диктует общественная организация производства. Его авторитет покоится не на накопленном богатстве, не на эксплуатации экономически зависимых от него соплеменников, а на традиции, авторитете, освященном либо обычаем, либо личными заслугами.

Все эти свойственные первобытному обществу черты и особенности, которые отнюдь не являются «простой фикцией», как это вопреки фактам утверждает Кунов, заставляют рассматривать его как единую общественную формацию. «С приобретением новых производительных сил,—писал Маркс,—люди меняют свой способ производства, а со способом производства они меняют все экономические отношения, являющиеся лишь необходимыми отношениями данного и определенного способа производства»¹⁾. Первобытный способ производства в этом отношении ничем не отличается от прочих, и ему соответствуют совершенно определенные экономические отношения, которые, по словам Маркса, «в каждом обществе образуют одно целое»²⁾.

Для всего доклассового общества в целом при всем разнообразии встречающихся там хозяйственных форм и исторических стадий характерен один и тот же тип отношений владения—коллективный, доминирующий в нем полностью и целиком. Это значит, что производитель всегда непосредственно и по большей части коллективно соединен с орудиями производства. Несмотря на то, что сами отношения владения претерпевают на протяжении истории доклассового общества серьезные изменения, эти изменения нигде не носят еще характера революционного скачка. Они совершаются внутри одной и той же экономической структуры. Распределение важнейших средств производства отдает их всегда во власть коллектива; этот коллектив, меняющийся в формах организации, представляет собой все же лишь различные исторические ступени развития одной и той же социальной структуры.

Этот коллектив всегда и на всех ступенях владеет сообща всеми важнейшими средствами производства, постепенно уступая более или менее значительную часть их во владение отдельным индивидам, лишь постепенно освобождаясь от «пуповины естественно родовых связей». Этот коллектив весь участвует в производственном процессе, лишь понемногу освобождая от него некоторых своих членов, нигде еще впрочем не образующих конституированной социальной группы. Наконец, этот коллектив мыслит себя как единство с очень слабым выделением индивида, наделенного, по выражению Маркса, «родовым» сознанием, которое лишь очень туго и медленно разлагается под влиянием растущей производительной силы труда. Все это дает основание установить на протяжении всего доклассового общества един-

¹⁾ Письма Маркса и Энгельса.

²⁾ Маркс, Ницета философии, стр. 106.

ство в развитии социальной структуры, рассматривать это общество как единую экономическую формацию, формацию "первобытного коммунизма".

Эту точку зрения весьма недвусмысленно сформулировал сам Маркс, говоря: «Архаическая или первичная формация земного шара состоит из целого ряда наслоений различных периодов, из которых одни лежали на других. Точно так же архаическое образование общества (разрядка наша — А. З.)¹» открывает перед нами ряд различных типов, отмечающих собой последовательные эпохи»²). Отлично учитывая многообразие форм и периодов, наслаивающихся друг на друга наподобие геологических пластов, вполне оценивая богатство и сложность эволюционных процессов доклассового общества, Маркс тем не менее считает возможным рассматривать его как единое «архаическое образование общества»³), заменяя только романское «формация» немецким «Bildung».

Это не случайная оговорка. В первом черновике письма к Засулич Маркс несколько раз повторяет, что сельская община встречается в Индии «всегда в форме последнего этапа или последнего периода архаической формации»⁴). «Сельская община выявляется повсюду как новейший тип архаической формации общества»⁵), а «процесс эволюции сельской общины» является процессом перехода от общей собственности к частной собственности, процессом перехода от первичной формации к вторичной формации»⁶). В последних словах Маркс ясно указывает и на differentia specifica первичной формации: общую собственность. Впрочем это было сформулировано им еще в «Немецкой идеологии». «Первой формой собственности,—читаем мы там,—является родовая собственность. Последняя соответствует неразвитой ступени производства, на которой народ живет охотой, рыболовством, скотоводством или в лучшем случае земледелием»⁷).

Точно так же, как Маркс, Ленин ставил период первобытного родового коммунизма без всяких оговорок в один ряд с рабством, феодализмом и капитализмом, тем самым трактуя его как формацию. В рецензии на книжку Богданова он писал: «Автор излагает содержание науки... не догматически... а в форме характеристики последовательных периодов экономического развития, именно: периода первобытного родового коммунизма, периода рабства, периода феодализма и цехов и наконец капитализма»⁸).

¹) «Архив М. и Э.», т. I, стр. 281.

²) «Не все первобытные общины построены по одному и тому же образцу. Они, наоборот, представляют собою ряд социальных группировок, отличающихся друг от друга и по типу и по давности своего существования и отмечающих фазы последовательной эволюции», там же, стр. 283.

³) Там же, стр. 272.

⁴) Там же, стр. 273.

⁵) Там же.

⁶) Там же, стр. 254. Этот взгляд Маркса проводит неоднократно и Плеханов. «Эта первичная общественная формация соответствует т. н. доисторическому быту человечества»—писал он в статье «О материалистическом понимании истории» (Плеханов, Собр. соч., т. VIII, стр. 249). В другом месте он говорит: «Деревенская община представляет собой не более, как одну из ступеней разложения первобытного коммунизма» (Плеханов, Собр. соч., т. II, стр. 251). Сопоставление приведенных цитат показывает, что Плеханов не только считал все доисторическое общество единой архаической формацией, но и рассматривал ее как коммунистическую. Он неоднократно применяет термин «первобытный коммунизм» к веддам, стоящим еще на доземледельческой стадии (Плеханов, Собр. соч., т. XVI, стр. 100), говорит о «первобытном аграрном коммунизме», о «коммунистической собственности клана» (Плеханов, Собр. соч., т. XXIV, стр. 374) и, наконец, о деревенской общине как одной из ступеней разложения первобытного коммунизма. Таким образом, вся доистория, вся первоначальная или архаическая формация общества охватывается понятием первобытного коммунизма.

⁷) Ленин, Собр. соч., т. II, стр. 372.

Особенно ценно в этом высказывании то, что Ленин не мог читать черновиков письма Маркса к Засулич, и тем не менее его точка зрения на первобытное общество целиком совпала с выводами Маркса. Эта точка зрения, согласно которой доклассовое общество является единой первобытно-коммунистической формацией, целиком совпала с выводами Маркса. В силу изложенных обстоятельств эта точка зрения приобретает исключительную полнокровность и может быть отвергнута только при наличии особенно веских аргументов. Однако, как показано выше, материалы новейшей этнографии и археологии вопреки усилиям буржуазных и социал-фашистских ученых не только не опровергают, но прямо подтверждают ее.

IV. „Производство людей“ и „производство вещей“

Одна из основных заслуг Моргана заключается в том, что он открыл самое простое, обычное, массовидное явление—клеточку первобытного коммунизма, родовой союз. С анализа этого родового или полового союза, заключенных в нем противоречий, его развития, его диалектики и начинается Энгельс анализ первобытного общества. Внимательно прослеживая развитие беспорядочного общения полов в групповой брак, затем превращение группового брака в парный и одновременное возникновение и развитие родового союза, Энгельс подходит наконец к возникновению моногамной семьи, этой клеточки «цивилизованного» общества, по которой можно изучить природу заключенных в нем противоречий. Прослеживая этот диалектический процесс, Энгельс вовсе не занимается изучением второстепенных или надстроечных явлений: он берет самую суть, основное в развитии первобытного коммунизма. «Согласно материалистическому пониманию,— писал он в первом предисловии к «Происхождению семьи»,—определяющим моментом в истории является в конечном счете производство и воспроизводство непосредственной жизни. Но само оно бывает двоякого рода. С одной стороны, производство средств существования—предметов питания, одежды, жилища и необходимых для этого орудий; с другой—производство самого человека, продолжение вида. Общественные порядки, при которых живут люди определенной исторической эпохи и определенной страны, обуславливаются обоими родами производства: степенью развития, с одной стороны, труда, с другой стороны, семьи. Чем меньше развит еще труд, чем ограниченнее сумма его продуктов, а следовательно и богатство общества, тем в большей степени подчинен общественный порядок господству родового союза»¹⁾.

Это замечательное предисловие с давних пор служило излюбленным объектом нападок различных горе-социологов. Кареев, Михайловский, Масарик, Кунов, Каутский единодушно твердят о «проломе» в материалистическом понимании истории, об «ошибке», совершенной Энгельсом «под влиянием» Моргана. С ними полностью согласился Эйльдерман, писавший о «неправильностях», в которых Энгельс «следует за Генри-Люисом Морганом»²⁾, и Альтер, развязно заявивший, что Энгельса можно упрекнуть «в известной недоговоренности и неясности»³⁾.

Было бы скучно приводить многочисленные, однообразные и неумные нападки всех этих «критиков». Можно ограничиться Куновым, яснее других сформулировавшим свои «глубокомысленные» возражения. «Производство

¹⁾ Энгельс, Происхождение семьи, стр. 5—6, изд. 1932 г., перевод исправлен по немецкому изданию 1931 г., на которое я и буду ссылаться.

²⁾ Эйльдерман, Первобытный коммунизм и первобытная религия, стр. 195, изд. 2-е.

³⁾ Альтер, Предисловие к русскому переводу книги Кунова «Марксова теория исторического процесса, общества и государства».

предметов потребления не имеет ничего общего с производством человека, с актом деторождения. Развития производства человека, которое соответствовало бы развитию производства средств к жизни, вовсе не существует. В ходе развития человечества процесс производства и применяемые в нем средства производства, равно как и создаваемые им продукты, непрерывно видоизменялись, и весь этот процесс происходит по определенным общественно обусловленным законам. В то же время производство человека—акт родов, зачатие, развитие зародыша и т. д.—совершается в неизменном виде и по неизменным законам природы. В самом деле, в какой степени изменился акт деторождения? В ходе развития не изменяется этот акт сам по себе, но условия, при которых он происходил и происходит в настоящее время, а именно, общественные условия, т. е. форма заключения браков, форма совместной половой жизни, взаимное отношение супругов и их отношение к детям, обычай, связанные с актом родов, и т. д.»... «Это настолько ясно, по крайней мере для всякого, кто усвоил марксово материалистическое понимание истории, что представляется почти что непонятным, каким образом мог Энгельс координировать производство людей как самостоятельный фактор развития с экономическим развитием»¹).

Вся эта длинная цитата представляет сплошной клубок путаницы. Кунов начинает с того, что сводит все дело к биологическому акту совокупления и деторождения, а потом торжествует свою легкую победу над Энгельсом, который якобы «не создал, что уже в первобытной орде отношение мужского пола к женскому зависит от хозяйственной деятельности»²). Кунов рассуждает как прирожденный метафизик: если производство людей—биологическая категория, то никакого влияния на общественную жизнь оно иметь не может. А поскольку Энгельс признал это влияние, постольку он совершенно разрушил целостность материалистического понимания истории, «потому что такое приравнение полового общения и хозяйственного строя в сущности означает, что только часть социальной жизни определяется хозяйственным строем, другая же часть определяется половой жизнью»³). Но прежде всего Энгельс нигде и никогда не утверждал, что «социальная жизнь определяется хозяйственным строем». Эта точка зрения вульгарно экономического, а не материалистического понимания истории. Защищая Энгельса от нападок Михайловского, Ленин писал, что теория Маркса и Энгельса «состояла в том, что для «осуществления» истории надо искать основы не в идеологических, а в материальных общественных отношениях»⁴).

Маркс и Энгельс вовсе не говорили «непрерывно об экономической теории».

«Их основная идея... состояла в том, что общественные отношения делятся на материальные и идеологические». «Уж не думает ли господин Михайловский, что отношения по детопроизводству принадлежат к отношениям идеологическим?»⁵).

Эти отточенные ленинские формулировки бьют не в бровь, а в глаз Кунову. Энгельс рассматривал отношения по детопроизводству как отношения материальные, т. е. входящие в базис общественной жизни. Но он нигде и никогда не утверждал, что они не зависят от развития экономических отношений, тут Кунов попросту лжет. Энгельс определенно заявляет: «Чем меньше развит труд..., тем в большей степени подчинен общественный порядок господству родового союза». «Орудие дикаря,—говорит Энгельс,—обу-

¹) Кунов, Марксова теория исторического процесса, т. II, стр. 123.

²) Там же, стр. 123.

³) Там же, стр. 124.

⁴) Ленин, т. I, стр. 69.

⁵) Там же, стр. 70.

славливает его общество в совершенно той же мере как новейшее орудие—капиталистическое общество»¹⁾.

В этом направлении Кунов терпит явное фиаско. Не спасает его и упорное и плоское подчеркивание биологического содержания отношений по детопроизводству. «Для грудных детей, что ли, рассказываете это вы, господин Михайловский, что детопроизводство имеет физиологические корни? Но что вы зубы-то заговариваете»—возражал Ленин Михайловскому и опять не в бровь, а в глаз попал теоретiku современного социал-фашизма. Энгельс во всяком случае не хуже Кунова понимал, что в ходе исторического развития изменялся не акт деторождения, но условия, при которых он происходил. Но сверх того Энгельс понимал, что производство людей наряду с биологической имеет и социальную сторону. Первобытное общество возникло из животного стада, внутри которого процесс размножения был чисто биологическим процессом, основанным на инстинкте продолжения вида. В первобытном обществе, будучи попрежнему процессом поддержания человеческого вида, он в то же время превратился в общественный процесс воспроизводства социальных отношений: производство людей выступает теперь как воспроизводство рабочей силы. Сам человек является основной производительной силой первобытного общества. Это обуславливается чрезвычайно низким уровнем развития орудий труда, которые первоначально составляют простой придаток к рабочей силе самого человека. Поэтому-то воспроизводство человека выступает как важнейшая форма воспроизводства общественных отношений. Эту мысль Маркс и Энгельс не заимствовали у Моргана. Еще в «Немецкой идеологии» они писали: «Третье отношение, вменяющееся здесь с самого начала в ход исторического развития, заключается в том, что люди, которые ежедневно наново производят свою собственную жизнь, начинают производить других людей, начинают размножаться: это отношение между мужем и женой, родителями и детьми, это семья. Эта семья, являющаяся вначале единственным социальным отношением, впоследствии, когда умножившиеся потребности порождают новые общественные отношения, а размножившееся население порождает новые потребности, приобретает... подчиненный характер»²⁾ (разрядка наша.—А. З).

Человеческое стадо, выросшее из стада животного, знало первоначально только один тип социальных отношений—отношений по полу и родству, являвшихся примитивной формой трудовых, производственных отношений. Семья «есть простейшая и первичная форма обобществления в целях производства»—писал Энгельс («Анти-Дюринг»). Это значит, что в первобытном обществе, на низших ступенях развития, когда степень обобществления труда и овладения природой ничтожна, половой союз играет огромную роль в общественной структуре, являясь основной формой связи между производителями. Конечно эта производственная связь установлена в «общественном производстве своей жизни», но она выступает в форме родственных связей. Производственные отношения охватывают круг лиц, связанных отношениями родства, первоначально не выходя за его рамки. Лица, связанные этими отношениями, несут различные обязанности, в том числе и экономические. Отношения производства выступают в своеобразной форме кровного родства, абстрагироваться от которого значит абстрагироваться от специфической природы самих отношений по производству. Последние неизбежно носят коммунистический характер. Коллективному производству соответствуют коллективное отношение собственности и коллективные формы распределения. Но возникновение этого коммунизма невозможно понять, не учтя значения «полового» или «родственного» союза.

¹⁾ «Архив М. и Э.», т. I (VI).

²⁾ «Архив М. и Э.», т. I, стр. 219—220.

«Этот первобытный тип кооперативного или коллективного производства,— писал Маркс,— был, разумеется, результатом слабости обособленной личности, а не обобществления средств производства»¹⁾.

Первобытный человек объединялся в группы, покоившиеся не на высокой степени обобществления труда, но на родственной связи, половом союзе. Именно поэтому Маркс и Энгельс неоднократно говорят об «общинах, покоящихся на кровном союзе», «об обществе, покоящемся на кровном родстве своих членов». Условием существования первобытной общины Маркс считал низкую ступень развития производительных сил, которая имела в качестве дополнения «тесную связанность отношений людей в рамках процесса, создающего их материальную жизнь», «связанность с пуповиной естественно родственных связей». Родовые связи выступают как форма производственных отношений. Именно это хотел сказать Энгельс, указывая, что чем меньше развит труд, тем сильнее господство полового союза над обществом. Выясняя различия сельской и родовой общины, Маркс дал следующую замечательную характеристику «родовых союзов»: «Все другие общины покоятся на отношении кровного родства между их членами. В них допускаются лишь кровные или усыновленные родственники. Структура этих организмов есть структура генеалогического дерева. Перерезая пуповину, связывающую их с природой, «сельская община» становится первой социальной группировкой свободных людей, не связанных кровными узами»²⁾.

Своеобразие первобытных производственных отношений заключается в том, что они выступают еще в форме естественно выросших отношений родства. Сказать, что производственные отношения первобытного общества— коммунистические отношения, значит сказать еще далеко не все. Коммунистические отношения характерны и для высшего коммунизма, но разница между двумя типами коммунизма обусловлена различными степенями развития производительных сил, определяющих особое качество производственных отношений.

Для первобытного коммунизма последнее дано в том, что это—отношения родового коммунизма, в том, что коммунизм ограничен рамками родового союза, возникшего на основе низкой степени развития производства. Поэтому процесс развития первобытного общества и образование общества классового был в то же время процессом освобождения индивида от пуповины естественно родовых связей, процессом распада кровных уз, процессом разложения естественно выросшей коллективной родовой собственности. «Где существует общность, будь то общность земли или жен, или чего бы то ни было, там она непременно является первобытной, перенесенной из животного мира. Все дальнейшее развитие заключается в постепенном отмирании этой первобытной общности»³⁾.

Кунов и прочие «критики» марксизма абсолютно не поняли диалектической постановки вопроса о родовых связях, данной Энгельсом. Но не лучше понял ее наш молодой исследователь т. Кричевский. На его статье «Морган и марксизм-ленинизм» (Сообщение ГАИМК, № 7—8, 1932 г.) следует остановиться, тем более, что она является единственной в нашей литературе статьей, отметившей пятидесятилетие со дня смерти Моргана⁴⁾.

Тов. Кричевский, правильно указав, что «основоположники марксизма-ленинизма боролись против непосредственно экономического объяснения семейно-брачных и родовых отношений первобытного общества», преподносит далее читателю под соусом «поднятия моргановского учения о

¹⁾ «Архив М. и Э.», т. I, стр. 272.

²⁾ Там же, стр. 285. Разрядка моя. — А. З.

³⁾ «Архив М. и Э.», т. I (VI), стр. 218.

⁴⁾ Я не говорю об обстоятельной биографической статье Косвена «Советская этнография», № 2, 1932 г.

развитии семейно-брачных и родовых отношений на неизмеримо более высокую теоретическую ступень» весьма сомнительные вещи. «Непосредственной причиной возникновения брачных запретов, по мнению Энгельса, был инстинкт (естественный отбор)» — пишет т. Кричевский. Мысль, согласно которой непосредственной причиной возникновения брачных запретов, т. е. прежде всего родовой экзогамии, был инстинкт (естественный отбор), а не изменение в экономических и социальных отношениях первобытного общества, составляет стержень всей концепции т. Кричевского.

Это истолкование Энгельса, подменяющее исторический материализм вульгарным дарвинизмом, построено на следующем винегрете из обрывков энгельсовских мыслей: «Постепенное суживание брачного круга заключалось в последовательном исключении все большего и большего числа кровных родственников из полового общения (?). В чем заключалась причина этих все прогрессирующих брачных запретов? Энгельс говорит «об инстинктивном стремлении ограничить браки внутри семьи» («Происхождение семьи», стр. 47), о том, что «стремления воспрепятствовать кровосмешению проявляются то тут, то там, действуя однако инстинктивно и ощупью, без ясного сознания цели» (там же, стр. 44)¹).

Прежде всего нельзя не удивиться сопоставлению инстинкта с естественным отбором: это настолько различные понятия, что поразительно, как мог т. Кричевский их отождествить. Очевидно, имея одинаково смутное представление как о первом, так и о втором, он построил себе лазейку: если отпадет инстинкт, останется естественный отбор, если отпадет естественный отбор, останется инстинкт. В подкрепление инстинкта как непосредственной причины в брачных запретах он приводит два отрывка из «Происхождения семьи». В первом из них говорится: «Эта (брачно-классовая) организация возникла в ту пору, когда при всем инстинктивном стремлении ограничить браки внутри семьи люди еще не видели ничего ужасного в половом общении между родителями и детьми». В подлиннике однако это место звучит несколько иначе: «Diese Organisation entstand zu eine Zeit wo man, bei allem Dunkel in Drang die Inzucht zu beschränken» и т. д. (разрядка наша.— А. З.). Таким образом никаких инстинктов и в помине нет. Они сочинены переводчиком. Во втором месте, полностью процитированном т. Кричевским, говорится: «Der Drang nach Verhinderung der Inzucht wächst sich ober und abermals, geltend aber ganz naturwüchsig — tastend, ohne klares Bewusstsein des Ziels» (S. 28, разрядка наша.— А. З.). И здесь нет никакого инстинкта. И здесь он сочинен переводчиком. Действительный смысл этих мест заключается в подчеркивании того, что брачные запреты вводились не сознательно, не как результат действовавших по обдуманному плану людей, как это утверждает ряд буржуазных этнологов, но вследствие каких-то стихийно, помимо воли людей действовавших причин.

Наконец, тезис Кричевского о постепенном сужении брачного круга, которое якобы заключалось в последовательном исключении все большего числа кровных родственников из полового общения, также принадлежит переводчику. Если т. Кричевский, прежде чем приступить к «марксистско-ленинской переработке моргановских выводов», дал бы себе труд проверить цитируемые места по оригиналу, то он убедился бы, что Энгельс говорит о сужении супружеской общности (gemeinschaft), а не общения, т. е. замене промискуитета групповым браком, а группового брака — парным, а во все не о развитии брачных запретов.

Итак, выходит, что теория Кричевского принадлежит не Энгельсу и не Кричевскому, а переводчику. Но у Кричевского есть в запасе еще один ко-

¹ Кричевский, Сообщения ГАИМК, № 7—8, стр. 30, 1932 г.

зырь—естественный отбор, о котором действительно говорил не переводчик, а сам Энгельс. Но как говорил? Если внимательно отнестись к соответствующим местам, то станет очевидно, что никакого об'яснения причин происхождения брачных запретов Энгельс не давал. Неизученность самого явления, неопределенность объема и круга брачных запретов, находившихся тогда в первой стадии изучения, не позволили Энгельсу приступить к выполнению подобной задачи. Ведь недаром Морган, на материал которого главным образом опирался Энгельс, признал причины этого явления «неясными». «Переход от одной формы семьи к другой был вызван постепенным исключением родных братьев и сестер из брачных отношений, зло которых не могло ускользнуть от человеческой наблюдательности. Невозможно исследовать обстоятельства (events), приведшие к освобождению от этого зла, однако мы имеем некоторые данные, по которым можно заключить, как совершилась эта перемена»¹⁾.

Как показывает эта цитата, для Моргана причины запрещения брака внутри рода были неясны, и он вовсе не пытался об'яснить это запрещение действием естественного отбора. Он только указывал, что всеобщее распространение экзогамии у прогрессирующих племен представляет собой «превосходную иллюстрацию того, как действует принцип естественного подбора», т. е. другими словами, все «способные к прогрессу племена» либо должны были ввести экзогамию, либо были обречены на вымирание»²⁾. Но для того, чтобы начать действовать, естественный отбор предполагает уже существующим тот признак, который им подхватывается и развивается в дальнейшем. Следовательно естественный отбор мог еще кое-как об'яснить нам превосходство племени, практикующего экзогамию, над племенами, не практикующими ее, но для выяснения причин происхождения экзогамии это решительно ничего не дает. Именно это говорил Энгельс, излагая мнение Моргана о развитии брачных запретов, и ничего более³⁾. Он не мог видеть в естественном отборе или инстинкте непосредственной причины происхождения экзогамии уже потому, что это означало бы признание за биологическими закономерностями решающей роли на целом отрезке истории. Далее, допустив, что непосредственной причиной брачных запретов был инстинкт или (!) естественный отбор, пришлось бы признать их существование с самого начала общественной жизни. Поскольку же сейчас твердо установлено, что брачные запреты возникли далеко не сразу, но на сравнительно высокой ступени общественного развития, по всей вероятности в Ориньякскую эпоху, то приходится выводить их не из каких-либо биологических, но из социальных отношений. Все это заставляет заключить, что ни инстинкт, ни естественный подбор не в состоянии об'яснить причин возникновения экзогамии. Ведь сам же Кричевский, очевидно испугавшийся собственной смелости, спешит оговориться: «Характер действия инстинкта как непосредственной причины брачных запретов был в конечном счете обусловлен всем развитием первобытно-коммунистического общества». «В самом деле. Возможна ли родовая организация в царстве животных? Возможна ли родовая организация в капиталистическом обществе? Возможна ли, наконец, родовая организация на низшей ступени дикости? На все эти вопросы возможен только отрицательный ответ»⁴⁾. Следовательно все разговоры об инстинкте и естественном под-

¹⁾ Морган, Первобытное общество, стр. 408. В англ. изд. 1906 г. стр. 424.

²⁾ Там же, стр. 409.

³⁾ См. Engels, Ursprung, 30—31. У Энгельса сказано: «Nach Morgan Wort's, etc».

⁴⁾ Сообщения ГАИМК, стр. 30, 1932.

боре как о непосредственных признаках брачных запретов оказались пустыми разглагольствованиями. Для марксизма все это азбука.

Методология Кричевского удивительно напоминает взгляды Каутского, столь блестяще разбитые Энгельсом в его вновь опубликованных письмах. Каутский, так же как Кричевский, полагал, что основным фактором, определившим развитие семьи в первобытную эпоху, был инстинкт, и не инстинкт «вообще», да еще с естественным отбором в скобках, а вполне определенный инстинкт — ревность. По его словам, «первичной формой отношений между полами у человека была не общность, а моногамия»¹⁾, основывающаяся на том, что «естественное чувство ревности (разрядка наша.—А. З.) требует единоличного обладания любимым предметом»²⁾. Энгельс жестоко высмеял Каутского, тащившегося в хвосте у дарвинистов. «Психологическое объяснение ревностью подставляет позднейшие воззрения и опровергается сотнями фактов (о чем ниже),—писал он.—Дарвин в этой области так же мало авторитетен, как и в экономике, откуда он заимствует свое мальтузианство»³⁾.

«Если что-либо установлено прочно, так это то, что ревность — чувство, развившееся относительно поздно»⁴⁾. Теория «естественной ревности» резко противоречит фактам. Настаивая на изначальности моногамии, Каутский все же вынужден допустить позднейшие появления группового брака. По этому поводу Энгельс пишет: «Прежде всего я считаю абсолютно недопустимым, что Вы, оспаривая общность жен как первобытное явление, хотите ее снова привести как явление вторичное. Где существует общность, будь то общность земли или жен или чего бы то ни было, там она непременно является первобытной, перенесенной из животного мира. Все дальнейшее развитие заключается в постепенном отмирании этой первобытной общности; нигде и нигде мы не находим такого случая, чтобы из первоначального частного владения развивалась в качестве вторичного явления общность»⁵⁾.

Новейшие этнографические материалы целиком подтверждают взгляды Энгельса. В его время единственным известным случаем группового брака были брачные отношения у гиляков и у некоторых племен юго-восточной Австралии, где эти права носили уже формальный характер, находя свое реальное осуществление только на некоторых праздниках и собраниях племени. Но в 90-х годах прошлого столетия Гоуитт, Спенсер и Гиллен обнаружили групповой брак реально существующим в повседневной жизни наиболее примитивных племен центральной Австралии. Ожесточенные нападки реакционной части буржуазных ученых оказались безрезультатными, и ни одному из них не удалось доказать, что институт пирауру (добавочных жен) является позднейшим образованием, возникшим на основе якобы ранее существовавшего индивидуального брака. В печатающейся в настоящее время статье нам удалось показать⁶⁾, что как раз у этих племен наряду с материнскими родами сохранились еще пережитки наиболее примитивной техники, совершенно исчезнувшей в других частях Австралии. Этим относительно древности племен с групповым браком и материнской филиацией по сравнению с племенами, разбившимися уже индивидуальный брак и отцовский род, устанавливается с наибольшей точностью, и приоритет группового брака находит себе решительное подтверждение. За пределами Австралии групповой брак был

¹⁾ Каутский, Возникновение брака и семьи, стр. 28, изд. 3-е, 1923 г.

²⁾ Там же, стр. 30.

³⁾ «Архив М. и Э.», т. I (VI), стр. 216.

⁴⁾ Энгельс, Происхождение семьи, стр. 35.

⁵⁾ «Архив М. и Э.», т. I (VI), стр. 218.

⁶⁾ «Каменные орудия австралийцев. Опыт стадийного расчленения австралийских племен». Предварительное экспозе этой статьи было представлено нами проф. В. К. Никольскому, опубликовавшему его в хрестоматии «Религии наименее культурных племен».

найден у чукчей, у индейцев-павниев, у черноногих и у тода (Индия). Несомненные следы его известны в Южной Америке и у эскимосов ¹⁾. Такой знаток социальной организации примитивных народов, каким был Риверс ²⁾, пришел к выводам, в общем подтверждающим Моргана и Энгельса. До самого последнего времени теории группового брака придерживается корифей буржуазной науки Джеймс Фрезер ³⁾. С защитой его выступил автор капитального труда «The Mothers» новозеландец Бриффолт ⁴⁾ и американец Кальвертон ⁵⁾.

Таким образом фактический материал, накопленный современной этнографией, вопреки «ученым» потугам буржуазных теоретиков целиком и полностью подтверждает взгляды Энгельса на первобытный коммунизм и групповой брак.

¹⁾ Bogoras, The Chukchee, Jesup North Pacific Expedition. Lesser «Man», 1930; Wissler, Blackfoot Social Life, Anthropological Papers of the American Museum of Natural History, v. VII, p. I, 190, p. 12; Rivers, The Toda, London, 1907; Quevedo, Guarani Kinship terms as index of Social Organisation, American Anthropologist, v. 21 (N. S.), p. 423; Bancroft, Native Races of Pacific States, v. I, p. 82; Загоскин, Пешеходная опись русских владений в Америке, стр. 45, 1847 г., и др.

²⁾ См. его Social Organisation, L. 1926; History of Melanesian Society, L. 1913. и др. раб.

³⁾ Frazer, Totemism and Exogamy, v. I и IV, 1910; также сокращенное резюме всех его работ, изданное в 1931 г. на нем. языке.

⁴⁾ Briffault, The Mothers, London, 1927, v. I—III.

⁵⁾ Calverton, American Journal of Sociology, 1931, March.

КРИТИКА

И БИБЛИОГРАФИЯ

Первый опыт

„Архив истории науки и техники“, вып. I. Труды Института истории науки и техники при Академии наук Союза ССР, Л., 1933 г., 231 стр., ц. (в пер.) 15 руб., тир. 1500)

Выход «Архива» — немаловажное событие для всех, кто интересуется историей науки и техники.

История техники, ставшая лишь недавно предметом преподавания в наших вузах, до сих пор не имеет мало-мальски достаточной опоры в литературе. И советская и дореволюционная русская литература в области истории науки и техники была бедна как в количественном, так и в качественном отношении. Чтобы удовлетворить существующую потребность, мы вынуждены были прибегнуть к переводу филистерской работы Даннемана, да и тут не пошли дальше первого тома. В данных условиях почин Академии наук приобретает особенное значение и дает основание рассчитывать, что марксистская наука прочно закрепит свои позиции на этом участке знания, важность которого подчеркивали и Маркс и Ленин. При этом естественно конечно было ожидать, что редакция обеспечила книгу статьями методологического порядка и во всяком случае уделила надлежащее внимание марксистскому анализу конкретных моментов истории науки и техники. Посмотрим, в какой степени эти ожидания сбываются.

По разделу истории науки в первом выпуске «Архива» имеются статьи акад. Рождественского, М. Шателена, С. Лурье, И. Боричевского и В. Лебединского. Акад. Рождественский с увлечением, которое передается даже читателю-неспециалисту, излагает эволюцию учения о строении материи. Революция, происшедшая в основных учениях физики за последние 20 лет, отмечает он, по значению своему не уступает эпохе XVI—XVII вв., а по темпам далеко ее превосходит.

Наряду с этим нам приходится отметить исключительную силу и глубину толчка, сообщенного науке трудами Нильса Бора, Эйнштейна, Шредингера, Дирака. Физикам пришлось не просто затронуть проблемы времени, пространства, причинности, но и дать на них, исходя из потребностей своей науки, определенный ответ. То же самое понадобилось им сделать и в отношении одной из основных проблем философии — возможности и пределов постижения действительности. Философия, вообще не пользующаяся особым почетом у представителей точного знания, получила здесь подлый реванш. Изучение атома вынуждает подвергнуть критическому пересмотру ньютоновские, механистические представления о пространстве и времени. Математические формулы Шредингера и подмена абсолютного детерминизма «облегченным», допускающие случайность не как форму необходимости (Энгельс), а как самостоятельный реальный порядок или, вернее,

беспорядок явлений и отрицающие закономерность, требуют углубленного анализа и критики с точки зрения материалистической диалектики.

Однако ни акад. Рождественский, видимо без оговорок принимающий идеалистические философские выводы из уравнений квантовой механики Шредингера, ни редакция, ограничиваясь лишь особым примечанием к статье, где она оговаривает свое несогласие с автором, не подошли к этой задаче. Между тем вне всякого сомнения, что рассуждения Шредингера и акад. Рождественского и в особенности Гейзенберга в связи с принципом неопределенности являются ярким примером физического идеализма. Не понимая того, что измерение есть лишь способ познания действительности, и неизбежно допустимые при этом измерении ошибки суть лишь плод несовершенства нашего знания или его методов, физики-идеалисты из необходимости оперирования категориями случайности и вероятности делают вывод об индетерминизме в самой природе. Поэтому грубейшей ошибкой махистского порядка является всякая попытка внедрения на этом основании «допусков» в самую природу в качестве имманентно ей присущих. Как случайность, так и вероятность суть лишь формы, под которыми скрывается необходимость. Всякое отклонение от этой истины ведет прямым или кружным путем к антинаучному идеализму и подмене физических закономерностей прихотью властительного духа, т. е. бога.

Наряду с вопросами философии статья акад. Рождественского касается и некоторых вопросов теории и методологии научного творчества. Из них наиболее ягучими являются проблемы случайности и плановости в научном открытии, колоссально возросшее значение коллективного творчества в науке и взаимодействие чистого и прикладного знания.

Из других статей этого раздела интересна статья И. Боричевского, вносящая некоторые новые моменты в оценку значения Даламбера для истории материализма. Сопоставляя законченную механистическую философию Ньютона с начатками конкретного историзма и, так сказать, вкусом к категории качества, проявляющимися в рассуждениях Даламбера, Боричевский приходит к выводу, что Даламбер должен пользоваться значительно большим вниманием со стороны марксистской мысли, нежели то, которое уделялось ему до сих пор. Вывод этот основан на материале, мало использованном в нашей литературе и небезынтересно оформленным даже с чисто литературной стороны. Знаменателен и вполне отчетливо выраженный в статье отход автора от его прежних механистических позиций.

Однако вместе с тем статья Боричевского показывает, что в смысле пересмотра своих прежних теоретических установок автору предстоит еще большая работа. В статье допущен ряд ошибок, свидетельствующих о том, что механистическая точка зрения автором далеко еще не преодолена. Прежде всего о методе исследования. Автор «ставит своей задачей восстановить одну из забытых страниц истории знания» (стр. 71). «Попытаемся, — пишет Боричевский, — применить к нашему предмету метод историко-научной типологии». Зачем понадобился Боричевскому этот метод? Оказывается только для того, чтобы передоверить всю критику Ньютона Даламберу, который принадлежал к группе великих французских материалистов XVIII в. и следовательно был глубоко проникнут традициями механистического мышления. По мнению Боричевского, «нынешнему историку науки нет нужды самому производить оценку Ньютона. Она уже сделана полтора столетия тому назад великим французским математиком» (стр. 75). Считая, что вся критика Ньютона проделана Даламбером, Боричевский оставил без внимания все развитие точных знаний за 150 лет и, что характерно вообще для механистов, примкнул к заговору молчания вокруг «Диалектики природы» Энгельса и его критики Ньютона.

Для «Архива» в целом характерна и пестрая идеологическая чересполосица. Наряду с работами представителей меньшевистствующего идеализма и механицизма в нем нашлось место и для явно идеалистических построений. Самым ярким проявлением такого подхода к истории науки является «пожалуй» статья М. Сергеевко

«Предтечи прикладной ботаники в античном мире». Прежде всего, почему только «предтечи»? Вообще в планах института поражает обилие работ, пестрящих такими «предтечами»: «Предтечи электромашиностроения», «Предтечи сухопутного транспорта» и т. д. Не пора ли перейти к самим проблемам?

Автор статьи «Предтечи ботаники» страдает потребительской (в истории человечества и техники) точкой зрения. На основе богатейшего анализа общественных форм Маркс устанавливает, что «экономические эпохи отличаются не тем, что производятся, а тем, как производится, какими способами» («Капитал», т. I, гл. V, стр. 121). Поэтому история техники, т. е. история «производительных органов общественного человека», составляет костяк истории данного общества. Сергеев (и очевидно редакция сборника) думает иначе. В самом начале своей работы автор недоумевает, почему «никому не приходило на ум заинтересоваться маком, которым посыпали пироги, съеденные два тысячелетия назад» («Архив», стр. 103). Причину такого забвения автор видит в том, что мак — огородное растение. «Пшеница, — смело заключает Сергеев, — предписывала войну и мир, заключала союзы и распоргала их, выводила колонии, закигала (где?) и тушила (когда?) революции. Чеснок и капуста никогда не делали истории... А между тем овощи заслуживают внимания» (стр. 103).

На основании такой порочной, антисоциальной установки Сергеев, очевидно для краткости, переходит прямо к истории огурца, считая ее небезынтересной и для «современного ботаника-агронома». Последнее замечание звучит прямо издевкой над советским читателем, потому что ничего кроме художественных описаний пиришеств римлян в статье автора не найдешь.

Вот примеры: «К началу Римской империи огурцы продолжали вести глухое и незаметное существование где-то на задворках огородного мира» (стр. 104) — сокрушается Сергеев. «Огурец в I веке надо искать не в крестьянских хижинах и не в буржуазных кругах, — он устроился при дворе, где судьба его была упрочена вкусами обоих первых императоров» (стр. 105). Вот, по Сергееву, истинная причина развития ботаники. Свое любование античными огурцами автор заканчивает следующей глубокомысленной тирадой: «По своему «социальному положению» огурец занимает там место совсем иное, чем у нас: у нас — демократический овощ, там — он свой в привилегированных слоях и редко спускается вниз» (стр. 112). О вкусах не спорят, и редакции может казаться особенно актуальной проблема античного огурца. Боясь однако, что чрезмерная изысканность этих вкусов затруднит использование «Архива» тем кругом читателей, для которого он повидимому предназначен.

Статья проф. В. К. Лебединского «Максвелл и электротехника» сопоставляет учение Фарадея с математическими обобщениями Максвелла. Проблема поставлена интересно, но решение ее отсутствует. В результате рассуждений Лебединского получается повторение задов и неумение выйти за пределы голы констатации фактов, т. е. подняться до подлинно научного обобщения. Читая Лебединского, невольно вспоминаешь замечание Энгельса о том, что «философия мстит естествоиспытателям задним числом за то, что последние игнорируют ее». Для Лебединского прежде всего характерно стремление протащить старую теорию «чистой науки». Величайшее значение Максвелла состоит в том, что он перевел идеи Михаила Фарадея, творца электромагнитной индукции, на математический язык и открыл широчайшие возможности применения их в технике. Лебединский думает иначе. «Нельзя представлять себе, — говорит он, — дело так, что сама книга Максвелла придала крылья техникам. Максвелл не писал для техники, не отвечал ее запросам и не имел в виду прогресса ее» (стр. 100). Лебединский впадает здесь в самый плоский идеализм. Автор проводит здесь резкую грань между наукой и техникой. «Вся электротехника, — пишет далее Лебединский, — получила от науки готовый (!) комплекс законов явлений, т. е. можно сказать, возникла вся целиком из науки» (стр. 102). «Под «наукой» же я разумею научные библиотеки; они действительно обогатились». Узкий, академический взгляд на

науку! Непонимание действительных причин развития электротехники, рассуждение о Максвелле вне времени и пространства—вот что характерно для работы проф. Лебединского. А между тем стоило ему внимательно вдуматься в следующие слова Энгельса, и работа приобрела бы совершенно иное направление. В письме к своему другу Штаркенбергу Энгельс писал: «Наука определяет развитие техники. Но в свою очередь техника в значительно большей степени определяет развитие науки... Об электричестве мы стали знать кое-что разумное только с тех пор, когда появилась практическая применимость его». Это указание вскрывает истинное положение вещей и кстати позволяет судить об утверждении Лебединского и других, что основой метода Фарадея была интуиция. Кстати и для действительного понимания Максвелла небезынтересна даваемая Лебединским характеристика, хотя и беглая, той роли, которую играли на разных этапах теоретической работы Максвелла изготовленные им механические модели. Заслуживает внимания также описание «расширяющихся кругов», порожденных электромагнитной теорией света и распространивших ее значение далеко за пределы оптики.

С. Лурье трактует «о влиянии египетской геометрии на греческую». Едва ли не единственный из авторов «Архива», он пытается проиллюстрировать на своем материале правильность теории исторического материализма, избрав для этой цели вопрос о факторах, определявших уровень геометрических знаний в эллинистическо-римскую эпоху и с VII—IX вв. нашей эры. К сожалению, доказательства, приводимые С. Лурье, скудны и поверхностны как раз в той части, которая устанавливает связь земледельческой экономики с наукой. Обстоятельный анализ приписываемых Герону теорем делает статью интересной для историков точных наук и заставляет желать, чтобы автор, до сих пор работавший главным образом над историей античной общественной мысли, уделил подобающее внимание и развитию точного знания в Элладе и древнем Риме. Речь проф. Шателена в приличествующих юбилею тонах характеризует метрологические искания Менделеева.

Еще слабее историко-технический раздел «Архива». Входящие в его состав статьи являются по преимуществу собранием сырых материалов, притом не всегда отвечающих тем требованиям, которые предъявляются к подаче этих материалов в научном журнале. Прежде всего относится это к статье В. Гана, избравшего благодарную тему о развитии советского с.-х. машиностроения.

Успехи первой пятилетки и задачи освоения новой техники, поставленные перед страной т. Сталиным на январском пленуме ЦК ВКП(б), потребуют ряда научных трудов об итогах первой пятилетки в отдельных отраслях техники. Если институт думает, что статья Гана является вкладом в эту работу, то он ошибается. Дальше количественных сравнений «у нас и у них» автор не пошел. Общепринятое и прочно установившееся в советской экономической науке деление истории нашего хозяйственного строительства на восстановительный и реконструктивный периоды Ганом не принимается. И наконец главное: историю нашей технической политики мы должны изучать не ради истории прошлого, а для лучшего понимания путей ее дальнейшего развития. У Гана же все проблемы берутся изолированно. Не показано например, какие громадные преимущества дает социалистическое применение тракторов и комбайнов (трактор в САСШ в году работает 240 часов, а в СССР 4.200 часов). Противоречие между тихоходностью наших сельхозмашин и быстрыми темпами работ (краткие, спрессованные сроки всех с.-х. операций) никак не проследжено автором. А между тем именно здесь находится ключ к дальнейшим технологическим изменениям конструкций машин. Так например плуг при более быстрых скоростях работы трактора становится бесполезен, так как не обеспечивает нужной структуры почвы. Переход к фрезе как орудью обработки почвы очевидно является одним из путей этих исканий. Эти и им подобные исследовательские проблемы сельхозмашиностроения Ганом даже не ставятся. Фактические материалы, использованные автором, общеизвестны. Социально-историческое освещение вопроса отсутствует. И наконец статья В. Гана ни одним словом не касается вопроса о качестве продукции нашего с.-х. машиностроения, т. е. решающего вопроса, который более, нежели

всякий другой, требует научного подхода. Все вместе заставляет поставить эту статью на уровень, не возвышающийся над ведомственными сборниками и средней руки брошюрами, уровень, совершенно недостаточный для академического издания. Столь же сырой, но значительно менее известный материал содержат статья И. Кулишера о с.-х. машиностроении в Англии и Америке и очерк Каменского о технологическом процессе Нижнетагильского завода XVIII в. Значительно серьезнее статья Е. Цейтлина (о чесально-прядильной машине Гликова), дающая образец умелого сочетания экономических и технических элементов темы. Не лишен интереса для истории металлургии обзор Б. Богаевского «Олово в Средиземноморьи».

Библиографии отведено 15 страниц. Даны отзывы о восьми книгах, из которых одна русская, одна украинская, остальные — иностранные. Для издания, посвященного новому у нас предмету, этого явно недостаточно. Ассортимент рассматриваемой в отделе литературы случаен. Журнальная библиография отсутствует полностью, не реферируются даже «Beiträge zur Geschichte der Technik und der Industrie».

Характер рецензий совершенно неудовлетворителен. Большинство из них страдает жеманным академизмом и идеологической беззубостью. В качестве примера возьмем рецензию И. Раскина об эклектической и поверхностной книжке Дахшлегера «Очерки развития промышленной техники», встретившей единодушное осуждение в наших журналах.

«Архив» ничего лучшего не нашел, как возвеличить Дахшлегера. Рецензент, захлебываясь, утверждает, что в книге показан процесс развития техники во всех его основных противоречиях» (!). На самом деле автор о таких премудростях даже и не подозревает.

Какую медвежью услугу читателю оказывают подобного рода рецензии, совершенно понятно.

В целом первый опыт Института истории следует признать неудавшимся. Материал подобран без плана, и в обработке его за малым исключением не чувствуется редакционного руководства. Методологические проблемы не затронуты. Марксистскому рассмотрению отдельных эпох и эпизодов из истории науки и техники не уделено мало-мальски достаточного внимания. Некоторые из этих недостатков признаются в предисловии «от редакции», которая кроме неизбежной ссылки на трудности извиняет себя еще и тем, что предварительное аккумулярование материала тоже принесет пользу науке. Плохое извинение в устах марксистской редакции. Предварительным аккумулярованием предмета буржуазная литература занимается уже много лет, и те же «Beiträge» содержат прямо необозримое количество материала. Нужно конечно заниматься этим делом и у нас, но этим нельзя ограничиться, ибо где же тогда мы найдем подлинное, а не на словах выполнение завета Маркса о создании критической истории технологии? Редакция утешает нас отсылкой в будущее, когда появятся подготовляемые ею «большие научные труды по истории науки и техники». Утешение слабое. Нажать на марксистское, научное качество работы нужно сейчас, безотлагательно. Никаких серьезных оснований уклоняться от этого нет. Рассматривая первый выпуск «Архива» как неудачное начало нужного и большого дела, ждем, что второй даст меньше поводов для мягкой «самокритики» редакции и больше оснований для удовлетворения читателей.

Н. ВОЛКОВ, И. ИЛЬИНСКИЙ.

Отклики читателей

Редакция «П. З. М.» получила за последнее время ряд писем по поводу вопросов, затронутых в статьях И. Е. Тамма и В. Егоршина (№ 2 нашего журнала за текущий год).

Печатаем ниже выдержки из письма П. Ромадина (Саранск, Пединститут), озаглавленного: «Не только критиковать марксистов-физиков, но и работать вместе с ними».

Тов. Ромадин пишет:

«Интересная полемика между проф. И. Е. Таммом и т. Егоршиным, развернувшаяся на страницах журнала «Под знаменем марксизма» (№ 2, 1933 г.), и не менее интересное сообщение редакции по этому вопросу вызвали большой интерес к важнейшим методологическим вопросам со стороны рядовых работников-физиков. Несомненно, что основная масса научных работников-физиков выступит сторонником т. Егоршина и других марксистов, которые действительно взялись за перестройку физики на марксистско-ленинской основе, положив в основу своей работы глубокие мысли Маркса, Энгельса, Ленина в области диалектики природы. Советские специалисты действительно ближе стоят к марксизму, чем думает проф. И. Е. Тамм, обрушивающийся на т. Егоршина и других марксистов-физиков. Критика, развернутая проф. И. Е. Таммом, вызвана не желанием оказать помощь этим товарищам в весьма трудной задаче, а наоборот, стремлением свести всю их работу к нулю. Конечно он этого не достиг.

В своей статье т. Егоршин уже показал, что проф. И. Е. Тамм в своих работах не пытается даже встать на марксистско-ленинский путь, а наоборот, он очень далек от этого».

Тов. Ромадин останавливается на некоторых местах книги И. Е. Тамма «Основы теории электричества», «которая является одним из весьма немногих учебников по теории электромагнитного поля»:

«На стр. 58 этого учебника, говоря о линиях сил электрического поля, проф. И. Е. Тамм пишет следующее: «Физики XIX в. долгое время стремились объяснить электромагнитные явления деформациями и вихревыми движениями особой всепроникающей гипотетической среды—эфира и полагали, что силовые линии совпадают с осями деформации (или осями кручения), испытываемой эфиром в электрическом поле».

Однако к началу XX в. выяснилась полная несостоятельность механистической теории эфира, и в настоящее время, пользуясь понятием «силовых линий», нужно помнить, что понятие это имеет условно-вспомогательное значение и что силовые линии служат лишь для графического изображения направления электрического вектора».

«Итак, если ученые XIX в.,—пишет т. Ромадин,—считали, что силовым линиям соответствуют вполне реальные изменения и процессы (правда механические), то для проф. Тамма силовые линии представляют собой чисто условно-вспомогательные понятия. Конечно неправы были физики XIX в., представляя себе качественно более высокие электромагнитные процессы упрощенно механистическими, и эту сторону в их учении нужно отбросить, но и нельзя же электрические силовые линии, обусловленные взаимодействием электрических зарядов и эфира (поскольку мы признаем его реальность), сводить просто к формально-математическому понятию. Очевидно здесь нужно проф. Тамму встать не на путь голого отрицания реальности силовых линий, а на путь отыскания их конкретного, реального смысла и содержания»

Редакционная коллегия
журнала «П. З. М.»

В. В. Адоратский, А. М. Деборин, Э. Кольман,
А. А. Максимов, М. Б. Митин, М. Н. По-
кровский, А. К. Тимирязев, П. Ф. Юдин

Уполномоченный Главлита № В-69316. Сдано в набор 20/X—33 г. Подписано к печати 19/XI—33 г. Зак. № 2404 Изд. № 1029. Тираж 40.000.

Типография газеты «Правда». Москва, ул. им. Горького, 48.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦН ВКП(б) „ПРАВДА“

**ОТКРЫТА
ПОДПИСКА на 1934 ГОД**

НА ЖУРНАЛ

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

ОРГАН ИККИ

15-й год издания

Выходит 3 раза в месяц

«КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ»—орган Исполкома Коминтерна—освещает вопросы международного революционного движения.

Сохранив характер руководящего органа ИККИ, **«КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ»** поставил себе задачу обслуживания самых широких слоев партийного актива. Для этого **«КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ»** привлекает в 1934 году к участию в журнале более широкий круг авторов как из секций Коминтерна, так и из работников Исполкома Коммунистического интернационала и из теоретических кадров Советского союза.

Каждый **ПАРТИЕЦ, АКТИВИСТ, ПРОПАГАНДИСТ**, желающий быть в курсе международной революционной борьбы и желающий ориентироваться в актуальных проблемах Коминтерна и его отдельных секций, **ДОЛЖЕН ЧИТАТЬ ЖУРНАЛ «КОМИНТЕРН».**

Подписная цена на 1934 год:

на 1 мес. —	1 р. 20 к.
на 3 мес. —	3 р. 60 к.
на 6 мес. —	7 р. 20 к.
на 12 мес. —	14 р. 40 к.

Цена отдельного номера 40 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ на почте, письмоносцами и уполномоченными по партпечати при партячейках

Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

**ОТКРЫТА
ПОДПИСКА НА 1934 ГОД**

**НА ДВУХМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ И
ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ**

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

13-й год ИЗДАНИЯ

**Журнал выходит под редакцией: Покровского М. Н., Адоратского В. В.
Митина М. В., Кольмана Э., Юдина П., Максимова А. А., Деборина А. М.,
Тимирязева А. К.**

Журнал «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» — боевой орган марксизма-ленинизма — ведет решительную борьбу за генеральную линию партии, против всяких уклонов от нее, проводя последовательно во всей своей работе ленинский принцип партийности философии.

В области философии журнал «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» ведет неуклонную борьбу на два фронта: с механистической ревизией марксизма как главной опасностью современного периода, с меньшевистствующим идеализмом и со всякого рода вульгаризаторством и упрощенчеством в марксистской теории.

Важнейшей задачей «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» являются действительное выполнение намеченной для него Лениным программы, разработка ленинского этапа развития диалектического материализма, освящение материалистической диалектики в работах т. Сталина, беспощадная критика всех антимарксистских и, следовательно, антиленинских установок в философии, общественных и естественных науках, как бы они ни маскировались.

Журнал «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» разрабатывает теорию материалистической диалектики, вопросы исторического материализма в тесной связи с практикой социалистического строительства и мировой революцией.

Журнал «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» объединяет для выполнения этих задач воинствующих материалистов-диалектиков, систематически вырабатывая большевистски выдержанные философские кадры.

«ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» имеет постоянные отделы: Ленин и ленинизм, материалистическая диалектика, исторический материализм, история материализма, история социализма, критика фашизма и социал-фашизма, отдел теоретической экономики, теории советского хозяйства, естествознания и техники, литературы и искусства, психологии; антирелигиозный отдел, дискуссионный отдел, отдел работы семинаров ИКП; критика и библиография; отдел переписки с читателями, сообщения и заметки.

«ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» рассчитан на активных работников партии, преподавателей и слушателей комвузов, вузов, рабфактов, марксистских кружков, товарищей, занимающихся самообразованием, и т. п.

Подписная цена на 1934 год:

на 1 год — 18 руб., на $\frac{1}{2}$ года — 9 руб., на 2 мес. — 3 руб.

Цена отдельной книжки 3 руб.

Подписка принимается всеми почтовыми отделениями, конторами Союзпечати, всеми письмоносцами, книжными магазинами Книгоцентра, организаторами подписки на предприятиях и в учреждениях.